

ПОСЫЛКА

Ричард Матесон

Annotation

Американский писатель Ричард Матесон, создавший десятки увлекательнейших рассказов, романов и киносценариев, снискал себе мировую славу. Его считает своим учителем «король ужасов» Стивен Кинг. По его рассказу великий Стивен Спилберг снял свой знаменитый фильм «Дуэль», его роман о вампирах «Я — легенда» перевернул законы жанра, а роман «Куда приводят мечты», также экранизированный, стал одним из наиболее запоминающихся среди произведений о жизни после смерти.

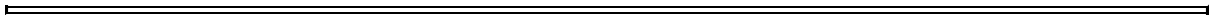
В 2009 году выходит экранизация рассказа Ричарда Матесона «Посылка» – один из самых ожидаемых мистико-приключенческих фильмов года от культового режиссера Ричарда Келли, создателя блестящего мистического триллера «Донни Дарко».

- [Ричард Матесон](#)
 - [Посылка](#)
 - [Никаких вампиров не существует!](#)
 - [Завершающий штрих](#)
 - [День расплаты](#)
 - [Из мест, покрытых тьмой](#)
 - [Ударная волна](#)
 - [Проценты](#)
 - [Услуги на дом](#)
 - [Ах, эта Джулия!](#)
 - [Октябрь](#)
 - [Декабрь](#)
 - [Звонок издалека](#)
 - [Deus ex machina\[5\]](#)
 - [Дуэль](#)
 - [Распространитель](#)
 - [20 июля](#)
 - [23 июля](#)
 - [27 июля](#)
 - [1 августа](#)
 - [5 августа](#)
 - [15 августа](#)

- [23 августа](#)
- [31 августа](#)
- [14 сентября](#)
- [15 сентября](#)
- [23 сентября](#)
- [27 сентября](#)
- [28 сентября](#)
- [Блистательный источник](#)
- [На краю](#)
- [Визит к Санта-Клаусу](#)
- [Немой](#)
- [Дело в шляпе](#)
- [Добыча](#)
- [Зов смерти](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
- [Дорогой дневник](#)
 - [10 июня 1954 года](#)
 - [10 июня 3954 года](#)
 - [XXXX](#)
- [Дети Ноя](#)
- [Тереза](#)
 - [23 апреля](#)
 - [25 апреля](#)
 - [26 апреля](#)
 - [27 апреля](#)
- [Стальной человек](#)
- [Призраки прошлого](#)
- [Человек-праздник](#)
- [Белое шелковое платье](#)
- [Тест](#)
- [Похороны](#)
- [Рожденный от мужчины и женщины](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

Ричард Матесон
Посылка

Посылка

А Вас всегда понимают?.. Пакет лежал прямо у двери — картонная коробка, на которой от руки были написаны фамилия и адрес: «Мистеру и миссис Льюис, 217-Е, Тридцать седьмая улица, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк». Внутри оказалась маленькая деревянная коробка с единственной кнопкой, закрытой стекляннм колпачком. Норма попыталась снять колпачок, но он не поддавался. К днищу коробочки скотчем был прикреплен сложенный листок бумаги: «Мистер Стюарт зайдет к вам в 20.00».

Норма перечитала записку, отложила ее в сторону и, улыбаясь, пошла на кухню готовить салат.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

— Я открою! — крикнула Норма с кухни. Артур читал в гостиной.

В коридоре стоял невысокий мужчина.

— Миссис Льюис? — вежливо осведомился он.— Я мистер Стюарт.

— Ах да...

Норма с трудом подавила улыбку. Теперь она была уверена, что это рекламный трюк торговца.

— Разрешите войти? — спросил мистер Стюарт.

— Я сейчас занята. Так что, извините, просто вынесу вам вашу...

— Вы не хотите узнать, что это?

Норма молча повернулась.

— Это может оказаться выгодным...

— В денежном отношении? — вызывающе спросила она.

Мистер Стюарт кивнул:

— Именно.

Норма нахмурилась.

— Что вы продаете?

— Я ничего не продаю.

Из гостиной вышел Артур.

— Какое-то недоразумение?

Мистер Стюарт представился.

— Ах да, эта штукавина...— Артур кивнул в сторону гостиной и улыбнулся.— Что это вообще такое?

— Я постараюсь объяснить,— сказал мистер Стюарт.— Разрешите войти?

Артур взглянул на Норму.

— Как знаешь,— сказала она.

Он заколебался.

— Ну что ж, входите.

Они прошли в гостиную. Мистер Стюарт сел в кресло и вытащил из внутреннего кармана пиджака маленький запечатанный конверт.

— Внутри находится ключ к колпачку, закрывающему кнопку,— пояснил он и положил конверт на журнальный столик.— Кнопка соединена со звонком в нашей конторе.

— Зачем? — спросил Артур.

— Если вы нажмете кнопку,— сказал мистер Стюарт,— где-то в мире умрет незнакомый вам человек, а вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Норма уставилась на посетителя широко раскрытыми глазами. Тот улыбался.

— О чем вы говорите? — недоуменно спросил Артур.

Мистер Стюарт был удивлен.

— Но я только что объяснил.

— Это шутка?

— При чем тут шутка? Совершенно серьезное предложение...

— Кого вы представляете? — перебила Норма.

Мистер Стюарт смутился.

— Боюсь, что я не смогу ответить на этот вопрос. Тем не менее заверяю вас: наша организация очень сильна.

— По-моему, вам лучше уйти,— заявил Артур, поднимаясь.

Мистер Стюарт встал с кресла.

— Пожалуйста.

— И захватите вашу кнопку.

— А может, подумаете денек-другой?

Артур взял коробку и конверт и вложил их в руки мистера Стюарта. Потом вышел в прихожую и распахнул дверь.

— Я оставлю визитку.— Мистер Стюарт положил на столик возле двери карточку и ушел.

Артур порвал ее пополам и бросил на стол.

— Как по-твоему, что все это значит? — спросила с дивана Норма.

— Мне плевать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

— И ни капельки не любопытно?..

Потом Артур стал читать, а Норма вернулась на кухню и домыла посуду.

— Почему ты отказываешься говорить об этом? — спросила Норма.

Не прекращая чистить зубы, Артур поднял глаза и посмотрел на ее отражение в зеркале ванной.

— Разве тебя это не интригует?

— Меня это оскорбляет,— сказал Артур.

— Я понимаю, но...— Норма продолжала накручивать волосы на бигуди,— но ведь и интригует?.. Ты думаешь, это шутка? — спросила она уже в спальне.

— Если шутка, то дурная.

Норма села на кровать и сбросила тапочки.

— Может быть, какие-то исследования проводят психологи?

Артур пожал плечами.

— Может быть.

— Ты не хотел бы узнать?

Он покачал головой.

— Но почему?

— Потому что это аморально.

Норма забралась под одеяло. Артур выключил свет и наклонился поцеловать жену.

— Спокойной ночи.

Норма сомкнула веки. Пятьдесят тысяч долларов, подумала она.

Утром, выходя из квартиры, Норма заметила на столе обрывки разорванной карточки и, повинувшись внезапному порыву, кинула их в свою сумочку.

Во время перерыва она склеила карточку скотчем. Там были напечатаны только имя мистера Стюарта и номер телефона.

Ровно в пять она набрала номер.

— Слушаю,— раздался голос мистера Стюарта.

Норма едва не повесила трубку, но сдержала себя.

— Это миссис Льюис.

— Да, миссис Льюис? — Мистер Стюарт, казалось, был доволен.

— Мне любопытно.

— Естественно.

— Разумеется, я не верю ни одному вашему слову.

— О, все чистая правда,— сказал мистер Стюарт.

— Как бы там ни было...— Норма сглотнула.— Когда вы говорили, будто кто-то в мире умрет, что вы имели в виду?

— Именно то, что говорил. Это может оказаться кто угодно. Мы

гарантируем лишь, что вы не знаете этого человека. И безусловно, вам не придется наблюдать его смерть.

— За пятьдесят тысяч долларов?

— Совершенно верно.

Она насмешливо хмыкнула.

— Чертовщина какая-то...

— Тем не менее таково наше предложение,— сказал мистер Стюарт.— Занести вам прибор?

— Конечно нет! — Норма с возмущением бросила трубку.

Пакет лежал у двери. Норма увидела его, как только вышла из лифта. «Какая наглость! — подумала она.— Я просто не возьму его».

Она вошла в квартиру и стала готовить обед. Потом вышла за дверь, подхватила пакет, отнесла его на кухню и оставила на столе.

Норма сидела в гостиной, потягивая коктейль и глядя в окно. Немного погодя она пошла на кухню переворачивать котлеты и положила пакет в нижний ящик шкафа. Утром она его выбросит.

— Наверное, забавляется какой-нибудь эксцентричный миллионер,— сказала она.

Артур оторвался от обеда.

— Я тебя не понимаю.

Они ели в молчании. Неожиданно Норма отложила вилку.

— А что, если это всерьез?

— Ну и что тогда? — Артур недоверчиво пожал плечами.— Чего бы ты хотела — вернуть устройство и нажать кнопку? Убить кого-то?

На лице Нормы появилось отвращение.

— Так уж и убить...

— А что же, по-твоему?

— Но ведь мы даже не знаем этого человека.

Артур был потрясен.

— Ты говоришь серьезно?

— Ну а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за двести тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?

— А если это какая-нибудь малютка из Пенсильвании? — возразил Артур.— Прелестная девушка с соседней улицы?

— Ты нарочно все усложняешь.

— Какая разница, кто умрет? — продолжал Артур.— Все равно это убийство.

— Значит, даже если это кто-то, кого ты никогда в жизни не видел и не увидишь,— настаивала Норма,— кто-то, о чьей смерти ты даже не узнаешь, ты все равно не нажмешь кнопку?

Артур пораженно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать, что ты нажмешь?

— Пятьдесят тысяч долларов.

— При чем тут...

— Пятьдесят тысяч долларов, Артур,— перебила Норма.— Мы могли бы позволить себе путешествие в Европу, о котором всегда мечтали.

— Норма, нет.

— Мы могли бы купить тот коттедж...

— Норма, нет.— Его лицо побелело.— Ради бога, перестань!

Норма пожала плечами.

— Как угодно.

Она поднялась раньше, чем обычно, чтобы приготовить на завтрак блины, яйца и бекон.

— По какому поводу? — с улыбкой спросил Артур.

— Без всякого повода.— Норма обиделась.— Просто так.

— Отлично. Мне очень приятно.

Она наполнила его чашку.

— Хотела показать тебе, что я не эгоистка.

— А я разве говорил это?

— Ну,— она неопределенно махнула рукой,— вчера вечером...

Артур молчал.

— Наш разговор о кнопке,— напомнила Норма.— Я думаю, что ты неправильно меня понял.

— В каком отношении? — спросил он настороженным голосом.

— Ты решил,— она снова сделала жест рукой,— что я думаю только о себе...

— А-а...

— Так вот, нет. Когда я говорила о Европе, о коттедже...

— Норма, почему это тебя так волнует?

— Я всего лишь пытаюсь объяснить,— она судорожно вздохнула,— что думала о нас. Чтобы мы поехали по Европе. Чтобы мы купили дом. Чтобы у нас была лучше мебель, лучше одежда. Чтобы мы наконец позволили себе ребенка, между прочим.

— У нас будет ребенок.

— Когда?

Он посмотрел на нее с тревогой.

— Норма...

— Когда?

— Ты что, серьезно? — Он опешил.— Серьезно утверждаешь...

— Я утверждаю, что это какие-то исследования! — оборвала она.— Что они хотят выяснить, как при подобных обстоятельствах поступит средний человек! Что они просто говорят, что кто-то умрет, чтобы изучить нашу реакцию! Ты ведь не считаешь, что они действительно кого-нибудь убьют?!

Артур не ответил; его руки дрожали. Через некоторое время он поднялся и ушел.

Норма осталась за столом, отрешенно глядя в кофе. Мелькнула мысль: «Я опоздаю на работу...» Она пожала плечами. Ну и что? Она вообще должна быть дома, а не торчать в конторе...

Убирая посуду, она вдруг остановилась, вытерла руки и достала из нижнего ящика пакет. Положила коробочку на стол, вынула из

конверта ключ и удалила колпачок. Долгое время сидела недвижно, глядя на кнопку. Как странно... ну что в ней особенного?

Норма вытянула руку и нажала кнопку. «Ради нас»,— раздраженно подумала она.

Что сейчас происходит? На миг ее захлестнула волна ужаса.

Волна быстро схлынула. Норма презрительно усмехнулась. Нелепо — так много внимания уделять ерунде.

Она швырнула коробочку, колпачок и ключ в мусорную корзину и пошла одеваться.

Норма жарила на ужин отбивные, когда зазвонил телефон. Она поставила бокал с коктейлем из водки и мартини и взяла трубку.

— Алло?

— Миссис Льюис?

— Да.

— Вас беспокоят из больницы «Легокс-хилл».

Норма слушала будто в полусне. В толкучке Артур упал с платформы прямо под поезд метро. Несчастный случай.

Повесив трубку, она вспомнила, что Артур застраховал свою жизнь на двадцать пять тысяч долларов с двойной компенсацией при...

Нет. С трудом поднявшись на ноги, Норма побрела на кухню и достала из корзины коробочку с кнопкой. Никаких гвоздей или шурупов... Вообще непонятно, как она собрана.

Внезапно Норма стала колотить ею о край раковины, ударяя все сильнее и сильнее, пока дерево не треснуло. Внутри ничего не оказалось — ни транзисторов, ни проводов... Коробка была пуста.

Зазвонил телефон, и Норма вздрогнула. На подкашивающихся ногах она прошла в гостиную и взяла трубку, уже догадываясь, чей голос услышит.

— Вы говорили, что я не буду знать того, кто умрет!

— Моя дорогая миссис Льюис,— сказал мистер Стюарт.— Неужели вы и в самом деле думаете, будто знали своего мужа?

Никаких вампиров не существует!

Проснувшись теплым осенним утром, Алекса, супруга доктора Герии, почувствовала приступ страшной слабости. Несколько минут она неподвижно лежала на спине, уставившись в потолок затуманенными темными глазами. Господи, ее словно выжали! Руки и ноги, казалось, налились свинцом. Может быть, она заболела? Надо сказать Петре, пусть осмолит ее.

Сделав осторожный вдох, Алекса медленно приподнялась на локте. Рубашка сползла до пояса, обнажив грудь. Странно, как могли развязаться бретельки, подумала она, опустив глаза вниз.

И сразу же закричала.

Внизу, в столовой, доктор Петра Герия, вздрогнув, оторвался от утренней газеты. Резко отодвинув стул, он бросил на стол салфетку и через несколько секунд уже мчался по устланному широким ковром коридору, затем — вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки.

В спальне он увидел до смерти испуганную жену, которая сидела на краю постели и с ужасом смотрела на свою грудь. На белоснежной коже ярко выделялось еще не засохшее кровавое пятно.

Доктор отослал горничную, которая застыла на пороге, широко открытыми глазами уставившись на хозяйку. Он запер дверь и быстро вернулся к жене.

— О, Петра,— всхлипнула она.

— Тихонько, тихонько.— Он помог ей снова опуститься на запятнанную кровавую подушку.

— Петра, скажи, что со мной?

— Лежи спокойно, дорогая.— Его руки быстрыми привычными движениями ощупывали ее грудь. Вдруг у доктора перехватило дыхание. Осторожно повернув ее голову, он ошеломленно смотрел на две крошечные ранки на шее, на тонкую полоску полусвернувшейся крови, стекавшей на грудь.

— Горло,— прошептала Алекса.

— Нет, это...— доктор Герия не договорил. Он прекрасно знал, что это такое. Алекса задрожала.— О боже мой...

Доктор поднялся и, с трудом передвигая ноги, подошел к тазу и кувшину с водой. Вернувшись к жене, он смыл кровь; теперь на коже ясно виднелись ранки — две крошечные красные точки возле яремной вены. Поморщившись, доктор прикоснулся к распухшей покрасневшей коже вокруг них. Алекса мучительно застонала и отвернулась, пряча лицо.

— Послушай меня, дорогая,— нарочито спокойно произнес Герия.— Мы не будем слепо поддаваться нелепым суевериям и впадать в панику, ты меня слышишь? Можно найти сколько угодно рациональных объяснений...

— Я обречена,— сказала она едва слышно.

— Алекса, ты поняла, что я сказал? — Он сжал ее плечи.

Повернувшись, она смотрела на него пустыми глазами.

— Ты знаешь, что произошло.

Доктор судорожно глотнул. Во рту все еще чувствовался вкус утреннего кофе.

— Я знаю, на что это похоже,— сказал он осторожно,— и, разумеется, мы не будем упускать из виду даже такую возможность. Однако...

— Я обречена,— повторила она.

— Алекса! — Доктор Герия порывисто сжал ее руку.— Я никому тебя не отдам! — решительно произнес он.

Деревня Солта, в которой жила примерно тысяча человек, располагалась у подножия гор Вихор, в глухом уголке Румынии. Здесь властвовали древние суеверия. Заслышав, как вдалеке воют волки, крестьяне сразу же осеняли себя крестным знаменiem; дети собирали и приносили домой побеги молодого чеснока, как в других местах — полевые цветы, чтобы повесить на окна. На каждой двери был нарисован крест, каждый носил металлический крестик на шее. Бояться укуса вампира считалось таким же естественным, как какой-нибудь смертельно заразной болезни. Этот страх пронизывал всю жизнь деревни.

Подобные мысли проносились в мозгу у доктора Герии, пока он

наглухо закрывал окна в комнате Алексы. Заходящее солнце окрасило цветом расплавленного металла небо над вершинами гор. Скоро придет ночь; жители Солты будут спать тревожным сном, огражденные от непрошенных гостей надежными запорами и гирляндами чеснока на окнах. Он не сомневался, что теперь все в деревне узнали, что случилось с его женой. Повар и горничная, ставшая свидетельницей происшедшего, уже попросили расчет. Только железная рука управляющего Карела удерживала их от соблазна сразу бросить работу. Но вскоре даже это не поможет. Страх перед вампиром превращает человека в охваченное паникой существо, не подчиняющееся доводам рассудка.

Он ясно видел признаки подобного поведения сегодня утром, когда по его приказу комната Алексы была перерыта сверху донизу в поисках ядовитых насекомых или грызунов. Слуги ступали по полу так осторожно, как будто он был усеян осколками стекла, их глаза округлились от страха, пальцы то и дело судорожно тянулись к крестам, висевшим на шее. Они заранее знали, что никаких следов насекомых или крыс найдено не будет. Герия сам прекрасно понимал это. Все же, разъяренный тупостью слуг, доктор постоянно понукал их и в результате напугал еще больше.

Он с улыбкой повернул голову.

— Ну вот. Сегодня ночью ни одно живое существо сюда не проникнет.

В глазах жены мелькнул ужас, и доктор сразу же спохватился.

— Вообще ничего не проникнет, дорогая,— поправился он.

Алекса неподвижно сидела на кровати; тонкая, белая, словно фарфоровая, рука прижата к груди, пальцы сжимали стершийся серебряный крестик, который она сегодня достала из шкатулки и надела. Алекса не надевала его с тех пор, как они поженились, и он подарил ей другой, усыпанный бриллиантами. Как это типично для девушки, выросшей в деревне: в момент смертельной опасности надеяться на защиту невзрачного крестика, который ей надели в здешней церкви как символ приобщения к Христу! Какой же она еще ребенок! Герия нежно улыбнулся, глядя на жену.

— Это тебе не понадобится, дорогая моя,— сказал он,— сегодня ночью ты будешь в полной безопасности.

Ее пальцы еще теснее сомкнулись вокруг креста.

— Нет-нет, если желаешь — носи его,— торопливо продолжил он.— Я имел в виду, что буду рядом всю ночь.

— Ты останешься здесь, со мной?

Он сел на кровать и взял ее за руку.

— Неужели ты думаешь, что я могу оставить тебя хоть на миг? — произнес он.

Через полчаса Алекса крепко спала. Герия придвинул к постели стул и сел поудобнее, приготовившись провести бессонную ночь. Он снял очки, помассировал переносицу. Затем, тяжело вздохнув, перевел взгляд на жену. Господи, какая удивительная красавица! У доктора перехватило дыхание.

— Никаких вампиров не существует,— шепнул он сам себе.

Глухой размеренный стук... Герия что-то пробормотал во сне, рука непроизвольно дернулась. Стук стал громче; затем откуда-то из темноты послышался встревоженный голос... «Доктор, доктор!» — настойчиво звал его кто-то.

Герия подскочил на стуле, протирая глаза. Какое-то мгновение он растерянно смотрел на запертую дверь.

— Доктор Герия! — снова позвал его Карел.

— Что? Что такое?

— Все в порядке?

— Да-да, все в по...

Герия повернулся к кровати и хрипло вскрикнул. Ночная рубашка Алексы снова была порвана на груди. Кровавые капли чудовищной росой покрывали ее шею и грудь.

Карел покачал головой.

— Закрытые окна не спасут от этой твари, господин,— сказал он.

Высокий и стройный, Карел возвышался над кухонным столом, где лежало столовое серебро, которое управляющий чистил, когда вошел его хозяин.

— Вампир способен превратить себя в пар и проникнуть в

любое, самое крошечное, отверстие.

— Но ведь там был крест! — выкрикнул Герия. — Он до сих пор висит у нее на шее; никаких следов на нем... Кроме крови, — добавил он дрогнувшим голосом.

— Этого я понять не могу, — мрачно произнес Карел. — Крест должен был защитить ее.

— Но почему я ничего не заметил?

— Вампир одурманил вас своими дьявольскими чарами, господин. Радуйтесь еще, что он не тронул и вас.

— Мне нечему радоваться! — Герия стукнул кулаком по раскрытой ладони; лицо его исказилось. — Что мне делать?

— Повесьте в комнате чеснок, — ответил старик. — На окнах, над дверью. Всюду, где есть даже маленькое отверстие.

Герия, погруженный в мрачные мысли, машинально кивнул.

— Никогда в жизни не видел я никаких вампиров, даже представить себе не мог... — сказал он прерывающимся от отчаяния голосом. — А теперь моя собственная жена...

— Я видел вампира, — произнес управляющий, — и однажды собственными руками отправил в ад чудовище, вставшее из могилы.

— С помощью кола?.. — На лице Герии смешались ужас и отвращение.

Старик медленно наклонил голову.

Герия с трудом глотнул.

— Дай бог тебе силы справиться и с этим чудовищем, — сказал он наконец.

— Петра?

Она стала еще слабее, голос был едва слышен. Герия склонился над женой:

— Что, дорогая?

— Сегодня ночью он придет снова, — произнесла она.

— Нет. — Доктор покачал головой. — Это невозможно. Чеснок

защитит от него.

— Мой крест не защитил. И ты тоже не смог.

— Чеснок — верное средство,— сказал Герия.— И еще, посмотри-ка сюда. Видишь? — Он указал на столик рядом с кроватью.— Я приказал принести кофе. Сегодня ночью я не усну.

Алекса закрыла глаза. Ее осунувшееся лицо исказилось, словно от боли.

— Я не хочу умирать,— сказала она.— Пожалуйста, не дай мне умереть, Петра.

— Ты не умрешь. Даю слово: чудовище будет уничтожено.

По телу Алексы пробежала слабая дрожь.

— Но ведь сделать ничего нельзя,— шепнула она.

— Беснадежных положений не бывает,— ответил он.

Снаружи непроглядный мрак окутал дом тяжелым ледяным покрывалом. Доктор Герия сел у постели жены и стал ждать. Спустя час Алекса забылась тяжелым сном. Герия осторожно отпустил ее руку и налил в чашку дымящийся кофе. Отпивая обжигающе-горький напиток, он медленно обвел глазами комнату. Дверь заперта, окна закрыты наглухо, все отверстия завешены чесноком, на шее Алексы — крест. Он медленно кивнул. Да, его план должен сработать. Мерзкое чудовище будет наказано.

Он терпеливо ждал, прислушиваясь к собственному дыханию.

Герия распахнул дверь после первого же стука.

— Михаил! — Он порывисто обнял молодого человека, стоявшего на пороге.— Михаил, дорогой мой, я знал, что ты приедешь!

Он, торопясь, повел доктора Вареса в свой кабинет. За окном опускались сумерки.

— А куда подевались все здешние жители? — спросил Варес.— Честное слово, когда проезжал деревню, не заметил ни единой живой души!

— Закрылись в своих лачугах, дрожа от страха,— ответил Герия.

— И мои слуги — тоже. Все, кроме одного.

— Кто же это?

— Мой управляющий, Карел. Он не открыл тебе дверь, потому что сейчас спит. Бедняга, он ведь глубокий старик, а работал за пятерых все это время.— Он крепко сжал руку Вареса.— Милый Михаил. Ты даже представить себе не можешь, как я рад тебя видеть.

Варес обеспокоенно оглядел его.

— Я отправился в путь, как только получил твое письмо.

— И поверь, я способен оценить это,— отозвался Герия.— Я знаю, как трудна и длинна дорога от Клужа до наших мест.

— Но что случилось? — спросил Варес.— В письме только говорилось...

Герия быстро посвятил его в события минувшей недели.

— Михаил, еще немного — и чувствую, рассудок покинет меня! Все бесполезно! Чеснок, волчья ягода, проточная вода — ничего не помогает! Нет, прошу тебя, ни слова! Это не выдумки или суеверия, не плод больного воображения: это происходит на самом деле! Моя жена стала жертвой вампира! С каждым днем она все глубже и глубже погружается в это страшное... страшное оцепенение, и вскоре...— Герия сжал руки.

— И все же я не в силах понять...— пробормотал он прерывающимся голосом.— Просто не в силах понять все это.

— Ну полно, полно, сядь.— Доктор Варес усадил своего старшего коллегу в кресло и поморщился, заметив, как тот исхудал и побледнел. Его пальцы осторожно сжали запястье Герии в поисках пульса.

— Не надо, оставь меня! — протестующе воскликнул Герия.— Алекса, вот кому мы должны помочь! — Он прижал дрожащую руку к глазам.— Но как?

Он позволил своему гостю расстегнуть воротник и обследовать шею.

— И ты тоже,— произнес Варес ошеломленно.

— Какое это имеет теперь значение? — Герия схватил молодого врача за руку.— Друг мой, верный друг,— воскликнул он,— скажи,

что это не я! Скажи: ведь это не я создание, которое медленно убивает Алексу?

Варес выглядел совершенно сбитым с толку.

— Ты? — произнес он. — Но каким образом...

— Да-да, я знаю, — сказал Герия. — Я сам подвергся нападению вампира. И все же тут все непонятно, Михаил! Что это за исчадие ада, неведомое дитя тьмы, которое ничем нельзя отвести? Откуда, из какого богом проклятого места оно выходит? По моему приказу осмотрели каждую пядь земли в округе, прочесали все кладбища, проверили все могилы! Я сам осмотрел каждый дом в деревне! Говорю тебе, Михаил: мы ничего не нашли. Однако существует что-то неведомое, и оно появляется здесь, раз за разом, отнимая часть нашей жизни. Все крестьяне охвачены ужасом — и я тоже! Я ни разу не видел чудовище, не слышал его шагов! И все же каждое утро нахожу свою любимую жену...

Лицо Вареса вытянулось. Он не отрываясь смотрел на своего коллегу.

— Что я должен делать, друг мой? — Голос Герии звучал умоляюще. — Как мне спасти ее?

Варес не знал ответа на этот вопрос.

— И давно она в таком состоянии? — спросил Варес. Он не мог оторвать потрясенного взгляда от мертвенно-бледного лица Алексы.

— Несколько дней, — ответил Герия. — Ей становится все хуже и хуже.

Доктор Варес опустил безжизненно-вялую руку Алексы.

— Почему ты не вызвал меня раньше?

— Мне казалось, что можно что-то сделать, — слабо отозвался Герия. — Но теперь я знаю, что... что все бесполезно.

Варес содрогнулся.

— Но ведь... — начал он.

— Мы испробовали все средства, абсолютно все! — Герия проковылял к окну и невидящими глазами уставился в стекло. Становилось все темнее. — Снова приходит ночь, — прошептал он, — и мы бессильны перед тем, что принесет она с собой.

— Нет, Петра, не бессильны.— Варес растянул губы в фальшивой улыбке и положил руку на плечо Герии.— Сегодня ночью я буду сторожить в ее комнате.

— Бесполезно.

— Вовсе нет, друг мой,— быстро произнес Варес.— А теперь ты должен хоть немного поспать.

— Я не оставлю ее.

— Но тебе необходим отдых.

— Я не могу уйти,— сказал Герия.— Ничто не разлучит нас.

Варес кивнул.

— Да, конечно,— сказал он.— Мы с тобой будем дежурить по очереди, хорошо?

Герия вздохнул.

— Что ж, попробуем,— сказал он без всякой надежды в голосе.

Через полчаса он вернулся в комнату Алексы, держа целый кофейник с дымящимся кипятком, аромат которого едва пробивался сквозь густой запах чеснока, пропитавший все вокруг. Подойдя к кровати, Герия поставил поднос на столик. Доктор Варес придвинул стул поближе.

— Я буду дежурить первым,— сказал он.— А ты поспи, Петра.

— Нет, я не смогу,— отозвался Герия. Он наклонил кофейник, и его содержимое медленно, словно расплавленная смола, потекло оттуда.

— Благодарю,— вполголоса произнес Варес, принимая полную чашку. Герия кивнул и налил себе кофе, потом сел рядом.

— Не знаю, что случится с деревней, если нам не удастся уничтожить чудовище,— сказал он.— Крестьяне обезумели от страха.

— А он появлялся еще где-нибудь? — спросил Варес.

Герия тяжело вздохнул.

— Зачем ему искать другое место? — сказал он устало.— Все, что нужно, он находит здесь.— В его взгляде чувствовалась безнадежность.— Когда нас не станет, вот тогда он найдет новые

жертвы. Люди знают это и ждут. Готовятся к приходу вампира.

Варес поставил пустую чашку на столик и потер глаза.

— Все это кажется совершенно невероятным,— сказал он.— Только подумать: мы, служители науки, бессильны перед...

— Что может сделать наука? — отозвался Герия.— Наука, которая даже не признает существование подобных существ! Если мы приведем в эту комнату лучших ученых мира, как ты думаешь, что они скажут? Друзья мои, вы стали жертвой недоразумения. Вы заблуждаетесь. Никаких вампиров не существует. А то, что случилось, просто ловкое надувательство.

Герия неожиданно умолк и пристально взглянул на молодого доктора.

— Михаил! — позвал он его.

Варес размеренно и тяжело дышал. Поставив на столик чашку кофе, к которому он даже не притронулся, Герия встал и подошел к обмякшему на стуле Варесу. Приподняв веко, он внимательно осмотрел расширенный зрачок Михаила. Что ж, снотворное подействовало быстро. И весьма эффективно. Варес будет без сознания как раз столько времени, сколько необходимо для осуществления плана.

Подойдя к шкафу, Герия вытащил из него докторский чемоданчик и отнес его к постели. Он разорвал ночную рубашку на груди жены и привычными движениями набрал полный шприц крови Алексы: слава богу, сегодня он делает это в последний раз. Быстро продезинфицировав ранку, он подошел к Варесу и выпустил кровь в открытый рот молодого человека, старательно вымазав губы.

Затем Герия отпер дверь. Вернувшись к Михаилу, он поднял бесчувственное тело и вынес в коридор. Карел не проснется: порция опия, подмешанного в пищу, сделала свое дело. Согнувшись под тяжестью тела, Герия шаг за шагом спускался по лестнице. В самом темном углу подвала для Вареса приготовлен деревянный ящик. В нем Михаил будет лежать до рассвета, а утром измотанного, отчаявшегося доктора Петру Герию внезапно осенит и он прикажет Карелу на всякий случай (конечно, трудно, почти невозможно представить себе, чтобы внутри самого дома... но все же) осмотреть чердак и подвал.

Спустя десять минут Герия был уже у постели жены. Он проверил пульс Алексы. Неплохо: она выживет. Боль и мучительный страх, испытанные за эту неделю, послужат ей достаточным наказанием. Что же касается ее любовника...

Впервые с того времени, как они с Алексой вернулись в конце лета из Клужа, на лице доктора Герии появилась широкая довольная улыбка. Блаженные мученики, каким наслаждением будет наблюдать, как Карел вобьет кол прямо в сердце Михаила Вареса, этого мерзкого донжуана!

Завершающий штрих

Холлистер стоял на балконе за дверью, наблюдая, как они занимаются любовью. Его дыхание вырывалось в темноту облачками белого пара. Пальцы рук в серых перчатках непрерывно сжимались, чтобы поддержать кровоток. Ночной воздух, казалось, насквозь пронзает плоть и языками тумана расползается по костям.

А в спальне Рекс Чаппел лежал на кровати со своей женой. На Рексе были лишь штаны от пижамы, на Аманде — прозрачная черная ночная рубашка. У Холлистера комок застрял в горле, когда он увидел, как ее тело отвечает на ласки мужа. Он стиснул зубы, лицо, скрытое тенью фетровой шляпы, побелело. «Уже недолго осталось», — сказал он самому себе. Губы растянулись в недоброй улыбке.

Чаппел теперь снимал с Аманды ночную рубашку. Она томно села на кровати, подняв руки, пока он стягивал рубашку с тяжелых грудей, тянул вверх, открывая зардевшееся, улыбающееся лицо, золотистую россыпь волос, руки цвета слоновой кости, длинные пальцы с алыми ногтями.

Ночная рубашка темной птицей приземлилась на пол. Аманда упала на спину, раскинув руки, сжимая пальцы, словно в призывной мольбе. Чаппел распустил завязку на штанах. Они соскользнули вниз по мускулистым ногам. Аманда, извиваясь, подалась назад, перебираясь на подушки. Холлистер видел, как ее затвердевшие груди резко поднялись и упали. Он увидел, как Чаппел начал склоняться над жаждущим телом, увидел, как она изогнулась дугой, жадно стремясь ему навстречу. «Пора», — решил он. С перекошенным лицом он приоткрыл балконную дверь и вынул из кармана пистолет.

Раздались едва слышные хлопки, когда из дула с глушителем прямо в спину Чаппела вылетело шесть пуль.

Холлистер медленно ехал по городским улицам. Пистолет, с привязанным к нему дополнительным грузом, покоился на дне реки. И Аманда его не увидела. Прижатая к кровати весом мертвого тела, она не стала свидетельницей его бегства. Он вне подозрений. Пусть только попробуют его обвинить.

Вот, к примеру, какой у него мотив? Чаппел был его подчиненным. Человек в положении Холлистера просто не мог желать ничего, что было у Чаппела. За исключением, разумеется, Аманды, но это и в голову никому не придет. Они ведь редко встречались, а когда встречались, он ни словом, ни взглядом не выдал, что хочет ее. Холлистер испустил вздох облегчения. Все-таки вечер выдался замечательный. Идеальное убийство в идеальный момент времени, ведущее к идеальному результату.

Теперь что касается завершающего штриха. Вернуться в дом Чаппела, когда Аманда немного оправится от первого потрясения. Позвонить в дверной звонок и спросить, как там срочная работа, которую он поручил Чаппелу сегодня днем, готова ли уже. Ошеломляющий ответ, потрясенные соболезнования. Приступ дикого восторга при виде помертвевшего лица Аманды, потому что и ее он тоже презирает. Он ощущал к ней только лишенное любви грубое вожделение. Когда придет время, он возьмет ее с тем же нахальством, с каким забрал жизнь ее мужа.

Холлистер улыбнулся. Наконец-то, спустя долгое время, он может хладнокровно думать о Рексе Чаппеле. Он ненавидел Чаппела с того дня, когда тот пришел на работу в корпорацию «Холлистер и Вэр», ненавидел, потому что у Чаппела было все, чего не было у Холлистера: молодость, красота, хорошие манеры. Вечер, когда на корпоративном обеде он увидел Аманду, стал для него последним ударом; этот человек и без того обладает всеми качествами, каких он лишен, однако такая прекрасная и чувственная женщина — это уже чересчур. В тот же вечер он понял, что ради собственного душевного здоровья он обязан уничтожить их отношения и их самих.

Но вот как? Убийство поначалу казалось совершенно неприемлемым. Однако со временем все больше выявлялась его привлекательность, подкрепленная логическими доводами. Он не сможет отбить Аманду у красивого, обаятельного мужа. Не может он надеяться и разрушить карьеру Чаппела. В лучшем случае тот уволится и найдет себе другую работу. В худшем — живой ум Чаппела придумает что-нибудь похитрее его собственных интриг. Нет, физическое уничтожение неизбежно, потому что все прочие достоинства затмевала мужественность Чаппела. Разве может быть лучшая месть, чем истребить эту мужественность в самый миг ее торжества?

И вот теперь она истреблена, и все остальное просто: сначала уход на задний план. Затем ненавязчивые знаки внимания, случайное задумчивое присутствие, доступное плечо, на которое можно опереться в тяжелые времена. Постепенное вторжение, пока в один прекрасный день не возникнет рабская зависимость от него, после чего Аманда, упав, уже не найдет руки, которая снова ее поднимет.

Часы на приборной доске показывали двадцать минут двенадцатого, когда он притормозил перед домом Чаппелов. С момента убийства прошло почти два часа. Достаточно времени, чтобы бесполезную плоть увезли и полицейские задали все свои вопросы. Холлистер обошел машину и прошагал по дорожке к дому. Легко нажал на кнопку звонка, раздался звон колокольчика. Удивительно, до чего он свободно себя чувствует, разумеется, потому, что Чаппел мертв. Застрелить этого проклятого Адониса было все равно что скинуть с плеч тяжкий груз.

Дверь открылась, и Аманда предстала перед ним в алом халате, ее лицо казалось осунувшимся и безжизненным. «Дорогая, что случилось?» — сформировался вопрос в голове Холлистера. Он отмел его прочь. Покажется подозрительным, если он что-нибудь заметит. Он вежливо прикоснулся к краю шляпы.

— Прошу прощения, что беспокою вас в такой поздний час,— сказал он.— Но, боюсь, мне необходимо просмотреть бумаги, которые я сегодня дал мистеру Чаппелу. Понимаете, эти документы для очень важного клиента, и...— Пока он говорил, его глаза выискивали в ее лице следы скорби.

— Входите,— сказала Аманда. Шурша шелком, она отступила назад, и Холлистер, сняв шляпу, вошел внутрь.

— Я помогу вам раздеться,— сказала она.

— Что ж, э...— Холлистер разыграл нерешительность.— Мне на самом деле не стоит...

— Прошу вас,— сказала она.

Все шло даже лучше, чем он надеялся. Холлистер прошел в гостиную, Аманда повесила его пальто и шляпу и последовала за ним.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила она.

Он кивнул.

— Как вы добры,— сказал он.— Немного скотча с водой.— И он снова взглянул ей в лицо, но оно было совершенно непроницаемым. Он-то надеялся на рыдания, слезы, истерику.

Ну что ж, он мысленно пожал плечами. Это ведь тоже реакция, в некотором смысле даже более мощная. Смерть Чаппела потрясла ее настолько, что она оцепенела. «В высшей степени удовлетворительно»,— решил Холлистер. Он с улыбкой опустил на диван и скрестил ноги в безупречно чистых полосатых брюках.

— А где мистер Чаппел? — спросил он невзначай.

— Наверху,— ответила она.

Она стояла к нему спиной, и он разинул рот. Наверху?! Холлистер ощутил, как ледяные пальцы коснулись его сердца. Потом он вдруг понял, и новая волна радости накатила на него, усиливая удовольствие. Она, должно быть, до сих пор не сообщила в полицию! Холлистер содрогнулся. Наверху лежит труп. Внизу убийца пьет виски с водой, который поднесла ему безутешная вдова. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, однако так и есть! Ему пришлось закрыть глаза и сделать глубокий вдох, прежде чем он сумел унять дрожь в теле.

Когда он открыл глаза, Аманда отходила от буфета, шелковый халат, развеваясь, чуть распахнулся. Холлистер ощутил, как напряглись мышцы живота. Он видел очертания ее бедер. Может быть, под халатом на ней вообще ничего нет? Дрожь прошла по его плечам, пока она подносила ему стакан. Передавая ему виски, она вынужденно наклонилась вперед, и взгляд Холлистера не мог избежать ее всколыхнувшихся грудей. Его пальцы дрогнули, соприкоснувшись со стаканом и рукой Аманды.

— А он... э... закончил работать с документами? — спросил Холлистер.

— Да,— ответила она. Она стояла перед ним, как будто в глубоком раздумье.

— Отлично.

Он сделал маленький глоток и закашлялся. Почему она ему не сказала? Он ощущал напряжение в груди и животе, размышляя об этом.

— Я не сообщила в полицию,— сказала Аманда.

Стакан дернулся в руке Холлистера, и он выплеснул немного виски себе на ноги.

— Господи,— услышал он собственное тоненькое восклицание.

Отставив стакан, Холлистер вынул из нагрудного кармана носовой платок и принялся вытирать брюки.

Аманда вдруг села рядом, хватая его за руку.

— Я сказала...— начала она.

— Да. Да, я слышал,— отозвался Холлистер дрожащим голосом.
— А почему вы должны сообщать о чем-то полиции?

Ее пальцы напряглись, когда она развернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, Аманда прерывисто вздохнула, отчего шелк на груди натянулся сильнее. Боже, под халатом на ней действительно ничего нет. Волны жара и холода, сменяясь, прокатывались по спине Холлистера. Он не мог отвести от нее глаз.

— Не нужно надо мной издеваться,— сказала Аманда.

— Издеваться?..— Холлистер уставился на нее, раскрыв рот.

Ужасное рыдание заставило грудь Аманды конвульсивно содрогнуться, и она припала к нему.

— Помогите мне,— умоляла она.— Пожалуйста, помогите.

Губы Холлистера беззвучно шевелились. Он пытался отстраниться от нее, но не смог. Точно так же, как не смог отвести взгляд от расходящихся пол ее халата.

— Миссис Чаппел...— начал он придушенным голосом.

— Возьми меня,— зашептала она.— Ты убил его. Теперь тебе придется удовлетворить меня.— Она рванула на себе халат, и тяжелые белые груди выпали из выреза прямо перед его лицом.— Тебе придется!

Глаза ее бешено сверкали, сжатые зубы скалились. Холлистер ощущал на шее ее жаркое дыхание. Он дрожал от ужаса перед такой внезапной переменой. Все случилось так скоро, так скоро! Он же планировал...

Наверху со стуком распахнулась дверь.

Аманда застыла, ее пальцы впились ему в спину, тело вжалось в него.

— Нет,— выкрикнула она. Ее взгляд впился в лестницу. Взгляд Холлистера метнулся туда же.

Наверху кто-то вышел в коридор, приглушенно бормоча сквозь безумные рыдания.

— Нет,— снова крикнула Аманда.

Холлистер чувствовал, как ее пальцы все сильнее впиваются в спину, пока ему не стало больно.

— Что это? — всхлипнул он.

Она сидела, пригвожденная к месту, и смотрела на лестницу. Низкий, безумный стон вырвался из ее горла.

— Что это такое? — спросил он.

Внезапно задохнувшись, она вжалась лицом ему в грудь и с новой силой вцепилась в спину.

— Рекс! — закричала она.

Тиски сжали сердце Холлистера. Он задыхался, пытаясь что-нибудь сказать, но был не в силах выдавить из себя ничего, кроме бульканья и идиотского мычания. А безумные звуки сверху приближались, кто-то спускался по ступенькам.

— Не дай ему меня забрать,— рыдала Аманда.

Казалось, будто она вросла в его плоть. Холлистер тщетно пытался оторвать ее от себя. Ее сердце ударяло в его грудь тяжким молотом. В висках судорожно стучала кровь. Тяжелые шаги загромыхали по ступенькам. Тело ударилось о перила, сумасшедший стон разнесся по комнате.

— Не дай ему меня забрать! — Голос Аманды срывался на визг.

Холлистер хотел ответить, но изо рта вылетало только придушенное бульканье. Он смотрел на лестницу, и глаза вылезали у него из орбит. «Нет,— думал он.— О господи, нет!»

— Не дай ему меня забрать! — взвизгнула Аманда.

И не успела еще окровавленная фигура ввалиться в комнату, как Холлистер услышал невыносимый визг, от которого завибрировало в

ушах, и через мгновение понял, что это визжит он сам.

— Он признался? — спросила она.

Сержант уголовной полиции медленно кивнул. Он до сих пор не успел оправиться от созерцания полуобнаженной миссис Чаппел, вцепившейся в маленького визжащего человека, пока сам он по ее наущению кружился по гостиной, размахивая испачканными в крови руками.

— Я так и не понял, откуда вы узнали, что это он,— сказал сержант.

Аманда Чаппел невесело улыбнулась.

— Считайте это женской интуицией,— сказала она.

Пять минут спустя сержант Нильсон ехал обратно в участок, размышляя о том, каким удивительным орудием являются женщины. Не было ни малейшего указания, не говоря уже об уликах, что убийцей был этот Холлистер. И только настойчивые просьбы миссис Чаппел, чтобы он подождал вместе с ней, пока появится Холлистер, позволили им получить доказательства; и только ее безумная атака на нервы Холлистера дала им возможность предъявить ему обвинение. Это правда, что под воздействием эмоций убийцы сознаются в содеянном, однако к тому моменту, когда они добрались бы до него, прибегнув к традиционным методам расследования, Холлистер совершенно успокоился бы и никакие допросы уже бы не помогли. Каким бы безумным это ни показалось, Нильсон был вынужден признать, что метод миссис Чаппел, кажется, был единственным, что могло сработать. Он помотал головой в изумленном восхищении. На самом деле, подумал он, эта часть была самой блистательной. Прикосновение Аманды Чаппел стало завершающим штрихом, который прикончил Холлистера.

День расплаты

«Дорогой папа!

Посылаю тебе эту записку в ошейнике Рекса, потому что сам вынужден остаться здесь. Надеюсь, моя записка благополучно дойдет до тебя.

Твое письмо по поводу уплаты налогов я не смог вручить, потому что вдова Блэкуэлл убита. Она наверху. Я перенес ее на постель. Выглядит она кошмарно. Мне бы хотелось, чтобы ты сообщил шерифу и судебному следователю Уилксу.

Что касается маленького Джима Блэкуэлла, я не знаю, где он находится в данную минуту. Он так перепуган, что бегает по дому и прячется от меня. Его, должно быть, здорово напугал тот, кто убил его мать. Он не говорит ни слова. Только мечется по сторонам, словно испуганная крыса. Иногда я вижу в темноте его глаза, а потом они исчезают. У них тут, как ты знаешь, нет электричества.

Я пришел на закате, чтобы отдать твое письмо. Позвонил в колокольчик, но мне никто не открыл, поэтому я толкнул входную дверь и заглянул внутрь.

Все занавески были задернуты. Тут я услышал, как кто-то тихо пробежал через гостиную, после чего ноги застучали по лестнице. Я позвал вдову, но она не ответила.

Я пошел наверх и заметил Джима, который смотрел на меня сквозь ряд балясин. Когда он понял, что я заметил его, он сбежал вниз, в прихожую, и с тех пор я его не видел.

Я осмотрел комнату наверху. Наконец зашел в комнату вдовы Блэкуэлл, она лежала мертвая на полу, в луже крови. Горло у нее было перерезано, глаза широко раскрыты и вытаращены прямо на меня. Кошмарное зрелище!

Я закрыл ей глаза, осмотрел комнату и нашел опасную бритву. Вдова была полностью одета, из чего я заключил, что убийца замышлял только грабеж.

Так вот, папа, прошу тебя, как можно быстрее приезжай с шерифом и судебным следователем Уилксом. Я останусь здесь,

прослежу, чтобы Джим не убегал далеко от дома, а не то он заблудится в лесу. Но приезжай как можно скорее, потому что мне совершенно не нравится сидеть здесь, пока вокруг в потемках рыщет Джим. Люк».

«Дорогой Джордж!

Мы только что вернулись из дома твоей сестры. Газетчикам мы пока не говорили, так что я сам обо всем тебе расскажу.

Я отправил Люка доставить бумаги по уплате налога на недвижимость, и он обнаружил, что твоя сестра убита. Я совсем не в восторге от того, что мне приходится сообщать тебе об этом, но должен же кто-то это сделать. Шериф с помощником уже обшаривают окрестности в поисках убийцы. Они считают, это был какой-нибудь бродяга. Она не изнасилована, и, насколько мы можем судить, из дома ничего не пропало.

Но более всего меня беспокоит маленький Джим.

Этот мальчик может скоро умереть от истощения и даже просто от страха. Он ничего не ест. Иногда проглатывает кусочек хлеба или откусывает конфету, но как только начинает жевать, лицо у него кривится и его сейчас же сильно рвет. Я вообще ничего не понимаю.

Люк обнаружил твою сестру в спальне с перерезанным от уха до уха горлом. Судебный следователь Уилкс утверждает, что это сделано сильной уверенной рукой: рана глубокая и ровная. Мне ужасно не хотелось рассказывать обо всем этом, но, думаю, тебе лучше знать правду. Похороны состоятся через неделю.

Мы с Люком долго бродили вокруг дома, пытаюсь поймать мальчика. Он быстрый, как молния. Джим мечется в темноте и попискивает каким-то крысиным писком. Он показал нам зубы, когда мы наконец-то загнали его в угол с помощью фонаря. У него совершенно белая кожа, а от того, как он закатывает глаза и пускает изо рта пену, просто мороз по коже.

В итоге мы его поймали. Он кусал нас и извивался угрем. А потом совершенно затих, и мы понесли его, по выражению Люка, как бревно.

Мы принесли его в кухню и попытались накормить. Он не съел ни кусочка. Выпил немного молока, причем так, словно совершал

большое преступление. А потом, через секунду, лицо у него исказилось, он раскрыл рот, и все молоко вышло обратно.

Он постоянно пытается от нас сбежать. Не произнес ни единого слова. Он только пищит и бормочет, словно болтающая сама с собой обезьянка.

Мы в итоге отнесли его наверх и уложили в кровать. Он окаменел, как только мы дотронулись до него, и я испугался, что у него вылезут глаза из орбит, так широко он их раскрыл.

Челюсть у него отпала, он уставился на нас, словно мы чудовища или же пришли распороть ему горло, как его матушке.

В свою комнату Джим идти не хотел. Он визжал и бился у нас в руках, как пойманная рыбина. Он упирался ногами в стену, пихался, вырывался, царапался. Нам пришлось надавать ему пощечин, тогда он снова вытаращил глаза и одеревенел, и мы внесли его в комнату.

Когда я раздел его, то оторопел так, как ни разу за всю свою жизнь, Джордж. Этот парнишка сплошь покрыт шрамами и синяками, и на спине, и на груди, словно кто-то связывал и пытал его щипцами, или каленым железом, или бог знает чем еще. У меня мурашки пошли по коже от такого зрелища. Я знаю, поговаривают, вдова была несколько не в себе со смерти мужа, но не могу поверить, что такое сделала она. Это дело рук совершенного психопата.

Джим был сонный, но не смыкал глаз. Он все время оглядывал стены и потолок, и губы у него шевелились, словно он хотел заговорить. Джим застонал низким прерывистым голосом, когда мы с Люком направились к двери.

И не успели мы выйти в коридор, как он завопил во весь голос и затрясся на кровати, словно его кто-то душил. Мы кинулись обратно в комнату, я высоко поднял лампу, но мы ничего не увидели. Я решил, что мальчик помешался от страха и ему что-то мерещится.

Потом, как будто это было подстроено специально, в лампе кончилось масло, и мы вдруг увидели белые лица, смотрящие на нас со стен, с потолка и из окна.

Это был жуткий миг, Джордж, ребенок орал во всю мочь, извивался, но не делал попытки убежать. Люк искал дверь, я старался нашарить в карманах спички, одновременно вглядываясь в эти кошмарные лица.

Наконец я нашел спички, зажег, и лиц больше не было, только половина одного лица на оконном стекле.

Я отправил Люка в машину за маслом. Когда он вернулся, мы снова зажгли лампу, осмотрели окно и поняли, что лицо нарисовано краской, которая светится в темноте. То же самое было с лицами на стенах и потолке. Хватило бы, чтобы напугать до полусмерти и взрослого, подумать только, что кто-то мог сделать такое с комнатой маленького мальчика.

Мы перенесли его в другую комнату и уложили в постель. Когда мы вышли, он спал, вскрикивая и бормоча что-то, чего мы не смогли разобрать. Я оставил Люка сторожить в коридоре перед дверью в комнату. А сам отправился осмотреть дом еще раз.

В комнате вдовы я обнаружил целый шкаф, забитый книгами по психологии. Во всех есть пометки. Я прочитал одно место про эксперимент, в котором крыс доводили до безумия, заставляя их думать, будто еда лежит там, где ее нет. И еще одно, о том, как заставить собаку потерять аппетит и умереть от голода, избивая ее в то время, когда она пытается есть.

Наверное, ты догадываешься, о чем я подумал. Но это такой кошмар, что я с трудом в него верю. То есть я верю в то, что Джим мог обезуметь настолько, чтобы перерезать ей горло. Но он такой маленький, что я с трудом представляю, как бы ему это удалось.

Ты его единственный живой родственник, Джордж, мне кажется, ты должен что-то сделать для мальчика. Мы не хотим отдавать его в приют. Он не сможет там жить. Вот почему я все так подробно описал, чтобы ты сам мог судить.

Есть и еще кое-что. Я поставил пластинку на патефон в комнате мальчика. На ней записаны звуки, похожие на жуткие крики диких животных, но еще кошмарнее пронзительный смех, перекрывающий их.

Вот и все, Джордж. Мы сообщим тебе, если шериф найдет убийцу твоей сестры, потому что на самом деле никто не верит, будто Джим мог сделать такое. Мне бы хотелось, чтобы ты забрал мальчика и попытался вылечить его. До встречи, Сэм Дэвис».

«Дорогой Сэм!

Я получил твое письмо и расстроился сильнее, чем могу

выразить.

Я уже давно знал, что сестра психически нездорова со смерти мужа, но я и понятия не имел, что дело зашло настолько далеко.

Видишь ли, она еще девочкой влюбилась в Филадельфию. В ее жизни больше не было никого. Солнце вставало и садилось только благодаря ее любви к нему. Она так ревновала его, что однажды, когда он отправился на вечеринку с другой девушкой, она разбила руками стекло и едва не истекла кровью.

В итоге Фил женился на ней. Казалось, что счастливей пары и быть не может. Она делала для него все, что угодно. Без него она не мыслила своей жизни.

Когда родился Джим, я навещал ее в больнице. Она сказала мне, жаль, что он не родился мертвым, потому что она знает, насколько важен для Филадельфии сын, а ей ненавистна сама мысль, что Филу будет дорог кто-то кроме нее.

Она всегда плохо обращалась с Джимом. Всегда обижала его. И в тот день, когда три года назад Фил утонул, спасая Джима, она лишилась рассудка. Я был с ней, когда ей сообщили о гибели мужа. Она бросилась на кухню, схватила нож и кинулась бежать по улице, чтобы найти Джима и убить его. В итоге она упала без сознания у дороги, и мы отнесли ее домой.

Она вообще не смотрела на Джима целый месяц. Потом собралась и увезла его в этот дом в лесу. И с тех пор я ее не видел.

Ты и сам понял, что мальчик боится всего и всех. За исключением одного человека. Именно этого и добивалась моя сестра. Она претворяла свой план шаг за шагом. Господи, почему я не понимал этого раньше! В том кошмарном, полном ужасов мире, который она выстроила вокруг мальчика, она оставила ему веру и привязанность по отношению только к одному человеку — к ней. Она была единственным щитом, ограждающим Джима от всех этих ужасов. Она знала это, когда умирала, знала, что Джим окончательно сойдет с ума, потому что в мире не останется никого, к кому он сможет обратиться за утешением.

Полагаю, теперь ты понимаешь, что никакого убийства не было.

Просто побыстрее похороните ее и отправьте ко мне мальчика. На похороны я не приеду. Джордж Барнс».

Из мест, покрытых тьмой

Доктор Дженнингс резко вырулил на тротуар и припарковал машину. Колеса его «ягуара» подняли целый веер брызг. Лево́й рукой он выдернул ключ зажигания, правой распахнул дверцу машины, в одну секунду оказался на улице и нетерпеливо замер на тротуаре, пережидая сплошной поток машин. Он быстро глянул вверх, на окна квартиры Питера Ланга в доме напротив. Что же случилось с Патрицией? Ее голос по телефону показался ему ужасным — дрожащий, перепуганный. Дженнингс опустил глаза вниз и снова увидел перед собой непрерывный поток машин. Как только в этом потоке появился просвет, Дженнингс ринулся в него и перебежал через улицу, едва увернувшись от какого-то лихача.

Стеклянные двери подъезда пневматически закрылись позади. Не теряя ни минуты, Дженнингс бегом бросился к лифту. «Отец, скорее, прошу тебя! Я не знаю, что мне с ним делать!» — Умоляющий голос Патриции снова прозвенел в его памяти. Дженнингс ступил на площадку лифта и нажал на кнопку десятого этажа. «Я ничего не могу объяснить тебе по телефону! Скорее приезжай!» Дженнингс постарался сосредоточиться и бессознательно устоялся на резиновую прокладку дверей лифта.

Конечно, трехмесячной давности помолвка Патриции с Питером Лангом сама по себе внушала опасения. Но даже если и так, он все равно не имел права требовать от дочери расторжения этой помолвки. Ланга вряд ли можно было причислить к разряду богатых прохвостов без стыда и совести. Конечно, Питер дожил до своих двадцати семи лет, так и не столкнувшись с проблемой работы ради заработка. Но он не был ни беспомощным, ни нищим человеком. Питер занимался спортивной охотой и был спортсменом высшего класса, известным во всем мире. Он пользовался огромным авторитетом в кругу своих коллег, у него была слава, были и деньги. Вообще же Питер был человеком добрым и справедливым, не без чувства юмора, любил прихвастнуть. Самое же главное, у Дженнингса сложилось впечатление, что Ланг очень сильно любит Патрицию.

Может быть, все дело в обычном женском волнении...

Дженнингс вздрогнул, вернулся в реальность. Дверцы лифта открылись. Он решил, что находится на десятом этаже, и вышел в коридор. Каблуки его ботинок немного поскрипывали на ходу, когда он шел по гладкому плиточному полу. Дженнингс стал машинально расстегивать пальто и снимать перчатки. Прежде чем он дошел до квартиры Ланга, перчатки уже были у него в кармане, а пальто расстегнуто.

К двери была прикреплена нацарапанная карандашом записка: «Входите». Дженнингс вздрогнул, когда понял, что эти безобразные, неровные и торопливые каракули выведены рукой Пэт. Успокаивая себя, он повернул ручку двери и вошел внутрь.

Он испытал настоящий шок. В гостиной царил полный разгром: кресла и столики опрокинуты, разбитые лампы валяются на полу, среди них, переплетами вверх, полуразорванные книги и повсюду — осколки посуды, пустые бутылки, обгоревшие спички, окурки. На скомканной скатерти — пятна от спиртного, в раскрытом баре — откупоренная и упавшая на стойку бутылка с виски; бутылка откатилась к самому краю стойки, и виски из нее капает на пол. Из большого приемника, висящего на стене, исходит ужасающий треск и грохот, потому что приемник включен на полную громкость и не отрегулирован. Дженнингс со страхом окинул громоздящиеся вокруг него следы какого-то побоища. «Должно быть, Ланг сошел с ума», — подумал он.

Доктор кое-как пристроил свою сумку на полу в передней, повесил на вешалку пальто и шляпу, затем снова взял сумку в руки и пошел в глубину квартиры. Проходя все комнаты одну за другой, он зажигал в них свет и видел повсюду то же, что и в гостиной.

— Отец?

— Это я, дочка! — Дженнингс услышал всхлипывающий голос Патриции и с недобрый чувством вошел в спальню.

Они сидели на полу под зашторенным окном. Патриция стояла на коленях, обняв абсолютно голого Питера, который сжался в напряженный комок и прижал к лицу руки, точно защищаясь от кого-то. Когда Дженнингс опустился на колени рядом с ними, Пэт взглянула на него расширенными, полусумасшедшими глазами.

— Он пытался выброситься в окно, — сказала она, — он хотел себя убить. — Ее голос был хриплым и прерывистым.

— Хорошо.

Дженнингс мягко отстранил ее руки и попытался приподнять голову Ланга. Питер часто задышал, вздрогнув всем телом от прикосновения доктора, и снова еще туже сжался в напряженный шар из рук, ног и спины. Дженнингс внимательно взгляделся в его позу. Уже в сильнейшей тревоге, доктор вдруг обратил внимание на то, как мышцы на плечах и спине молодого мужчины конвульсивно подергиваются. Да он весь просто корчился от боли, он дрожал всей своей загорелой кожей, точно его жалили змеи!

— Сколько времени с ним это творится? — спросил доктор.

— Я не знаю.— Лицо Пэт выражало муку и бессилие.

— Иди в гостиную и выпей немного виски,— скомандовал ей отец,— а я пока что присмотрю за ним.

— Он хотел убить себя!

— Патриция!

Она расплакалась, и Дженнингс отвернулся. Ей было необходимо поплакать, это ясно. Дженнингс попытался еще раз разогнуть жутко сжавшееся тело Питера, но, как и в первый раз, молодой мужчина стал задышаться и еще более судорожно собрался в комок.

— Постарайся расслабиться, я хочу уложить тебя в постель,— сказал Питеру Дженнингс.

— Нет,— промычал Питер. Его голос был полон боли и страха.

— Я хочу помочь тебе, парень, если только...

Дженнингс не договорил, его лицо побледнело. Тело Ланга неожиданно обмякло. Его ноги вытянулись вперед, руки безвольно повисли, сменив свое прежнее положение — крест-накрест у лица. Частые тяжелые вздохи раздались из его груди.

Питер поднял голову.

Его лицо заставило Дженнингса открыть рот от горестного изумления. Если можно вообразить себе лицо человека, которого только что жестоко пытали, то таким и было лицо Ланга. Обросшее темной щетиной, бескровное, с широко раскрытыми, полными муки глазами, это было лицо человека, которого истязают, истязают долго

и страшно.

— Что же это? — вскричал Дженнингс.

Питер оскалился. Эта ухмылка настолько потрясла доктора, что по его телу прошла волна крупной дрожи.

— Пэтти ничего вам не сказала? — спросил Питер.

— Ты, ты скажи мне — что с тобой?!

Питер присвистнул, очевидно забавляясь:

— Я помираю. Я уже немножко похудел, верно?

— Милый, нет,— умоляюще сказала Пэт.

— О чем это вы говорите? — недоумевающе воскликнул Дженнингс.

— Выпить, принеси мне выпить, милая,— попросил Питер.

Патриция, покачнувшись, повернулась и вышла из спальни. Дженнингс подвел Ланга к его кровати.

— Что происходит? — спросил он снова.

Ланг тяжело повалился в постель.

— Что я сказал, то и происходит. Я проклят, заколдован. Колдуном.— Он усмехнулся.— Мерзавец убивает меня. С тех пор, как я и Пэт встретились. А прошло уже три месяца.

— Может быть, ты...— начал было Дженнингс.

— Кодеин неэффективен,— бесстрастно продолжал Ланг, не слушая его,— даже морфин не помогает. Абсолютно.— Он глотнул воздуха.— Ни озноба, ни лихорадки, ни температуры. Никаких симптомов вообще. Просто меня убивают, и все.— Он взглянул на доктора сквозь полуприкрытые веки.— Странно, правда?

— Ты говоришь серьезно?

Питер пожал плечами:

— Черт его знает. Может быть, это горячечный бред. Видит бог, выпил я сегодня немало! — Он приподнял черноволосую голову над подушкой и посмотрел вперед, в окно.— Черт, уже ночь,— проговорил он и быстро повернулся лицом к доктору.— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцатый час вечера,— отозвался Дженнингс,— а как насчет...

— Среда, так ведь? — спросил Питер.

Дженнингс уставился на него.

— Ну, я вижу, что среда уже давно прошла.— Ланг сухо закашлялся.— Пить! — крикнул он.

Так как его взгляд метнулся к двери, Дженнингс тоже взглянул туда. На пороге стояла Пэт.

— Все уже выпито,— сказала она голосом виноватого ребенка.

— Хорошо, не нужно ни о чем беспокоиться,— пробормотал Ланг.— Ничего не нужно. Я все равно скоро сдохну.

— Не говори так!

— Милая моя, я был бы очень рад умереть поскорее,— произнес Питер, глядя в потолок. Его грудь неровно поднималась и опускалась при каждом вдохе и выдохе.— Прости меня, любимая, я не хотел ничем тебя обидеть. Ох, снова начинается,— произнес он так удивленно, точно ему преподнесли некий сюрприз.

Неожиданно он содрогнулся в кровати всем телом, его мускулистые ноги дернулись, руки сжали лицо. Высокий, точно скрипичный звук, стон вырвался из его горла. Дженнингс увидел, что в углах рта у Питера появилась пена. Быстро вскочив, доктор бросился за своей сумкой.

Прежде чем доктор успел что-то достать, тело Питера скорчилось и упало с кровати. Молодой мужчина кричал в голос, на его лице с открытым и перекошенным ртом была какая-то животная, нестерпимая мука. Патриция попыталась снова уложить Питера в постель, но он с силой оттолкнул ее и бросился к окну.

Дженнингс хотел сделать ему внутривенную инъекцию. Несколько минут они боролись, причем Питер, с лицом обезумевшим и искаженным, пытался задушить доктора. Но наконец Дженнингс повалил его на пол и с силой ввел ему под кожу иглу шприца. Питер закричал, повалился на спину, попытался было подняться, но успокоительное средство уже растворилось в его крови, и он неожиданно уселся на пол, точно большая и страшная кукла. Глаза его закрылись.

— Мерзавец убивает меня,— прошептал он.

Они уложили Питера в постель, укрыли одеялом, но тело его подрагивало.

— Убивает меня,— бормотал Ланг,— черный гад.

— Он действительно верит в это? — спросил Дженнингс.

— Отец, ты только взгляни на него! — ответила Пэт.

— Так ты тоже веришь в это?

— Я ничего не знаю, папа.— Она в отчаянии опустила голову.— Все, что я знаю,— это что он очень переменялся с тех пор, как... как вернулся... С ним что-то случилось. Он не сумасшедший, отец. Он совершенно здоров.— Она вздрогнула.— И еще — он умирает.

— Почему же ты не позвонила мне раньше?

— Я не могла,— ответила девушка,— я боялась оставить его одного даже на минуту.

Дженнингс нащупал пульс Питера.

— Его вообще кто-нибудь осматривал?

Она печально кивнула.

— Да, когда это только началось, он пошел к специалисту. Он подумал тогда, что, может быть, у него что-нибудь с рассудком.— Она снова опустила голову.— Но он не болен, отец.

— Почему же тогда он говорит, что он...— Дженнингс был не в силах произнести страшное слово.

— Я не знаю,— ответила Пэт,— иногда мне кажется, что он верит в это, но чаще он просто шутит...

— На чем же он основывается?..

— Какое-то происшествие во время его последнего сафари. Я толком и сама не знаю, что там произошло. Где-то в Зулу он встретился с аборигеном, а тот ему сказал, что он колдун и что Питер...— Ее голос перешел в рыдание.— Ох, господи, может ли такое твориться на свете? Что же это такое!

— Может быть, дело в том, что сам Питер слишком верит, что с ним нечто случилось,— сказал Дженнингс. Он повернулся к Лангу.— Может быть, он убедил в этом себя?

— Отец, я... я верю в это,— сказала Патриция.— Но может быть, доктор Хауэлл поможет ему.

Дженнингс некоторое время рассматривал свою дочь.

— Так ты говоришь, Патриция, что сама веришь в это?

— Отец, постарайся понять меня,— она была почти в панике,— ты вошел сюда только что, а я рядом с ним уже много дней! Его убивает что-то или кто-то — я не знаю кто! Но я согласна на все, чтобы спасти Питера! На все!

— Хорошо.— Он ласково погладил ее по спине.— Сходи и позвони твоему доктору Хауэллу, а я пока что осмотрю его.

После того как она ушла в гостиную — телефон, стоявший раньше в спальне, был разбит о стену,— Дженнингс откинул одеяло и осмотрел мускулистое, бронзовое от загара тело Питера. Все его мышцы подрагивали — казалось, что, несмотря на сильнейшую инъекцию, каждый нерв в этом теле пульсирует и вибрирует.

Дженнингс недовольно сжал зубы. Интуитивно он чувствовал, что рациональная медицина здесь бессильна, что любая помощь в таком роде будет неэффективной. Ему очень не нравилось, что Патриция находилась здесь. Дженнингс совершенно не мог мыслить трезво и ясно, он сам слишком волновался от присутствия своей дочери.

Происходящее уже пугало его.

Скоро Дженнингс обнаружил, что эффект инъекции окончился. Это лекарство должно было обезопасить Питера по крайней мере часов на семь-восемь, теперь же, через сорок минут, он лежал на софе в гостиной, одетый в халат, и разговаривал.

— Пэтти, это очень забавно. Что новенького предложит мне еще один доктор, хотел бы я знать?

— Хорошо, может быть, это и правда забавно,— сказала Пэтти.— Но что же ты нам со своей стороны предлагаешь: стоять над тобой и ждать, пока ты...— Она не договорила.

— Шшш.— Ланг погладил дрожащими пальцами ее волосы.— Пэтти, Пэтти, успокойся, милая. Может быть, я сам справлюсь с этим.

— Ты обязательно справишься,— Патриция поцеловала его

руку,— это нужно нам обоим, я не стану без тебя жить.

— Не надо так говорить! — Ланг опять вздрогнул на софе.— Ох, господи, снова начинается.— Он попытался улыбнуться.— Нет, со мной все в полном порядке, только бред, это такой бред.— Его улыбка превратилась в гримасу боли.— Так этот твой доктор Хауэлл придет сюда и все станет хорошо? Но каким образом?

Дженнингс заметил, что Патриция кусает губы.

— А доктор Хауэлл, мой милый, это она, а не он. Это женщина, понял?

— Отлично,— ответил Ланг. Он конвульсивно подергивался.— Только этого нам и не хватает. Она кто такая?

— Она антрополог.

— Что же она будет здесь делать — определять, какой я расы? — Ланг говорил медленно, стараясь скрыть боль, которая мучила его.

— Она бывала в Африке,— ответила Пэт,— она...

— Я тоже там бывал,— заявил Питер,— неплохое местечко, всем рекомендую посетить Африку!.. Только держитесь подальше от колдунов.— Его смех вдруг перешел в душераздирающий крик: — О боже мой, боже милосердный! Черный мерзавец, если бы ты только оказался здесь! — Его руки крестообразно прикрыли лицо.

— Я прошу у вас прощения...

Они в удивлении обернулись. Молоденькая негритянка робко заглядывала в гостиную из передней.

— Там была записка, ну, на двери, и я вошла сюда,— объяснила она.

— Ах да, мы забыли ее снять.— Дженнингс поднялся навстречу гостье. Он услышал, как Патриция прошептала Питеру:

— Прошу тебя, не относись к ней предубежденно.

— Предубежденно? — переспросил он.

Доктор и Пэт подошли к вошедшей негритянке.

— Спасибо, что ты пришла сюда.— Патриция прижалась щекой к щеке мисс Хауэлл.

— Я тоже очень рада видеть тебя, Пэт,— ответила мисс Хауэлл.

Затем она улыбнулась Дженнингсу через плечо Патриции.

— Вы, наверное, устали, пока сюда доехали?

— Нет-нет, я отлично добралась сюда на метро.

Лорис Хауэлл расстегнула свое пальто и повернулась так, чтобы Дженнингсу было удобно помочь ей. Пэт посмотрела на красивую модную сумку Лорис, которая была поставлена на пол, а после перевела взгляд на Питера.

Ланг не сводил глаз с Лорис Хауэлл с того самого момента, как девушка появилась в комнате. Пэт и Дженнингс подвели Лорис к нему поближе.

— Питер, это и есть доктор Хауэлл,— сказала Пэт,— мы с ней вместе ездили в Колумбию. Она преподает антропологию в Сити-колледже.

Лорис улыбнулась.

— Добрый вечер,— поздоровалась она с Лангом.

— Не сказал бы, что этот вечер добрый,— недружелюбно ответил Питер.

Краем глаза Дженнингс увидел, как смутилась Патриция. А доктор Хауэлл словно ничего и не заметила. Ее голос звучал по-прежнему мягко.

— А кто тот проклятый черный негодяй, которого вы хотели бы здесь увидеть? — спросила она.

Лицо Питера побледнело. Его зубы скрипнули от боли, и он спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я просто спрашиваю.

— Если вам хочется провести здесь семинар по расовым взаимоотношениям, то не стоит тратить время! Я сейчас не в настроении,— пробормотал Ланг.

— Питер!

Он глянул на Пэт расширенными от боли зрачками.

— Чего ты хочешь? — спросил он у нее.— Ты ведь уже, кажется, разобралась в моих предубеждениях, так что...

Он уронил голову на спинку дивана и закрыл глаза.

— Господи, пожалей и убей меня! — крикнул он.

Слабая улыбка показалась на губах мисс Хауэлл. Она прямо глядела в глаза Дженнингсу, когда тот заговорил с ней.

— Я осмотрел его,— сказал Дженнингс,— но не обнаружил никаких физических расстройств или повреждений мозговых тканей.

— Вам хочется узнать, что с ним происходит? — спокойно спросила девушка.— Это очень серьезно. Это джу-джу.

Дженнингс уставился на Лорис.

— Так вы...

— Да, вот до этого мы договорились,— хрипло перебил его Питер,— все очень просто. Это джу-джу.— Он сидел, вцепившись пальцами в диванный валик.

— Вы сомневаетесь в этом? — спросила его Лорис.

— Да, я сомневаюсь в этом,— ответил Ланг.

— Вы сомневаетесь в моих словах из-за вашего предубеждения?

— Ох, господа, господа,— сдавленно простонал Ланг голосом мученика.— Мне навредили, и, чтобы облегчить свою боль, я должен кого-нибудь ненавидеть, и я ненавижу этих грязных дикарей...— Он тяжело откинулся назад.— Черт с ними. Думайте обо мне что хотите.— Он прижал дрожащие пальцы к своим глазам.— Дай мне умереть! Господи, господа, дай мне умереть!

Он обернулся к Дженнингсу:

— Уколите меня еще раз!

— Питер, твое сердце может...

— Ну и пусть! — Голова Питера снова запрокинулась и дернулась.— Хоть половину дозы! Вы не имеете права отказать умирающему человеку!

Пэт прижала руку к губам, изо всех сил стараясь не разрыдаться.

— Пожалуйста! — крикнул Питер.

После того как инъекция дала эффект, Ланг повалился на спину, его лицо и шея покрылись испариной. «Спасибо»,— пробормотал он.

Его бледные губы дрогнули и улыбнулись, когда Патриция села рядом с ним на диван и вытерла ему досуха лицо полотенцем. «Спасибо, моя любовь»,— прошептал он. Она была не в силах говорить. Питер взглянул на мисс Хауэлл.

— Хорошо, простите меня, я очень измучен,— мягко сказал он ей.— Спасибо вам за то, что вы пришли, но я не верю, что можно что-то сделать.

— Тогда что с вами творится, как по-вашему? — спросила Лорис.

— Но я и сам толком не знаю, что случилось! — воскликнул Ланг.

— А я думаю, что вы все знаете,— с силой сказала Лорис,— и я сама все знаю! Джуджу — это самое сильное языческое колдовство во всем мире. Люди веками верили в то, что джуджу обладает разрушительной силой, и оно правда имеет такую силу. А вы, мистер Ланг, должны это прекрасно чувствовать!

— И откуда же вы все так хорошо знаете, мисс Хауэлл? — поинтересовался Питер.

— Когда мне было двадцать два года,— ответила она,— я провела в Зулу целый год, и жила я в деревне, где занималась сбором сведений для своей работы. Так вот, когда я жила там, одной старой нгомбо я очень понравилась, и она обучила меня всему, что знала сама!

— Нгомбо? — переспросила Пэт.

— Ну да, деревенской колдунье,— с отвращением ответил Питер.

— А я-то думал, что колдунами бывают только мужчины,— заметил Дженнингс.

— Нет, большинство из них — женщины,— сказала Лорис,— мудрые, добрые женщины, которые знают свое дело и трудятся не покладая рук.

— Мошенницы,— сказал Питер.

Лорис улыбнулась ему.

— Да,— сказала она.— Да, они обманщицы, мошенницы,

бездельницы, шарлатанки. И еще,— ее улыбка стала не безмятежной, а беспощадной,— как вы думаете, Питер, что заставляет вас чувствовать, будто тысячи пауков покрывают все в этой комнате, покрывают вас самого, все ваше тело?

В первый раз за все время с тех пор, как он попал в эту квартиру, доктор Дженнингс увидел на лице Питера страх.

— Ты знаешь об этом? — спросил Питер девушку.

— Я знаю обо всем, что вам пришлось испытать,— сказала Лорис,— я сама прошла через это.

— Когда? — удивился Ланг. В его голосе больше не было неприязненной насмешки.

— В тот самый год,— сказала доктор Хауэлл.— Колдун из соседней деревни наслал на меня смертельное заклятие, джу-джу, а старая нгомбо Куринга спасла меня от этого заклятия.

— Расскажи мне об этом,— попросил Питер, дотрагиваясь до девушки.

Дженнингс заметил, что дыхание Ланга учащается. Это значило, что эффект второй инъекции подходит к концу.

— О чем вам рассказать? — спросила Лорис.— О пальцах с длинными когтями, которые разрывают ваши внутренности? Об ощущении, что вы тяжелый шар, потому что иначе нельзя раздавить змей?

Питер во все глаза смотрел на Лорис.

— О чувстве, будто ваша кровь превратилась в жгучую кислоту, а кости высосаны и пусты и вы рассыплетесь, если пошевелитесь?

Губы Питера задрожали.

— Или о том, как стаи голодных крыс поедают ваш мозг? Грязных, голодных крыс? Или о том, что глаза ваши расплавились и вот-вот потекут по вашим щекам, как студень? Или...

— Хватит.— Тело Ланга тряслось, как при спазмах.

— Я говорила вам все это только для того, чтобы вы поверили мне,— сказала Лорис,— я помню свою боль так же ясно, как если бы я пережила ее вчера вечером, а не пять лет тому назад. Я помогу вам, если вы хотите этого. Забудьте о своем недоверии. Или вы не верите

мне, или вы здоровы и полны сил, разве вы не понимаете этого?

— Милый, пожалуйста,— сказала Патриция. Питер посмотрел на нее, потом снова на мисс Хауэлл.

— Ждать больше нельзя, мистер Ланг,— сказала мисс Хауэлл.

— Хорошо! — Он закрыл глаза.— Хорошо, попробуйте. Я уверен, что хуже мне уже не будет.

— Быстрее же! — умоляюще сказала Пэт.

— Хорошо.— Лорис Хауэлл повернулась и подошла к своей красивой вместительной сумке, стоящей на полу.

Дженнингс успел заметить, что в сумке лежит что-то очень странное и яркое. Лорис взглянула на доктора и его дочь.

— Пэт, можно тебя на минутку? — спросила Лорис.

Они отошли в сторону и стали о чем-то говорить. Дженнингс заметил, что обе посматривали на Ланга. Молодой мужчина снова начал дрожать. «Начинается»,— подумал Дженнингс. «Джу-джу — это самое сильное языческое колдовство во всем мире»,— пронеслось в его голове.

— Что? — слышался голос Пэт.

Дженнингс взглянул на девушек. Пэт в шоке смотрела на мисс Хауэлл.

— Прости меня, я не сказала тебе об этом с самого начала, но никакой другой возможности спасти его нет.

Пэт подумала.

— Так значит, по-другому нельзя? — спросила она.

— Нельзя,— грустно подтвердила доктор Хауэлл.

Патриция вопросительно посмотрела на Питера. Затем медленно кивнула.

— Хорошо, только поскорее,— сказала она.

Без единого слова Лорис Хауэлл прошла в спальню со своей сумкой. Дженнингс заметил, что Пэт напряженно смотрит на дверь, за которой скрылась негритянка. Он ничего не понимал. Но ему было ясно, что Пэт боится чего-то совсем другого — другого, чем раньше.

Дверь спальни отворилась, и оттуда вышла доктор Хауэлл. Дженнингс, повернувшись к ней, чуть было не задохнулся. Лорис была обнажена до пояса, а вместо юбки на ней красовалось нечто вроде нескольких ярких платков, связанных вместе. Ее стройные длинные ноги были открыты, а ступни — босы. Дженнингс оторопело уставился на молодую женщину. Юбка и блузка, в которых она появилась здесь, скрывали и ее красивую, чувственную грудь, и ее женственные, округлые бедра. Неожиданно смутившись собственной бесцеремонности, Дженнингс перевел взгляд на Пэт. Теперь стало понятно, что за страхи одолевали его дочь — та ревниво смотрела на Лорис.

Дженнингс взглянул на Питера. Его лицо было сплошной маской боли, никакие другие чувства Лангу не были доступны.

— Пожалуйста, поймите меня правильно,— разбила напряженное молчание Лорис,— я никогда раньше не делала ничего подобного.

— Мы все понимаем,— ответил Дженнингс, не в силах отвести от нее взгляд.

На каждой ее щеке было нарисовано по ярко-красному кружочку, а блестящие смоляные кудри венчал диковинный головной убор — маленькая шапочка с пышным плюмажем из павлиньих перьев, и на каждом пере — переливающийся глазок. На ее шее и груди висели ожерелья — из разноцветных бусин, ракушек, блестящего металла, цветных кусочков кожи и зубов каких-то животных. На ее левом предплечье был маленький щит, опушенный по краям мехом и чудесно разрисованный.

Контраст между современной сумкой и ее содержимым был достаточно разительным. Эффект необыкновенного преображения Лорис в манхэттенской квартире вызвал в докторе Дженнингсе двойственное чувство: зыбкий страх перед чем-то неизвестным и восхищение. Она вышла из спальни с робким, почти что детским вызовом — словно ее стыдливость уравнивалась сознанием того, что она молода, красива и здорова. Дженнингс заметил, что ее тело татуировано: сотни тонких красных точек вокруг ее пупка образовывали узор из концентрических кругов.

— Эту татуировку мне сделала Куринга,— ответила Лорис, когда Дженнингс спросил ее об этом,— так я заплатила ей за то, что

узнала все ее секреты.— Она легко улыбнулась.— Но в самый решительный момент мне удалось уговорить ее не спиливать мои зубы.

Дженнингс почувствовал, что Лорис смущена, но девушка была полна решимости. Она открыла свою сумку и стала вынимать из нее еще какие-то предметы.

— Такой узор получается, если немного проколоть кожу и в каждый укол втереть особенную пасту.

Она выложила на кофейный столик пузырек с какой-то темной жидкостью и горсть тонких отполированных косточек, принадлежавших ранее некоему зверьку.

— А эту особую пасту я должна была сделать сама. Пришлось голыми руками поймать краба и оторвать ему одну клешню. Клешню завернуть в кожицу, снятую с живой лягушки, и еще прибавить ко всему этому обезьянью челюсть.— Лорис выложила на столик связку тонких инструментов, похожих более всего на тонкие хирургические ланцеты.— И вот из клешни, шкурки и челюсти, растертых вместе с еще кое-какими растительными компонентами, получилась эта паста.

Дженнингс в изумлении заметил, что Лорис вынимает из своей сумки небольшой магнитофон и ставит его на столик перед ним.

— Как только я скажу: «Пора!», доктор, пожалуйста, включите магнитофон — вот эта кнопка.

Дженнингс машинально кивнул, зачарованно глядя на нее. Казалось, что она совершенно уверена в том, что делает. Не обращая никакого внимания на прищуренные глаза Ланга, на неопределенную выжидательность Патриции, Лорис принялась рисовать на полу странные линии и круги. Когда она присела на корточки, Пэт не сдержала изумленного вздоха: по-видимому, под юбочкой из пестрых платков на Лорис ничего не было.

— Ну, я, может быть, и помру,— заявил совершенно бледный Питер,— но похоже, что в моей смерти будет немало очаровательного!

Лорис перебила его.

— В кругу должны находиться только трое,— сказала она спокойно.

Строгий звук ее голоса прозвучал так странно! Дженнингсу казалось, что ее губы — это губы языческой богини, и он, удивляясь про себя, подошел поближе к Лангу, чтобы помочь Лорис.

Питер сделал попытку подняться на ноги, но вместо этого страшно дернулся и рухнул на пол как подкошенный. Его тело сотрясало, локти и колени судорожно сжимались. Неожиданно он неестественно выгнулся дугой, опираясь головой о пол, изо рта у него потекла слюна, а дико вытаращенные глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Лорис! — воскликнула Пэт.

— Мы ничего не сможем сделать, пока приступ не пройдет, — откликнулась негритянка.

Она с тревогой смотрела на Питера. Купальный халат Питера развязался, и мужчина стал судорожно биться на полу. Лорис отвернулась, но лицо ее было видно Дженнингсу, и доктор, к своему ужасу, понял, что она тоже очень испугана. Дженнингс и Пэт бросились к Лангу, пытаясь удержать его, но судороги продолжались.

— Оставьте его, — сказала Лорис. — С этим вы ничего не сможете поделать.

Патриция враждебно взглянула на нее. После того как тело Питера дернулось в последний раз и застыло, Пэт запахнула полы его халата и завязала на нем пояс.

— Ну, за круг, быстро, — сказала Лорис, очистив себя от какого-то внутреннего страха. — Нет, пусть он сидит один, — добавила она, потому что Пэт крепко обнимала Питера, поддерживая его спину.

— Он же упадет, — сказала Пэт с нескрываемым негодованием в голосе.

— Патриция, если ты хочешь, чтобы я вам помогла!..

Взгляд Пэт скользнул по корчившейся от боли фигуре Питера и тут же переместился на выразительное лицо Лорис. Пэт сдержалась, поднялась и вышла из круга.

— Скрестите, пожалуйста, ноги, — обратилась Лорис к Лангу и Дженнингсу.

Питер хмыкнул с полузакрытыми глазами.

— Во время церемонии, мистер Ланг, я должна буду принять от вас плату — какая-нибудь нестоящая личная вещь вполне подойдет. Вы также должны будете принять плату от меня.

Питер кивнул.

— Хорошо, оставим это,— сказал он,— я не возьму с вас слишком много.

Грудь Лорис приподнялась, точно от глубокого вздоха.

— Теперь нельзя разговаривать,— прошептала она.

Она в волнении сидела напротив Питера, наклонив голову. В комнате стояла мертвая тишина, которую нарушало только прерывистое дыхание Ланга. Дженнингс мог различить далекие звуки гудков и шум машин внизу, на улице. Он до сих пор не мог поверить в происходящее: таинственный магический ритуал, который происходит в городской квартире, в центре Манхэттена.

Дженнингс постарался отвлечься от опасений и дурных предчувствий. Он не верил самому себе. Но он сидел здесь, в этой комнате, и его скрещенные ноги немного ныли с непривычки. Здесь же, в полубессознательном состоянии и точно в такой же позе, сидел Питер Ланг, человек, близкий к смерти, без каких бы то ни было симптомов заболевания. Здесь находилась и его дочь Пэт, измученная и испуганная ведьмой, которую сама же и пригласила. И самое странное заключалось в том, что в этой же комнате присутствовала — нет, не доктор Хауэлл, интеллигентная профессорша антропологии, культурная, образованная женщина, но полуголая африканская колдунья, со всеми атрибутами варварской магии.

Раздался негромкий перестук. Дженнингс очнулся и взглянул на Лорис. В левой ее руке были тонкие инструменты вроде ланцетов, в правой она держала горсть мелких отполированных косточек. Она подбросила их на ладони, как игральные кости, и разбросала на коврик, внимательно следя за их падением.

Некоторое время она всматривалась в понятный ей одной узор, потом бросила кости еще раз. Дыхание Питера участилось. Что, если у него сейчас снова начнется припадок? Дженнингс разволновался. Что, если церемония будет нарушена, не успев начаться?

Он вздрогнул, потому что Лорис оборвала молчание.

— Зачем ты пришел сюда? — грозно спросила она. Она холодно

и даже недовольно смотрела на Питера.— Зачем ты тревожишь меня? Может быть, болен кто-то из твоих родственников? Поэтому ты пришел ко мне? — спросила Лорис повелительным голосом.

Дженнингс понял, что Лорис сейчас колдунья и что она вопрошает своего клиента соответственно порядку и своему положению.

— Может быть, болен ты? — с нажимом подсказала Питеру Лорис, ее плечи откинулись назад.

Дженнингс невольно взглянул на свою дочь. Пэт сидела прямо, точно каменная статуя, с бледными щеками, со сжатыми губами, с бескровными стиснутыми руками.

— Говори, мужчина! — приказала Лорис, приказала уже как нгомбо.

— Да! Я болен! — Из груди Питера вырвался тяжелый вздох.— Я болен.

— Теперь расскажи мне об этом,— сказала Лорис.— Расскажи мне о том, как ты заболел.

То ли Питеру было так больно, что он уже перестал ощущать боль, то ли он был зачарован присутствием Лорис, а может быть, и то и другое (так подумал Дженнингс), но Ланг заговорил. Его голос звучал ровно, взгляд не отрывался от горящих глаз Лорис.

— Однажды ночью тот человек пробрался в наш лагерь,— заговорил Ланг.— Он пытался стащить что-нибудь съестное. Когда я поймал его, он обозлился на меня и проклял меня. Он сказал, что убьет меня.— Дженнингс подумал, что девушка загипнотизировала Питера, потому что его голос звучал бесстрастно и механически.

— И тот человек принес в мешке...— Голос Лорис был определенно голосом опытного гипнотизера.

— Он принес куклу,— продолжал Питер, его горло дрожало при каждом вдохе.— Кукла говорила со мной.

— Фетиш говорил с тобой,— сказала Лорис.— Что сказал тебе фетиш?

— Кукла сказала мне, что я умру. Она сказала, что когда луна станет круглой, то я умру.

Питер вздрогнул и закрыл глаза. Лорис снова бросила кости и принялась их разглядывать. Потом она бросила на ковер свои тонкие ланцеты.

— Это не Мбвири и не Хебизо,— сказала она.— Это не Атандо, не Фуофуо и не Сови. Это не Кунди и не Собла. Не лесной дух терзает тебя. Тебя терзает злой дух, которого призвал обиженный нгомбо. Злой дух, слуга нгомбо, напал на тебя, чтобы отомстить за своего хозяина. Ты понимаешь меня?

Питер почти не мог говорить. Он кивнул.

— Да,— прошептал он.

— Скажи: да, я понимаю.

— Да,— он вздрогнул,— я понимаю.

— Теперь плати мне,— сказала Лорис.

Питер несколько секунд молча смотрел на нее, потом опустил глаза. Его дрожащие пальцы шарили в карманах халата и ничего не могли там отыскать. Неожиданно Питер стал задыхаться, его плечи передернулись от боли, которая поднималась в нем. Он снова начал шарить в карманах, словно не понимая, что в них пусто. Потом Питер стал стягивать со среднего пальца левой руки золотое обручальное кольцо. Дженнингс взглянул на свою дочь. Ее лицо оставалось бесстрастным, когда Питер протянул негритянке подарок Пэт.

— Пора,— сказала Лорис.

Дженнингс вскочил на ноги и, преодолевая боль в онемевших суставах, подошел к столику и включил магнитофон.

Когда он вернулся в круг и уселся на свое место, музыка уже зазвучала.

В одну секунду комната наполнилась шумом барабанов, пением и редкими хлопками в ладоши. Дженнингс смотрел на Лорис, он уже не видел предметов, которые его окружали, и комнату, в которой он находился. В смутном и неверном свете видна была только девушка.

Она бросила на пол свой маленький щит и поднесла к губам пузырек, который до этого держала в руке. Лорис замерла на минуту и одним глотком выпила содержимое пузырька. Зачарованный таинственностью происходящего, ослепленный игрой воображения, Дженнингс находился в полном неведении относительно того, что

она выпила.

Лорис начала свой танец.

Сначала только ее руки и плечи стали медленно и плавно изгибаться в такт ударам барабанов. Дженнингс смотрел на нее не отрываясь, и ему казалось, что его сердце стучит в одном ритме с барабанами. Жесты ее рук были по-змеиному гибкими, ожерелья и браслеты на ней позванивали, время и пространство вокруг нее исчезли. Дженнингс сидел где-то в джунглях, на поляне, и смотрел на завораживающий танец колдуньи.

— Хлопайте в ладоши,— приказала нгомбо.

Дженнингс стал хлопать в ладоши в такт ритму. Затем взглянул на Пэт — она тоже хлопала и тоже неотрывно смотрела на Лорис. Только Питер сидел неподвижно, напряженно глядя вверх, его рот подрагивал, как если бы он изо всех сил сжимал зубы. На короткий миг Дженнингс снова превратился в доктора, наблюдающего за своим пациентом, но скоро он опять поддался безотчетному очарованию танца.

Удары барабанов стали громче и чаще. Лорис двигалась по кругу, медленно поворачиваясь, ее руки и плечи стали живее и выразительнее. Без всякой на то причины ее глаза то и дело обращались к Питеру, и Дженнингс понял, что она танцует только для Ланга — она обращалась к нему с энергичными, призывающими жестами, словно приглашала его тоже потанцевать.

Неожиданно она изогнулась, колыхнув станом, затем снова выпрямилась. Она двигалась точно в жару, движения стали откровенно страстными, и дикое ее лицо обратилось в сторону Питера. Дженнингс вздрогнул, когда Лорис, продолжая танцевать, подошла вплотную к Питеру и стала гладить его щеки своими розовыми, как лепестки, ладонями. Потом Лорис отстранилась и стала содрогаться в неистовом танце, ее зубы поблескивали в полумраке, а лицо стало по-животному исступленным. Вот она снова повернулась лицом к своему клиенту.

Она кружилась и изгибалась перед Питером, точно кошка, она тяжело дышала и постанывала. Краем глаза Дженнингс глянул на свою дочь. Патриция подалась вперед, неотрывно следя за Лорис, и выражение ее лица испугало доктора.

Губы Патриции приоткрылись, точно в беззвучном крике, и

Дженнингс посмотрел на нгомбо. Подойдя вплотную к Питеру, негритянка сжала руками свою грудь и поднесла ее к самому лицу молодого мужчины. Питер смотрел на женщину блестящими глазами, его тело трепетало. Монотонно напевая, Лорис отвернулась от Питера. Дженнингсу на миг показалось, что она вот-вот сорвет с себя свою яркую юбочку, потому что Лорис стала приподнимать ее и крутить, танцуя перед Питером. Неожиданно доктор понял, что выпила Лорис из маленького пузырька.

— Нет!

Тонкий и слабый голос Патриции заставил его вздрогнуть. Он обернулся; Патриция вскочила на ноги. Сердце у него учащенно забилося.

— Пэт! — воскликнул он.

Пэт посмотрела на него; на некоторое время они замерли, глядя в глаза друг другу. Затем, с безудержной дрожью, Патриция опустилась на пол, и Дженнингс отвернулся от нее.

Теперь Лорис стояла перед Питером на коленях, откидываясь назад, изящно изгибая руки и снова выпрямляясь. Она задыхалась. Ее полуоткрытый рот выпускал воздух вместе со стонами. На черных щеках выступили блестящие капельки пота, и такие же капельки покрывали плечи и спину. «Нет!» — подумал он. Он увидел, что руки Лорис снова протянулись к Питеру. «Нет!» От этого слова по его спине бежали мурашки. Он продолжал следить за Лорис, опасаясь того, что могло произойти, и уже точно зная, что это неизбежно. Барабанные удары участились и слились в сплошной оглушительный грохот в его ушах, его сердце бешено колотилось. «Нет!»

Руки Лорис опустились и потянулись к халату Питера. Дыхание Патриции за спиной доктора стало хриплым и судорожным. Дженнингс искоса взглянул на лицо Пэт, перекошенное от муки, и снова обратил все свое внимание на Лорис. Учащенный шум барабанных ударов, хор поющих голосов, хлопки в ладоши смешались в его ушах, его голова шла кругом, комната расплывалась перед глазами. В полубреду он видел, как Лорис ласкала Питера, а дикое лицо молодого человека было исполнено такой муки и боли, точно он агонизировал. Лорис придвинулась ближе к Лангу. Еще ближе. Теперь красивое расслабленное тело девушки приникло к телу Питера, а ее руки крепко его обнимали.

— Иди ко мне,— ее голос звучал развратно и влекуще,— иди ко мне!

— Прочь от него! — дико закричала Патриция, рванувшись со своего места.

Страхнув оцепенение, Дженнингс увидел, что Патриция тянется к Лорис, которая в это время приникла к Питеру.

Дженнингс схватил Пэт, сам не понимая, почему он так поступает, и стал оттаскивать ее прочь — он чувствовал, что должен поступить именно так. Патриция билась в его руках, ее щеки горели, она шумно дышала и тряслась от ярости.

— Прочь от него! — снова закричала она Лорис.— Убери от него свои руки!

— Патриция!

— Дай мне уйти отсюда!

Дикий крик боли, который издала Лорис, парализовал их. Она упала на спину, на пол, было похоже, что у нее коллапс. Ее руки и ноги судорожно сжимались и разжимались, тело выгибалось. Дженнингс пришел в сильнейшее смятение. Он взглянул на лицо Питера и понял, что мучения оставили молодого человека. Только изумление и замешательство были теперь на лице Ланга.

— Что это? — спросила Патриция.

Голос Дженнингса стал глухим и тихим.

— Она забрала себе его боль,— ответил он.

— Ох, боже мой.— Пораженная Патриция в испуге смотрела на свою подругу.

«О чувстве, что вы должны проглотить тяжелый шар, потому что иначе нельзя раздавить змей, шевелящихся в ваших внутренностях...» — вспомнилось Дженнингсу. Он смотрел на корчившееся от боли тело Лорис, на спазмы, на судороги ее ног. Магнитофон на столике щелкнул и замолчал, и в тишине, которая так внезапно наступила, Дженнингс услышал страшное дыхание и стоны боли, которые вырывались с хрипом из горла Лорис. «Ощущение, что ваша кровь стала едкой кислотой, что вы разваливаетесь на части, если пошевелинетесь, потому что ваши кости пусты, из них все вынуто...» Распахнутыми глазами Дженнингс следил за агонией Лорис, которая

спасала Питера от мучений. «Чувство, что ваш мозг глодают гадкие голодные крысы, что глаза ваши расплавились и сейчас потекут по щекам...» Ноги Лорис снова дернулись, она выгнула спину и несколько раз вздрогнула. Ее плечи ходили ходуном.

Ее ноги стучали по полу от резкой дрожи, пока не замерли безвольно. Ее бедра сжимались, грудь дрожала, дыхание было тяжелым и жутким.

— Питер!

Испуганный голос Патриции заставил Дженнингса обернуться. Питер блестящими глазами смотрел на Лорис. Он опустился на колени, потом — на четвереньки; в его фигуре не было ничего человеческого. Он пополз к Лорис. Дженнингс схватил его за плечи, но с Питером теперь было не так-то легко справиться. Он продолжал тянуться к негритянке.

— Питер!

Ланг старался оттолкнуть доктора в сторону, но Дженнингс вцепился в него изо всех сил.

— Питер, ради бога!

Горячее дыхание Ланга обожгло щеку доктора. Дженнингс отчаянно схватил Питера за волосы и так крутанул его голову, что лицо молодого человека скривилось от боли.

— Не сходи с ума, ты же человек! — крикнул Дженнингс. — Ты же человек!

Питер мигнул. Потом он уставился на доктора глазами только что народившегося на свет младенца. Дженнингс отпустил его волосы и быстро оттащил Ланга в сторону.

Лорис неподвижно лежала на спине, ее черные глаза глядели в потолок. Со вздохом Дженнингс наклонился над ней и взял ее за руку. Он не услышал пульса. Он снова заглянул в глаза девушки. Они были остекленевшими, точно у трупа. Доктор в ужасе и отчаянии смотрел на нее. Внезапно веки Лорис опустились, и она глубоко и прерывисто вздохнула. Все ее тело вздрогнуло. Дженнингс замер, раскрыв рот. «Нет, это невозможно, она не может...»

— Лорис! — закричал он, не помня себя. Негритянка открыла глаза и посмотрела на него.

Через несколько мгновений губы ее вздрогнули, и она едва слышно прошептала:

— Ну вот и все,— и попыталась улыбнуться.

Машина ехала по Седьмой авеню, шины шуршали по мокрому асфальту. Рядом с Дженнингсом на сиденье полулежала доктор Хауэлл — неподвижная, слабая, измученная. Пристыженная, полная раскаяния Пэт вымыла и одела ее, а после Дженнингс помог негритянке спуститься к его машине. Перед тем как они вышли из квартиры, Питер попытался сказать Лорис что-то благодарное, но так и не нашел слов — просто поцеловал ей руку и в молчании вышел из комнаты.

Дженнингс взглянул на Лорис.

— Знаете что, если бы я не увидел этого сам своими глазами, то ни за что бы не поверил! Я и сейчас не уверен, было ли все это на самом деле!.

— Что ж теперь поделаешь, вам придется верить,— сказала она.

Дженнингс молча вел машину, пока не отважился через некоторое время снова заговорить.

— Доктор Хауэлл?

— Да?

— Это было очень опасно, почему вы отважились на это?

— Если бы я не отважилась, ваш будущий зять к ночи бы умер. Вы просто не знаете, как на самом деле он был близок к смерти.

— Спасибо вам,— сказал Дженнингс,— но я имел в виду другое: вы взяли себе его боль, а это ведь очень опасно!

— По-другому нельзя,— пояснила Лорис,— мистер Ланг сам не смог бы избавиться от боли, только я могла избавить его. Это очень простой закон. Другой способ мог бы оказаться еще более опасным.

— Так выходит, это что-то вроде ящика Пандоры?

— Да, вроде этого,— ответила Лорис.— Я очень боялась, но помочь по-другому было невозможно.

— Вы предупреждали Патрицию о том, что должно было случиться?

— Нет,— отозвалась Лорис.— Я не сказала ей всего. Я немного предостерегла ее, предупредила, чтобы она ничего не боялась, но всего не сказала. Она бы могла испугаться и отказаться от моей помощи, и тогда ее жених не дожил бы до утра.

— А в том пузырьке был афродизиак, верно?

— Да,— ответила Лорис,— мне было необходимо забыть себя. Если бы я этого не сделала, внутренние запреты помешали бы мне выполнить все необходимое.

— А что произошло с Питером? — спросил Дженнингс.

— Вы имеете в виду его внезапное стремление ко мне? — спросила Лорис.— Ну, это было минутным помрачением. Боль покинула его внезапно, но сознание вернулось еще не вполне, он был слегка не в себе. Меня желало животное, а не человек. Вы и сами это заметили, потому и приказали ему вспомнить о том, что он человек. Тогда он пришел в себя.

— Да, но в человеке есть это животное,— мрачно проговорил Дженнингс.

— Да, в человеке всегда живет зверь, которого надо укрощать,— сказала доктор Хауэлл.— Страшно, что люди иногда забывают о том, что они люди.

Минуту спустя Дженнингс припарковал машину возле дома, в котором жила доктор Хауэлл. Ему хотелось еще поговорить с ней.

— Я думаю о том, от чего вам сегодня пришлось избавить Питера и избавиться самой.

— Думаю, что мы избавились от этого навсегда,— сказала Лорис.— Не за себя...— Она мило улыбнулась,— не за себя я молюсь, а за мой...— продекламировала она.— Вам знакомы эти строки?

— Боюсь, что нет.

Он послушал, как Лорис прочла ему все четверостишие. Потом, заметив, что он тоже собирается выходить из машины, она удержала его и сказала:

— Пожалуйста, не нужно! Я уже прекрасно себя чувствую.

Распахнув дверцу, девушка вышла на улицу. Они посмотрели друг на друга. Затем Дженнингс высунулся из машины, пожал ей

руку и сказал:

— Доброй ночи, моя дорогая.

Лорис Хауэлл снова улыбнулась:

— Доброй ночи, доктор.

Она закрыла дверцу и повернулась, чтобы уйти. Дженнингс смотрел, как она идет по дорожке к своему многоквартирному дому. Потом он завел машину, развернулся и поехал на Седьмую авеню. Весь свой путь он вспоминал стихи Кунти Куллен, которые прочитала ему Лорис:

Не за себя я молюсь, а за мой черный народ, за его вину, за всех, кто из мест, покрытых тьмой, руки к причастию протянул.

Пальцы Дженнингса крепко вцепились в руль.

— Не сходи с ума, ты же человек! — сказал он себе.— Ты же человек.

Ударная волна

— Говорю тебе, с ним что-то творится,— сказал мистер Моффат.

Кузен Уэндалл потянулся за сахарницей.

— Значит, они правы.— Он насыпал сахару в кофе.

— Ничего подобного,— резко возразил Моффат.— Совершенно они не правы.

— Но если он не работает,— сказал Уэндалл.

— Он работал примерно до прошлого месяца. И работал превосходно, когда они решили вдруг, что его надо заменить.

Пальцы мистера Моффата, бледные и желтоватые, замерли на столе. Нетронутые яичница и кофе остывали рядом.

— Почему ты так расстраиваешься? — спросил Уэндалл.— Это же просто орга́н.

— Это гораздо больше, чем орган,— возразил Моффат.— Он был здесь даже раньше, чем достроили церковь. Восемьдесят лет он здесь. Восемьдесят.

— Долгий срок,— сказал Уэндалл и откусил от намазанного джемом тоста.— Может, даже слишком долгий.

— С ним все в полном порядке,— продолжал Моффат.— По крайней мере, было до сих пор. Вот почему мне бы хотелось, чтобы сегодня утром ты посидел со мной на хорах.

— Почему бы тебе не показать орган какому-нибудь мастеру?

— Потому что он согласится со всеми остальными,— горько произнес Моффат.— Он просто скажет, что орган слишком стар, слишком изношен.

— Может, так оно и есть.

— Ничего подобного.— Мистер Моффат раздраженно передернулся.

— Ну, не мне судить,— сказал Уэндалл.— Хотя орган

действительно очень старый.

— Он прекрасно работал до сих пор.— Мистер Моффат усталился в чашку с черным кофе.— Чтоб их всех,— пробормотал он.— Решили от него избавиться. Чтоб их.

Он закрыл глаза.

— Может, он понимает? — сказал мистер Моффат.

Стук их каблучков, похожий на тиканье часов, нарушил тишину церкви.

— Сюда,— сказал Моффат.

Уэндалл толкнул толстую дверь, и они пошли вверх по мраморной винтовой лестнице. На втором этаже Моффат переложил портфель в другую руку и достал кольцо с ключами. Он отпер дверь, и они вошли в пыльную темноту хоров. Они двигались сквозь тишину, два отдающихся слабеньким эхом звука.

— Вон туда,— сказал Моффат.

— Да, я вижу,— отозвался Уэндалл.

Старик сел на отполированную до зеркального блеска скамью и включил маленькую лампу. Конус света разогнал тени по углам.

— Думаешь, солнца не будет? — спросил Уэндалл.

— Не знаю.

Мистер Моффат отпер и с грохотом откинул ребристую крышку органа, раскрыл пюпитр. Нажал на истертую за долгие годы кнопку.

В кирпичной комнатке справа от них внезапно раздался выдох, гул нарастающей энергии. Стрелка воздушного манометра пробежала по шкале.

— Теперь он ожил,— сказал Моффат.

Уэндалл пробормотал что-то и пошел по хорам. Старик последовал за ним.

— Что ты думаешь? — спросил он, когда они вошли в кирпичную комнату.

Уэндалл пожал плечами.

— Не могу сказать,— произнес он. Он посмотрел, как работает

мотор.— Воздушная струя,— сообщил он.— Двигается благодаря воздействию электромагнитного поля.

Уэндалл прислушался.

— Звук вроде нормальный.

Он прошелся по маленькой комнатке.

— А это что такое? — спросил Уэндалл, показав рукой.

— Переключатели клапанов. Чтобы воздухопроводы были постоянно наполнены.

— А это вентилятор? — спросил Уэндалл.

Старик кивнул.

— Хм.— Уэндалл повернулся.— На мой взгляд, все в полном порядке.

Они стояли, глядя вверх, на трубы. Торчащие над полированным фасадом, они походили на громадные золотистые карандаши в деревянной подставке.

— Большой,— сказал Уэндалл.

— Он прекрасен,— добавил мистер Моффат.

— Послушаем его,— предложил Уэндалл.

Они вернулись обратно к кафедре, и мистер Моффат сел за мануалы. Он потянул за выдвижной рычаг и нажал на клавишу.

Одинокая нота поплыла по сумраку. Старик нажал на педаль громкости, и нота сделалась слышнее. Она пронзала воздух, звук скакал и переливался под куполом церкви, словно бриллиант, выпущенный из пращи.

Старик вдруг вскинул руку.

— Ты слышал? — спросил он.

— Что слышал?

— Он вздрогнул,— сказал мистер Моффат.

Пока люди входили в церковь, мистер Моффат исполнял хоральную прелюдию Баха «Из глубины взываю я». Руки уверенно двигались по клавишам мануалов, длинноносые туфли танцевали по педалям, и воздух был полон живым звуком.

Уэндалл наклонился к нему и прошептал:

— Солнце все-таки вышло.

Над серебряной макушкой старика сквозь витражное окно просачивался солнечный свет. Радужной дымкой он повисал между рядами труб.

Уэндалл снова придвинулся.

— Звук, по-моему, совершенно нормальный.

— Вот подожди,— сказал мистер Моффат.

Уэндалл вздохнул. Подойдя к ограждению хоров, он взглянул вниз на неф. Вливающаяся по трем боковым приделам храма толпа растекалась по рядам. Эхо производимого ею шелеста усиливалось и затихало, словно шорох насекомых. Уэндалл наблюдал, как люди рассаживаются на темно-коричневых скамьях. Надо всем и повсюду плыла органная музыка.

— Псс,— позвал Моффат.

Уэндалл развернулся и подошел к кузену.

— Что такое?

— Слушай.

Уэндалл наклонил голову набок.

— Не слышу ничего, кроме органа и мотора,— сказал он.

— Вот именно,— шепотом ответил старик.— А мотора ты слышать не должен.

Уэндалл пожал плечами.

— И что? — спросил он.

Старик облизнул губы.

— Кажется, снова начинается,— пробормотал он.

Внизу закрылись двери. Моффат скосил глаза на часы, лежащие на пюпитре, потом кинул взгляд на кафедру, где уже появился священник. Он сделал из финального аккорда переливающуюся пирамиду звука, выдержал паузу, затем последовала модуляция mezzo forte в соль мажор. Он сыграл начальную фразу из гимна «Восславим Господа».

Священник внизу вскинул руки ладонями вверх, и паства с шуршанием и скрипом поднялась с мест. Через миг церковь наполнилась тишиной. А потом люди запели.

Мистер Моффат аккомпанировал, правая рука двигалась привычным маршрутом. На третьей фразе лишняя клавиша опустилась вместе с той, на которую он нажал, и тревожный диссонанс нарушил мелодию. Пальцы старика отдернулись, диссонанс исчез.

— Восславим Отца, Сына и Святого Духа.

Собравшиеся завершили пение долгим «аминь». Пальцы мистера Моффата поднялись над мануалом, он отключил мотор, неф снова наполнился поскрипываниями и шорохами, священник в темном облачении воздел на миг руки и взялся за ограждение кафедры.

— Отец наш небесный,— начал он,— мы, дети Твои, пришли сегодня к Тебе в благоговейном смирении.

Вверху на хорах слабо вострепелась басовая нота.

Мистер Моффат вздрогнул. Взгляд метнулся на выключатель (нажат), на стрелку воздушного манометра (на месте), на комнату с электродвигателем (все тихо).

— Ты слышал это? — прошептал он.

— Да, вроде слышал,— сказал Уэндалл.

— Вроде? — натянуто переспросил мистер Моффат.

— Ну...— Уэндалл потянулся к манометру и постучал по нему ногтем. Ничего не произошло. Пробурчав что-то, он развернулся и пошел в комнату с электродвигателем. Моффат поднялся и на цыпочках последовал за ним.

— По мне, так он совершенно мертвый,— сказал Уэндалл.

— Надеюсь, что так,— ответил Моффат. Он почувствовал, что руки начинают дрожать.

Звук органа не должен быть навязчивым во время сбора пожертвований, он должен лишь служить фоном для звяканья монет и шороха банкнот. Мистер Моффат прекрасно это знал. Ни один человек не чувствовал музыку тоньше, чем он.

Однако сегодня утром...

Диссонансы точно не были его виной. Мистер Моффат редко ошибался. Клавиши сопротивлялись, дергались от его прикосновений, словно живые,— или же это все его воображение? Аккорды бледнели до бесцветных октав, а спустя миг наполнялись звуком — разве это его вина? Старик сидел окаменев, прислушиваясь к неровному музыкальному гулу в воздухе. Когда совместное чтение закончилась и он снова включил орган, тот как будто стал навязывать ему свою волю.

Мистер Моффат повернулся, чтобы сказать что-то кузену.

Неожиданно стрелка еще одного прибора прыгнула с *mezzo* на *forte*, и громкость увеличилась. Старик почувствовал, как сводит мышцы живота. Бледные руки отпрянули от клавиш, и на секунду осталось только приглушенное шарканье служек и звук падающих в корзинки монет.

Затем руки Моффата вернулись на клавиатуру, и сбор пожертвований снова был приглушен и облагорожен. Старик заметил, как лица прихожан с любопытством поднимались кверху, и он страдальчески поджал губы.

— Послушай,— сказал Уэндалл, когда сбор пожертвований подошел к концу,— а откуда ты знаешь, что это не ты?

— Потому что это не я,— прошептал в ответ старик.— Это он.

— Безумие какое-то,— отозвался Уэндалл.— Но если бы тебя здесь не было, он был бы просто хитроумной, но мертвой конструкцией.

— Нет,— покачал головой Моффат,— нет. Он гораздо больше.

— Послушай,— сказал Уэндалл,— ты говорил, тебя беспокоит то, что от него хотят избавиться.

Старик что-то проворчал.

— Так вот,— продолжал Уэндалл,— мне кажется, ты делаешь все это сам, но бессознательно.

Старик задумался над этим. Конечно, орган просто инструмент, он это знает. И звуками управляют его собственные руки и ноги. Без них орган был бы, как сказал Уэндалл, просто хитроумной конструкцией. Трубы, рычаги, неподвижные ряды клавиш, кнопки,

педали и сжатый воздух.

— Ну, что скажешь? — спросил Уэндалл.

Мистер Моффат посмотрел на неф.

— Время для «Благословения», — сказал он.

Посреди «Благословения» выдвижной рычаг громкости выскочил, и, прежде чем трясущаяся рука Моффата задвинула его обратно, воздух вздрогнул от громового аккорда, церковь наполнилась всепоглощающим, дрожащим звуком.

— Это не я! — зашептал он, когда «Благословение» кончилось.
— Я видел, рычаг выскочил сам!

— Я не заметил, — сказал Уэндалл.

Мистер Моффат посмотрел вниз, где священник начал читать слова следующего гимна.

— Надо остановить службу, — прошептал он дрожащим голосом.

— Мы не можем, — ответил Уэндалл.

— Но что-то вот-вот произойдет, я чувствую, — сказал старик.

— Что может произойти? — фыркнул Уэндалл. — В худшем случае прозвучит несколько фальшивых нот.

Старик сидел напрягшись и глядел на клавиши. Сцепленные руки лежали на коленях. Затем, когда священник начал читать заново, мистер Моффат заиграл вступительную фразу гимна. Прихожане встали и, после тишины длиной в мгновение, принялись петь.

На этот раз произошедшего не заметил никто, кроме мистера Моффата.

Звук органа обладает тем, что называется инертностью, объективной характеристикой. Органист не в силах изменить качество звука, это просто невозможно.

Однако мистер Моффат явственно слышал в музыке собственное беспокойство. По спине прошел холодок дурного предчувствия. Он служил органистом тридцать лет. Он знал этот орган лучше всех. Его пальцы помнили каждую клавишу, а уши знали каждый звук.

Но в это утро он играл на неведомом ему механизме.

Механизме, электродвигатель которого не отключился, когда закончился гимн.

— Выключи еще раз,— сказал Уэндалл.

— Я выключил,— испуганным шепотом ответил старик.

— Попробуй еще.

Моффат нажал на выключатель. Двигатель работал. Он нажал снова. Двигатель продолжал работать. Он стиснул зубы и в седьмой раз нажал на выключатель.

Мотор замер.

— Мне все это не нравится,— слабым голосом проговорил Моффат.

— Слушай, я уже видел такое раньше,— сказал Уэндалл.— Когда ты нажимаешь на выключатель, между медными контактами оказывается фарфоровый язычок. Это перекрывает электрический поток. Так вот, ты столько раз нажимал на выключатель, что на фарфоре образовался налет меди, и электричество проходит через него. Даже когда выключатель нажат. Я уже видел подобное раньше.

Старик отрицательно покачал головой.

— Он все понимает,— сказал он.

— Это безумие,— заявил Уэндалл.

— Неужели?

Они находились в комнатке с электродвигателем. Внизу священник продолжал службу.

— Совершенно точно. Это же орган, а не человек.

— Я уже не так в этом уверен,— сказал Моффат без всякого выражения.

— Послушай, хочешь знать, в чем может быть причина?

— Он знает, что от него хотят избавиться,— повторил старик.— Вот в чем причина.

— О, ну хватит уже.— Уэндалл нетерпеливо переминался на месте.— Я скажу тебе, в чем причина. Это старая церковь, и орган расшатывает ее стены уже восемьдесят лет. Восемьдесят лет вибрации, и стены начали коробиться, полы начали проседать. А по

мере того как пол проседает, двигатель перекашивается, провода растягиваются, образуется электрическая дуга.

— Дуга?

— Ну конечно. Электричество идет по дуге.

— Не понимаю.

— Лишнее электричество попадает на двигатель,— пояснил Уэндалл.— В таких моторах образуется электромагнитное поле. Чем больше электричества, тем больше перегрузка. Наверное, ее достаточно, чтобы вызвать все эти явления.

— Но даже если и так,— сказал Моффат,— почему он мне сопротивляется?

— Перестань так говорить,— возмутился Уэндалл.

— Но я же знаю, я чувствую.

— Надо отремонтировать электропривод, и все дела,— сказал Уэндалл.— Идем, пошли отсюда. Здесь жарко.

Снова сев на скамью, мистер Моффат неподвижно замер, пристально глядя на террасы клавиш.

Правда ли то, размышлял он, о чем говорил сейчас Уэндалл — что причина частично в неисправном моторе, частично в нем самом? Нельзя делать поспешных выводов, даже если так. Хотя, конечно, в объяснении Уэндалла присутствует здравый смысл.

Мистер Моффат ощущал покалывание в голове. Он чуть вздрогнул и поморщился.

Однако если присмотреться к тому, что происходит: клавиши опускаются сами собой, рычаги выскакивают, громкость не регулируется, звук окрашен эмоциями, хотя должен быть начисто их лишен. Расстройство ли это механизма или расстройство в нем самом, подобное кажется невероятным.

Покалывающая боль не проходила. Она разгоралась, как костер. Что-то неумоимо дрожало в горле старика. Пальцы рук, лежавших на скамье, подрагивали.

Однако все может оказаться не так просто, думал он. Кто сможет с уверенностью заявить, что орган всего лишь неодушевленный механизм? Даже если все то, о чем говорил Уэндалл, правда, разве не

может быть так, что орган какимто образом воспринимает эти факторы? Просевшие полы, натянувшиеся провода, электрическая дуга, перегрузка — разве он не может этого чувствовать?

Моффат вздохнул и распрямился. На миг задержал дыхание.

Неф расплывался перед глазами. Дрожал, словно желатиновая масса. Прихожане исчезали, сливаясь в одно пятно. Склеиваясь в один комок. Кашель, который он слышал, гулко разносился в нескольких милях от него. Он пытался двинуться, но не мог. Парализованный, он сидел на месте.

И тут на него нахлынуло что-то.

Это было, скорее, чистое ощущение, почти невыразимое словами. Оно пульсировало в голове электрическим потоком. Испуг, страх, гнев.

Моффат содрогнулся на своей скамье. Его хватало только на то, чтобы с ужасом подумать: «Он знает!» Все остальное стусеивалось перед превосходящей силой, которая все разрасталась, наполняя его сознание мраком. Церковь исчезла, паства исчезла, священник и Уэндалл исчезли. Старик повис над бездной, а страх и гнев, словно пара черных крыльев, властно тянули его вверх.

— Эй, что с тобой?

Встревоженный шепот Уэндалла вернул его к реальности. Моффат заморгал.

— А что такое? — спросил он.

— Ты включал орган.

— Включал?..

— И улыбался,— сказал Уэндалл.

Какой-то звук задрожал в горле Моффата. Внезапно он услышал голос священника, читающего слова последнего гимна.

— Нет,— пробормотал Моффат.

— Да в чем дело? — спросил Уэндалл.

— Я не могу его включить.

— То есть?

— Не могу.

— Почему?

— Не знаю. Я просто...

У старика перехватило дыхание, когда священник внизу перестал говорить и в ожидании поднял глаза. Нет, думал мистер Моффат. Нет, нельзя. Дурное предчувствие схватило его ледяной рукой. Он ощущал, как в горле рождается крик, пока его рука сама тянулась к выключателю.

Двигатель заработал.

Моффат заиграл. Точнее, заиграл орган, словно заставляя своей волей двигаться его пальцы. Панический страх клубился в голове старика. Он ощущал все нарастающее желание отключить орган и убежать.

Он продолжал играть.

Он вступил, когда запели прихожане. Целая армия людей, сидевших локоть к локтю, сжимали в руках винно-красные книжечки с гимнами.

— Нет,— выдохнул Моффат.

Уэндалл его не услышал. Старик видел, как растет давление. Стрелка громкости миновала *mezzo* и двинулась к *forte*. Сухой всхлип вырвался из горла. Нет, пожалуйста, думал он, не надо.

Внезапно рычаг громкости выдвинулся наружу, словно голова змеи. Моффат в отчаянии задвинул его на место. Зашевелился рычаг унисона. Старик удержал его, он чувствовал, как рычаг шевелится под подушечкой пальца. Бисеринки пота выступили на лбу. Он кинул взгляд вниз и увидел, что люди посматривают на него. Его глаза переместились на стрелку громкости, которая скакнула на «большое крещендо».

— Уэндалл, попробуй!..

Завершить он не успел. Рычаг громкости снова выдвинулся, и воздух распух от звука. Моффат задвинул рычаг обратно. Он чувствовал, как клавиши и педали движутся сами. Неожиданно выскочил рычаг унисона. Волна неукротимого гула затопила церковь. Нет времени объяснять что-то Уэндаллу.

Орган ожил.

Он ахнул, когда Уэндалл перегнулся через него и принялся колотить рукой по выключателю. Ничего не изменилось. Уэндалл выругался и стал дергать рычажок взад-вперед. Двигатель продолжал работать.

Давление достигло предельного значения, каждая труба дрожала от заключенного внутри ураганного ветра. Тона и обертона захлебывались в звуковом пароксизме. Гимн был совершенно забит громом враждебных аккордов.

— Быстрее! — выкрикнул Моффат.

— Не отключается! — выкрикнул в ответ Уэндалл.

И снова выскочил рычаг громкости. Усиленные диссонансы заколотили по стенам. Моффат накинудся на рычаг. Освобожденный рычаг унисона снова выпрыгнул. Яростный звук сгущался. Словно воющий великан ударял в церковь плечом.

«Большое крещендо». Медленные вибрации раскачивали полы и стены.

Неожиданно Уэндалл подскочил к перилам и закричал:

— Уходите! Все уходите!

Охваченный паникой, Моффат снова и снова жал на выключатель, однако хоры по-прежнему содрогались под ним. Орган все так же изрыгал музыку, которая уже не была музыкой, а только атакующим звуком.

— Уходите! — кричал Уэндалл вниз. — Быстрее!

Первыми не выдержали витражи.

Стекла взорвались в рамах, словно по ним выпалили из пушки. Осколки разбившейся радуги дождем посыпались на паству. Женщины кричали, их голоса прорывались сквозь дошедшую до максимальной громкости музыку. Люди вскакивали со скамей. Звук ходил от стены до стены разрушительными волнами.

Паникадила разорвались хрустальными бомбами.

— Скорее! — надрывался Уэндалл.

Моффат не мог пошевелиться. Он сидел, бессмысленно таращась на клавиши мануалов, которые сами опускались одна за другой, словно костяшки домино. Он прислушивался к крикам органа.

Уэндалл схватил его за руку и потащил со скамьи. У них над головой разорвались два последних окна, превратившись в тучи стеклянной пыли. Под ногами ощущались могучие конвульсии здания.

— Нет! — Голос старика не был слышен, однако его намерения были совершенно очевидны, потому что он выдернул у Уэндалла руку и отступил к скамье.

— Ты с ума сошел? — Уэндалл подскочил к нему и грубо схватил старика. Они сцепились, борясь. Внизу рушились приделы. Паства превратилась в обезумевшее от страха стадо.

— Отпусти! — кричал мистер Моффат, его лицо стало похожим на бескровную маску.— Я должен остаться!

— Нет, тебе нельзя! — кричал Уэндалл. Он что есть сил вцепился в старика и потащил его с хоров. Штормовые диссонансы вырвались вслед за ними на лестницу, перекрывая голос старика.

— Ты не понимаешь! — кричал мистер Моффат.— Я обязан остаться!

Вверху, на трясущихся хорах орган играл сам собой, все рычаги выдвинулись наружу, педали громкости были отжаты до предела, двигатель работал, меха качали воздух, трубы ревели и вскрикивали.

Внезапно треснула стена. Задрожали дверные проемы, камень заскрежетал о камень. Зазубренный кусок штукатурки свалился из-под купола и рассыпался по скамьям облаком белой пыли. Пол вибрировал.

Лавина прихожан текла из дверей. Позади вопящей, толкающейся толпы рвались оконные рамы и, кувyrкаясь, приземлялись на пол. Еще одна трещина распорола стену. Стало нечем дышать от известковой пыли.

Начали падать кирпичи.

Снаружи, посреди дорожки, застыл мистер Моффат, глядящий на церковь пустыми глазами.

Это он сам. Как же он мог не догадаться? Это его испуг, его страх, его гнев. Испуг, что его тоже отдадут на слом, заменят, страх оказаться оторванным от того, что он любил и в чем нуждался, гнев на мир, который спешит избавиться от устаревших вещей.

Именно он превратил орган в маниакальный механизм.

Вот уже последний человек покинул церковь. Внутри рухнула первая стена.

Она осыпалась шумным ливнем кирпича, дерева и штукатурки. Балки закачались, словно лес, и быстро упали, сминая скамьи внизу, словно ударами кувалды. Тросы, на которых держались люстры, ослабли, и к общему шуму добавились оглушительные взрывы.

А потом с хоров слышались басовые ноты.

Ноты были такие низкие, что едва воспринимались ухом. Они вибрировали в воздухе. Педали опустились, усиливая чудовищный аккорд. Он был похож на рык гигантского животного, на рев сотни бушующих океанов, на гул земли, разверзающейся, чтобы поглотить всякую жизнь. Пол поднялся горбом, стены с грохотом сложились. Купол повисел мгновение и ухнул вниз, завалив собой половину главного нефа. Исполинская туча пыли затянула все пеленой. Внутри этого мутного облака церковь, треща, рассыпаясь на мелкие куски, громяхая и взрываясь, осела на землю.

Позже старик задумчиво бродил по залитым солнечным светом руинам и прислушивался, как орган дышит, словно какое-то неведомое животное, умирающее в древнем лесу.

Проценты

— Прошу прощения,— сказала Кэтрин, смущенно опуская глаза. — С моей стороны нехорошо так глазеть. Просто я никогда еще не видела такого прекрасного дома.

В поисках поддержки она взглянула на другой конец широкого стола, застеленного белоснежной скатертью. Однако ответная улыбка Джеральда была такой же вымученной и натянутой, как и ее собственная. Она краем глаза посмотрела на его отца. Мистер Круикшэнк, кажется, был совершенно поглощен нежным, как масло, бифштексом, по которому он сосредоточенно водил серебряным ножом.

— Мы понимаем, дорогая,— отозвалась миссис Круикшэнк.— Я ощущала то же самое, когда впервые...— Ее голос угас.

Кэтрин невольно посмотрела вбок и увидела, что мистер Круикшэнк еще ниже склонился над золоченой тарелкой. Легкий холодок пробежал по спине. Она сделала вид, что ничего не заметила, и взялась дрожащей рукой за изящный винный бокал с золотой каемкой.

— Бифштекс восхитительный,— произнесла она, отставляя бокал. Миссис Круикшэнк кивнула и слабо улыбнулась. Наступила тишина, если не считать звяканья приборов о тарелки и треска поленьев в исполинском мраморном камине, который занимал угол гигантской столовой.

Кэтрин снова взглянула на Джеральда.

Его взгляд был прикован к тарелке. Он жевал медленно и с паузами, словно размышлял о чем-то и по временам уносился мыслями так далеко, что забывал о необходимости еще и двигать при этом челюстями.

Ее лицо окаменело, пока она наблюдала за этими натужными движениями. Она выпила глоток воды, чтобы прочистить горло. «Я выхожу замуж за него,— подумала она,— а не за этот дом и не за его родителей. Он совершенно нормален, когда поблизости нет его отца».

Ее щеки чуть вспыхнули, словно мистер Круикшэнк мог читать мысли. Затем она опустила глаза и снова принялась за еду. Кэтрин ощущала на себе взгляд пожилого человека и невольно подтянула ноги под стул. От звука, с каким каблуки ее туфель проехали по наборному паркету, мистер Круикшэнк передернул плечами.

Она не отрывала взгляда от еды. «Перестань на меня так смотреть». — Ее разум сам выплюнул эти слова. После чего она решительно подняла глаза и посмотрела на хозяина. Кэтрин успела заметить, как дергается его правая щека. У нее сжалось горло.

— Какой высоты здесь потолки, мистер Круикшэнк? — забормотала она, не в силах смотреть ему в лицо молча.

Она отметила, что его рубашка такая же белоснежная, как и скатерть, и безукоризненный галстук-бабочка выделяется на ее фоне двумя соединенными в вершинах черными треугольниками. Кэтрин на мгновение прижала дрожащие руки к коленям. «Я не смогу называть его папой, даже если проживу миллион лет», — подумала она.

— Ммм? — промычал наконец мистер Круикшэнк.

«Ты прекрасно меня слышал!» — выкрикнул ее разум.

— Какой высоты здесь потолки? — повторила она с трепещущей улыбкой.

— Восемь метров, — сказал он так, словно зачитывал параметры оценщику.

Она, словно желая убедиться, подняла глаза, радуясь тому, что можно избежать взгляда этих светло-голубых глаз и не видеть тика, который бился под щекой, словно крошечное, заточенное внутри насекомое.

Ее взгляд прошелся вверх по завешенным гобеленами стенам, вдоль высоких окон с широкими подоконниками, по темным изогнутым балкам, образующим арку под потолком. «Джеральд, — думала она, — спаси меня. Я так больше не выдержу. Не выдержу».

— Восемь, — повторила она. — Поразительно.

Мистер Круикшэнк больше не смотрел на нее. Как и его жена. Только Джеральд встретился с ней взглядом, когда она отвела глаза от потолка. Они секунду смотрели друг на друга. «Не бойся». Ей

показалось, она прочла в его взгляде именно эти слова.

Она снова занялась едой, не в силах унять дрожь в руках. «Что же такое с этим домом,— недоумевала она.— Не могу отделаться от ощущения, что дело не во мне. Это все дом. Он слишком большой. Все в нем слишком большое. И есть в нем что-то еще. Что-то такое, чего я не могу объяснить. Но я это чувствую. Чувствую каждую секунду».

Она подняла глаза на две гигантские люстры, которые висели у них над головами, словно громадные браслеты из мерцающего самородного золота. Невольно ее взгляд прошелся по всей мраморной стене, от верхних гобеленов до нижнего края окон.

«Оленьи головы,— подумала она с содроганием, быстро отводя глаза,— целый ряд отрезанных голов таращится на нас, пока мы едим. А на полу то, что осталось от медведягризли, смотрит вверх, разевая рот в вечном оскале».

Она закрыла глаза, ее захлестнуло прежнее ощущение. «Это все дом, дом».

Когда секунду спустя она открыла глаза, Джеральд смотрел на нее, его тонкий рот сочувственно шевельнулся. «Ты в порядке?» — спросил он беззвучно, одними губами.

Она улыбнулась ему, мечтая обежать стол и навечно сжать его в объятиях. «Боже, не смотри на меня так,— мысленно умоляла она,— с такой жалостью и тоской во взгляде. Мне нужна сейчас уверенная поддержка, а не полный скорби взгляд».

Она смотрела с яростью, сердце колотилось, пока мистер Круикшэнк прочищал горло и откладывал в сторону свои приборы. Он откинулся на спинку стула, и его взгляд властно прошелся по всей длине стола.

Миссис Круикшэнк внезапно положила нож и вилку и села, замерев. Джеральд тоже отложил приборы и поглядел на Кэтрин, на его лице вдруг отразилась боль. Она не поняла. Бросила взгляд на его отца.

Мистер Круикшэнк сидел, дожидаясь, его худые, перетянутые синими венами руки покоились на коленях. Он смотрел прямо перед собой, словно, кроме него, здесь никого не было. У Кэтрин свело живот. Она спешно отложила нож и вилку и села, глядя на ряд белых

свечей, поднимающихся из серебряного канделябра в центре стола.

Мистер Круикшэнк поднял наполовину парализованную руку и другой рукой сомкнул ее пальцы на серебряном колокольчике с короной на верхушке. Он звякнул точно два раза, словно бы прозвонить больше или меньше было бы грубым нарушением ритуала.

Пронзительный звон эхом разнесся по вытянутой комнате. «О господи, это же просто смешно,— думала Кэтрин,— мы на обеде или на церковной службе?»

Она посмотрела на миссис Круикшэнк, на Джеральда. Те сидели молча. Джеральд смотрел на отца, и на его напряженном лице читалась горечь.

Не успел угаснуть звон колокольчика, как ведущие в кухню толстые дубовые двери беззвучно открылись и вошли две безмолвные горничные. Пока уносили главное блюдо, Кэтрин смотрела на Джеральда.

Он упирался подбородком в обескровленный кулак. Она физически ощущала не покидающее его беспокойство. «Никогда еще не видела его таким,— думала она.— Таким расстроенным».

Она поерзала на красном плюшевом стуле, когда горничная поставила перед ней высокую вазочку с лимонным мороженым.

Кэтрин ела, опустив голову, мечтая, чтобы Джеральд сказал хоть что-нибудь, все равно что. Она дрожала от холода, пока мороженое влажно проскальзывало в горло и опускалось в желудок.

— Слишком холодное,— пробормотал мистер Круикшэнк.

Она бросила в его сторону вопросительный взгляд. Мистер Круикшэнк рассматривал скатерть. Бесцветные губы были поджаты: он держал кусочек мороженого во рту, дожидаясь, когда согреется.

Пока она наблюдала за ним, ее вдруг охватило желание вскочить со стула и убежать отсюда как можно дальше.

Мистер Круикшэнк снова прочистил горло. Кэтрин вздрогнула, и ложечка громко звякнула о стекло. Миссис Круикшэнк улыбнулась, вроде бы благожелательно.

Снова прозвенел колокольчик. Она вытянулась на стуле. Вошли горничные, сопровождаемые дворецким.

— Кофе в библиотеку,— коротко приказал мистер Круикшэнк. Его тяжелый стул заскрежетал по полу, отъезжая назад, и Кэтрин стиснула зубы. Она заметила, как колыхнулось, будто на ветру, тело старика, когда он встал.

Джеральд уже поднялся и обогнул стол. Он помог ей встать, и она благодарно схватилась за его руку.

— Ты была великолепна,— сказал он тихо.— Просто идеальна.

Она ничего не ответила. Кэтрин так и держала его за руку, пока они шли через просторную комнату к двери.

Они в молчании двигались по огромному коридору. Стук шагов как будто терялся в бесконечности. Кэтрин кинула взгляд на длинную широкую лестницу, по бокам которой висели живописные холсты в золоченых рамах.

— Ты не...— начала она, но, увидев, что Джеральд ее не слушает, замолкла.

Он смотрел вперед, на отца, лицо его было бледным и отстраненным. Она посмотрела на него так, словно рядом с ней был незнакомец. «Что же происходит?» — снова и снова задавался вопросом ее разум.

Она оглядела коридор и ощутила, как ее охватывает страх. Хотелось закричать, сжаться в комок, лишь бы оказаться подальше от этих стен. Во всем здесь было нечто жуткое. Она была уверена в этом. Ничего конкретного, только бросающее в дрожь предчувствие.

Когда они вошли в библиотеку, ее кольнула другая мысль. Возможно ли, что его родители теперь против их женитьбы? Уже после того, как дали слово?

«Что же я творю? — подумала она.— Я же все просто выдумываю. Все без исключения».

Джеральд повернулся и взглянул на нее, и она поняла, что все время, пока размышляла, не сводила с него глаз.

— Что случилось, Кэтрин?

— Дорогой, ты такой молчаливый.

Он печально улыбнулся и крепче сжал ее руку.

— Правда? — спросил он.— Прости. Дело в том... ладно, я

объясню позже. Я...— Он оборвал шепот, потому что они уже подходили к родителям.

Перед камином были расставлены тяжелые стулья и кушетки. Худое тело мистера Круикшэнка покоилось на одной из кушеток. Его супруга опускалась на стул.

Мистер Круикшэнк похлопал по кушетке рядом с собой.

— Садитесь сюда, Кэтрин,— сказал он.

Она испуганно присела. Кэтрин ощущала запах чистоты и крахмала, исходящий от его рубашки, и запах помады, какой были покрыты его редкие седые волосы.

Она старалась не дрожать. Волны жара от камина прокатывались по ногам. Она подняла глаза. «Очередной потолок в восемь метров», — подумала она. И книги, тысячи книг. Прячущиеся в тени мраморные бюсты хмуро смотрели вниз с верхних полок книжных шкафов. Потолок был покрыт громадными фресками в зеленоватых тонах. Повсюду виднелись очертания живых тропических растений в огромных кадках, и их листья были похожи на зеленые кинжалы.

— Вам двадцать пять, Кэтрин,— произнес мистер Круикшэнк. Вопросом это было лишь наполовину.

Она сложила руки.

— Да.— Горло ее сжалось. «Первый обед с родителями моего жениха», — подумала Кэтрин. Она напряженно ждала, что он скажет дальше.

Однако мистер Круикшэнк больше ничего не сказал. Краем глаза она видела, как его костлявые пальцы неумоимо барабанят по коленной чашечке.

— Отец, я...— внезапно заговорил Джеральд. Голос его оборвался, когда у него за спиной открылась дверь и вошел дворецкий с кофе.

«Вечер никогда не закончится», — думала Кэтрин, когда дворецкий наклонялся к ней с подносом. Она взяла чашечку кофе. Налила немного сливок из серебряного молочника, положила полложечки сахара и размешала как можно тише.

Мистер Круикшэнк потягивал черный кофе без сахара. Его чашка чуть позвякивала о блюде. Кэтрин изо всех сил старалась не

замечать этого звука. Она пыталась сосредоточиться на треске поленьев в камине. Но все равно слышала проклятое позвякивание.

Она взглянула на Джеральда, потом на его мать. Оба сидели, глядя в чашки. У нее вдруг окаменели все мышцы. «Не знаю, почему я так боюсь,— подумала она.— Боюсь его отца, его матери, его дома. Это просто ужасно, бояться того, что является частью Джеральда, но я ничего не могу с собой поделать. Я хочу, чтобы он увел меня подальше от всего этого».

Она снова взглянула на Джеральда. В нем что-то зрело. Нарастало, словно раздуваемый ветром огонь. Она видела это. Она сидела и дожидалась, понимая, что вот-вот что-то произойдет, он заговорит, или закричит, или разобьет об пол чашку. Его горло подергивалось, когда он ставил свою чашку и быстрым движением облизывал губы. Она напряженно ждала, и ее руки дрожали. Она поняла, что не в силах дышать и все в комнате, за исключением Джеральда, словно уплывает куда-то вдаль.

Затем, когда этот миг прошел, она заметила мраморный бюст далеко у него за спиной. «Над дверьми на бюст Паллады у порога моего,— напыщенно и неуместно процитировал вдруг внутренний голос.— Сел — и больше ничего»^[1].

— Отец,— быстро проговорил Джеральд, и ее взгляд сосредоточился на его лице. Он сидел на краешке стула, вжимая ладони в колени.

Она оцепенела, дожидаясь ответа мистера Круикшэнка.

— Джеральд,— отозвался тот, и Кэтрин, вдруг поперхнувшись, нервными пальцами отставила чашку с блюдцем.

Джеральд смотрел на отца. «Господи, да говори же!» — кричало ее сознание.

— Мне... мне кажется,— запинаясь, начал Джеральд,— мне кажется, у Кэтрин есть право знать. До того, как мы поженимся.

Один жуткий миг стояла тишина. Затем мистер Круикшэнк произнес:

— Знать? — Голос его звучал холодно.

Она взглянула на него, и ее снова испугал тик под его правым глазом.

Она отвернулась и заметила, как сильно побледнела мать Джеральда. Та в страхе смотрела на сына.

Джеральд сжал руки в кулаки.

— Ты понимаешь, о чем я говорю,— сказал он,— о...

— Хватит,— с угрозой в голосе произнес его отец.

Джеральд замолчал. Он сжал рот. Затем внезапно ударил кулаком по колену.

— Нет! — воскликнул он, и все его натянутые нервы воскликнули вместе с ним.— Я не хочу, чтобы она испытала потрясение, какое испытала мама, когда...

— Я сказал, хватит! — Голос мистера Круикшэнка возвысился и задрожал.

Кэтрин почувствовала, как двинулась подушка на кушетке, когда старик судорожно качнулся сначала вперед, затем назад.

Джеральд быстро встал, лицо его напряглось. Он развернулся и двинулся в конец комнаты.

— Джеральд, нет! — закричала мать, поднимаясь на ноги.

Она споткнулась, снова выпрямилась и поспешила за сыном. Схватила его за рукав. Кэтрин ошеломленно наблюдала, слыша, как сбивчиво и настойчиво звучит голос миссис Круикшэнк.

Мистер Круикшэнк тоже поднялся.

— Вас это не должно беспокоить,— сказал он поспешно.— Это не так важно, как кажется.— Она избежала его взгляда и услышала, как его ноги в черных туфлях быстро вышагивают по ковру.

Кэтрин подняла глаза и увидела, что все трое стоят у дальней стены комнаты. Джеральд яростно жестикулировал, видимо не в силах сдержать себя. Его движения были беспорядочны. Голос часто срывался. Трижды он пытался подойти к полке с книгами в красных кожаных переплетах. И трижды отец удерживал его.

— Нет! — гневно взревел он.— Я не могу это допустить. У тебя нет права...

Его голос снова затих. Она отвернулась и принялась смотреть на огонь, чувствуя, как стучат зубы. Что же это происходит, что это

такое? Ей хотелось прокричать свой вопрос. Ее выводило из равновесия то, что она ничего не понимает и каждую секунду осознает свое неведение.

Что же это за зловещая угроза, которая отравляет самый воздух дома? Почему даже в Джеральде есть этот страх, чего он боится в собственном доме?

Нет, решила она. Это даже не страх. Это похоже на глубоко въевшееся чувство вины. Вины, похожей на никогда не заживающую рану, которая каждый раз открывается снова, стоит только ее залечить.

Вина. Но в чем?

— В чем? — Слова прозвучали громче, чем она ожидала.

Кэтрин спешно огляделась, чтобы убедиться, что ее не услышали. Она заламывала руки в тоске.

Они вернулись к камину. Ей было слышно, как их туфли протопали по ковру.

— Я отвезу тебя домой,— спокойно произнес Джеральд. Она взглянула в его непроницаемое лицо. Миссис Круикшэнк тронула его за плечо, но он отстранился. Кэтрин взволнованно поднялась и машинально взялась за предложенную ей руку.

Они пошли к двери. Она слышала, как мистер Круикшэнк что-то раздраженно говорит жене. «Ни разу сюда не вернусь,— рассерженно подумала Кэтрин.— Ненавижу этот дом. Он большой, уродливый и неуютный. Но как же люди, которые в нем живут?» — спросила она себя. И проигнорировала этот вопрос.

Джеральд помог ей надеть пальто. Она не посмотрела на него. Поцеловала прохладную щеку миссис Круикшэнк. Пожала руку мистеру Круикшэнку. «Ненавижу ваш дом»,— продолжала думать она.

— Большое спасибо, что пригласили меня,— сказала она.— Все было чудесно.

— Мы рады, что вы нас навестили,— отозвалась мать Джеральда. Ее супруг кивнул.

Они с Джеральдом прошли по длинной дорожке до машины. Один раз она посмотрела назад через плечо, но двери были уже

закрыты.

Они сели в машину, не произнеся ни слова. Джеральд сидел за рулем, глядя в ветровое стекло. Она слышала, как он тяжело дышит в темноте.

— Милый, что все это значит? — спросила она.

Он медленно повернулся и взглянул на нее. Неожиданно придвинулся и вжался лицом в ее мягкие волосы.

Она погладила его по щеке.

— Скажи мне, — попросила Кэтрин.

— Как... как я могу просить тебя выйти за меня? — проговорил он.

Она проглотила комок в горле, чувствуя, что холодеет.

— Ты меня не любишь? — спросила она тоненьким испуганным голоском.

Он поцеловал ее и с отчаянием обнял.

— Ты же знаешь, что люблю, — сказал он, — только ты не знаешь, о чем я тебя прошу. За что ты выйдешь замуж. За... за зло.

— Зло? — повторила она.

Он отстранился. Взглянул через лобовое стекло на далекое небо.

— Да, — сказал он. — И я не в праве просить тебя... жить, сознавая его.

— Ты меня любишь?

— Да, конечно, я тебя люблю.

— Тогда все остальное не имеет значения.

— Имеет, — произнес он сердито. — Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Не надо быть такой наивной. Это важно. Мой отец мог бы сказать, что нет. Моя мать могла бы так сказать. Но это важно. И всегда будет важно.

Он быстро протянул руку и завел мотор. Дернул за рычаг передач, и машина покатила по широкой, огибающей лужайку подъездной дорожке. Джеральд резко вырулил на дорогу.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он сиплым голосом. — Я не

стану на тебе жениться.

Она вздрогнула и пристально посмотрела на него. Она не могла говорить. Тело стало тяжелым и бесчувственным.

— Что? — пробормотала она, но даже сама с трудом расслышала собственный голос.

Мимо проносился темный лес. Она смотрела на черный силуэт Джеральда, на глубокие тени на лице, возникшие от тусклого света приборной доски. Руки у нее тряслись.

— Джеральд,— позвала она.

Он не ответил. Она прерывисто вздохнула и ощутила, что по щеке катится слеза.

— Ты... ты даже не с-сказал мне почему,— произнесла она.— Ты...

Рыдание вырвалось из горла, и она отвернулась.

— Послушай, Кэтрин.— В его голосе звучали пустота и потерянность. Он говорил так, словно прощался навеки.— Только выслушай меня. Любви недостаточно. Поверь мне. Моя мать любила и до сих пор любит отца. Но этого недостаточно. Ты даже не знаешь, что это такое. И не можешь знать. И я не хочу, чтобы ты знала. Я и сам не хотел бы этого знать. Жить с этим, день за днем, час за часом, каждую минуту без конца. Это кошмарно.

— Но...

— Нет. Милая, выслушай меня. Моя мать делает вид, что все в прошлом. Она говорит, что все давно кончено и позабыто. Но я слышал, как она с криком просыпается по ночам. Господи, и как часто! И я вижу, как отец делает вид, будто жизнь идет нормально, словно все в порядке. Но это постоянно убивает его. Он притворяется, он живет, словно довольный жизнью богач, но это его убивает.

— Что? Что это, Джеральд?

Он нажал ногой на тормоз, и машина, подпрыгнув, резко остановилась. Кэтрин ахнула и испуганно посмотрела на него. Она задержала дыхание, когда его рука дотронулась до нее, холодная и дрожащая.

— Ладно,— сказал он.— Я покажу тебе. Так будет правильно. Когда ты узнаешь, ты сможешь решить сама. Не будет никаких тайн. Тогда ты поймешь, в какой ловушке окажешься, если выйдешь за меня замуж.

— В ловушке, Джеральд? — спросила она несчастным голосом.

— Именно, в ловушке,— сказал он, снова заводя мотор. Он развернул машину и поехал назад.

— Это все наши... деньги,— сказал он.

— Ваши...

— Наши деньги. О, я знаю, что ты скажешь. Я слышал это множество раз. Это не вина моего отца, и не моя, мы не отвечаем за наших предков. Грехи отцов и все такое. Так вот, все это ложь. Ложь.

Он не сводил глаз с дороги, его нога жала на педаль газа.

— Но, дорогой, что ты...

— Подожди же! — почти закричал он. Затем заставил себя успокоиться.

— Прости,— сказал он.— Просто подожди немного. Прошу тебя, Кэтрин.

Машина выехала на подъездную дорожку и остановилась перед домом.

— Не хлопай дверцей,— сказал Джеральд.

— Может, мне лучше не ходить?

Она дрожала, когда он в темноте взял ее за руку.

— Кэтрин, либо так, либо никак. Если ты не пойдешь сейчас, другого раза не будет. Я отвезу тебя домой, и мы больше никогда не увидимся.

— Хорошо,— сказала она.— Тогда я иду.

Она закрыла дверцу машины как можно тише. Кэтрин робко стояла рядом с ним в прихожей, пока Джеральд запирает входную дверь.

Он взял ее за руку и быстро повел в темную библиотеку. Их ноги прошуршали по толстому ковру. От камина на пол падал дрожащий золотистый отсвет. Горло Кэтрин сжималось. Она ощущала

пугающую своими размерами пустоту и враждебность этой комнаты.

Они остановились перед книжным шкафом. Кэтрин услышала, как он открывает дверцу. Затем звук вынимаемых книг. Она подошла ближе.

В неровном свете камина она увидела, что его белые пальцы набирают код на дверце сейфа.

Она отвернулась. Услышала, как щелкнула дверца сейфа, как Джеральд что-то оттуда вынул. Кэтрин вздрогнула, когда он взял ее за руку. Она шла с закрытыми глазами, пока он вел ее к кушетке перед камином.

Они сели, и он положил ей на колени некий предмет.

— Тебе же нельзя мне показывать,— вдруг сказала она.

— Ты хочешь выйти за меня? — спросил он.

— Надо ли мне знать?

Он ничего не ответил, и Кэтрин положила руки на предмет. Взглянула на него. Это оказалась коробка из темного дерева.

Онемелыми руками она провела по крышке. В ушах шумела кровь. Кэтрин сидела, словно парализованная.

— Открой,— произнес он тихо, голос его дрожал.

Она подняла трясущуюся руку и откинула крышку. Глубоко вдохнула и заглянула внутрь.

— Вот откуда все это взялось,— добавил он.

Она нахмурила брови. Опустила руку в коробку. В мерцающем свете посморгнулась на то, что оказалось у нее на ладони. Повернулась к нему.

— Но,— начала она,— это же просто...

— Серебряная монета,— сказал он, и глядящие на нее темные глаза широко раскрылись.— Сосчитай. Их здесь ровно тридцать.

Услуги на дом

Однажды октябрьским вечером в дверь позвонили.

Фрэнк и Сильвия Гассетт только что уселись смотреть телевизор. Фрэнк поставил на стол свой джин с тоником и поднялся. Он вышел в прихожую и открыл дверь.

На пороге стояла женщина.

— Добрый вечер,— сказала она.— Я представляю «Службу обмена».

— «Службу обмена»? — Фрэнк вежливо улыбнулся.

— Да,— сказала женщина.— Мы начинаем экспериментальную программу в вашем районе. Что касается профессиональных услуг...

Их профессия оказалась из числа древнейших. Фрэнк ахнул.

— Вы что, серьезно? — спросил он.

— Абсолютно,— сказала женщина.

— Но... святой боже, вы же не можете... прямо вот так приходить на дом... и... это противозаконно! Я могу потребовать, чтобы вас арестовали!

— О, но вы же не станете этого делать,— сказала женщина. Она гордо выкатила обтянутую блузкой грудь.

— Это почему же? — поинтересовался Фрэнк и закрыл дверь прямо у нее перед носом.

Он постоял, тяжело дыша. Услышал, как ее шпильки застучали вниз по ступенькам и постепенно затихли.

Фрэнк вернулся в гостиную.

— Просто невероятно,— произнес он.

Сильвия оторвала взгляд от телевизора.

— А что такое? — спросила она.

Он рассказал.

— Что?! — От возмущения она поднялась с кресла.

Они секунду постояли, глядя друг на друга. После чего Сильвия подошла к телефону, подняла трубку и набрала номер.

— Соедините с полицией,— попросила она оператора.

— Странное дело,— сказал полицейский, который прибыл спустя несколько минут.

— Действительно странное,— задумчиво протянул Фрэнк.

— Ладно, что вы собираетесь предпринять? — с нажимом спросила Сильвия.

— Прямо сейчас мы едва ли можем что-то сделать, мэм,— пояснил полицейский.— Не за что зацепиться.

— Но а как же мое описание...— начал Фрэнк.

— Мы же не может разъезжать по округе и хватать всех женщин на шпильках и в белых блузках,— сказал полицейский.— Если она вернется, поставьте нас в известность. Может, это просто хулиганит какая-нибудь женская организация.

— Может быть и так,— сказал Фрэнк, когда патрульная машина отъезжала от дома.

— Хорошо бы,— отозвалась Сильвия.

— Странное событие произошло вчера вечером,— рассказал Фрэнк, пока подвозил Максвелла на работу.

Максвелл хмыкнул.

— Ага, к нам она тоже приходила,— сказал он.

— Правда? — Фрэнк посмотрел, вздрогнув, на смеющегося соседа.

— Ну да,— сказал Максвелл.— По счастью, дверь открыла моя старуха.

Фрэнк похолодел.

— Мы позвонили в полицию,— сказал он.

— Чего ради? — спросил Максвелл.— Зачем с этим бороться?

Фрэнк нахмурил брови.

— Ты хочешь сказать, что не считаешь это хулиганской выходкой какого-нибудь женского клуба?

— Черт, нет, конечно,— сказал Максвелл,— все по-настоящему. — Он принялся напевать: — Я маленькая шлюшка, Хожу от двери к двери, Хочу я быть полезной, Вы можете мне верить...

— Это что еще за ерунда? — спросил Фрэнк.

— Слышал на одном мальчишнике,— сказал Максвелл.— Мне кажется, наш город не первый, где они появились.

— Господи боже,— пробормотал Фрэнк, бледнея.

— А почему бы нет? — спросил Максвелл.— Это всего лишь вопрос времени. С чего им упускать возможность поставлять услуги на дом?

— Это же просто омерзительно,— заявил Фрэнк.

— Да какого лешего,— отозвался Максвелл.— Это просто прогресс.

Вторая явилась тем же вечером: крашенная блондинка с темными корнями волос, вырез на кофточке стремился соединиться с разрезом на юбке.

— При-вет, милый,— пропела она, когда Фрэнк открыл дверь.— Я Джени. Интересуешься?

Фрэнк одеревенел.

— Я...— проговорил он.

— Двадцать три монеты и полная свобода фантазии,— сказала Джени.

Фрэнк, дрожа, захлопнул дверь.

— Опять? — спросила Сильвия, когда он приковылял обратно в комнату.

— Угу,— промычал он.

— А ты спросил у нее адрес и телефон, чтобы мы могли сообщить в полицию?

— Я забыл,— сказал он.

— Ты же пообещал, что спросишь.— Она топнула ногой в шлепанце.

— Да-да, но я забыл.— Фрэнк сглотнул комок в горле.— Ее зовут Джени.

— Это, конечно, сильно нам поможет,— заметила Сильвия.— И что теперь будем делать?

Фрэнк покачал головой.

— Нет, это просто чудовищно,— сказала она.— Что мы подвергаемся подобному...— Она задрожала от негодования.

Фрэнк обнял ее.

— Держись,— прошептал он.

— Я заведу собаку,— сказала она.— Очень злую.

— Нет-нет,— возразил Фрэнк,— мы еще раз позвоним в полицию. Они просто поставят кого-нибудь наблюдать за домом.

Сильвия принялась плакать.

— Это просто чудовищно,— рыдала она,— все это.

— Чудовищно,— согласился он.

— Что это ты там мурлычешь? — спросила она за завтраком.

Он едва не подавился куском хлеба из цельной пшеницы.

— Ничего,— ответил он, откашливаясь.— Просто песенка, которую слышал недавно.

— А.

Она похлопала его по спине.

Он вышел из дома, его била легкая дрожь. «Просто чудовищно», — думал он.

В то утро Сильвия купила табличку в скобяной лавке и установила ее в начале лужайки. «ДОМОГАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО» — было написано на табличке. Она подчеркнула слово «домогаться». Потом подумала и подчеркнула еще раз.

— Так вы говорите, пришла прямо в дом? — переспросил агент

ФБР; Фрэнк позвонил ему из конторы.

— Прямо в дом,— повторил Фрэнк,— вот так вот нагло.

— Ну и дела,— произнес агент ФБР. Он хмыкнул.

— И, несмотря на это,— сурово продолжал Фрэнк,— полиция отказалась оставить возле нашего дома засаду.

— Ясно,— сказал агент.

— Но что-то же необходимо предпринять,— заявил Фрэнк.— Это прямое посягательство на частную жизнь.

— Разумеется, это так,— согласился федерал,— и мы обязательно разберемся в этом деле, не беспокойтесь.

Повесив трубку, Фрэнк вернулся к сэндвичу с беконом и термосу пахты.

— Я маленькая...— запел он раньше, чем успел себя одернуть. Потрясенный, он вышагивал по кабинету, считая минуты, оставшиеся до конца обеденного перерыва.

На следующий вечер это была бойкая брюнетка, и вырез у нее на блузке уходил в бесконечность.

— Нет! — выкрикнул Фрэнк звенящим голосом.

Она зазывно изогнулась.

— Почему? — спросила она.

— Я не обязан перед вами отчитываться! — сказал он и захлопнул дверь, сердце бешено колотилось.

Затем он щелкнул пальцами и снова открыл дверь. Брюнетка с улыбкой развернулась.

— Передумал, милый?

— Нет. То есть да,— сказал Фрэнк, прищурившись.— Где вы живете?

Брюнетка посмотрела на него обиженным взглядом.

— Ну, сладкий мой, ты же не хочешь, чтобы у меня были неприятности?

— Она мне не сказала,— уныло сообщил он, вернувшись в гостиную.

Сильвия смотрела на него с отчаянием.

— Я снова звонила в полицию,— сказала она.

— И?

— И ничего. От всего этого разит коррупцией.

Фрэнк серьезно покивал.

— Пожалуй, лучше взять собаку.— Он вспомнил брюнетку.— И покрупнее.

— Ух ты, да это ведь Джени! — воскликнул Максвелл.

Фрэнк решительно прибавил газу и повернул за угол под визг покрышек. Лице сделалось суровым.

Максвелл похлопал его по плечу.

— Ой, ну брось, Фрэнки, старина, тебе не удастся меня одурачить. Ты ничем не отличаешься от всех нас.

— Меня в это не впутают,— заявил Фрэнк,— так что не о чем больше говорить.

— Можешь повторять это своей жене,— сказал Максвелл.— Но пару раз сходишь налево, как и все остальные. Ладно?

— Не ладно! — буркнул Фрэнк.— Совершенно не ладно. Интересно, собирается ли полиция что-либо предпринять. Судя по всему, я буду единственным в этом городе, кто исполнит свой гражданский долг.

Максвелл захохотал.

Этим вечером на пороге появилась волоокая женщина с волосами как вороново крыло. На одежде в стратегически важных точках сверкали блески.

— Приве-ет, сладкий,— сказала она.— Меня зовут...

— Что вы сделали с нашей собакой? — с возмущением спросил Фрэнк.

— Да ничего, милый, совершенно ничего,— сказала она.— Ваш

пес просто побежал знакомиться с моей пуделихой Уинифред. А теперь давай поговорим о нас с тобой...

Фрэнк молча захлопнул дверь и подождал, пока утихнет дрожь, прежде чем вернуться в гостиную к Сильвии и телевизору.

«Semper, господи боже мой,— думал он после, надевая пижаму, — fidelis»^[2].

Следующие два вечера они сидели в гостиной, погасив свет, и как только очередная женщина звонила в дверь, Сильвия вызывала полицию.

— Да,— яростно шептала она в трубку,— они у нас за дверью прямо сейчас. Можете вы прислать патрульную машину сию секунду?

Оба раза машина приезжала сразу после того, как женщины уходили.

— Сговор,— бормотала Сильвия, размазывая по лицу косметические сливки.— Самый что ни на есть сговор.

Фрэнк держал ладони под струей холодной воды.

В тот день Фрэнк позвонил городским чиновникам и чиновникам штата, которые пообещали разобраться с этим делом.

Вечером явилась рыжеволосая в зеленом вязаном платье, плотно облегающем все изгибы, а изгибы имелись в изобилии.

— Послушайте...— начал Фрэнк.

— Девушки, которые побывали здесь до меня, сказали, что ты не интересуешься. А я всегда говорю, что нет неинтересующихся мужей, есть бдительные жены.

— А теперь послушайте меня...

Фрэнк умолк, когда рыжая протянула ему карточку. Он машинально посмотрел на нее.

99-60-90 МАРДЖИ Специалист (только по предварительной договоренности)

— Если не хочешь прямо здесь, милый,— сказала Марджи,— тогда приходи ко мне в «Покои Киприды»^[3] в гостинице «Филмор».

— Вы пришли не по адресу,— сказал Фрэнк и выкинул карточку.

— Каждый вечер, с шести до семи,— прочирикала Марджи.

Фрэнк привалился к захлопнувшейся двери, чувствуя, как огненные птицы хлопают крыльями по его лицу.

— Чудовищно,— проговорил он, задыхаясь.— П-просто чудовищно.

— Опять? — спросила Сильвия.

— Но на этот раз несколько иначе. Я выслежу их прямо в логове и приведу туда полицию! — произнес он мстительно.

— О Фрэнк! — воскликнула Сильвия, обнимая его.— Ты великолепен.

— С-спасибо,— отозвался Фрэнк.

Когда на следующее утро он вышел из дома, то обнаружил карточку на ступеньке крыльца. Он поднял ее и положил в бумажник.

«Сильвия не должна увидеть»,— подумал он.

Это ее оскорбит.

Кроме того, в его обязанности входит поддерживать крыльцо в чистоте.

Кроме того, это важная улика.

Тем вечером он сидел в кабинете в слабо освещенных «Покоях Киприды», вертя в пальцах стакан шерри. Музыкальный автомат нежно мурлыкал что-то, в воздухе разносились приглушенные вечерние разговоры.

«Итак,— думал Фрэнк.— Когда Марджи появится, я кинусь к телефону и вызову полицию, затем буду занимать ее разговором, пока они не приедут. И тогда это кончится. Когда Марджи...»

Марджи появилась.

Фрэнк сидел, словно жертва Медузы горгоны. Двигался только его рот. Рот медленно открывался. Взгляд был прикован к роскошным выпуклостям, пока Марджи, покачиваясь, шла по проходу, а затем уперся в кожаное сиденье барного стула.

Пять минут спустя он выполз через боковую дверь.

— Ее там не было? — в третий раз спрашивала Сильвия.

— Я же сказал тебе,— огрызнулся Фрэнк, сосредоточенный на котлете, в которой было полно хлеба.

Сильвия на мгновение застыла. Потом ее вилка, звякнув, упала.

— Что ж, в таком случае нам придется переехать,— сказала она.
— Совершенно очевидно, что власти не собираются ничего предпринимать.

— А какая разница, где мы будем жить? — пробормотал он.

Она не ответила.

— Я хочу сказать,— произнес он, стараясь прервать болезненное молчание,— ну, кто знает, может быть, это неизбежный культурный феномен. Может...

— Фрэнк Гассетт! — закричала она.— Так ты оправдываешь этот кошмарный «Обмен»?

— Нет-нет, конечно нет,— мямлил он.— Это омерзительно, честное слово! Однако... ну, может, это возрождение Греции. Может быть, Рима. Может быть, это...

— Мне плевать, что это! — закричала она.— Это ужасно!

Он взял ее руки в свои.

— Верно, верно,— проговорил он.

«99-60-90»,— пронеслось в голове.

Тем вечером, в крошечной темноте, они отчаянно старались укрепить свою любовь.

— Было чудесно, правда? — спросила Сильвия печально.

— Ну конечно,— согласился он. «99-60-90».

— Совершенно верно! — сказал Максвелл, когда на следующее утро они ехали на работу.— Культурный феномен. Ты попал в самую точку, старина Фрэнк. Неизбежный чертов культурный феномен. Сначала публичные дома. Затем появляются дамы-таксисты, девушки на углах улиц, клубы, девочки, слоняющиеся по кинотеатрам для автомобилистов. Рано или поздно они должны расширить сеть,

приняться за доставку услуг на дом. И разумеется, синдикаты будут заправлять этим, давать взятки, чтобы никто не жаловался. Это неизбежно. Ты прав, Фрэнк, совершенно прав.

Фрэнк вел машину, угрюмо кивая.

За обедом он поймал себя на том, что мурлычет под нос:

— Марджи, мои мечты — о тебе, Марджи^[4]...

Он замолк, потрясенный. Не смог закончить ланч. Бродил по улицам до часу с остекленевшими глазами. «Массовое сознание,— думал он,— прокля'тое массовое сознание».

Прежде чем вернуться в контору, он изодрал маленькую визитку в конфетти и высыпал все в мусорный ящик.

После обеда в ряды цифр из его бумаг с удручающей регулярностью просачивалось число 99.

Один раз даже с восклицательным знаком.

— Я уже почти верю, что ты защищаешь это... это явление,— обвиняла его Сильвия.— Ты и твои культурные феномены!

Фрэнк сидел в гостиной, слушая грохот посуды в раковине.

«Чокнутая баба»,— думал он.

«Марджи. Специалист».

— Сейчас же прекрати об этом думать! — раздраженно прошептал он самому себе под нос.

Тем вечером, пока чистил зубы, он начал напевать: «Я маленькая шлю...»

— Проклятье! — пробормотал он своему отражению, которое таранилось на него широко открытыми глазами.

Ночью ему снились сны. Необычные сны.

На следующий день они с Сильвией повздорили.

Через день Максвелл поведал ему о своей системе.

Еще через день Фрэнк многократно повторил себе под нос:

— Мне так все это осточертело!

А еще через день женщины перестали приходить.

— Разве такое возможно? — спросила Сильвия.— Неужели они действительно оставили нас в покое?

Фрэнк привлек ее к себе.

— Похоже на то,— проговорил он тихо. «Я презренный негодяй»,— думал он.

Прошла неделя. Ни одной женщины. Фрэнк каждое утро вставал в шесть, вытирал пыль и пылесосил, прежде чем отправиться на работу.

— Хочу тебе помочь,— сказал он, когда Сильвия спросила.

Она посмотрела на него как-то странно. Когда он три дня подряд являлся домой с букетом, она ставила цветы в воду с недоуменным выражением на лице.

Это случилось в следующую среду вечером.

В дверь позвонили. Фрэнк на мгновение замер. Они же обещали, что больше не придут!

— Я открою,— сказал он.

— Открой,— согласилась Сильвия.

Он тяжело зашагал к двери и открыл.

— Добрый вечер, сэр.

Фрэнк во все глаза смотрел на симпатичного молодого человека с усами и в дорогом костюме.

— Я из «Службы обмена»,— сообщил молодой человек.— Ваша жена дома?

Ах, эта Джулия!

Октябрь

На лекции по английской литературе Эдди Фостер впервые обратил внимание на эту девушку.

И не потому, что она села позади него. Конечно, девушка и раньше попадалась ему на глаза, когда он оглядывал аудиторию, пока профессор Юстон что-то писал на доске или зачитывал отрывок из учебника. Конечно, он видел ее, входя в аудиторию или выходя из нее. Иной раз проходил мимо нее в коридорах учебных корпусов или по дорожкам кампуса. Однажды она даже коснулась его плеча и протянула ему карандаш, который выпал из кармана.

Но никогда раньше он не мог разглядеть в ней женщину. В-первых, если у нее и была впечатляющая фигура, то девушка очень искусно прятала ее под одеждой свободного покроя. Во-вторых, молоденькое лицо не блистало красотой. В-третьих, тихий и высокий голос.

Эдди невольно задался вопросом, а почему, собственно, он обратил на нее внимание в этот день. Всю лекцию он думал о рыженькой, которая сидела в первом ряду. В пьесе, которая проигрывалась перед его мысленным взором, роли исполняли он и она, одна сладострастная сцена сменяла другую. И когда перед очередным актом поднимался занавес, он услышал за спиной голос:

— Профессор?

— Да, мисс Элдридж.

Эдди через плечо глянул на мисс Элдридж. Вопросы не расслышал, зато пригляделся к простенькому личику, услышал голосок, увидел широченный свитер. И внезапно в голове сверкнула мысль: «Возьми ее».

Эдди резко отвернулся, сердце забило так, словно слова эти он произнес вслух. Что за идиотская идея? Взять ее? Без всякой фигуры? С детским личиком?

И только тут понял, что идею подсказало ему это самое личико. Детскость, похоже, и возбудила его.

За спиной что-то упало на пол. Эдди обернулся. Девушка уронила ручку и теперь поднимала ее. Эдди словно прошибло током,

когда он увидел, как свитер обтянул грудь. Может, насчет фигуры он зря. Просто ребенок боялся показать свое созревшее тело. Эдди обдало жаром.

«Элдридж Джулия,— прочитал он в ежегоднике, выпущенном колледжем Сент-Луис.— Искусство и наука».

Как он и ожидал, она не входила ни в женские студенческие общества, ни в какие другие организации. Он смотрел на ее фотографию. Воображение разыгралось: застенчивая, нелюдимая, снедаемая тайными желаниями.

Он должен ее взять.

Почему? Этот вопрос он раз за разом задавал себе, но ответа так и не получил. Однако теперь ее образ никак не желал покинуть его. Он буквально видел, как их тела сплелись на кровати в бунгало мотеля «Хайвей». Настенный обогреватель гонит горячий воздух, а они пируют плотью друг друга — он и этот невинный ребенок.

Зазвенел звонок. Когда студенты выходили из аудитории, Джулия выронила из рук книги.

— Подождите, я их сейчас подберу,— вызвался Эдди.

— Ага.

Она покорно ждала, пока он соберет книги. Уголком глаза он заметил, что ноги у нее гладкие, как слонобая кость. По телу пробежала дрожь, он поднялся, протянул ей книги.

— Вот.

— Спасибо.

Она опустила глаза, на щеках затеплился румянец. А ведь она ничего, подумал Эдди. И фигура при ней. Во всяком случае, есть за что подержаться.

— А что мы должны прочитать к следующему занятию? — услышал он собственный голос.

— «Столик у оркестра»,— без должной уверенности ответила она.

— Вроде бы да.

Пригласи ее на свидание, потребовал внутренний голос.

— Точно, «Столик у оркестра».

Он кивнул. Пригласи немедленно, повторил внутренний голос.

— Так я пошла.— Джулия начала поворачиваться к двери.

Эдди улыбнулся, почувствовал, как скрутило живот.

— Еще увидимся,— выдавил он из себя.

Он стоял в темноте, глядя на ее окно. В комнате зажегся свет, как только Джулия вышла из ванной. В махровом халате, с полотенцем, мочалкой и мыльницей. Эдди наблюдал, как она кладет на комод мочалку и мыльницу, садится на кровать. Стоял, не сводя с нее глаз. «Что я здесь делаю? — спрашивал он себя.— Если я попадусь на глаза охране, меня арестуют. Надо уходить».

Джулия встала. Развязала пояс, халат соскользнул на пол. Эдди обомлел. Губы разошлись, засасывая влажный воздух. Да у нее тело женщины. Полные бедра, налитые груди. В сочетании с детским личиком...

Дыхание шумно вырвалось из груди.

— Джулия, Джулия, Джулия...— забормотал он.

Джулия повернулась к кровати, чтобы взять ночную рубашку.

Он знал, что идея безумная, но ничего не мог с собой поделать. Какие бы он ни изобретал варианты, мысли возвращались к первому.

Он пригласит ее в автокинотеатр, подмешает снотворное в коку, отвезет в мотель «Хайвей». А чтобы гарантировать собственную безопасность, сфотографирует и пригрозит, что отошлет фотографии родителям, если она раскроет рот.

Безумная идея. Он это знал, но ничего другого не лезло в голову. И реализовывать ее надо быстро, пока она для него — незнакомка. С детским личиком и женским телом. Это его вполне устраивало. Более близкого знакомства он и не хотел.

Нет! Это безумие! Он пропустил два занятия по английской литературе. На уик-энд уехал домой. Он читал журналы и подолгу ходил пешком. Он знал, что не поддастся безумию.

— Мисс Эдбридж?

Джулия остановилась. Повернулась к нему, солнце превратило ее волосы в золотую корону. А ведь она симпатичная, подумал Эдди.

— Могу я прогуляться с вами? — спросил он.

— Да, — ответила она.

Они пошли по дорожке.

— Я все думаю, а не согласитесь ли вы в пятницу вечером поехать со мной в автокинотеатр? — Он удивился спокойствию собственного голоса.

— Я? — Джулия застенчиво посмотрела на него. — А что показывают?

Он сказал.

— Звучит неплохо.

Эдди шумно глотнул.

— Так когда мне за вами заехать?

Потом он гадал, не удивилась ли Джулия тому, что он не спросил, в каком корпусе общежития она живет.

Над крыльцом горела лампа. Эдди нажал на кнопку звонка, подождал, наблюдая, как около лампы кружатся два мотылька. Через несколько мгновений Джулия открыла дверь. Да она просто красавица, подумал Эдди. И как хорошо одевается.

— Привет, — поздоровалась она.

— Привет, — ответил он. — Готова?

— Только возьму пальто.

Через холл она прошла в коридор, потом в свою комнату. Ту самую, в которой стояла обнаженной, купаясь в ярком свете. Эдди стиснул зубы. Ошибки не будет. Она никому ничего не скажет, когда увидит фотографии, которые он сделает.

Джулия вернулась в холл, и они зашагали к автомобилю. Эдди открыл ей дверцу.

— Благодарю, — прошептала Джулия. Когда она усаживалась, перед глазами Эдди мелькнули ее обтянутые нейлоном колени, но она тут же поправила юбку. Эдди захлопнул дверцу, обошел автомобиль. Во рту у него пересохло.

Через десять минут он въехал в последний ряд автокинотеатра, выключил двигатель. Высунул руку, снял с подставки динамик, втянул в окно. Фильм еще не начался, показывали мультик.

— Тебе брать попкорн и коку? — спросил он и насмерть перепугался: а вдруг она откажется?

— Да. Спасибо,— ответила Джулия.

— Сейчас вернусь.— Эдди вылез из кабины, направился к магазину-бару. Ноги у него дрожали.

Он стоял в очереди студентов, занятый своими мыслями. Вновь и вновь он захлопывал дверцу бунгало, запирал ее, сдвигал портьеры, зажигал все лампы, включал настенный обогреватель. Вновь и вновь подходил к беспомощной, лежащей на кровати Джулии.

— Тебе чего? — спросил продавец.

— Э... два попкорна и две коки, большую и маленькую.

Его затрясло. Он не сможет это сделать. За такое можно загреметь в тюрьму до конца жизни. Автоматически он расплатился, с подносом в руках поплелся к автомобилю. Фотографии, идиот, пришла в голову спасительная мысль. Они — твоя защита. Тело прошибло жаром желания. Теперь уже никто и ничто не могло его остановить. По пути он высыпал в маленький стаканчик с колой две заранее растолченные таблетки.

Джулия спокойно сидела, когда он открыл дверцу и скользнул за руль. А тут и начался фильм.

— Вот твоя кола.— Он протянул Джулии маленький стаканчик и пакет с попкорном.

— Благодарю,— ответила Джулия.

Эдди не отрывал глаз от экрана. Сердце выскакивало из груди. Он чувствовал, как по спине и бокам бегут капельки пота. Сухой безвкусный попкорн не лез в глотку. Эдди то и дело прикладывался к стакану с кокой. Уже скоро, думал он. Плотно сжав зубы, смотрел на экран. Слышал, как Джулия ест попкорн, пьет коку.

Мысли ускорили бег: дверь заперта, портьеры сдвинуты, комната — ярко освещенная духовка, они на кровати. И проделывают такое, чего раньше Эдди и представить себе не мог. А виной тому — ее ангельское личико. Оно заставило его подсознание показать свою

темную половину.

Эдди искоса глянул на Джулию. Дернулся так, что плесканул кокой на брюки. Пустой стаканчик валялся на полу, остатки попкорна вывалились из перевернутого пакетика на колени. Голова покоилась на подголовнике, и на мгновение Эдди почудилось, что она мертва.

Но тут она шумно втянула в себя воздух, медленно повернула к нему голову. Он увидел, как медленно ворочается за губами язык.

Ледяное спокойствие разом вернулось к нему. Он возвратил динамик на подставку. Выбросил стаканчики и пакетики. Завел двигатель, подал автомобиль задним ходом. Включил подфарники и покатыл к выезду из кинотеатра.

Мотель «Хайвей». Мигающую вывеску он заметил за четверть мили. На мгновение Эдди показалось, что чуть ниже он видит надпись «Свободных мест нет», и он испуганно вскрикнул. Но тут же понял, что его опасения напрасны. Все еще дрожа, он съехал с дороги, припарковался у стены административного корпуса.

Взяв себя в руки, вошел в холл, твердым шагом направился к регистрационной стойке. Ночной портье не сказал ему ни слова. Эдди заполнил регистрационную карточку, заплатил, получил ключ.

Поставил автомобиль у бунгало, отнес в комнату фотоаппарат, вышел за дверь, огляделся. Ни души. Подбежал к автомобилю, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, подхватил Джулию на руки. Под ногами хрустел гравий дорожки. Он переступил порог, в темноте добрался до кровати, опустил на нее Джулию.

Вот тут и начала реализовываться его мечта. Он запер дверь. На негнущихся ногах прошелся по комнате, сдвигая портьеры. Включил настенный обогреватель. Нащупал на стене у двери выключатель, нажал на клавишу. Включил настольные лампы, снял с них абажуры. Уронил один. Абажур покатылся по ковру. Поднимать его Эдди не стал. Шагнул к кровати, на которой лежала Джулия.

Юбка задралась, обнажив бедра. Он видел верхний срез чулок, пуговики резинок, на которых они крепились к поясу. Шумно сглотив, Эдди сел рядом. Снял с нее пальто, потом свитер. Расстегнул бюстгальтер. Грудь вывалилась на свободу. Эдди быстро расстегнул молнию юбки, стащил вниз.

Через несколько секунд она лежала на кровати в чем мать родила. Эдди подтянул девушку к подушкам, подложил их ей под спину. Господи, какая роскошная у нее фигура. Он закрыл глаза, по телу в который уже раз пробежала дрожь. Нет, сказал он себе. Это очень важно. Сначала сфотографируй ее, и тогда ты будешь в безопасности. Она ничего с тобой не сделает, она испугается что-либо сделать. Он поднялся, взял фотоаппарат. Снял с объектива крышку. Поймал ее в видоискатель. Заговорил.

— Открой глаза,— приказал он.

Джулия подчинилась.

У ее общежития он появился на следующее утро, около шести часов. Осторожно подкрался к окну. Он не спал всю ночь. Глаза горели, покраснев от напряжения.

Джулия лежала так, как он ее и положил. Его сердце гулко забилося. Он постучал в окно.

— Джулия.

Она что-то простонала, повернулась на бок, лицом к нему.

— Джулия.

Ее глаза приоткрылись. Еще окончательно не проснувшись, она уставилась на него.

— Кто это?

— Эдди. Пусти меня.

— Эдди?

Внезапно у нее перехватило дыхание, она сжалась в комок, и он понял, что она все вспомнила.

— Пусти меня, а не то тебе не поздоровится,— прошипел он. Опять задрожали ноги.

Джулия несколько секунд лежала не шевелясь, не отрывая взгляда от глаз Эдди. Потом встала, пошатываясь, и направилась к двери. Эдди поднялся на крыльцо в то самое мгновение, когда Джулия открыла входную дверь.

— Что тебе надо? — прошептала она. Мятая одежда, спутанные волосы.

— Пошли к тебе.

Джулия напряглась.

— Нет.

— Хорошо.— Он грубо схватил ее за руку.— Поговорим в моей машине.

Вдвоем они подошли к автомобилю. Усаживаясь рядом с ней, Эдди увидел, что она вся дрожит.

— Я включу обогреватель.

Прозвучало глупо. Он привел ее сюда, чтобы пригрозить, а не успокоить. Злясь на себя, Эдди включил двигатель, и автомобиль тронулся с места.

— Куда мы едем? — спросила Джулия.

Он не знал. Потом внезапно вспомнил о лесной дороге за городской чертой, куда по вечерам любили приезжать студенческие парочки. В этот час там, естественно, никого быть не могло. Он надавил на педаль газа. Через шестнадцать минут автомобиль стоял на обочине среди молчаливого леса. По земле стелился туман.

Джулия больше не дрожала: обогреватель чуть ли не раскалил воздух в салоне.

— Так в чем дело? — тихо спросила она.

Эдди сунул руку во внутренний карман, рывком достал фотографии, бросил ей на колени.

Джулия не издала ни звука. Уставилась на фотографии. Потом взяла их непослушными, негнущимися пальцами.

— На случай, что у тебя возникнут мысли позвонить в полицию, — сквозь зубы процедил Эдди. Скажи ей, потребовал внутренний голос. И он рассказал ей обо всем, что проделывал с ней прошлой ночью. Лицо Джулии бледнело и бледнело. Она переплела пальцы рук. Туман за окнами начал подниматься, закутывая автомобиль в молочную пелену.

— Тебе нужны деньги? — прошептала Джулия.

— Раздевайся,— ответил Эдди. Это не мой голос, подумал он. Очень уж зловещий, просто нечеловеческий.

Джулия всхлипнула, и Эдди ослепила мощная вспышка ярости. Его рука, словно по собственной воле, взметнулась вверх, чтобы ударить Джулию по лицу. Он почувствовал укол боли: зубы содрали кожу на костяшках пальцев.

— Раздевайся! — В жаркой духоте салона голос прозвучал оглушающе громко. Эдди жадно схватил ртом воздух.

Джулия, плача, начала снимать одежду. Из уголка рта стекала струйка крови. Нет, не надо, услышал он внутренний голос. Не делай этого. Но руки, уже не принадлежащие ему, чужие руки, потянулись к обнаженной плоти.

Домой он вернулся в десять утра, с кровью и кожей под ногтями. Когда Эдди взглянул на пальцы, его чуть не вырвало. Дрожа всем телом, он улегся на кровать, уставился в потолок. С этим покончено, думал он. Фотографии у меня. А ее он больше никогда не увидит, новая встреча его просто погубит. И так жажда насилия, поднявшаяся из неведомых глубин подсознания, заливала мозг, не позволяла думать ни о чем другом. Он попытался заснуть, но перед его мысленным взором возникали синяки на ее прекрасном теле, царапины, следы от укусов. Эдди буквально слышал, как она кричит.

Ее он больше никогда не увидит.

Декабрь

Джулия открыла глаза и увидела крохотные тени, движущиеся на стене. Повернула голову, посмотрела в окно. Пошел снег. Его белизна напомнила ей о том утре, когда Эдди показал ей фотографии.

Фотографии. Вот что разбудило ее. Она закрыла глаза, сосредоточилась. Они горели. Джулия видела, как они и негативы горят в большом эмалированном лотке, в какой обычно наливают проявитель. Яркие языки пламени пожирали их, белая эмаль чернела от копоти.

Джулия задержала дыхание. Мысленно перенеслась в комнату, освещенную горящими фотографиями, огляделась, увидела тело, болтающееся на крюке в стенном шкафу.

Вздыхнула. Быстро же все закончилось. Если у человека неуравновешенная психика, иначе и быть не могло. Та самая слабость, которая позволила ей войти в сознание Эдди, его же и погубила. Джулия снова открыла глаза, уродливое детское личико исказилось в улыбке. Ничего, он не первый и не последний.

Она лениво потянулась костлявым телом. Стриптиз перед окном, кока со снотворным, фотографии в мотеле, все это уже забывалось, хотя лесной эпизод вызвал довольную улыбку. Раннее утро, вокруг холодный белесый туман, зато в автомобиле температура как в духовке. На какое-то время она сохранит его в памяти. Как и изнасилование. А остальное ей ни к чему. В следующий раз она придумает что-нибудь получше.

На лекции по физике Филип Гаррисон впервые обратил внимание на эту девушку...

Звонок издалека

Как раз перед тем, как зазвонил телефон, ураганный ветер повалил дерево перед ее окном и вырвал мисс Кин из сна, полного блаженства. Она судорожно вскочила, вцепившись в простыню хрупкими пальцами. В ее тощей груди напряженно задергалось сердце, застоявшаяся кровь получила резкий толчок. Она села в неподвижной немоте, уставилась в ночь.

В следующую секунду зазвонил телефон.

— Кому это приспичило? — Вопрос сам собой сложился в ее мозгу. Какое-то мгновение ее тонкие пальцы нерешительно шарили в темноте — и вот уже мисс Элва Кин прижимает к уху прохладную трубку.

— Алло! — говорит она.

Удар грома расколол ночь, отозвавшись вздрагиванием парализованных ног мисс Кин. «Я прослушала голос,— подумала она.— Гром заглушил голос».

— Алло! — повторила она.

Не последовало ни единого звука. Мисс Кин отрешенно ждала. Затем повторила резким голосом:

— Алло!

На улице снова ударил гром.

И все равно никто не говорил. Ее уха не достиг даже звук отключения линии. Она протянула дрожащую руку к телефону и сердито бросила трубку.

— Опрометчивость,— пробормотала она, откидываясь обратно на подушку. Ее немощная спина уже заболела от сидения.

Она устало вздохнула. Сейчас придется снова преодолевать этот мучительный процесс засыпания: успокаивать изможденные мышцы, игнорировать режущую боль в ногах, вести бесконечную тщетную борьбу за выключение какого-то крана в мозгу, отгонять ненужные мысли. Ну что тут поделаешь: надо! Сиделка Филлипс велела как следует отдыхать. Элва Кин стала дышать медленно и глубоко,

натянула одеяло до подбородка и прилагала все усилия к тому, чтобы заснуть.

Бесполезно...

Глаза открылись, и, повернув лицо к окну, она смотрела, как гроза удаляется на своих ногах-молниях. «Почему я не могу заснуть? — раздраженно думала она. — Почему я должна все время лежать вот так — без сна?»

Она знала ответ — он пришел без всяких усилий. Когда жизнь уныла, даже малейший привнесенный в нее элемент кажется неестественно интригующим. А жизнь мисс Кин как раз и представляла собой жалкую картину: лежание ничком или опершись на подушки, чтение книг, которые сиделка Филлипс приносила из городской библиотеки, принятие пищи, отдых, лечение, прослушивание маленького радиоприемника — и ожидание, ожидание чего-то иного, что непременно должно произойти.

Такого, как этот телефонный звонок. Или не звонок?

Не было слышно даже, когда положили трубку. Этого мисс Кин не могла понять. Зачем кто-то звонит ей и молчаливо слушает, как она снова и снова повторяет «Алло!»? А звонил ли кто-нибудь на самом деле? Затем она осознала, что надо было продолжать слушать, пока этот человек не устал бы от своей шутки и не положил трубку. Ей следовало бы решительно высказаться по поводу необдуманности этого хулиганского звонка незамужней даме, калеке, посреди грозовой ночи. И если кто-то слушал — кто бы это ни был, — ее сердитые слова отрезвили бы его как следует и...

— Ну конечно же!

Она произнесла это вслух, в интонации слышалось легкое отвращение. Конечно же, испортился телефон. Кто-то хотел поговорить с ней — возможно, сиделка Филлипс, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Но что-то случилось на другом конце линии, и звонок ее телефона сработал, а связь оказалась невозможной. Ну да, конечно — в этом все дело!

Мисс Кин кивнула и тихо закрыла глаза. «А сейчас — спать», — подумала она. Далеко-далеко, за пределами их округа, гроза прочистила свое мрачное горло. «Надеюсь, никто не волнуется. Это было бы очень плохо». Такая мысль проносилась в ее мозгу, когда телефон снова зазвонил.

«Вот опять пытаются дозвониться до меня». Она торопливо протянула в темноте руку, нащупала трубку и прижала ее к уху.

— Алло! — сказала мисс Кин.

Молчание.

Горло ее сжалось. Конечно, она знала, здесь что-то не так, но это ей совсем не нравилось.

— Алло! — выдавила она для пробы, не сознавая еще, что дыхание ее нарушилось. Ответа не было. Она подождала немного, затем в третий раз сказала — уже слегка нетерпеливо, громко, ее визгливый голос заполнил темную спальню: — Алло!

Ничего. Мисс Кин вдруг захотелось отшвырнуть трубку. Она подавила этот странный инстинкт — нет, она должна подождать; ждать и слушать, не положит ли кто-нибудь трубку на другом конце телефонной линии.

Итак, она ждала.

В комнате было очень тихо, но Элва Кин напрягала слух: или звук опускаемой трубки, или гудки, которые за этим следуют. Грудь ее поднималась и опускалась очень осторожно, она сосредоточенно закрыла глаза, затем снова открыла их и заморгала в темноте. Из телефона не доносилось ни единого звука: ни щелчка, ни гудка, ни звука, который слышен, когда кто-нибудь кладет трубку.

— Алло! — вдруг крикнула она и отбросила трубку.

В цель она не попала: трубка тяжело плюхнулась на ковер. Мисс Кин нервно щелкнула выключателем светильника и зажмурилась от наполнившего глаза света. Она быстро легла на бок и попыталась дотянуться до молчаливого, безголосого телефона. Но не смогла, а искалеченные ноги не позволяли ей встать. Боже мой, оставить его так на всю ночь — такой беззвучный и таинственный? Но вот она вспомнила, резко протянула руку к аппарату и нажала на рычаг. В лежащей на полу трубке щелкнуло и появился обычный гудок. Элва Кин проглотила слюну и с неровным вздохом тяжело опустилась на подушку.

Затем она отбросила все вопросы, которые диктовал здравый смысл, и вывела себя из состояния паники. «Просто смешно,— подумала она,— волноваться из-за такого банального и легко

объяснимого происшествия. То была гроза, ночь и шок от пробуждения. (А что же меня разбудило?) Все это наложилось на монотонность моей жизни, от которой хочется зубами скрипеть. Да, это плохо, очень плохо». Но плохим было не происшествие, а ее реакция на него.

Мисс Элве Кин не захотелось рассуждать дальше. «Я должна сейчас же уснуть»,— приказала она своему телу. Она лежала очень спокойно и расслабленно. Она слышала с пола гудение телефона, напоминавшее отдаленное жужжание пчел. Она не обращала на него внимания.

Ранним утром следующего дня, после того как сиделка Филлипс унесла посуду после завтрака, Элва Кин позвонила в телефонную компанию.

— Говорит мисс Элва,— сообщила она телефонистке.

— Да, мисс Элва,— ответила телефонистка, некая мисс Финч.— Чем могу помочь?

— Прошлой ночью мой телефон звонил дважды,— поведала Элва Кин.— Но когда я ответила, никто не заговорил. И я не слышала, чтобы кто-нибудь положил трубку. Я даже гудка не слышала — полная тишина.

— Хорошо, я объясню вам, мисс Элва,— прозвучал бодрый голос мисс Финч.— Эта гроза прошлой ночью повредила примерно половину нашего оборудования. Нас заваливают звонками по поводу оборванных проводов и некачественной связи. Я бы сказала, что вам здорово повезло, что ваш телефон вообще работает.

— Значит, вы полагаете, что это было неправильное соединение, вызванное грозой? — уточнила мисс Кин.

— Да, мисс Элва, только и всего.

— Как вы думаете, это повторится?

— О да, может,— ответила мисс Финч.— Может. Даже не знаю, что и сказать вам, мисс Элва. Но если это опять произойдет, то позвоните мне, и я пошлю нашего сотрудника проверить линию.

— Хорошо,— согласилась мисс Кин.— Спасибо, дорогая.

Все утро она пролежала на подушках в расслабленнобезмятежном состоянии. «Раскрытие тайны,— размышляла она,— какой бы незначительной она ни была, приносит чувство удовлетворения. Именно эта ужасная гроза привела к неправильному соединению. И не удивительно — если ветер повалил даже старый дуб у дома. Конечно, этот шум и разбудил меня. И жаль, что такое хорошее дерево упало. Как оно затеняло дом в жаркие летние месяцы! Ну да, надо быть, пожалуй, благодарной, что дерево упало на дорогу, а не на дом».

День прошел без событий — обычный сплав еды, чтения Энджелы Теркелл и почты (два рекламных листка на выброс и счет за свет) плюс краткие разговоры с сиделкой Филлипс. В самом деле, повседневность так прочно укоренилась, что когда рано вечером зазвонил телефон, она взяла трубку, даже ни о чем не подумав.

— Алло! — сказала она.

Молчание.

На секунду мысли ее вернулись. Затем она позвала сиделку Филлипс.

— Что такое? — спросила дородная женщина, с трудом передвигаясь по ковру.

— Это то, о чем я вам рассказывала,— пояснила Элва Кин, протягивая ей трубку.— Послушайте.

Сиделка Филлипс взяла трубку. Ее безмятежное лицо таким и осталось.

— Никого нет,— отметила она.

— Правильно,— оживилась мисс Кин.— Так и есть. Попробуйте сейчас услышать, когда положат трубку. Уверена, что не услышите.

Сиделка Филлипс немного послушала и покачала головой.

— Ничего не слышу,— заверила она и повесила трубку.

— Ой, подождите! — поторопилась мисс Кин.— Ну ладно, все равно,— добавила она, увидев, что уже поздно.— Раз это случается слишком часто, я позвоню мисс Финч, и они пришлют монтера.

— Понятно,— подвела итог сиделка Филлипс и вернулась в гостиную.

Сиделка Филлипс ушла из дома в восемь, оставив на тумбочке, как обычно, яблоко, печенье, стакан воды и пузырек с пилюлями. Она взбила подушки за хрупкой спиной мисс Кин, придвинула радиоприемник и телефон поближе к кровати, окинула все довольным взглядом и направилась к двери со словами: «До завтра!»

Телефон зазвонил через пятнадцать минут. Мисс Кин быстро схватила трубку. На этот раз она не стала говорить «Алло!», просто слушала.

Сначала было то же — абсолютная тишина. Она еще немного послушала в нетерпении. Затем, готовая уже положить трубку на место, услышала звук. Лицо ее сморщилось, и трубка вернулась к уху.

— Алло? — спросила она напряженно.

Бормотание, неясный гул, шелест — что это было? Мисс Кин плотно закрыла глаза, старательно вслушиваясь, но не могла опознать звук: он был таким мягким, таким неопределенным. Он менялся от напоминающей жалобный вой вибрации до шипения выходящего под давлением воздуха, до булькающего присвиста. «Это, должно быть, звук коммутатора,— предположила она.— Должно быть, сам телефон издает шум. Наверное, где-то провод раскачивается на ветру, наверное...»

Вдруг она прекратила размышления. Затаила дыхание. Звук смолк. В ушах ее вновь звенела тишина. И вновь она почувствовала, как сердце вырывается из груди, сжимается горло. «Это же смешно, — сказала она себе.— Я уже знакома с этим — это из-за грозы, из-за грозы!»

Она откинулась на подушки, прижав к уху трубку. Ноздри раздувались от нервного дыхания. Она ощущала, как внутри ее, подобно морскому приливу, растет ничем не объяснимый ужас — несмотря на все попытки делать здравые выводы. Разум ее все больше и больше съезжал со скользкого карниза здравого смысла, она проваливалась все глубже и глубже.

И вот она резко вздрогнула, когда звук появился вновь. Возможно, это не человеческие звуки — она знала,— и тем не менее в них что-то было, какая-то интонация, какое-то почти узнаваемое сочетание...

У нее затряслись губы, из горла готов был вырваться вой. Но она не могла положить трубку, просто физически не могла. Звуки загнипнотизировали ее. Были ли это завывания ветра или бормотания неисправных механизмов — она не знала. Но они ее не отпускали.

— Алло? — пробормотала она, вся дрожа.

Звуки становились громче. Они раскатывались и сотрясали ее мозг.

— Алло! — пронзительно закричала она.

— А-л-л-о,— ответил голос по телефону. Мисс Кин потеряла сознание.

— Вы уверены, что кто-то сказал «алло»? — спросила по телефону мисс Финч.— Это могло быть неправильное соединение, вы же знаете.

— Говорю вам — это был мужчина! — хрипло выкрикнула дрожащая Элва Кин.— Это все тот же мужчина, который слушал, и слушал, и слушал, как я говорю «алло», и не отвечал. Тот же, кто издавал по телефону жуткие шумы!

Мисс Финч вежливо кашлянула.

— Хорошо, я пошлю человека проверить вашу линию, мисс Элва, как только он сможет. Конечно, все работники сейчас очень заняты устранением последствий грозы, но как только станет возможно...

— А что мне делать, если этот... этот человек позвонит снова?

— Всего лишь повесьте трубку, мисс Элва.

— Но он продолжает звонить!

— Ну хорошо.— Любезность мисс Финч дала трещину.— Почему бы вам не выяснить, кто он, мисс Элва? Если вы в состоянии это сделать — что же, мы сможем немедленно принять меры...

Положив трубку, мисс Кин напряженно лежала на подушках, слушая хриплые песни о любви, которые сиделка Филлипс напевала за мытьем посуды. Мисс Финч не поверила ее истории, это очевидно. Мисс Финч посчитала ее нервной старухой, ставшей жертвой буйного воображения. Хорошо, мисс Финч узнает, что это не так.

— Я буду постоянно звонить ей, пока она не убедится,— сообщила она раздраженно сиделке Филлипс перед самым послеобеденным сном.

— Так вы и сделаете,— одобрила сиделка Филлипс,— а сейчас примите лекарство и ложитесь.

Мисс Кин лежала в сердитом молчании, сжав в кулаки свои изборожденные венами руки. Было десять минут третьего, и, за исключением раздававшегося из передней храпа сиделки Филлипс, в доме в этот октябрьский день стояла тишина. «Меня раздражает,— размышляла Элва Кин,— что никто не относится к этому серьезно. Хорошо,— она поджала свои тонкие губы,— в следующий раз, когда зазвонит телефон, я позабочусь, чтобы сиделка Филлипс послушала, пока что-нибудь да не услышит».

Как раз в этот момент телефон зазвонил. Мисс Кин почувствовала, как ее тело опоясывает холодная дрожь. Даже при свете дня, когда солнечные лучи играли на ее цветастом одеяле, резкий звонок испугал ее. Чтобы успокоить дрожь, она прикусила фарфоровыми зубами нижнюю губу. Возник вопрос: «Отвечать ли?» — и прежде чем она даже успела подумать об ответе, рука сама взяла трубку. Глубокий неровный вздох. Она медленно поднесла трубку к уху и сказала: «Алло?»

Голос ответил «алло?» — пусто и безжизненно.

— Кто это? — спросила мисс Кин, стараясь придать своему голосу уверенность.

— Алло?

— Кто говорит?

— Алло?

— Есть там кто-нибудь?

— Алло?

— Пожалуйста!..

— Алло?

Мисс Кин бросила трубку и легла, страшно дрожа, не в силах восстановить дыхание. «Что это? — молил ее разум.— Что это, боже ты мой, такое?»

— Маргарет! — крикнула она.— Маргарет!

Из передней она услышала резкое ворчание и кашель сиделки Филлипс.

— Маргарет, пожалуйста!..

Элва Кин послушала, как эта полная женщина встает на ноги и с трудом проходит в дверь гостиной. «Я должна собраться,— приказала она себе, похлопывая по покрытым нездоровым румянцем щекам.— Я должна точно рассказать ей, что произошло. Точно».

— Что такое? — проворчала сиделка.— У вас болит желудок?

Мисс Кин едва проглотила слюну — настолько сжалось ее горло.

— Он только что снова звонил,— прошептала она.

— Кто?

— Тот мужчина!

— Какой мужчина?

— Который все время звонит! — закричала мисс Кин.— Он постоянно говорит «алло». Только одно слово — алло, алло, ал...

— Перестаньте,— невозмутимо прервала ее сиделка Филлипс.— Ложитесь и...

— Я не хочу лежать! — взбесилась она.— Я хочу знать, кто этот ужасный человек, который постоянно меня запугивает!

— Не доводите себя,— предупредила сиделка Филлипс.— Вы же знаете, как расстраивается ваш желудок.

Мисс Кин начала горько рыдать.

— Я боюсь. Я боюсь его. Почему он все время звонит мне?

Сиделка Филлипс стояла рядом с кроватью, глядя на нее с прямо-таки коровьей невозмутимостью.

— А что вам сказала мисс Финч?

Трясущиеся губы мисс Кин были не в состоянии произнести ответ.

— Разве она не сказала, что это из-за ошибочного соединения?

— Это не ошибка! Это мужчина. Мужчина!

Сиделка Филлипс терпеливо вздохнула.

— Если это мужчина — кладите трубку. Вам не надо разговаривать с ним. Кладите трубку — и все тут. Это что, так трудно сделать?

Мисс Кин закрыла блестящие от слез глаза и поджала губы. В ее сознании продолжал отзывать эхом слабый и равнодушный голос того человека. Снова и снова, с неизменной интонацией, вопрошающий, несмотря на ее ответы, — просто бесконечно повторяющий себя в скорбной апатии: «Алло? Алло?» Заставляющий ее содрогаться до глубины души.

— Смотрите, — заговорила Филлипс.

Она открыла глаза и увидела расплывчатое изображение сиделки, кладущей трубку на тумбочку.

— Вот, — сообщила Филлипс. — Сейчас никто не сможет вам позвонить. Оставьте ее так. Если вам что-то потребуется — достаточно будет набрать номер. Все в порядке сейчас? Верно?

Мисс Кин холодно взглянула на свою сиделку. Затем, моментом позже, кивнула один раз. Неохотно.

Она лежала в темной спальне, телефон монотонно гудел, не давал уснуть. «Или я это сама себе внушаю? — размышляла она. — Неужели он действительно не дает мне уснуть? Разве я не спала в ту первую ночь, когда трубка была не на рычаге? Нет, это не из-за звука, это из-за чего-то другого».

Она упрямо закрыла глаза. «Не буду слушать, — приказала она себе. — Просто не буду слушать». Она трепетно втягивала ночной воздух. Но темнота никак не заполняла ее сознание и не заглушала звук.

Мисс Кин ощупала постель вокруг себя, пока не нашла халат. Она обернула им трубку, упрятав гладкую черную пластмассу в складки шерсти. Затем снова погрузилась в постель, тяжело и напряженно дыша.

— Я усну, — настаивала она. — Усну.

Все равно слышно.

Тело ее напряглось, и она резко вытащила трубку из ее тонкой обертки и в гневе бросила на рычаг. Комната наполнилась сладостной тишиной. Мисс Кин откинулась на подушку со слабым стоном.

«А сейчас — спать!» — подумала она.

И зазвонил телефон.

У нее перехватило дыхание. Казалось, что звонок пропитал окружающую ее темноту облаком режущей ухо вибрации. Она протянула руку, чтобы снова положить трубку на тумбочку, но отдернула ее, поняв, что опять услышит голос того человека.

В горле запульсировало. «Что я сделаю...— планировала она.— Что я сделаю, так это сниму трубку очень быстро — очень быстро — и положу ее, а потом нажму на рычаг и прерву связь. Да, так и сделаю!»

Она напряглась и осторожно потянула руку, пока звенящий телефон не оказался под ней. Затем, затаив дыхание, она приступила к исполнению своего плана: прервала звонок, быстро дотянулась до рычага...

И остановилась в оцепенении, так как сквозь темноту ее ушей достиг голос того человека.

— Где ты? — спросил он.— Я хочу поговорить с тобой.

Из горла мисс Кин вырвался какой-то слабый, дребезжащий звук.

А человек продолжал:

— Где ты? Я хочу поговорить с тобой.

— Нет-нет,— зарыдала мисс Кин.

— Где ты? Я хочу по...

Белыми от напряжения пальцами она нажала на рычаг. Прежде чем отпустить, она держала его пятнадцать минут.

— Говорю вам — я больше так не могу!

Измученный голос мисс Кин напоминал слабую струйку звука. Она сидела в постели, напрягшись, выдавливая сквозь отверстия микрофона свой ужас и гнев.

— Вы говорите, что кладете трубку, а мужчина все равно звонит? — поинтересовалась мисс Финч.

— Я уже все объяснила! — взорвалась Элва Кин.— Я вынуждена была на всю ночь оставить трубку не на рычаге, чтобы он не смог позвонить. Но гудок не давал мне спать. Я не спала ни капли! Так вот, я хочу, чтобы линию проверили, слышите меня? Хочу, чтобы вы остановили этот кошмар!

Глаза ее напоминали две твердые темные бусины. Трубка почти выскальзывала из дрожащих пальцев.

— Хорошо, мисс Элва,— успокоила телефонистка.— Сегодня я pošлю человека.

— Спасибо вам, дорогая, спасибо! — обрадовалась мисс Кин.— Вы мне позвоните, когда...

Голос ее вдруг прервался, так как в телефоне послышался щелчок.

— Линия занята,— объяснила она.

Щелканье прекратилось, и она продолжила:

— Повторяю: вы меня известите, когда узнаете, кто этот ужасный человек?

— Непременно, мисс Элва, непременно. А сегодня после обеда я pošлю монтера проверить вашу линию. Вы живете на Милл Лэйн, дом 127, верно?

— Правильно, дорогая,— подтвердила мисс Кин со вздохом облегчения.

Звонков от загадочного мужчины не было все утро — и после обеда тоже. Напряжение стало спадать. Она поиграла в карты с сиделкой Филлипс, и удалось даже немного посмеяться. Приятно было знать, что телефонная компания сейчас этим занимается. Они скоро поймут этого ужасного человека и вернут ей душевное спокойствие.

Но когда пробило два часа, потом три, а монтера все еще не было в доме, мисс Кин снова начала беспокоиться.

— Что случилось с этой девушкой? — высказала она свое раздражение.— Она меня искренне заверяла, что монтер придет

сегодня после обеда.

— Он придет,— успокоила сиделка Филлипс.— Наберитесь терпения.

Четыре часа — монтера нет. Мисс Кин уже не до карт, чтения и радиоприемника. То, что начало было спадать, стало вновь нарастать с каждой минутой, пока в пять часов не зазвонил телефон, ее рука резко и решительно высунулась из расклешенного рукава халата и вцепилась, подобно когтистой лапе хищника, в трубку. «Если заговорит мужчина,— пронеслось в ее мозгу,— если он заговорит, то буду вопить, пока не остановится сердце».

Она поднесла трубку к уху.

— Алло?

— Мисс Элва, говорит мисс Финч.

Глаза ее закрылись, дыхание затрепетало.

— Да?

— По поводу тех звонков, которыми, как вы говорите, кто-то вас беспокоит.

— Да? — В голове отпечатались слова мисс Финч: «...звонков, которыми, как вы говорите, кто-то вас беспокоит».

— Мы посылали человека, чтобы разобраться с ними,— продолжила мисс Финч.— Вот у меня здесь его отчет.

Мисс Кин затаила дыхание.

— Да?

— Он не смог ничего найти.

Элва Кин молчала. Ее седая голова неподвижно лежала на подушке, трубка плотно прижата к уху.

— Он говорит, что связывает эту... эту сложность с проводом, упавшим на землю на окраине города.

— Упавшим... проводом?

— Да, мисс Элва.— Не похоже, чтобы мисс Финч была довольна.

— Вы утверждаете, что я ничего не слышала?

Голос мисс Финч был тверд.

— Невозможно, чтобы кто-то звонил вам с того места.

— Говорю я вам: мне звонил мужчина!

Мисс Финч молчала, и пальцы мисс Кин судорожно сжали трубку.

— Там должен быть телефон,— настаивала она.— Ведь каким-то образом этот мужчина смог звонить мне.

— Мисс Элва, провод лежит на земле.— Она сделала паузу.— Завтра наша бригада повесит его на место, и вам не...

— Но он же как-то звонил мне!

— Мисс Элва, там никого нет.

— Там — где, где?

Телефонистка сказала:

— Мисс Элва, это кладбище.

В черной тишине своей спальни лежала незамужняя дама, калека, и ждала. Ее сиделка не захотела остаться на ночь; сиделка приласкала, пожурела ее и оставила без внимания.

Она ждала телефонного звонка.

Она могла бы отключить телефон, но не было желания. Она лежала, ожидая, ожидая, размышляя.

О молчании — об ушах, которые раньше не слышали, и стремились услышать вновь. О бульканье и бормотании — первых неуклюжих попытках, сделанных тем, кто раньше не говорил — интересно, как долго? Об «Алло? Алло?» — первом приветствии, произнесенном тем, кто долго молчал. О «где ты?» О (вот что заставило ее лежать так неподвижно) щелчках в трубке и ее адресе, называемом телефонисткой. О...

Звонит телефон.

Пауза. Звонок. Шорох ночной рубашки в темноте.

Звонок прекратился.

Напряженное вслушивание.

И трубка, выскальзывающая из белых пальцев, неподвижно застывшие глаза, слабые, медленные удары сердца.

На улице — стрекочущая сверчками ночь.

В доме — слова, все еще звучащие в ее голове, придающие ужасное значение тяжелой, удушливой тишине.

— Алло, мисс Элва. Сейчас я приду.

Deus ex machina^[5]

Все началось, когда он порезался бритвой.

До того момента Роберт Картер был как все. Тридцать четыре года, бухгалтер в железнодорожной компании. Он жил в Бруклине с женой Элен и двумя дочерьми, Мэри, десяти лет, и Рут. Рут было пять, она еще не доставала до раковины в ванной. Под раковиной специально для нее стоял ящик, на который она поднималась. Роберт Картер сделал шаг, наклоняясь поближе к зеркалу, чтобы сбрить щетину с шеи, споткнулся о ящик и упал. Падая, он взмахнул рукой, чтобы обрести равновесие, и крепче вцепился в опасную бритву. Охнул, ударившись коленом о кафельный пол. Стукнулся лбом о раковину. А горлом напоролся на лезвие.

Он лежал, распростершись на полу, и часто дышал. В коридоре слышался топот бегущих ног.

— Папа? — крикнула Мэри.

Он ничего не ответил, потому что посмотрел на свое отражение, на рану на шее. Отражение будто было соткано из двух слоев. В одном слое из раны текла кровь. А в другом...

— Папа? — Голос Мэри звучал встревоженно.

— Я в порядке,— сказал он.

Слои уже разделились. Картер услышал, как дочь отошла от двери ванной, пока сам он смотрел на коричневое масло, которое толчками вытекало из шеи и капало на плитки пола.

Внезапно он схватил с вешалки полотенце и прижал к ране. Боли не было. Он отнял полотенце и в миг, когда пузырящееся масло еще не успело затянуть рану, он увидел тонкие красные проводки.

Роберт Картер отшатнулся назад, глаза его округлились. Он снова отнял от шеи полотенце. Так и есть, провода.

Роберт Картер ошеломленно оглядел ванную. Вокруг него теснились фрагменты реального мира: раковина, шкафчик с зеркалом, деревянная мыльница, в ней все еще пенный кусок мыла, помазок, роняющий белоснежные хлопья, бутылочка с зеленым лосьоном. Все настоящее.

С окаменевшим лицом он порывистыми движениями замотал рану.

Лицо, которое он увидел в зеркале, было тем же. Он придвинулся ближе, выискивая признаки каких-нибудь изменений. Он потыкал себя в щеки, провел указательным пальцем по челюсти. Надавил на мягкие ткани под подбородком в засыхающей мыльной пене. Ничего не изменилось.

Ничего?

Он отвернулся от зеркала и уставился на стену сквозь плену слез. Слез? Он дотронулся до края глаза.

На пальце оказалась капля масла.

Его начало неудержимо трясти. Он слышал, как внизу Элен хлопчет на кухне. Слышал, как болтают в своей комнате одевающиеся девочки. Все было похоже на любой другой день — очередные утренние сборы. Но день был совсем не такой, как прежде. Еще вчера он был деловым человеком, отцом, мужем, мужчиной. А сегодня утром...

— Боб?

Он дернулся, когда Элен позвала его снизу лестницы. Губы шевельнулись, но он ничего не ответил.

— Уже четверть восьмого,— сказала она, и он услышал, как она ушла обратно в кухню.— Поторопись, Мэри! — крикнула она оттуда и закрыла за собой дверь.

И вот тогда Роберта Картера кольнуло нехорошее предчувствие. Он сейчас же опустился на колени, вытирая масло с пола другим полотенцем. Он тер, пока не осталось ни пятнышка. Очистил лезвие бритвы. Потом открыл корзину для грязного белья и запихнул полотенце под кучу тряпок.

Он подскочил, когда они забарабанили в дверь.

— Папа, пусти нас! — закричали снаружи два голоса.

— Подождите секунду,— услышал он свой ответ. Он взглянул в зеркало. Мыло. Он смыл его. На лице по-прежнему оставалась синеватая щетина. Или это проволока?

— Папа, я опаздываю! — сказала Мэри.

— Сейчас, сейчас.— Голос звучал спокойно, он поднял воротник халата, пряча сделанную наскоро повязку. Он глубоко вдохнул — можно ли назвать это дыханием? — и открыл дверь.

— Я должна первая умыться,— заявила Мэри, протискиваясь к умывальнику.— Мне пора в школу.

Рут надула губки.

— У меня тоже полно дел,— возмутилась она.

— Ну, хватит.— Эти слова были эхом вчерашнего дня, когда он еще был их отцом-человеком.— Ведите себя как следует,— велел он.

— Я все равно умываюсь первая,— сказала Мэри, поворачивая кран с горячей водой.

Картер стоял, глядя на детей.

— Что случилось, папа? — спросила Рут.

Он вздрогнул от неожиданности. Она смотрела на капли масла на боку раковины. Он заметил их только сейчас.

— Я порезался,— пояснил он.

Если стереть капли достаточно быстро, они не успеют понять, что это не кровь. Он вытер капли туалетной бумагой, бросил ее в унитаз и смыл.

— Ты сильно порезался? — спросила Мэри, намыливая лицо.

— Нет,— сказал он. Ему было невыносимо смотреть на них. И он быстро вышел в коридор.

— Боб, завтрак!

— Да, хорошо,— промямлил он.

— Боб?

— Я уже спускаюсь,— сказал он.

Элен, Элен...

Роберт Картер стоял перед зеркалом в спальне и рассматривал свое тело, его осаждали неподдающиеся уразумению вопросы. Удаленные гланды, вырезанный аппендикс, зубные пломбы, прививки, вакцинации, анализы крови, рентген. Декорации, на фоне которых он разыгрывал свою вполне обычную пьесу, декорации из

крови, тканей, мышц, гланд, гормонов, артерий, вен...

На вопросы не было ответа. Он оделся быстро, порывисто, стараясь не думать. Снял полотенце и прилепил к ране большой кусок бактерицидного пластыря.

— Боб, иди же! — позвала она.

Он завязал галстук, как завязывал тысячу раз до того. Он был уже одет. Он выглядел как человек. Он смотрел на свое отражение в зеркале и видел, что выглядит в точности как человек.

Взяв себя в руки, он развернулся и вышел в коридор. Спустился по лестнице и прошел через столовую. Он принял решение. Ей не нужно ничего знать.

— Наконец-то,— сказала она. Оглядела его с головы до ног.— Где ты порезался?

— Что?

— Девочки сказали, что ты порезался. Где?

— Шея. Все уже в порядке.

— Дай посмотреть.

— Все нормально, Элен.

Она взглянула на него с любопытством.

— Что случилось?

— Ничего,— произнес он.— Просто я опаздываю.

Она посмотрела на его шею, где из-под воротника рубашки немного торчал край пластыря.

— Все еще кровоточит,— сказала она.

Картер вздрогнул. Он протянул руку, чтобы потрогать. На пластыре расплзлось пятно масла. Он встревоженно поглядел на Элен. Снова нахлынуло нехорошее предчувствие. Ему пора уходить, сейчас же.

Он вышел из кухни и взял в шкафу рядом с входной дверью пиджак.

Она видела кровь.

Он быстро шел по дорожке, под туфлями поскрипывал гравий.

Стояло прохладное утро, серое и облачное. Наверное, скоро пойдет дождь. Он задрожал. Ему было холодно. Это же просто абсурд, теперь, когда он знает, кто он такой, однако ему все равно было холодно.

Она видела кровь. Почему-то это пугало его даже больше чем то, что он узнал о себе. Пятно на пластыре масляное, и это было болезненно очевидным. Кровь не выглядит так, не пахнет так. Однако же она видела кровь. Почему?

Без шляпы, чувствуя, как ветер треплет светлые волосы, Роберт Картер шел по улице, стараясь рассуждать. Он робот, начнем с этого. Если когда-нибудь и существовал живой Роберт Картер, то теперь его заменили. Но почему? Зачем?

Он рассеянно спустился в метро. Люди толкали его. Люди с нормальной жизнью, люди, которые знают, что они из плоти и крови, и им не приходится об этом размышлять.

Проходя по платформе мимо газетного киоска, он увидел заголовок утренней газеты: ТРОЕ ПОГИБШИХ ПРИ ЛОБОВОМ СТОЛКНОВЕНИИ. Были и фотографии: смятые автомобили, безжизненные, частично прикрытые тела на темном шоссе. Потоки крови. Картер задумался, содрогнувшись: что, если бы он сам лежал среди жертв катастрофы и потоки масла вытекали бы из его тела?

Он стоял на краю платформы, глядя на рельсы. Возможно ли, чтобы его человеческое «я» было заменено роботом? Кто стал бы так себя утруждать? А сделав подобное, кто допустил бы, чтобы это так легко раскрылось? Порез, царапина, обычное кровотечение из носа — и обман раскрыт. Если только у него в голове не разболталось что-то от удара. Может, если бы он порезался, не ударившись головой, то увидел бы только кровь и кожу.

Размышляя, он машинально вынул из кармана брюк монетку и кинул в автомат с жевательной резинкой. Потянул за ручку, из автомата выкатился шарик жвачки. Роберт почти развернул обертку, когда до него дошло. Какая еще жвачка? Он сморщился, представив, как вертятся шестеренки в голове, рычаги, которые соединены с изогнутыми стержнями, которые, в свою очередь, соединены с искусственными челюстями, и все это движется в ответ на синаптический импульс, порожденный его механическим разумом.

Он кинул жвачку в карман. Платформа затряслась от

приближающегося поезда. Картер покосился налево. Вдалеке он увидел красные и зеленые огни манхэттенского экспресса. Он отвернулся. Заменили когда? Прошлой ночью, позапрошлой, в том году? Нет, в это невозможно поверить.

Поезд доехал до станции, мельтеша окнами и дверями. В лицо пахло теплым затхлым воздухом. Он ощущал запах. Глаза моргали, защищая его от вихря пыли. Все это за доли секунды. Если он машина, то его реакции настолько приближены к человеческим, что это просто невероятно.

Поезд со скрежетом остановился. Он сделал шаг и вошел в вагон вместе с толкающейся толпой. Он ухватился за поручень. Двери захлопнулись, поезд покатил дальше. «Куда я еду?» — вдруг задумался он. Уж точно не на работу. Но тогда куда? «Думай», — приказал он себе. И принялся думать.

И поймал себя на том, что смотрит на человека, стоявшего рядом.

У человека был пластырь на левой руке. И на пластыре проступало масляное пятно.

Он ощутил озноб, разум онемел от потрясения, все тело застыло.

Он такой не один.

Над дверью горела неоновая надпись «Запасный выход». Рука Роберта Картера дрожала, когда он потянулся, чтобы открыть дверь.

Получить доказательства оказалось возможным очень быстро. Произошла дорожная авария: человек поехал на работу, шина лопнула, навстречу ехал грузовик. Роберт Картер стоял в коридоре, глядя на человека на столе. Того как раз перевязывали. У него был глубокий порез над глазом, и масло стекало по щеке и капало на одежду.

— Вам придется пройти в приемную и подождать.

— Что? — Картер вздрогнул от голоса медсестры.

— Я сказала, вам придется...

Она замолчала, когда он внезапно развернулся и вышел обратно в апрельское утро.

Картер медленно шел по дорожке и почти не слышал городского

шума.

Значит, есть и другие роботы, одному богу известно, сколько их. Они обитают среди людей, и никто не подозревает об этом. Вот что самое ужасное. Тот человек был весь в масле. Однако никто этого не замечал, кроме Роберта.

Роберт Картер остановился. Он ощущал такую тяжесть. Надо присесть и немного отдохнуть.

В баре был всего один посетитель, человек сидел на дальнем конце стойки, пил пиво и читал газету. Картер забрался на кожаный стул и обхватил его ножки своими усталыми ногами. Он сидел нахохлившись, глядя на темное полированное дерево стойки.

Боль, смятение, страх и смутные подозрения смешивались в коктейль. Есть ли выход? Или же он обречен слоняться вот так, без какой-либо надежды? Кажется, прошло уже не меньше месяца с тех пор, как он ушел из дому. Хотя это все равно был не его дом.

Или его? Он медленно распрямился. Если есть и другие, такие, как он, могут ли Элен и девочки быть из их числа? Он прогнал эту мысль, но она тут же явилась снова. Он отчаянно хотел вернуться к ним, но как же он сможет испытывать к ним прежние чувства, когда будет знать, что они тоже просто провода, металл и электричество? Как он сможет рассказать им — ведь если они тоже роботы, они явно не подозревают об этом?

Левая рука тяжело упала на стойку. Боже, как он устал. Если бы только отдохнуть.

Из подсобного помещения вышел бармен.

— Чего желаете? — спросил он.

— Скотч со льдом, — машинально заказал Роберт.

Сидя в покое и одиночестве, пока бармен наливал ему выпивку, он вдруг задумался. Как же он будет пить? Жидкость повредит металл, замкнет провода. Картер сидел в испуганном напряжении и наблюдал, как бармен наливает скотч. Волна ужаса захлестнула его, когда бармен подошел и поставил стакан на стойку.

Нет, от этого он не заржавеет. Только не от этого.

Бармен отошел, чтобы дать сдачу с пятидолларовой купюры, а Роберт Картер уставился в стакан. Масло. Ему хотелось закричать.

Стакан машинного масла.

— О боже...— Картер соскользнул со стула и, пошатываясь, побрел к двери.

Снаружи ему показалось, что улица движется под ногами. «Что же со мной происходит?» Он в изнеможении привалился к стеклянной витрине и часто заморгал.

Сосредоточил взгляд. В кафетерии сидели мужчина и женщина, они ели. Роберт Картер разинут рот.

Тарелки смазки. Чашки с машинным маслом.

Люди проходили мимо него, одинокого островка в клубящемся потоке. «Сколько же их?» — думал он. Боже, сколько же их?

А как же все это сельское хозяйство? Все эти колосющиеся поля, овощные грядки, фруктовые сады? Как же говядина, баранина, свинина? Как же вся эта готовка, консервирование, выпечка? Нет, надо вернуться домой, оградиться от наваждения, принять более вероятное объяснение. Он ударился головой и утратил связь с реальностью. Все кругом точно такое же, каким было. Дело в нем самом.

Роберт Картер начал ощущать запахи города.

Запах горячего масла и механизмов, запах громадной невидимой фабрики. Он вертел головой, его лицо превратилось в гримасу ужаса. Господи боже, сколько же их? Он пытался бежать, но не мог. Он вообще с трудом передвигался.

Роберт Картер заплакал.

У него кончается завод!

Он двигался через фойе гостиницы очень медленно, словно испорченный механизм.

— Номер,— сказал он.

Портье посмотрел с подозрением на человека с растрепанными волосами и бегавшим затравленным взглядом. Он дал ему ручку расписаться в журнале.

«Роберт Картер»,— написал он медленно, словно успел забыть, как это делается.

Войдя в номер, Картер запер дверь и упал на кровать. Сел, уставившись на руки. У него кончается завод, как у часов. Часов, которые никогда не узнают ни своего создателя, ни своего предназначения.

Одна последняя догадка, дикая, фантастическая, однако это было все, на что он способен.

Землю захватили, и каждого человека заменили механическим двойником. Врачи должны были быть первыми, гробовщики, полицейские — все, кто по долгу службы видит чужие тела. И они были сконструированы так, чтобы ничего не замечать. Он, поскольку бухгалтер, находится где-то вверху списка. Ведь он часть основной коммерческой системы. Он был...

Роберт Картер закрыл глаза. «Как глупо», — подумал он. Глупо и невозможно.

У него ушло несколько минут только на то, чтобы подняться. Словно во сне, он вынул из ящика письменного стола конверт и лист бумаги. На мгновение его взгляд привлекла гидеоновская Библия^[6]. «Написана роботами?» — подумал он. Мысль ошеломила его. Нет, тогда еще должны были оставаться люди. Этот ужас произошел уже в наши дни.

Он вынул свою ручку и попытался написать письмо Элен. Размышляя над словами, он сунул руку в карман за жвачкой. Рефлекторное движение. И только когда он уже засовывал жевательную резинку в рот, он понял. Никакая это не резинка. Это просто комок твердой смазки.

Комок выпал из руки. Ручка тоже выскользнула из слабеющих пальцев и упала на ковер, и он знал, что у него не осталось сил, чтобы ее поднять.

Жвачка. Выпивка в баре. Еда в кафетерии. Он поднял глаза, приведя в движение шестеренки.

А что же падало с небес, когда начинался дождь?

Правда обрушилась на него.

Перед тем как упасть, он снова устремил взгляд на Библию. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»^[7], — подумал он.

А потом наступила темнота.

Дуэль

В 11.32 утра Мэнн обогнал грузовик.

Мэнн направлялся на запад, в Сан-Франциско. В этот четверг погода была не по-апрельски жаркой: пришлось снять пиджак и галстук, расстегнуть воротник рубашки и закатать рукава. Левая рука и часть бедра были освещены солнцем, тепло от которого припекало через темные брюки. Впереди простиралось пустынное двухполосное шоссе, и в течение следующих минут двадцати не встретилось ни одной машины.

Затем там, впереди, где дорога поворачивала в ложбину между двумя зелеными холмами, Мэнн увидел идущий попутно грузовик. Стал слышен надрывный рев его двигателя, и появилась скачущая по обочине двойная тень — грузовик шел с прицепом.

Мэнн не обратил на него особого внимания. Когда дистанция между машинами сократилась, он хотел выехать на встречную полосу, но, увидев впереди закрытый поворот, решил подождать, пока грузовик не перевалит подъем. На спуске, где дорога слегка поворачивала влево, убедившись, что встречная полоса свободна, Мэнн нажал на педаль акселератора и пошел на обгон, а когда радиатор грузовика отразился в зеркале заднего вида, перестроился на свою полосу.

Вокруг, насколько хватал глаз, тянулись гряды покатых зеленых холмов. Автомобиль понемногу разгонялся на спуске, шины тихо шелестели по асфальту, и Мэнн начал негромко насвистывать.

В конце спуска машина миновала кирпичный мост. С правой стороны виднелось русло пересохшего ручья, усыпанное камешками. Дальше за мостом, на этой же стороне дороги, находилась стоянка грузовиков с жилыми вагончиками. «Неужели там можно жить?» — удивился Мэнн и, заметив чуть дальше кладбище для собак, невольно улыбнулся: «Наверное, ребята-дальнобойщики хотят быть поближе к могилкам своих любимых кошечек и собачек!»

Теперь шоссе впереди стало прямое, как стрела. Солнце пригревало, и в голове у Мэнна неспешно крутились разные мысли. «Интересно, что сейчас делает Рут? Дети, конечно, ушли в школу и вернутся только через несколько часов. А она, наверное, как всегда

по четвергам, отправилась в магазин». Перед глазами Мэнна встала Рут, идущая по супермаркету и складывающая в тележку всякую всячину. Вместо этой деловой поездки он с большим бы удовольствием отправился вместе с женой за покупками.

До Сан-Франциско еще несколько часов езды, а потом — три дня гостиничной жизни и ресторанной кормежки, надежды на заключение сделок, заканчивающиеся, как правило, разочарованиями. Вздыхнув, Мэнн включил радио, покрутил ручку настройки, нашел мягкую, ненавязчивую музыку и, почти не глядя на стелющееся под колеса шоссе, стал мурлыкать в такт.

Он испуганно вздрогнул, когда слева с ревом, да так, что машина даже закачалась, пронесся давешний грузовик. Перед самым его носом грузовик резко перестроился вправо, и Мэнн раздраженно притормозил, чтобы увеличить дистанцию. «Что это с ним?!» — промелькнула тревожная мысль.

Это был огромный трехосный бензовоз с трехосной же цистерной на прицепе. С виду грузовик казался явно не новым и требовал подкраски. Емкости на бензовозе и прицепе были окрашены в серебристый цвет, краска выглядела дешевой. Мэнн решил, что водитель, наверное, красил машину сам. Его взгляд скользнул от надписи «огнеопасно», выведенной красными буквами на заднем торце цистерны, к красным светоотражающим полосам, небрежно нарисованным несколько ниже, а потом к широким резиновым брызговикам, развевавшимся под брюхом прицепа взад и вперед. Похоже было, что водитель занимается частными перевозками, но, судя по машине, не сильно в этом преуспел. Мэнн обратил внимание на номерной знак бензовоза — машина была из Калифорнии.

Взглянув на спидометр, Мэнн отметил, что его автомобиль шел ровно пятьдесят пять миль в час, как и положено на загородной трассе. Грузовик обогнал его очень быстро, во всяком случае на скорости не менее семидесяти. Мэнн решил про себя, что это несколько странно и что водителям грузовиков вообще-то надо быть поосторожнее.

Недовольно поморщившись от запаха выхлопных газов, он посмотрел на трубу, торчавшую с левой стороны кабины грузовика. Из нее тянулся густой шлейф черного дыма, медленно растекавшегося по сторонам. «Боже,— возмутился Мэнн.— Сколько разговоров о загрязнении атмосферы, а такие агрегаты все равно

ездят по дорогам!»

Чувствовалось, что от запаха дыма его скоро начнет тошнить. Нет, тащиться сзади невозможно — надо или немного отстать, или снова обогнать этот бензовоз. Но ехать медленнее Мэнн не мог, потому что утром несколько задержался и теперь, чтобы успеть на дневную встречу, приходилось спешить. «Нет, нужно обгонять!»

Слегка нажав на педаль газа и выглянув из-за грузовика, Мэнн увидел, что встречная полоса на всем протяжении пуста. Было похоже, что сегодня на этом шоссе вообще нет движения. Прибавив газу и перестроившись влево, Мэнн обогнал бензовоз, мельком взглянув на машину сбоку. Кабина оказалась высоко, поэтому Мэнн заметил только левую руку водителя, державшую руль, большую, волосатую и загорелую.

Как только бензовоз появился в зеркале заднего вида, Мэнн сразу же занял свою полосу на шоссе.

Раздавшийся сзади долгий гудок заставил вновь удивленно взглянуть в зеркало. «Интересно, что это — приветствие или проклятие?» — подумал Мэнн, время от времени поглядывая через зеркало назад. Передние крылья машины были покрашены в тускло-красный цвет, краска на них потрескалась и облупилась — здесь тоже поработал дилетант. Мэнн видел только нижнюю часть грузовика, так как все остальное было скрыто верхним обрезом заднего стекла.

Теперь справа от дороги расстилалась глинистая равнина, местами поросшая редкой травой. Мэнн заметил одинокий домик у вершины далекого холма. Антенна спутникового телевидения на его крыше была наклонена почти горизонтально. «Здорово должна принимать», — почему-то промелькнуло в голове.

Мэнн снова перевел взгляд вперед, потом ненадолго скосил его в сторону, чтобы прочитать надпись «ночные ползуны — отдыхайте здесь», изображенную большими неровными буквами на куске фанеры. «Ночной ползун — это кто? — удивился Мэнн. — Хорошее название для монстра из дешевого голливудского боевика».

Неожиданный надрывный рев дизеля бензовоза заставил Мэнна взглянуть в зеркало заднего вида. Потом его испуганный взгляд перескочил к боковому зеркалу. «Боже, этот парень опять пошел на обгон!» Мэнн с яростью посмотрел на проплывавшую слева громадину, стараясь заглянуть в кабину, но та была слишком высоко.

«Черт возьми, что с ним? — возмутился Мэнн.— Что у нас тут — гонки? Чья машина сможет дольше продержаться впереди?»

Мэнн решил прибавить скорость, чтобы не дать себя обогнать, потом передумал. Когда грузовик и прицеп начали смещаться вправо, пришлось сбросить газ, но бензовоз подрезал его очень резко, и Мэнн, застонав от злости, притормозил. «Господи Иисусе,— мысленно возопил он,— что случилось с этим парнем?»

Вновь почувствовав запах выхлопных газов, Мэнн застонал громче и раздраженно поднял стекло левой двери. «Черт возьми, неужели всю дорогу до Сан-Франциско придется дышать этой гадостью? И остановиться никак нельзя — встреча с Форбсом назначена на четверть четвертого, и тут уж ничего не изменишь».

Мэнн посмотрел вперед. «Хорошо еще, что движения на шоссе практически нет». Мэнн нажал на педаль акселератора и приблизился к бензовозу. Затем, увидев, что за небольшим левым поворотом дорога пустая, газанул и перестроился влево.

Грузовик тоже пошел влево, блокируя дорогу.

Несколько секунд Мэнн в полной отрешенности смотрел на происходящее, но потом, испуганно вскрикнув, нажал на тормоз и вернулся на свою полосу. Машина перед ним как ни в чем не бывало тоже перестроилась вправо.

Мэнн не мог заставить себя поверить в реальность того, что произошло. Это, должно быть, простое совпадение. Конечно же, водитель грузовика вовсе не хотел перекрыть ему дорогу. Выждав несколько минут, Мэнн включил левую мигалку, чтобы его намерения были полностью понятны, и, нажав на педаль газа, снова начал смещаться влево.

Бензовоз незамедлительно повторил маневр.

— Святой боже! — воскликнул Мэнн, потрясенный происходящим.

Это казалось невероятным. За двадцать шесть лет водительского стажа Мэнн никогда такого не видел. Он вернулся на свою полосу и удрученно покачал головой; грузовик опять занял место перед ним.

Пришлось сбросить газ, чтобы отстать от черного вонючего облака. «Ну и что теперь? Дернул же меня черт поехать не по нормальной автостраде, а по этому проклятому шоссе, на котором

нигде не будет больше двух полос!»

Мэнн снова направил машину влево, однако, к его удивлению, бензовоз не стал преграждать дорогу. Вместо этого его водитель высунул в окно левую руку и махнул ею, показывая, что пропускает вперед. Мэнн начал прибавлять скорость, но вдруг, бросив педаль газа, судорожно нажал на тормоз и рванул руль вправо, прячась обратно за грузовик. Этот маневр был выполнен так резко, что машину занесло и Мэнн вцепился в руль, пытаясь ее выправить. В тот же миг мимо него по встречной полосе промелькнул голубой «универсал». Мэнн успел разглядеть испуганное лицо и вытаращенные глаза водителя.

С управлением все-таки удалось справиться. Мэнн судорожно глотал воздух, его сердце бешено стучало. «Мой бог! — представилась ему ужасная картина.— Сукин сын хотел, чтобы мы вцепились лоб в лоб!» Это было невероятно. Да, конечно, следовало убедиться, что дорога впереди свободна... Сам виноват. Но махать рукой, пропуская его... Мэнн чувствовал испуг и отвращение. «Ох, парень, ох, парень, ох, парень», — без конца шептали губы. Прямо как в книжке. Этот мерзавец хотел убить не только его, но и ни в чем не повинного человека во встречной машине. На шоссе посередине Калифорнии, утром в четверг? Почему?

Мэнн попытался успокоиться и осмыслить происходящее. «Возможно, это из-за жары? Может, у водителя грузовика болит голова или расстроен желудок, а может быть, и то и другое? Может быть, у него вчера вышла размолвка с женой? Может, она выгнала его из дома?» Причин могла быть тысяча. Мэнн попытался улыбнуться, однако, протянув руку, выключил радио, поскольку бодряя музыка стала его раздражать.

Несколько минут Мэнн продолжал ехать за бензовозом. На его лице застыло выражение ненависти. Когда снова начало тошнить от запаха выхлопных газов, он неожиданно нажал правой рукой на гудок. Увидев, что дорога впереди свободна, Мэнн, не снимая руки с сигнала, до упора выжал педаль газа и вырулил на встречную полосу.

Грузовик немедленно повторил маневр его машины. Мэнн не уходил вправо, а рукой изо всех сил давил на сигнал. «С дороги, сукин сын!» — клокотала в нем ярость. Зубы инстинктивно сжались так сильно, что заныли скулы, от страха засосало под ложечкой.

«Черт! — Мэнн быстро вернулся на свою полосу.— Вот сволочь!» — шипел он, с ненавистью глядя на то, как бензовоз медленно перестраивается обратно. «Что такое с тобой стряслось? Я несколько раз обогнал твою несчастную колымагу, и ты взбесился? Ты, видно, псих? Да,— заключил Мэнн,— это ненормальный». Другого объяснения не находилось.

«Интересно, что подумала бы об этом Рут и как она повела бы себя в такой ситуации. Наверное, начала бы сигналить и сигналить не переставая, надеясь привлечь внимание полицейского.— Мэнн скептически огляделся.— С какого дьявола в этой глуши вдруг появится полицейский? — Эта мысль вызвала лишь усмешку.— Слава богу, если у них тут есть хотя бы шериф на лошади!»

Вдруг ему представилось, что можно попробовать обмануть водителя и обогнать его справа. Мэнн направил машину к обочине и взглянул вперед. Бесполезно. Места для обгона не хватит. Грузовик просто снесет легковушку с дороги, если захочет. «А он захочет!» — решил Мэнн и содрогнулся.

Неожиданно для самого себя Мэнн вдруг обратил внимание, как замусорены обочины. Чего там только не было: пустые банки, фантики от конфет, пожелтевшие от времени рваные куски газет, стаканчики из-под мороженого, разбитая пополам табличка «продается». «Сохраняйте красоту Америки!» — здесь такой призыв мог породить только горькую ухмылку. Справа промелькнул камень, на котором краской было выведено: «Билл Джаспер». «Кто такой Билл Джаспер? — Вяло прокрутилось в голове.— И что бы он подумал про все это?»

Неожиданно машину затрясло. Сначала Мэнн с тревогой представил, что спустила шина, но, присмотревшись, понял, что этот участок дороги покрыт брусчаткой. Видно было, как подпрыгивают впереди бензовоз и прицеп. «Пусть у тебя немножко вправятся мозги»,— подумалось со злорадством. Когда грузовик вошел в крутой поворот, в боковом зеркале на секунду мелькнуло лицо водителя; Мэнн так и не разобрал, как оно выглядит.

«Так! — с удовлетворением отметил он, увидев впереди затяжной подъем.— Бензовоз здорово потеряет на нем скорость, и тогда его можно будет попробовать обогнать».

Мэнн заметил, что на середине подъема к шоссе примыкает

боковая дорога с полосой разгона. Встречных машин не было видно. Выжав педаль газа до пола, Мэнн рванулся на левую полосу. Сильно потерявший скорость грузовик тоже начал брать левее. Мэнн с застывшим от напряжения лицом довернул руль влево и выскочил на полосу разгона. За машиной поднялась туча пыли, и бензовоз на несколько секунд скрылся из виду. Под шинами захрустел гравий, покрывавший обочину, а потом вдруг снова запел асфальт.

Мэнн взглянул в зеркало и злорадно расхохотался. Он хотел только обогнать проклятый грузовик, а уж пыль оказалась просто неожиданным довеском к этому триумфу. Пусть теперь сукин сын тоже немного подышит гадостью. «Получи сдачи! — усмехнулся Мэнн и победно загудел клаксоном.— Получи, парень!»

Машина перевалила вершину подъема. Впереди открывался потрясающий вид на залитые солнцем холмы и равнины, аллею темных деревьев, квадраты засеянных и еще не засеянных полей. Вдалеке стояла монументальная водонапорная башня. «Красота!» — восхитился Мэнн. Протянув руку, он включил радио и начал бодро насвистывать в такт музыке.

Через семь минут машина пронеслась мимо рекламного щита с надписью «Кафе-закусочная Чака». «Нет, спасибо, Чак!» Мэнн посмотрел на серый дом в лощине. Ему показалось, что перед домом расположено кладбище. «А может быть, там просто стоят всякие пластмассовые скульптуры для продажи?»

Услышав шум сзади, Мэнн бросил встревоженный взгляд в зеркало и похолодел от ужаса: его с ревом настигал грузовик.

Раскрыв от удивления рот, Мэнн взглянул на спидометр. Более 60 миль в час! На извилистом спуске ехать с такой скоростью весьма опасно. Однако бензовоз двигался еще быстрее, сокращая разрыв прямо на глазах.

Мэнн судорожно проглотил слюну и наклонился вправо, проходя крутой поворот. «Господи, сумасшедший!»

В полукилометре впереди виднелась боковая дорога. Надо свернуть туда. Все зеркало заднего вида заняла огромная радиаторная решетка грузовика. Мэнн яростно вдавил педаль газа, и шины взвизгнули на очередном вираже. Теплилась надежда, что преследователю придется сбросить здесь скорость.

Однако Мэнн даже застонал, увидев в зеркале, как легко

грузовик прошел поворот; только слегка накренились цистерны под действием центробежной силы. Мэнн сжал трясущиеся губы, когда его машина с визгом вписалась в новый поворот. Дальше дорога была прямой. Прибавив газу, Мэнн взглянул на спидометр. Боже, почти 65 миль в час! Он никогда не ездил так быстро!

В отчаянии оглянувшись по сторонам, Мэнн заметил промелькнувший справа съезд с дороги. Но свернуть туда все равно не представлялось возможным — скорость была слишком высокой и машина наверняка бы перевернулась. «Черт возьми, что же нужно этому сукину сыну?!» В отчаянном страхе Мэнн жал на клаксон; потом быстро опустил стекло, высунул руку и судорожно замахал ею.

— Назад! — хрипло рычал он, — тормози, псих проклятый!

Грузовик мчался буквально по пятам. «Он хочет меня убить!» — мелькнула ужасная мысль. Мэнн в отчаянии вновь надавил на клаксон и не отпускал его до тех пор, пока не пришлось вцепиться в руль обеими руками, чтобы вписаться в очередной поворот. Мельком глянув в зеркало, Мэнн увидел только нижнюю часть радиатора бензовоза. С автомобилем еле удалось справиться — задние колеса стало заносить, и пришлось резко бросить педаль газа. Машина покачнулась, но выровнялась.

Мэнн увидел впереди конец спуска. Чуть дальше стоял домик с вывеской «Кафе Чака». Бензовоз опять приближался. «Это нечестно», — почему-то решил Мэнн, ощущая одновременно и ярость, и отчаяние. Шоссе впереди расстиралось прямой лентой, и он нажал на педаль газа до упора. 74 мили... 75.

Неожиданно резко нажав на тормоз и рванув руль вправо, Мэнн свернул на площадку возле кафе. Пронзительно завизжали шины. «Нужно управлять заносом!» — вдруг вспомнилась инструкция. Машину швыряло из стороны в сторону, из-под колес летела грязь и поднимались облака пыли. Мэнн еще сильнее нажал на тормоз, отчего машина вообще пошла юзом. На миг разблокировав колеса и за счет этого выровняв движение, он снова изо всех сил надавил на тормоз, краем глаза заметив, что грузовик с прицепом промчался мимо кафе. Продолжая тормозить, Мэнн, чуть не зацепив на стоянке один из автомобилей, пролетел через всю площадку. Машину развернуло боком и протащило дальше еще метров десять. После этого она наконец остановилась.

Мэнн сидел с закрытыми глазами, чувствуя, как стучит кровь в висках. Сердце в груди колотилось словно бешеное. Почему-то никак не удавалось перевести дыхание. Мэнн представил, что если ему суждено судьбой умереть от разрыва сердца, то это случится, скорее всего, сейчас. Через несколько минут Мэнн все-таки открыл глаза и прижал правую руку к груди. Сердце все никак не могло успокоиться. «Да и неудивительно,— с сарказмом подумал он.— Не каждый день случается уворачиваться от такого грузовика».

Мэнн открыл дверцу и попробовал вылезти из машины, но с удивлением обнаружил, что его не пускает застегнутый ремень безопасности. Дрожащим пальцем Мэнн нажал на защелку и, сбросив ремень, посмотрел в сторону кафе. Интересно, что там подумали о манере его езды?

У дверей бросилась в глаза надпись: «Привет дальнобойщикам». Прочитав ее, Мэнн на секунду замер. Ощувив в груди неприятный холодок, он зябко передернул плечами и вошел в кафе, стараясь не встречаться взглядом с посетителями. Мэнн чувствовал, что его рассматривают, но не мог заставить себя поднять глаза. Пройдя в туалет, он подошел к раковине и, пустив холодную воду, начал пригоршнями плескать ее себе на лицо. Его била дрожь. Выпрямившись, Мэнн снял с вешалки несколько бумажных полотенец и, недовольно поморщившись от исходявшего от них запаха, промокнул лицо. Потом бросил полотенца в урну и подошел к зеркалу. «Мэнн, ты по-прежнему с нами»,— сказал он сам себе и ободряюще кивнул, все же при этом судорожно сглотнув.

Мэнн достал из кармана металлическую расческу и причесал волосы. «Разве такое предвидишь? — крутились в его мозгу мысли.— Живешь год за годом, принимая на веру разные непреложные истины. Например, что можно поехать на деловую встречу и по дороге никто не попытается тебя убить. Потом что-то происходит, и все истины летят к черту. Одно ужасное происшествие — и ничего не остается от стройного здания логики и правил приличного поведения; снова перед тобой какой-то дремучий лес. “Человек — полуангел, полузверь”»,— где-то, сейчас и не вспомнишь, попало ему это изречение.

Тот, за рулем грузовика, был совершенным зверем.

Дыхание уже почти успокоилось, и Мэнн вымученно улыбнулся своему отражению. «Все в порядке, парень, все кончилось

благополучно. Это был ужасный кошмар, но он позади. Ты едешь в Сан-Франциско. Там, в уютном номере отеля, ты закажешь бутылку дорогого виски, залезешь в теплую ванну и обо всем забудешь». Мэнн решил, что, пожалуй, так и сделает. Потом он открыл дверь и вышел из умывальной.

И замер растерянно, как будто вдруг налетел на стену. Дыхание судорожно перехватило. Чувствуя, как трепещет его сердце, Мэнн ошалело смотрел сквозь витрину.

На площадке возле кафе стоял давешний бензовоз с прицепом.

Мэнн не мог поверить своим глазам. Это казалось невозможным. Он же сам видел, как грузовик на полной скорости пронесся мимо кафе. В их случайной гонке, в этой дуэли водитель бензовоза победил. Да, победил! И значит, остался хозяином на проклятом шоссе. Но тогда почему же он вернулся?

Сдерживая нахлынувший ужас, Мэнн посмотрел по сторонам. В кафе находились пять человек: трое ели у стойки, двое — за столиками. С запоздалым сожалением он упрекнул себя за то, что не огляделся, когда вошел. Теперь уже невозможно было определить, который из этих сидел за рулем грузовика. Мэнн почувствовал, как у него задрожали ноги.

Пошатываясь, он подошел к ближайшему столику и упал на стул. «Теперь надо подождать.— Мэнн старался рассуждать спокойно.— Теперь надо просто немного подождать. Конечно же, этого человека наверняка можно вычислить». Прикрывшись листком с меню, Мэнн начал рассматривать посетителей. «Тот, в рубашке цвета хаки? Естественно, тип в костюме исключается. Может, брюнет с квадратным лицом, сидящий рядом за столиком?» Если бы только Мэнн мог увидеть его руки... Тогда бы он непременно его узнал. «Или один из двух, что остались сейчас у стойки? — Мэнн рассматривал их с сомнением.— Ну почему было не оглядеться, войдя в кафе?»

«Теперь нужно ждать,— твердил себе Мэнн.— Ждать, черт возьми». Ладно, водитель грузовика здесь. Но это вовсе не значит, что он намерен продолжать эту неравную дуэль. Может быть, кафе Чака — единственное подобное заведение на сотни миль в округе. Сейчас время обеда. Может, водитель бензовоза всегда здесь ест. Просто он ехал слишком быстро и не мог сразу свернуть на стоянку.

Поэтому он притормозил, развернулся и возвратился назад. Вот и все. Мэнн заставил себя посмотреть в меню. «Ладно, нечего трястись. Кружка пива поможет успокоиться».

Подошла официантка. Мэнн заказал сэндвич с мясом и бутылку пива. Когда девушка повернулась и направилась на кухню, он вдруг с неожиданным сожалением подумал, что лучше было бы без задержки прыгнуть в машину и скорее рвануть отсюда. Тогда бы ему сразу стало ясно, изменил ли свои намерения водитель грузовика. А теперь придется мучиться, пока через силу не съешь все, что заказал. Мэнн даже застонал от мысли о сделанной глупости.

Однако что, если тот действительно не изменил своих намерений и продолжит преследование? Тогда все начнется сначала. Мэнн понимал, что он просто не в состоянии мчаться со скоростью 80 или 90 миль в час, чтобы только не дать себя догнать. Возможно, его перехватит полицейский патруль. А если нет?

Мэнн напрягся, пытаясь сосредоточиться и собрать воедино расползавшиеся мысли. Он неприязненно рассматривал четверых мужчин. Двое из них вполне могли быть водителями этого грузовика: тот самый брюнет с квадратным лицом за соседним столиком и здоровяк в спортивном свитере, облокотившийся на стойку. У Мэнна вдруг возникло желание подойти к ним и спросить, кто же это из них управляет бензовозом. А потом извиниться перед ним, как-нибудь успокоить его... если только он, конечно, и вправду не псих. Может быть, взять ему пива, посидеть с ним по-хорошему и все уладить...

Но Мэнн не в состоянии был даже двинуться с места. Что, если водитель грузовика решил закончить эту дурацкую историю? А он подойдет и опять все испортит? Мэнна терзали сомнения. Слегка кивнув головой, когда официантка поставила перед ним сэндвич и бутылку, он сделал большой глоток пива и закашлялся. Тут же его захлестнул приступ ярости. «Кто дал этому негодяю право навязывать свою волю другим людям? Мы живем в свободной стране. Черт возьми, я имею полное право обгонять этого мерзавца, когда только захочу!»

Заметив на стене телефон-автомат, Мэнн вдруг подумал: «А что, если я позвоню в местный полицейский участок? Кто мне посмеет помешать?» Но тогда придется торчать здесь, заставляя Форбса нервничать; деловая встреча сорвется. А если водитель грузовика тоже останется ждать полицию? И при допросе, естественно, будет

все отрицать? А потом полиция уедет, и тогда, конечно, начнется та же гонка, только еще хуже. «Господи!» — в полном отчаянии обратился к Всевышнему Мэнн.

Вдруг его левая рука непроизвольно дернулась так резко, что пиво пролилось на брюки. Мужчина в свитере поднялся из-за стойки и не спеша пошел к выходу из кафе. Пока он расплачивался, получал сдачу и вынимал из кармана зубочистку, Мэнн чувствовал, как все быстрее и быстрее начинает биться его сердце. Затаив дыхание, Мэнн пристально смотрел, куда тот пойдет.

Мужчина прошел мимо бензовоза.

Значит, все-таки вот этот, за соседним столиком. Мэнн опять напряженно вспомнил неясное очертание лица, мелькнувшего в зеркале заднего вида. Конечно же, то было квадратное лицо, темные глаза и темные волосы. Вот этот человек пытался его убить.

Мэнн резко встал, стараясь энергичным движением заглушить свой страх, и, глядя прямо перед собой, быстро направился к выходу. Будь что будет, он больше не в состоянии здесь сидеть. Мэнн остановился у кассы, чувствуя, как судорожно вздымается грудь. «Смотрит ли он на меня?» — свербило в голове. Мэнн конвульсивно сглотнул и, вытащив из кармана долларовую бумажку, уставился на официантку. «Ну, считай быстрее!» — мысленно подгонял он девушку. Посмотрев на счет, Мэнн дрожащей рукой полез в карман за мелочью. Звякнув, одна монетка упала на пол и покатилась куда-то в сторону. Не нагибаясь за ней, Мэнн кинул на прилавок полтора доллара и запихнул остальные деньги обратно в карман.

В этот момент он услышал, что мужчина, сидевший за соседним столиком, тоже поднялся. Чувствуя, как по спине побежали противные мурашки, Мэнн быстро повернулся к двери и резко распахнул ее, заметив краем глаза, что мужчина с квадратным лицом подходит к кассе. Выскочив из кафе, Мэнн ринулся к машине. Во рту опять пересохло, сердце больно колотилось в груди. Услышав, как сзади хлопнула дверь, он неожиданно для себя побежал, еле удерживаясь от желания оглянуться. Добравшись до машины, Мэнн неуклюже плюхнулся на сиденье. Вытащив из кармана брюк ключи, он чуть не уронил их. Рука так сильно тряслась, что невозможно было попасть ключом в замок зажигания. Его охватила настоящая паника. «Ну давай, давай!» — приходилось подгонять себя.

Ключ наконец воткнулся на свое место, взревел двигатель. Мэнн резко надавил на акселератор, потом, немного сбросив газ, с хрустом врубил передачу, развернулся и поехал к шоссе. Краем глаза он с ужасом увидел, как сзади медленно тронулся грузовик.

Мэнна обуяла дикая ярость. «Нет!» — заорал он и с силой надавил на педаль тормоза. Это просто глупость, чушь какая-то! Почему он должен от кого-то убегать? Машина с визгом остановилась. Распахнув дверь, Мэнн быстрыми шагами направился к грузовику. «Ладно, дядя,— бормотал он, глядя на человека, сидевшего за рулем грузовика.— Ты хотел утереть мне нос? Считай, что ты это сделал. Но в гонках на шоссе я больше не участвую».

Однако грузовик уже начал набирать скорость. Пытаясь его остановить, Мэнн поднял руку и закричал: «Эй!», а потом побежал; но бензовоз продолжал двигаться, надрывно завывая двигателем. Вот он уже выехал на шоссе, а Мэнн все бежал за ним, чувствуя, как гнев клокочет в груди. Водитель грузовика переключил передачу и поехал быстрее.

— Стой! Черт тебя побери, стой! — Задыхаясь, Мэнн остановился, в бессилии наблюдая, как грузовик исчез за холмом.— Сукин сын! — в бешенстве прорычал Мэнн.— Мерзкий, проклятый сукин сын!

Он медленно побрел к своей машине, пытаясь убедить себя в том, что водитель бензовоза испугался перспективы кулачного боя. Но в подобное объяснение почему-то не очень верилось.

Мэнн сел в машину и уже собрался было выехать на шоссе, но потом вдруг передумал и заглушил мотор. Сейчас этот чокнутый, наверное, плетется со скоростью миль 15 в час и ждет, когда его догонят. «Жди, жди»,— позлорадствовал Мэнн. Сам-то он никуда уже больше не спешил. Ну что ж, Форбсу придется подождать. А если Форбс не захочет ждать — тоже не беда. Нужно немного посидеть здесь, дать время, чтобы этот назойливый парень отъехал подальше. Пусть он думает, что победил. Мэнн усмехнулся. «Ладно, ты побил меня по всем статьям. А теперь катись куда подальше и прими вслед мои самые искренние пожелания». Мэнн тряхнул головой. «Поразительно...»

Действительно, давно нужно было так поступить — остановиться и подождать. Тогда водителю грузовика поневоле

пришлось бы прекратить эти штучки. «Или он прицепится к кому-нибудь еще,— подумал Мэнн с ужасом.— Боже, неужели этот сумасшедший так проводит все свое рабочее время? Боже Всемогущий, неужели такое возможно?»

Мэнн устроился на сиденье поудобнее, прислонился спиной к двери и вытянул ноги. Закрыв глаза, быстро прикинул дела, которые ему нужно будет сделать завтра и послезавтра. Сегодня, похоже, день уже пропал.

Мэнн открыл глаза, почувствовав, что на какое-то мгновение задремал. Прошло еще одиннадцать минут. «Теперь этот парень уже далеко, наверное, уехал миль на десять. А может, и больше, судя по тому, как он ездит. Ладно. Вовремя доехать до Сан-Франциско все равно не удастся. Ну да ничего страшного».

Мэнн пристегнул ремень, завел машину и выехал на шоссе, оглянувшись предварительно назад. На дороге не было ни души. Хорошо сегодня ехать, все сидят по домам. А этот парень, видно, прекрасно здесь известен. «Когда на шоссе появляется Чокнутый Джек, оставь свою машину в гараже». Мэнн даже усмехнулся от придуманного им стишка. Дорога плавно поворачивала вправо, огибая холм.

Не успев ничего сообразить, Мэнн инстинктивно нажал на педаль тормоза. Машину занесло, после чего она резко дернулась и остановилась. Бессмысленным взглядом Мэнн уставился вперед. Там, на обочине, меньше чем в 50 метрах от него, стоял все тот же бензовоз с прицепом. Мэнн сидел как парализованный, хотя и понимал, что его машина встала посреди дороги и что ему нужно либо развернуться, либо съехать на обочину. Однако он был просто не в состоянии оторвать ошалелый взгляд от грузовика.

Мэнн дико вскрикнул и непроизвольно весь напрягся, когда сзади неожиданно раздался пронзительный гудок. С трудом повернув голову, Мэнн уставился в зеркало: к нему стремительно приближался фургон, который вдруг резко перестроился на встречную полосу и пропал из виду. Дернувшись влево, Мэнн увидел, как фургон пронесся мимо, мотаясь из стороны в сторону. Его шины истошно визжали. Мэнн разглядел, что сидевшие в фургоне люди смотрят в его сторону и что-то кричат. Потом фургон вернулся на свою полосу и стал, набирая скорость, удаляться. Вот он проскочил мимо бензовоза, и Мэнн тотчас почувствовал к нему странную неприязнь.

Люди, ехавшие в этом фургоне, могли спокойно следовать дальше — им ничего не угрожало. Охотились только за ним. Происходившее напоминало какойто бред...

Взяв себя в руки, Мэнн съехал на обочину и остановился. Он выключил передачу и откинулся на спинку сиденья, тупо глядя на грузовик. Опять начала болеть голова, в висках пульсировало так, словно внутри черепа тикал прикрытый подушкой будильник.

Что можно предпринять? Мэнн прекрасно понимал, что если он выйдет из машины и направится к грузовику, тот просто немного отъедет и остановится чуть подальше. Неужели в кабине грузовика действительно находится сумасшедший? Мэнн почувствовал, что его опять трясет. Теперь сердце билось медленными тяжелыми ударами, которые гулко отдавались в голове. Что же делать?

Со вспышкой внезапной ярости Мэнн резко включил передачу и вдавил в пол педаль акселератора. Задние колеса с визгом пробуксовали по обочине, и машина стремительно рванулась вперед. В ту же секунду тронулся и грузовик. «Этот гад даже двигатель не глушил!» — со все нарастающей злостью отметил про себя Мэнн и нажал на педаль газа до упора. Однако тут же понял, что все равно не успеет, что грузовик перекроет дорогу и его машина врежется в прицеп. Перед мысленным взором Мэнна мгновенно пронеслась картина страшного взрыва, который последует сразу же за ударом, и он начал энергично тормозить, стараясь вместе с тем, чтобы машину не занесло.

Когда скорость снизилась достаточно, Мэнн свернул на обочину и снова остановился.

Метрах в пятидесяти перед ним то же самое проделал бензовоз.

Мэнн побарабанил пальцами по рулю. «Ну и что теперь? — в сердцах размышлял он. — Развернуться, поехать назад, а потом добраться до Сан-Франциско по другой дороге?» А где гарантия, что водитель грузовика не вздумает двинуться за ним? Мэнн отрицательно покачал головой и упрямо сжал губы. Нет! Назад он ехать не собирается! Но и сидеть здесь весь день тоже не будет.

Протянув руку, Мэнн включил передачу и снова выехал на шоссе. Он не стал разгоняться, хотя видел, что огромный грузовик тоже тронулся с места. Мэнн притормозил, стараясь держаться метрах в двадцати от грузовика, и посмотрел на спидометр: 40 миль в

час. Водитель бензовоза высунул левую руку из кабины и махал ею, показывая, что пропускает вперед. Что это может означать? Неужели он передумал? Решил, что шутка зашла слишком далеко? Однако Мэнн не мог заставить себя поверить в это.

Впереди со всех сторон дыбились цепи гор, но шоссе было ровным и прямым. Мэнн щелкнул ногтем по кнопке звукового сигнала, настраивая себя на то, что пора что-то решать. Можно, конечно, так и тащиться до самого Сан-Франциско, держась подальше от облака выхлопных газов бензовоза. Вряд ли тот остановится посреди шоссе, чтобы преградить путь. А если грузовик возьмет да свернет на обочину, пропуская его вперед, то нужно будет тоже остановиться. Правда, тогда поездка станет изматывающей, но зато безопасной.

С другой стороны, можно все-таки попробовать обогнать этот здоровенный бензовоз еще разок. Конечно, именно этого-то негодяй от него и добивается. Но ведь такая махина, безусловно, не в состоянии сравниться с легковым автомобилем. Грузовик гораздо тяжелее, да и устойчивость у него должна быть похуже, особенно из-за прицепа. Если Мэнн в состоянии будет держать, например, миль 80 в час, а впереди окажется — обязательно должно оказаться! — несколько крутых подъемов, то бензовоз непременно отстанет.

Вопрос, конечно, в том, удастся ли достаточно долгое время держать столь высокую скорость. Никогда еще он не пробовал ездить так быстро. Однако чем дольше Мэнн обдумывал эту идею, тем больше она ему нравилась.

Наконец он решился. «Ладно, будь что будет!» — пробормотал Мэнн и, осмотревшись вокруг, резко нажал на акселератор. Приблизившись к грузовику, он напрягся в ожидании момента, когда тот опять начнет перекрывать дорогу. Но бензовоз спокойно шел по своей полосе, и его огромная туша медленно ползла назад за боковым стеклом машины. Мэнн бросил взгляд на кабину грузовика и на секунду, вздрогнув от ужаса, даже затормозил. Ему показалось, что на дверце кабины написано: «киллер». Однако, посмотрев еще раз повнимательнее, он разобрал, что в действительности было выведено: «Келлер» — очевидно, фамилия владельца. Мэнн резко прибавил газу и, как только грузовик показался в зеркале заднего вида, сразу же вернулся на свою полосу.

Грузовик начал набирать скорость, и Мэнн почувствовал

некоторый страх, правда смешанный с определенным удовлетворением. Просто ему теперь точно были известны намерения человека, сидевшего за рулем бензовоза, и это создавало неожиданно приятное ощущение. Теперь Мэнн знал не только лицо, но и имя водителя, и поэтому тот не казался больше безликим, безымянным монстром, воплощением неизвестной злой силы. «Ну, Келлер,— мысленно бросил ему вызов Мэнн,— давай-ка посмотрим, на что годится твоя серебристая развалина». И сильнее надавив на газ, лихо воскликнул: «Поехали!»

Мэнн скосил глаза на спидометр, с беспокойством увидел, что тот показывает всего лишь 74 мили в час, и, нахмурившись, осторожно прибавил газу. Его взгляд метался между дорогой и спидометром до тех пор, пока стрелка указателя не застыла наконец на цифре 80. Тогда он почувствовал прилив радости: «Ну, Келлер, сукин сын, попробуй-ка и ты так!»

Через несколько секунд Мэнн опять посмотрел в зеркало заднего вида, и ему показалось, что грузовик приблизился. В недоумении он перевел взгляд на спидометр. Дьявол, опять 76 миль в час! Нужно 80, и не меньше! Вцепившись в руль, Мэнн судорожно ловил ртом воздух.

Справа промелькнул бежевый «седан», стоявший под придорожным деревом. В нем сидели и о чем-то весело болтали молодые парень и девушка. Через мгновение их счастливые лица были уже далеко позади. Интересно, глянули они хоть мельком в его сторону? Вряд ли.

Мэнн нервно вздрогнул, когда машина подпрыгнула на небольшом мостике. Он попытался успокоить дыхание и вновь посмотрел на спидометр. Порядок — 81 миля. Он бросил взгляд в зеркало. Кажется ему или грузовик действительно приближается? Мэнн увидел впереди небольшой городок. «А может, дьявол с ним, со временем — остановиться у полицейского участка и все им рассказать? Они должны поверить. Они поймут, что если уж он остановился, чтобы рассказать им об этой идиотской истории, то вряд ли будет говорить неправду». Мэнн был уверен, что Келлер хорошо знаком местной полиции, и даже представил себе довольный голос полицейского офицера: «Да, конечно, мы знаем этого типа. Этот ненормальный мерзавец уже давно напрашивается на неприятности. Теперь-то он наконец получит!»

Тряхнув головой, Мэнн посмотрел в зеркало. Грузовик действительно приближался. Мэнн перевел глаза на спидометр и вздрогнул. «Черт возьми, опять забыл про скорость! Только 74 мили в час! — Застонав, Мэнн нажал на газ.— Восемьдесят, только восемьдесят,— приказал он себе.— Сзади — убийца».

Вдоль дороги тянулся огромный парк бело-лиловой сирени. Бесконечные ряды покрытых цветами кустов уходили в сторону от шоссе. Рядом с дорогой примостилась небольшая палатка с вывеской: «Свежие цветы». К ее передней стене был прислонен кусок коричневого картона с криво выведенным дополнением: «Для похорон». Мэнн вдруг представил самого себя лежащим в гробу, ярко загримированным, похожим на дурацкий манекен. Почувствовав одуряющий запах цветов, он, словно наяву, увидел свою Рут с детьми, сидящих возле гроба с опущенными головами. А рядом все его родственники...

Машина неожиданно влетела на участок разбитой дороги и начала подпрыгивать, раскачиваясь из стороны в сторону. От тряски сильнее заболела голова. Мэнн судорожно вцепился в вырывавшийся руль, чувствуя, как тот резко дергается под руками. Он не снижал скорость, но смотреть в зеркало не рисковал, хотя был уверен, что Келлер тоже не станет тормозить. А что, если вдруг лопнет шина? Тогда сразу настанет конец. Мэнн вообразил, как с лязгом и скрежетом кувыркается его машина, как взрывается бензобак, как пламя охватывает его изувеченное тело и...

Разбитая дорога кончилась; воспользовавшись этим, Мэнн быстро глянул в зеркало. Бензовоз не приблизился, но и не отстал. Мэнн посмотрел вперед. Там кругом были горы, это вселяло надежду, что на подъемах ему удастся оторваться от грузовика. Однако перед его мысленным взором неотступно маячили длинный спуск и нагоняющий сзади грузовик, потом страшный удар и долгое падение с отвесной скалы. Мэнн представил себе десятки разбитых, проржавевших машин, лежавших на дне недоступных каньонов, изуродованные останки сидевших в них людей... и всем им эту страшную смерть принес Келлер.

Автомобиль с ревом влетел в коридор из деревьев, окаймлявших шоссе по обе стороны. Здесь были посажены эвкалиптовые лесозащитные полосы; деревья стояли на расстоянии метра друг от друга, и дорога напоминала каньон с высокими отвесными стенами.

Мэнн вздрогнул от неожиданности и испуга, когда на капот машины упала большая ветка с пыльными листьями. Подхваченная потоком воздуха, она промелькнула по ветровому стеклу и исчезла из виду. «Боже!» — взмолился Мэнн, чувствуя, что держится из последних сил. Если на такой скорости потерять управление...

«Да ведь именно этого Келлер и добивается». Мэнн представил себе широкую улыбку на лице водителя грузовика, проезжающего мимо горящих обломков. Улыбку охотника, который убил свою жертву, даже не касаясь ее.

Деревья по сторонам дороги кончились. Шоссе плавно огибало подножие горы. Мэнн заставил себя сильнее нажать на газ. 83... 84 мили в час.

Слева тянулась гряда зеленых холмов, постепенно переходивших в горы. На боковой грунтовой дороге Мэнн заметил черную машину, двигавшуюся к шоссе. Есть ли на ней белая полицейская полоса? Почувствовав, как подпрыгнуло сердце, Мэнн вдавил правой рукой кнопку звукового сигнала, и тот надрывно загудел, неприятно отдаваясь в ушах. Сердце готово было выскочить из груди. Неужели полицейская машина? Неужели...

Разочарованный, Мэнн резко отпустил клаксон. Нет, не полиция. Черт! Келлеру, наверное, понравилось это маленькое представление. Сидит небось себе, хихикает. Мэнн вроде даже расслышал грубый ехидный голос водителя грузовика: «Малыш, думаешь, к тебе сейчас придет на помощь дядя полицейский? Не-е-ет! К тебе сейчас смерть придет». «Проклятый сукин сын!» — клокотал от ненависти Мэнн. Сжав правую руку в кулак, он в отчаянии изо всех сил ударил по сиденью. «Черт бы тебя побрал, Келлер! Пусть это будет последний день в моей жизни, но я убью тебя!»

Горы приблизились. Там обязательно должны быть подъемы, длинные крутые подъемы. Мэнн почувствовал прилив надежды, поскольку был абсолютно уверен, что сумеет значительно опередить грузовик. «Этот Келлер при всем желании не сможет идти в гору на 80 милях в час. Ну а я смогу!» — пели победные трубы в его душе. Мэнн сглотнул набежавшую слюну, чувствуя, что рубашка на спине взмокла, а по бокам стекают струйки пота. «Ванна и коктейль — сразу же по приезде в Сан-Франциско. Долго отмокать в горячей ванне, долго пить виски... лучше всего “Катти Сарк”». Ох уж он развернется!

Дорога пошла на небольшой подъем, но — проклятье! — слишком пологий. Грузовик проскочит его по инерции, даже не теряя скорости. Мэнн мрачно осмотрелся. Через секунду его машина качнулась на вершине подъема и понеслась вниз по такому же плавному спуску. Мэнн посмотрел в зеркало. «Квадрат! — пришло ему в голову сравнение.— Весь этот грузовик — сплошной квадрат: квадратные радиатор, капот, бампер, кабина; даже у лица и рук Келлера те же очертания». Бензовоз казался чудовищем, бездушным, жестоким чудовищем, которое вело преследование по воле слепого инстинкта.

Мэнн в ужасе закричал, увидев впереди знак «Ремонт дороги». Его взгляд судорожно заметался по шоссе. Обе полосы движения были перекрыты, и большая черная стрела указывала направление объезда. Заметив, что объездная дорога — грунтовая, Мэнн мучительно застонал. Его нога автоматически перескочила на соседнюю педаль и стала плавно качать тормоз. А грузовик безрассудно неся с прежней скоростью! Но ведь это невозможно!.. С застывшим лицом Мэнн начал выворачивать вправо.

Передние колеса выскочили на грунтовую дорогу, и он судорожно напрягся. В первую секунду ему показалось, что машину сейчас непременно занесет, чувствовалось, что ее уже начинает разворачивать. «Нет! — завопил Мэнн,— не надо!» Но через мгновение он уже трясся по грунтовой дороге, мертвой хваткой вцепившись в рвавшийся из рук руль. Противно дребезжали стекла; его то бросало на туго натянутый ремень безопасности, то припечатывало к спинке сиденья. Позвоночник ломило от ударов. Когда машина подскочила на очередной рытвине, Мэнн хрипло застонал, ощутив, что до крови прикусил губу.

Автомобиль начало заносить вправо, и, задохнувшись от ужаса, Мэнн сначала рванул руль в противоположную сторону. Но через секунду, опомнившись, выкрутил вправо, в сторону заноса. Задним бампером машина с треском снесла заградительный щит. Мэнн негромко вскрикнул — и начал плавно качать тормоз, пытаясь обуздать автомобиль. Теперь заднюю часть машины резко понесло влево, из-под колес поднялась туча пыли, и он почувствовал, что из горла готов вырваться вопль отчаяния. Мэнн яростно крутанул рулевое колесо. Машину снова стало тащить вправо. Осторожно сработав рулем, он все-таки сумел ее выровнять. Сердце бешено колотилось, отдавая в голове глухими судорожными толчками.

Мэнн закашлялся, поперхнувшись сочившейся из губы кровью.

Грунтовая дорога внезапно кончилась, машина снова выскочила на шоссе, и стало возможно наконец глянуть в зеркало. Грузовик сбросил скорость, но отстал несильно; качался на ухабах, как корабль в шторм, поднимая огромными колесами густое облако пыли. Мэнн вдавил педаль газа, и автомобиль отчаянно рванулся вперед. Совсем близко начинался отличный крутой подъем, на котором можно будет оторваться.

Когда машина резво преодолела первые метры подъема, из-под капота вдруг начал струиться дымок. Мэнн замер, широко открыв от ужаса глаза. Дымок сгущался, превращаясь в плотное облако пара. Мэнн впился глазами в приборный щиток. Красная лампочка еще не горела, но должна была вот-вот зажечься. Как же это могло случиться? В тот момент, когда он уже практически ускользнул!..

Подъем был затяжным и крутым, с частыми поворотами. Мэнн понимал, что останавливаться нельзя. «Может, развернуться и поехать вниз?» — пришла в голову неожиданная мысль. Он осмотрелся. Дорога, сжатая с обеих сторон высокими горами, была слишком узкой. Развернуться на ней за один прием невозможно, а на что-либо другое не хватит времени — Келлер его просто снесет. «Боже мой!» — тихо стонал Мэнн.

Он должен умереть.

Остекленевшим взором Мэнн смотрел вперед, на дорогу, подернутую облачком пара. И тут он вспомнил день, когда на бензоколонке около дома ему мыли двигатель горячей водой. Механик тогда посоветовал сменить шланги системы охлаждения, сказав, что после такой процедуры они часто трескаются. А Мэнн отказался, решив сделать это как-нибудь потом, на досуге. На досуге! Эта фраза впечаталась в его мозг. Он не поменял шланги — и из-за этого должен умереть.

Мэнн совсем по-детски всхлипнул от бессилия, когда на приборном щитке зажегся красный огонек, и, непроизвольно на него посмотрев, прочитал слово «перегрев». Черное на красном фоне.

Подъем впереди казался бесконечным. Мэнн слышал, как клокочет в радиаторе кипящая вода. Сколько ее там еще осталось? Пар быстро густел, затуманивая лобовое стекло. Протянув руку, Мэнн повернул переключатель. По стеклу забегали щетки

стеклоочистителя, оставляя размытые полукружья. Воды все-таки должно было хватить до конца подъема. «Ну а потом-то что?» — вопрошал он себя. Без воды машина не поедет даже под гору. Мэнн взглянул в зеркало. Грузовик отставал. Мэнн зарычал от ярости. Если бы не эти проклятые шланги, дело было бы сделано!

Машина накренилась на повороте, и его вновь охватил страх. Если сейчас остановиться, то еще можно успеть выскочить, убежать в сторону, вскарабкаться на склон горы... Потом это уже будет невозможно. Но Мэнн был не в состоянии заставить себя остановить машину. В ней он чувствовал себя увереннее, казался вроде не таким уязвимым. Кто знает, что случится, если ее покинуть.

Мэнн взирал на дорогу застывшим взглядом, стараясь не замечать яркий красный огонек на приборном щитке. С каждым пройденным метром скорость снижалась, мощность двигателя заметно падала. В ушах набатом звучало бульканье кипевшей в радиаторе воды. В любой момент мотор мог заглохнуть, и тогда машина встанет, превратившись в неподвижную мишень.

Автомобиль был уже почти на самой вершине подъема, однако Мэнн увидел в зеркало, что грузовик его настигает. Сильнее нажав на педаль газа, но уловив в ответ лишь скрежещающий звук в двигателе, Мэнн в отчаянии застонал. «Мне так нужно преодолеть подъем! Помоги мне, Господи!» — горячо взывали к Всевышнему его губы. Оставалось совсем немного. Все меньше. Меньше. «Ну же! Ну!!!» — умолял он свой едва живой автомобиль. Двигатель трясся и стучал, изпод капота валил густой пар и вырывался черный масляный дым. Щетки мотались по стеклу взад-вперед. В голове пульсировала кровь, обе руки от бесконечного напряжения онемели. Мэнн неотрывно смотрел вперед, чувствуя, как бешено колотится сердце. «Ну! Ну! Господи, помоги!»

Есть! Машина перевалила на спуск, и Мэнн издал торжествующий крик. Трясущейся рукой он снял с передачи и пустил машину накатом. Но вопль восторга застрял в горле. Вокруг были горы, только горы. Черт с ними! Впереди был длинный спуск. Мимо промелькнула предупреждающая надпись: «Грузовикам на протяжении 12 миль двигаться на пониженной передаче». Двенадцать миль! Что-то должно случиться. Обязательно должно.

Машина начала постепенно разгоняться. Мэнн посмотрел на спидометр. Уже 47 миль в час. Красная лампочка все не гасла. Мотор

можно поберечь: если грузовик достаточно отстал, то пусть движок спокойно охлаждается все 12 миль.

Скорость все нарастала. 50... 51. Мэнн зачарованно наблюдал, как стрелка спидометра медленно отклоняется вправо. Потом глянул в зеркало. Грузовик еще не появился. Если повезет, то удастся сохранить неплохой отрыв. Конечно, если бы двигатель не перегрелся, то этот отрыв был бы еще больше... но ладно, хватит и такого. Где-то ведь на дороге должно быть место, где можно остановиться. Стрелка перевалила отметку 55 и поползла к 60.

Мэнн снова посмотрел в зеркало и непроизвольно вздрогнул, увидев, что грузовик прошел вершину подъема и тоже начал спускаться. Почувствовав, как лихорадочно затряслись губы, Мэнн крепко сжал их. Взгляд его заметался между зеркалом заднего вида и затянутым пеленой пара шоссе впереди. Грузовик быстро набирал скорость. «Келлер, конечно, давит на всю железку». Понимая, что грузовик очень скоро его настигнет, Мэнн инстинктивно протянул руку к рычагу переключения передач. Однако, осознав свое движение, отдернул ее назад и, кисло поморщившись, посмотрел на спидометр. Скорость едва-едва перевалила за 60. Мало! Тогда он решительно протянул руку... которая замерла на полпути, потому что заглох двигатель. Мэнн схватился за ключ зажигания и судорожно его повернул. Мотор издал какой-то скребущий звук, но не завелся. Подняв глаза, Мэнн вдруг увидел, что впереди, совсем близко, поворот — и резко рванул руль. Потом он снова с тайной надеждой повернул ключ, но теперь мотор вообще не подал каких-либо признаков жизни. Мэнн обреченно посмотрел в зеркало — бензовоз быстро приближался — и перевел взгляд на спидометр. Скорость дошла до 62 и больше не увеличивалась. Мэнна охватил прилив отчаяния. Застывшими глазами он уставился на дорогу перед собой.

И вот там, в нескольких сотнях метров впереди, Мэнн вдруг увидел это: аварийный «карман» для улавливания машин с отказавшими тормозами. Теперь деваться было просто некуда. Либо ему удастся туда свернуть, либо через несколько секунд он получит смертельный удар сзади. Грузовик был кошмарно близко.

За несколько метров до «кармана» Мэнн резко вывернул руль вправо. Машина, завизжав шинами по асфальту, пошла в занос. Мэнн слегка притормаживал, чтобы не потерять управление полностью. На скорости 60 миль в час автомобиль с визгом влетел в «карман»,

подняв на обочине тучу пыли. Теперь Мэнн начал интенсивно тормозить. Задние колеса сильно занесло, и машина с треском ударилась о предохранительный барьер. Потом ее развернуло боком и со страшным скрежетом потащило в сторону обрыва. Мэнн давил на педаль тормоза изо всех оставшихся сил. Машину, к счастью, понесло вправо и опять ударило о барьер. Мэнн услышал холодящий звук раздираемого металла. Его сильно швырнуло вперед, когда машина, ударившись последний раз, встала как вкопанная.

Словно во сне, Мэнн медленно повернул голову назад и увидел сворачивавший в его сторону бензовоз. Он застыл, парализованный ужасом, с тупым отрешением глядя на приближавшуюся машину. Мэнн понимал, что сейчас умрет, но был настолько потрясен происшедшим, что не мог даже пошевелиться. Ревущая громада приближалась, заслоняя небо. Мэнн почувствовал, как напряглось его горло и оттуда вырвался страшный, отчаянный крик.

И вдруг грузовик начал медленно крениться влево. Оборвав вопль, Мэнн в звенящей тишине зачарованно смотрел, как грузовик, словно огромное животное, медленно опрокидывается на левый бок. Через секунду грузовик уже не был виден через заднее стекло.

Негнушимися пальцами Мэнн отстегнул ремень безопасности и открыл дверцу. С трудом выбравшись из машины, он добрал до края обрыва и посмотрел вниз. К этому моменту грузовик уже опрокинулся полностью; за ним, задрав к небу огромные колеса, медленно перевернулся прицеп.

Сначала взорвалась цистерна на грузовике. Мэнн ощутил, как в лицо ему ударила волна жаркого воздуха, и, отшатнувшись, неловко сел на землю. Внизу прогремел второй взрыв. Мэнн почувствовал еще одну горячую волну, от которой даже заболели глаза. Через полуприкрытые веки он видел, как к небу взметнулся один огненный столб, потом, через секунду, другой.

Мэнн медленно подполз на четвереньках к обрыву и осторожно заглянул в глубь каньона. Оттуда вздымались к небу огромные языки пламени, окаймленные густым черным дымом. Не было видно ни грузовика, ни прицепа... только пламя. Широко открытыми глазами Мэнн безмолвно смотрел вниз, чувствуя в своей душе полное опустошение.

Потом вдруг вернулись эмоции. Но, как ни странно, первым

чувством был не страх, и не сожаление, и даже не нахлынувшая вскоре тошнота. В его душе поднималось ощущение первобытного восторга — вопль победы над телом побежденного врага.

Распространитель

20 июля

Пора переезжать.

Он присмотрел небольшой меблированный домик на Силмар-стрит. В субботу утром он въехал туда и отправился знакомиться с соседями.

— Доброе утро,— сказал он пожилому мужчине, который подстригал плющ у соседнего дома.— Меня зовут Теодор Гордон. Я только что переехал.

Пожилой мужчина распрямился и пожал Теодору руку.

— Приятно познакомиться,— произнес он. Его звали Джозеф Альстон.

С крыльца сбежала собака и принялась обнюхивать брюки Теодора.

— Хочет составить о вас мнение,— пояснил сосед.

— Как мило,— произнес Теодор.

На другой стороне улицы жила Инес Феррел. Она открыла дверь в халате, худенькая женщина лет под сорок. Теодор извинился, что побеспокоил ее.

— О, ничего страшного,— улыбнулась она. У нее полно свободного времени, пока муж в разъездах по работе.

— Надеюсь, мы станем добрыми соседями,— сказал Теодор.

— Уверена в этом,— ответила Инес Феррел. Она смотрела в окно, когда он удалялся.

В дверь следующего дома, стоявшего прямо напротив его собственного, он постучал осторожно, потому что на двери висела табличка: «Тихо! Спит работник ночной смены». Дверь открыла Дороти Бакус, миниатюрная, замкнутая с виду женщина лет тридцати пяти.

— Я так счастлив с вами познакомиться,— сказал Теодор.

В следующем доме жил Уолтер Мортон. Когда Теодор шел по дорожке, он услышал, как Бьянка Мортон громко отчитывала их сына, Уолтера-младшего.

— Ты не достаточно взрослый, чтобы гулять до трех утра! — говорила она.— Тем более с такой маленькой девочкой, как Кэтрин Маккэнн.

Теодор постучал, и мистер Мортон (пятьдесят два года, обширная лысина) открыл дверь.

— Я только что переехал в дом напротив,— сказал Теодор, улыбаясь.

Следующую дверь открыла Пэтти Джефферсон. Разговаривая с ней, Теодор видел сквозь застекленную заднюю дверь, как ее муж, Артур, набирает резиновый бассейн для детей, мальчика и девочки.

— Они так любят плескаться в этом бассейне,— с улыбкой пояснила Пэтти.

— Ничего удивительного,— сказал Теодор. Уходя от Джефферсонов, он заметил, что дом рядом с ними пустует.

На другой стороне улицы напротив Джефферсонов жили Маккэнны с четырнадцатилетней дочерью Кэтрин. Когда Теодор подходил к двери, он услышал, как Джеймс Маккэнн произносит:

— Да он просто чокнутый. С чего это я должен ровнять края его лужайки? Только потому что я пару раз одалживал его паршивую газонокосилку?

— Милый, прошу тебя,— произнесла Фэй Маккэнн.— Я должна подготовиться к следующему заседанию совета.

— Только потому что Кэти встречается с его паршивым сыном...— ворчал ее супруг.

Теодор постучал в дверь и представился. Немного поболтал с ними, сообщив миссис Маккэнн, что он, конечно же, с радостью поучаствует в работе Национального совета христиан и иудеев. Это действительно стоящая организация.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Маккэнн.

— Я распространитель,— сказал Теодор.

У следующего дома двое мальчишек косили лужайку и сгребали траву, а рядом с ними резвилась собака.

— Привет, ребята,— сказал Теодор.

Они пробурчали что-то в ответ, глядя, как он направляется к крыльцу. Собака не обратила на него никакого внимания.

— Я всего лишь его предупредил,— раздавался из окна гостиной голос Генри Путнама.— Пусть только возьмет черномазого в мой отдел, и я уйду. Я все сказал.

— Да, дорогой,— отозвалась миссис Ирма Путнам.

На стук Теодора дверь открыл мистер Путнам в майке. Его жена лежала на диване. Больное сердце, пояснил мистер Путнам.

— О, как жаль,— сказал Теодор.

В последнем доме проживали Горсы.

— Я только что поселился по соседству,— сказал Теодор. Он пожал худенькую ладошку Элеоноры Горс, и та сказала, что отец на работе.

— Это он? — спросил Теодор, указывая на портрет человека с суровым лицом над каминной полкой, заставленной разнообразными предметами культа.

— Да,— ответила Элеонора, тридцать четыре года, дурнушка.

— Что ж, надеюсь, мы станем добрыми соседями,— сказал Теодор.

Тем же днем он отправился в свою новую контору и принялся обустраивать комнату для проявки.

23 июля

Утром этого дня, прежде чем отправиться в контору, он заглянул в телефонный справочник и отыскал четыре номера. Набрал первый из них.

— Не могли бы вы прислать такси к дому двенадцать ноль пятьдесят семь по Силмар-стрит? — попросил он. — Благодарю.

Он набрал второй номер.

— Не могли бы вы прислать телемастера ко мне на дом, — сказал он. — У меня пропало изображение. Дом двенадцать ноль семьдесят, Силмар-стрит.

Он набрал третий номер.

— Хочу дать объявление в воскресный номер, — сказал он. — «Форд» пятьдесят седьмого года выпуска. Отличное состояние. Семьсот восемьдесят девять долларов. Да, все верно, семьсот восемьдесят девять. Мой телефон четыреста четырнадцать семьдесят четыре ноль восемь.

Он сделал четвертый звонок и назначил встречу с мистером Джеремайей Осборном. Потом постоял у окна гостиной, пока к дому Бакусов не подкатило такси.

Когда он отъезжал от дома, мимо него проехала машина телевизионного мастера. Он оглянулся и увидел, как она притормозила у дома Генри Путнама.

«Дорогой сэр, — отпечатал он позже у себя в конторе, — прошу прислать мне десять буклетов, за которые я вношу плату в размере ста долларов». Он написал имя и адрес.

Конверт упал в коробку «Исходящие».

27 июля

Когда вечером Инес Феррел покинула дом, Теодор последовал за ней на машине. В деловой части города миссис Феррел вышла из автобуса и отправилась в бар под названием «Ирландский фонарь». Припарковавшись, Теодор осторожно проник в бар и проскользнул в темный кабинет.

Инес Феррел сидела в глубине зала, взгромоздившись на барный стул. Она сняла пиджак, демонстрируя облегающий желтый свитер. Теодор пробежал взглядом по выставленному напоказ бюсту.

Через некоторое время с ней заговорил какой-то мужчина, они поболтали, посмеялись, чуть-чуть посидели вместе. Теодор наблюдал, как они выходят, держась за руки. Заплатив за кофе, он последовал за парочкой. Путь оказался недолгим — миссис Феррел и мужчина вошли в двери гостиницы, находившейся в соседнем квартале.

Теодор поехал домой, насвистывая.

На следующее утро, когда Элеонора Горс и ее отец отправились куда-то вместе с миссис Бакус, Теодор последовал за ними.

Он встретил их на выходе из церкви по окончании службы. Ну разве не чудесное совпадение, сказал Теодор, что он тоже баптист? И он потряс жесткую руку Дональда Горса.

Когда они вышли на солнечный свет, Теодор спросил, не разделят ли они с ним воскресную трапезу. Миссис Бакус слабо улыбнулась и пробормотала что-то насчет своего мужа. Дональд Горс, похоже, сомневался.

— О, прошу вас,— взмолился Теодор.— Осчастливьте одинокого вдовца.

— Вдовца,— задумчиво повторил мистер Горс.

Теодор повесил голову.

— Уже много лет,— сказал он.— Пневмония.

— Давно вы баптист? — спросил мистер Горс.

— С рождения,— с жаром отвечивал Теодор.— В этом мое

единственное утешение.

На обед он подал бараньи отбивные, бобы и печеную картошку. В качестве десерта — яблочный пирог и кофе.

— Я так рад, что вы поделили со мной эту скромную пищу,— сказал он.— Воистину, возлюбили ближнего своего, как самого себя. — Он улыбнулся Элеоноре, которая неуверенно улыбнулась в ответ.

Вечером, когда уже стемнело, Теодор отправился на прогулку. Проходя мимо дома Маккэннов, он услышал, как зазвонил телефон и мистер Джеймс Маккэнн заорал в трубку:

— Это ошибка, черт побери! Какого лешего я должен продавать какой-то паршивый «форд» пятьдесят седьмого года за семьсот восемьдесят девять баксов?

Трубка с грохотом упала на рычаг.

— Проклятье! — выкрикнул Джеймс Маккэнн.

— Милый, прошу тебя, будь спокойнее! — взмолилась его жена.

Телефон зазвонил снова.

Теодор двинулся дальше.

1 августа

Ровно в два пятнадцать ночи Теодор выскользнул на улицу, выдрал один из обожаемых плющей Джозефа Альстона и бросил его на дорожке.

Утром, выходя из дома, он увидел, что Уолтер Мортон младший направляется к дому Маккэннов с покрывалом, полотенцем и портативным приемником. Старый Альстон стоял, держа в руках свой плющ.

— Его что, вырвали? — спросил Теодор.

Джозеф Альстон заворчал.

— Значит, так и есть, — обронил Теодор.

— Как — так? — спросил старик, уставившись на него.

— Вчера вечером, — сказал Теодор, — я услышал снаружи какой-то шум. Выглянул и увидел пару мальчишек.

— Вы рассмотрели их лица? — спросил Альстон, напрягшись.

— Нет, было слишком темно, — сказал Теодор. — Но я бы сказал, что они были примерно возраста мальчиков Путнама. Хотя, разумеется, это не могли быть они.

Джо Альстон медленно кивнул, оглядывая улицу.

Теодор доехал до бульвара и остановился. Прошло двадцать минут, и Уолтер Мортон-младший с Кэтрин Маккэнн сели в автобус.

На пляже Теодор расположился в нескольких метрах позади них.

— Ну этот Мак и тип, — услышал он слова Уолтера Мортон. — У него зудит в одном месте, и он отправляется в Тихуану, только чтобы перепихнуться.

Через некоторое время Мортон с девушкой, громко смеясь, побежали купаться. Теодор встал и дошел до телефонной будки.

— Я хочу, чтобы на следующей неделе у меня на заднем дворе установили бассейн, — сказал он. И объяснил все подробно.

Вернувшись на пляж, он терпеливо дождался, пока Уолтер Мортон с девушкой не улеглись загорать, обнявшись. Время от

времени он щелкал зажатым в руке затвором шпионского фотоаппарата. Покончив с этим делом, он вернулся в машину и застегнул рубашку на груди, пряча крошечный объектив. По дороге в контору он остановился у магазина стройтоваров, где купил кисть и черную краску.

Весь день ушел на возню с фотографиями. Он напечатал их так, что казалось, будто все происходит ночью и как будто бы парочка занимается вовсе не тем, что было на самом деле.

Конверт мягко шлепнулся в коробку «Исходящие».

5 августа

Улица была тиха и пуста. Беззвучно ступая ногами в теннисных туфлях, Теодор перешел на противоположную сторону.

Он нашел на заднем дворе Мортонов газонокосилку. Тихонько оторвав ее от земли, перенес на другую сторону улицы, к гаражу Маккэнна. Осторожно подняв ворота гаража, он закатил газонокосилку за верстак. Конверт с фотографиями положил за ящик с гвоздями.

Вернувшись затем в дом, он позвонил Джеймсу Маккэнну и придушенным голосом спросил, продается ли все еще «форд».

Утром почтальон положил на крыльцо Горсов пухлый конверт. Элеонора Горс вышла и вскрыла его, из конверта выпал один из журнальчиков. Теодор наблюдал, как она воровато огляделась по сторонам, как темный румянец залил ее лицо.

Когда вечером этого же дня он косил свою лужайку, то видел, как Уолтер Мортон-старший промаршировал через улицу к Джеймсу Маккэнну, который как раз подстригал кусты. Он услышал, как они громко спорят о чем-то. Наконец оба пошли в гараж Маккэнна, откуда Мортон вытолкал свою газонокосилку, ничего не отвечая на сердитые протесты Маккэнна.

На другой стороне улицы, напротив Маккэннов, входил в дом вернувшийся с работы Артур Джефферсон. Проехали мальчики Путнама на велосипедах, их пес мчался следом.

Потом дверь напротив дома Теодора хлопнула. Он повернул голову и увидел, как мистер Бакус в рабочей одежде устремился к своей машине, возмущенно бормоча себе под нос:

— Бассейн!

Теодор поглядел на соседний дом и увидел, как Инес Феррел мечется по гостиной.

Он улыбнулся и принялся толкать газонокосилку вдоль стены своего дома, заглядывая в спальню Элеоноры Горс. Она сидела спиной к окну и что-то читала. Услышав стрекотание газонокосилки, она поднялась и, убрав пухлый конверт в ящик бюро, вышла из спальни.

15 августа

Дверь открыл Генри Путнам.

— Добрый вечер,— поздоровался Теодор.— Надеюсь, я не помешал.

— Нет, мы просто болтаем с родителями Ирмы,— сказал Путнам.— Они утром уезжают в Нью-Йорк.

— Правда? Ну, я всего на минутку.— Теодор протянул ему два воздушных ружья.— Фабрика, продукцию которой я распространяю, избавляется от товара,— сказал он.— Я подумал, может, вашим мальчикам понравится.

— Еще бы,— ответил Путнам. Он пошел в комнату, чтобы позвать сыновей.

Когда папаша вышел, Теодор прихватил пару спичечных коробков с надписью «Вина и крепкие напитки Путнама». Он опустил их в карман раньше, чем мальчики вышли поблагодарить его.

— Как это мило с вашей стороны,— сказал Путнам, стоя в дверях.— Я вам очень признателен.

— Всегда рад,— сказал Теодор.

Вернувшись домой, он поставил звонок на пятнадцать минут четвертого и лег спать. Когда будильник сработал, он вышел на безмолвную улицу и вырвал сорок семь плющей, разбросав их по дорожке Альстона.

— О нет,— сказал он Альстону утром. Теодор потрясенно качал головой.

Джозеф Альстон ничего не отвечал. Он с ненавистью оглядывал улицу.

— Позвольте мне помочь вам,— сказал Теодор. Старик отказался, но Теодор настоял. Съездив в ближайшую теплицу, он привез два пакета торфа, а потом сидел на корточках рядом с Альстоном, помогая тому заново сажать растения.

— Вы ничего не слышали прошлой ночью? — спросил его

старик.

— А вы думаете, это снова были те мальчишки? — спросил Теодор, удивленно приоткрыв рот.

— Безусловно,— сказал Альстон.

Позже Теодор съездил в деловой квартал и купил дюжину фотооткрыток.

«Дорогой Уолт,— размашисто написал он на одной из них,— снял это в Тихуане. Как тебе, достаточно горячо?» Он надписал адрес на конверте, забыв прибавить «младший» к имени Уолтер Мортон.

В коробку «Исходящие».

23 августа

— Миссис Феррел!

Она вздрогнула на своем барном стуле.

— А, мистер...

— Гордон,— подсказал он, улыбаясь.— Как я рад снова видеть вас.

— Да.— Она поджала губы и снова вздрогнула.

— Вы часто сюда заходите? — спросил Теодор.

— О нет, не часто,— забормотала Инес Феррел.— Я просто... хотела встретиться сегодня вечером с подругой.

— А, понятно,— сказал Теодор.— Что ж, не будет ли позволено одинокому холостяку составить вам компанию, пока подруга не пришла?

— Ну...— Миссис Феррел пожала плечами.— Почему нет.

Ее губы выделялись ярким пятном на фоне алебастрового лица. Свитер плотно обтягивал выдающийся вперед бюст.

Прошло некоторое время, подруга миссис Феррел все не появлялась, и они перешли в темный кабинет. Там Теодор воспользовался моментом, когда миссис Феррел отошла попудрить носик, и подсыпал ей в бокал порошок без вкуса и без запаха. Вернувшись, она выпила коктейль и через минуту здорово захмелела. Она улыбнулась Теодору.

— Вы мне нрав'сь, миср Г'рдн,— призналась она. Слова толпились, путаясь ногами в языке.

Вскоре он проводил ее, спотыкающуюся и хихикающую, к своей машине и отвез в мотель. В номере он помог ей раздеться до чулок с поясом и туфель, и, пока она позировала в пьяном упоении, Теодор сделал несколько фотографий со вспышкой.

Когда в два ночи она рухнула, Теодор одел ее и отвез домой. Там он положил ее, полностью одетую, на кровать. После чего вышел на улицу и полил заново посаженный плющ Альстона концентрированным гербицидом.

Вернувшись домой, он набрал номер Джефферсона.

— Да? — раздраженно произнес Артур Джефферсон.

— Переезжай отсюда, а не то пожалеешь,— произнес шепотом Теодор и повесил трубку.

Утром он пришел к дому миссис Феррел и позвонил в звонок.

— Привет,— вежливо произнес он.— Вам уже лучше?

Она смотрела на него непонимающим взглядом, пока он рассказывал, как накануне вечером ей вдруг стало очень плохо и как он отвез ее из бара домой.

— Надеюсь, теперь вам уже лучше,— завершил он.

— Да,— произнесла она смущенно,— я... в полном порядке.

Уходя от нее, он заметил, как Джеймс Маккэнн с багровым лицом движется, зажав в руке конверт, по направлению к дому Муртонов. Рядом семенила встревоженная миссис Маккэнн.

— Мы должны проявлять терпение, Джим,— услышал ее слова Теодор.

31 августа

В два пятнадцать ночи Теодор взял кисть и банку краски и вышел на улицу.

Дойдя до дома Джефферсона, он поставил банку на землю и коряво написал на двери: «НИГГЕР».

После чего перешел на другую сторону улицы, позволив упасть нескольким каплям краски. Банку он оставил под задним крыльцом Генри Путнама, случайно перевернув собачью миску. К счастью, собака Путнамов ночевала в доме.

Потом он еще раз полил плющи Альстона гербицидом.

Утром, когда Дональд Горс ушел на работу, Теодор взял тяжелый конверт и отправился навестить Элеонору Горс.

— Взгляните-ка,— сказал он, вытряхивая из конверта порнографический журнал.— Я получил это сегодня по почте. Только посмотрите! — Он сунул журнал ей в руки.

Она держала его так, словно это был ядовитый паук.

— Разве не ужас? — спросил он.

Она скорчила гримасу:

— Возмутительно.

— Я подумал, надо поговорить с вами и другими соседями, прежде чем звонить в полицию,— сказал Теодор.— Вы тоже получили эту мерзость?

Элеонора Горс ошетичилась.

— С чего бы мне получать такое? — спросила она.

Старика Теодор обнаружил над его плющами.

— И как они поживают? — спросил он.

— Они умирают.

Теодор казался пораженным.

— Как такое возможно? — спросил он.

Альстон покачал головой.

— О, это просто кошмар.

Теодор пошел дальше, хихикая на ходу. Возвращаясь к себе домой, он заметил, что дальше по улице Артур Джефферсон отмывает дверь, а Генри Путнам, стоя напротив, внимательно наблюдает за ним.

Она ждала его на пороге.

— Миссис Маккэнн,— удивленно произнес Теодор.— Я так рад вас видеть.

— То, что я скажу, едва ли вас обрадует,— произнесла она горестно.

— Вот как? — удивился Теодор. Они вошли в дом.

— Чрезвычайно много разных... событий происходит на нашей улице с тех пор, как вы здесь поселились,— сказала миссис Маккэнн, когда они устроились в гостиной.

— Событий? — переспросил Теодор.

— Мне кажется, вы понимаете, о чем я говорю,— сказала миссис Маккэнн.— Однако это... эта расистская надпись на двери мистера Джефферсона, это уже слишком, мистер Гордон, слишком.

Теодор беспомощно взмахнул рукой.

— Но я не понимаю.

— Прошу вас, не надо все усложнять,— сказала она.— Я обращусь к властям, если эти безобразия не прекратятся, мистер Гордон. Мне очень не хотелось бы это делать, но...

— Властям? — Теодор казался испуганным до смерти.

— Ничего подобного не случилось, пока вы сюда не переехали, мистер Гордон,— сказала она.— Поверьте, мне нелегко это говорить, но у меня просто нет выбора. Тот факт, что ничего похожего никогда не происходило на нашей улице, пока вы...

Она внезапно замолчала, когда из груди Теодора вырвалось рыдание. Миссис Маккэнн смотрела на него с изумлением.

— Мистер Гордон...— начала она неуверенно.

— Я не знаю, о каких событиях вы говорите,— сказал Теодор дрожащим голосом,— но я бы лучше убил себя, чем причинил бы

кому-нибудь вред, миссис Маккэнн.

Он огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого рядом.

— Я хочу сказать вам кое-что, чего не говорил ни одной живой душе,— произнес он. Он утер слезы.— Моя фамилия не Гордон,— сказал он.— Я Готлиб. Я еврей. Провел год в Дахау^[8].

Рот миссис Маккэнн дрогнул, но она ничего не сказала. Лицо ее начало заливаться краской.

— Я вышел оттуда сломанным человеком,— сказал Теодор.— Мне недолго осталось жить, миссис Маккэнн. Моя жена умерла, трое моих детей умерли. Я совершенно один на свете. Я всего лишь хочу жить в мире... в маленьком мирке, как этот, среди людей, как вы. Быть соседом, другом...

— Мистер... Готлиб,— потрясенно произнесла она.

После ее ухода Теодор некоторое время стоял посреди гостиной, упираясь в бока побелевшими кулаками. Затем он отправился на кухню, чтобы себя наказать.

— Доброе утро, миссис Бакус,— произносил он часом позже, когда миниатюрная женщина открыла ему дверь,— простите, не могу ли я задать вам несколько вопросов по поводу нашей церкви?

— О. Да, конечно.— Она неуверенно отступила назад.— Вы не хотите... войти?

— Я буду вести себя очень тихо, чтобы не разбудить вашего мужа,— зашептал Теодор. Он увидел, как она покосилась на его перевязанную руку.— Обжегся,— пояснил он.— Так вот, насчет церкви... О, слышите, кто-то стучит в заднюю дверь.

— Неужели?

Когда она ушла в кухню, Теодор открыл стенной шкаф и кинул несколько фотографий за кучу садовых галош и инструментов. К ее возвращению дверца шкафа была закрыта.

— Там никого не было,— сказала она.

— Я мог бы поклясться...— Он извиняюще улыбнулся. Поглядел на круглый чехол на полу.— О, мистер Бакус играет в кегли?

— По средам и пятницам, после смены,— ответила она.— На Вестерн-авеню у нас есть круглосуточный кегельбан.

— Я тоже люблю покидать шары,— сказал Теодор.

Он задал свои вопросы по поводу церкви, а потом распрощался. Когда он шел по дорожке, то слышал голоса из дома Мортонов.

— Как будто мало было истории с Кэтрин Маккэнн и тех кошмарных фотографий,— вопил мистер Мортон.— Теперь еще и эта... грязь.

— Но мама! — кричал Уолтер-младший.

14 сентября

Теодор проснулся и выключил будильник. Поднявшись, он опустил в карман маленький пузырек с серым порошком и выскользнул из дома. Добравшись до места назначения, он насыпал порошка в миску с водой и помешал пальцем, чтобы порошок растворился.

Вернувшись домой, он нацарапал несколько писем, в которых говорилось следующее: «Артур Джефферсон пытается нарушить “цветной” барьер. Он мой кузен и должен признавать, что такой же черный, как и все мы. Я сообщаю об этом, потому что желаю ему добра».

Он подписал письмо именем Джона Томаса Джефферсона и адресовал три конверта Дональду Горсу, Мортонам и мистеру Генри Путнаму.

Завершив дело, он увидел, что по бульвару идет миссис Бакус, и последовал за ней.

— Можно вас проводить? — спросил он.

— О,— произнесла она.— Конечно.

— Вчера вечером упустил вашего мужа,— сообщил он.

Она непонимающе заморгала.

— Думал, встречу его в кегельбане,— сказал Теодор,— но, наверное, он снова заболел.

— Заболел?

— Я спросил тамошнего работника, и он сказал, что мистер Бакус перестал ходить, потому что все время болеет.

— О.— Голос миссис Бакус сделался тоненьким.

— Ну, может, увижу его в следующую пятницу,— сказал Теодор.

Позже, снова вернувшись домой, он заметил, как к дому Генри Путнама подъехал закрытый фургон. С их заднего двора вышел мужчина, неся завернутое в одеяло тело, которое он затем положил в машину. Мальчики Путнама плакали, глядя ей вслед.

Артур Джефферсон открыл дверь. Теодор показал письмо Джефферсону и его жене.

— Пришло сегодня утром,— сказал он.

— Это просто чудовищно,— прокомментировал Джефферсон, прочитав письмо.

— Именно так,— согласился Теодор.

Пока они разговаривали, Джефферсон поглядывал в окно на дом Путнама на другой стороне улицы.

15 сентября

Бледный утренний туман затягивал Силмар-стрит. Теодор тихо шел по улице. Под задним крыльцом дома Джефферсона он поджег коробку с бумагой. Когда она задымила, он прошел через двор и одним ударом ножа распорол резиновый бассейн. Спешно удаляясь, он слышал, как вода толчками выплескивается на траву. В переулке он выбросил коробок спичек с надписью «Вина и крепкие напитки Путнама».

Утром, вскоре после шести, его разбудил вой сирен. Маленький дом будто подпрыгивал, когда мимо проезжали тяжелые машины. Повернувшись на бок, он зевнул и пробормотал:

— Отлично.

17 сентября

Дверь на стук Теодора открыла бледная как смерть Дороти Бакус.

— Может быть, подвезти вас до церкви? — спросил Теодор.

— Я... я, кажется, неважно себя чувствую, — проговорила миссис Бакус.

— Как жаль, — сказал Теодор. Он увидел, что из кармана ее фартука торчат уголки фотографий.

Выйдя от нее, он увидел, как Мортонеры грузятся в машину, молчащая Бьянка и смущенные Уолтеры. Чуть дальше по улице, у дома Артура Джефферсона, притормозила полицейская машина.

Теодор отправился в церковь с Дональдом Горсом, который сообщил, что Элеонора приболела.

— Очень печально, — сказал Теодор.

Тем же днем после обеда он провел некоторое время в доме Джефферсона, помогая прибирать и отмывать закопченное заднее крыльцо. Увидев распоротый бассейн, он немедленно поехал в магазин и купил точно такой же.

— Но ведь дети любят этот бассейн, — сказал Теодор, когда Пэтти Джефферсон начала протестовать. — Вы сами мне сказали.

Он ободряюще подмигнул Артуру Джефферсону, но тот был явно не в настроении.

23 сентября

Ранним вечером Теодор заметил, как улицу перебегают собака Альстона. Он схватил свое воздушное ружье, осторожно высунул в окно спальни и выстрелил. Собака яростно вцепилась себе в бок и завертелась на месте. Потом, поскуливая, припустила домой.

Прошло несколько минут, Теодор вышел на улицу и начал поднимать ворота гаража. Он увидел, как из переулочка спешно выходит старик, неся на руках собаку.

— Что случилось? — спросил Теодор.

— Не знаю, — ответил Альстон безжизненным, испуганным голосом. — У него что-то болит.

— Быстрее! — воскликнул Теодор. — Садитесь в машину!

Он повез Альстона с собакой к ближайшему ветеринару, проскакивая на красные светофоры и стелая каждый раз, когда старик отрывал трясущуюся руку от бока собаки:

— Кровь!

Три часа Теодор просидел в приемной ветеринара, пока дверь не открылась; старик, пошатываясь, вышел из кабинета, его побелевшее лицо приобрело пепельный оттенок.

— Нет! — воскликнул Теодор, вскакивая на ноги.

Он довел обливающегося слезами старика до машины и отвез домой. Потом Альстон сказал, что ему лучше побыть одному, и Теодор ушел. Вскоре черно-белая полицейская машина остановилась у дома Альстона, и старик провел двух полицейских мимо дома Теодора.

Теодор некоторое время прислушивался к гневным крикам с улицы. Они звучали еще долго.

27 сентября

— Добрый вечер,— поклонился Теодор.

Элеонора Горс слабо кивнула.

— Я принес вам с отцом жаркое,— сказал Теодор, улыбаясь и протягивая завернутую в полотенце керамическую кастрюльку.

Когда она сказала, что ее отец ушел в вечернюю смену, Теодор изумился, словно бы он не видел, как пожилой господин уезжал сегодня после обеда.

— Ну что ж,— произнес он,— протягивая ей угощение,— тогда это лично для вас. С моими наилучшими пожеланиями.

Сойдя с крыльца, он увидел, что Артур Джефферсон и Генри Путнам стоят под фонарем чуть дальше по улице. Пока он смотрел, Артур Джефферсон ударил собеседника и спустя секунду они уже скатились в канаву. Теодор побежал к ним.

— Как вам не стыдно! — задыхался он, растаскивая противников.

— Не лезьте не в свое дело! — предупредил Джефферсон и выкрикнул, обращаясь к Путнаму: — Лучше скажи мне, как эта краска оказалась под твоим крыльцом! Полиция, может, и поверит, что твои спички случайно оказались у меня за домом, но только не я!

— Ничего я тебе не скажу,— с презрением отвечал Путнам.— Ниггер!

— Ниггер! Ну естественно! Ты, конечно, первый этому поверил, придурок...

Теодор стоял между ними пять минут. И только когда Джефферсон случайно угодил ему по носу, напряжение спало. Джефферсон вежливо извинился, затем, бросив убийственный взгляд на Путнама, ушел.

— Мне жаль, что он вас ударил,— с сочувствием сказал Путнам.
— Проклятый ниггер!

— О, вы наверняка ошибаетесь,— сказал Теодор, зажимая ноздри.— Мистер Джефферсон говорил мне, как боится, что люди

поверят этим сплетням. Это из-за стоимости двух его домов, ну, вы понимаете.

— Двух? — переспросил Путнам.

— Да, пустой дом рядом с ним тоже принадлежит ему, — сказал Теодор. — Я думал, вы знаете.

— Нет, — осторожно ответил Путнам.

— Так вот, дело в том, — продолжал Теодор, — что, если пойдут разговоры, будто мистер Джефферсон негр, стоимость его домов упадет.

— Как и стоимость всех остальных домов, — сказал Путнам, сверкая глазами. — Этот грязный сукин сын...

Теодор похлопал его по плечу.

— Как родители вашей жены проводят время в НьюЙорке? — спросил он, меняя тему.

— Они уже возвращаются обратно, — сказал Путнам.

— Отлично, отлично.

Он отправился домой и примерно час читал комиксы. Потом вышел из дому.

Дверь ему открыла Элеонора Горс с покрасневшимся лицом. Халат был надет кое-как, глаза лихорадочно блестели.

— Можно мне забрать кастрюлю? — вежливо поинтересовался Теодор.

Она промямлила что-то и покачнулась, отступая назад. Он, проходя мимо, коснулся ее руки. Она дернулась так, словно он ее ударил.

— О, вы съели все, — сказал Теодор, заметив на дне кастрюли следы порошка.

Он обернулся к ней.

— А когда возвращается ваш отец? — спросил он.

Все ее тело напряглось.

— После полуночи, — проговорила она.

Теодор шагнул к выключателю и погасил свет. Он услышал, как

она ахнула в темноте.

— Нет,— пробормотала она.

— Разве ты не этого хочешь, Элеонора? — спросил он, властно хватая ее.

Ее объятие было бездумным и горячечным. Под халатом не оказалось ничего, кроме распаленного тела.

Позже, когда она лежала на полу кухни и спала, удовлетворенно посапывая, Теодор принес фотоаппарат, оставленный за дверью. Опустив шторы, он уложил Элеонору в подходящую позу и сделал десяток фотографий. Потом пошел домой и вымыл кастрюлю.

Прежде чем отправиться спать, он набрал на телефоне номер.

— Служба «Вестерн юнион»,— представился он.— У меня сообщение для миссис Ирмы Путнам, Силмар-стрит, двенадцать ноль семьдесят.

— Это я,— отозвалась она.

— «Сегодня днем ваши родители погибли в автокатастрофе,— сказал Теодор.— Ждем распоряжений по поводу отправки тел. Шеф полиции, Талса, Окла...»

На другом конце провода раздался придушенный хрип, удар, а потом крик Путнама: «Ирма!» И Теодор повесил трубку.

После того как уехала «скорая», он вышел на улицу и вырвал еще тридцать пять плющей Джозефа Альстона. В куче растений он оставил второй спичечный коробок Путнама.

28 сентября

Утром, когда Дональд Горс ушел на работу, Теодор вышел из дому. Элеонора попыталась закрыть перед ним дверь, но он все равно вошел.

— Мне нужны деньги,— сказал он.— А вот мой товар.— Он кинул пачку фотографий, и Элеонора отшатнулась, зажимая рот.— Ваш отец получит их сегодня же вечером,— сказал он,— если я не получу две сотни долларов.

— Но у меня...

— Сегодня вечером!

Он поехал в деловой квартал, в риэлторское агентство Джеремайи Осборна, где продал мистеру Джорджу Джексону свободный дом по Силмар-стрит, двенадцать ноль шестьдесят девять. Он пожал мистеру Джексону руку.

— Вам не о чем беспокоиться,— заверил он.— Семья, живущая в соседнем доме, тоже черная.

Когда он вернулся домой, перед домом Бакусов стояла полицейская машина.

— Что случилось? — спросил он Джозефа Альстона, который неподвижно сидел у себя на крыльце.

— Миссис Бакус,— безжизненным голосом ответил старик,— пыталась зарезать миссис Феррел.

— В самом деле? — изумился Теодор.

Тем же вечером у себя в конторе он сделал запись на семисотой странице своей учетной книги.

Миссис Феррел умирает от ножевых ранений в местной больнице. Миссис Бакус в тюрьме, подозревает мужа в адюльтере. Дж. Альстон обвиняется в отравлении собаки и, возможно, в чем-то еще. Сыновья Путнама обвиняются в убийстве собаки Альстона и уничтожении его растений. Миссис Путнам умерла от сердечного приступа. Мистеру Путнаму предъявлено обвинение в уничтожении частной собственности. Джефферсона подозревают в том, что он

негр. Маккэнны и Мортонны смертельные враги. Кэтрин Маккэнн считают состоявшей в интимной связи с Уолтером Мртоном-младшим. Мортонмладший отправлен в школу в Вашингтон. Элеонора Горс повесилась. Работа завершена.

Пора переезжать.

Блистательный источник

...и избавьте меня от оговора, читайте это лучше ночью, а не при свете дня, и не давайте юным девам, если таковые случатся поблизости... Однако я не опасаясь за судьбу этой книги, ибо она почерпнута из источника величественного и блистательного, все исходящее из которого имело оглушительный успех...

*Оноре де Бальзак, «Озорные рассказы»,
пролог*

Все началось с того анекдота, который дядюшка Лиман рассказывал в летнем домике. Тальберт как раз подходил, когда услышал заключительную фразу: «Боже мой,— воскликнула актриса, — а я-то думала, вы сказали “сарсапарель”!»

Домик содрогнулся от хохота. Тальберт застыл, смотря сквозь шпалеры с розами на смеющихся гостей. Пальцы ног в открытых сандалиях шевелились. Он размышлял.

Потом он двинулся вокруг озера Бин, глядя, как набегают на берег хрустальные волны, наблюдая за скользящими по зеркалу вод лебедями и рассматривая золотых рыбок, а сам продолжал размышлять.

— Я тут подумал,— сказал он тем же вечером.

— О боже, нет,— произнес дядя Лиман несчастным голосом. Он затих и стал ждать удара.

Который не замедлил последовать.

— О неприличных анекдотах,— сказал Тальберт Бин Третий.

— Прошу прощения? — не понял дядя Лиман.

— Бесконечные волны их накатывают на нацию.

— Я что-то не могу,— произнес дядя Лиман,— понять, к чему ты клонишь.— От нехорошего предчувствия у него сжималось горло.

— Я пришел к выводу, что это возможно разве что только

посредством черной магии,— сказал Тальберт.

— Магии?..

— Подумай сам,— предложил Тальберт.— Каждый день по всей земле люди рассказывают непристойные анекдоты, в барах и спортзалах, в фойе театров и на работе, на углах улиц и в раздевалках. Дома и в гостях — настоящее наводнение шуток.

Тальберт сделал многозначительную паузу.

— Кто их сочиняет?! — спросил он.

Дядя Лиман уставился на племянника взглядом рыбака, который только что выудил морскую змею: с трепетом и отвращением.

— Боюсь, я...— начал он.

— Я желаю отыскать источник этих анекдотов,— сказал Тальберт.— Узнать их происхождение, их начало.

— Но зачем? — спросил дядюшка едва слышно.

— Потому что это имеет большое значение,— заявил Тальберт.— Потому что эти анекдоты являются частью культуры, до конца не исследованной. Потому что они представляют собой аномалию, феномен вездесущий, но неизведанный.

Дядя Лиман ничего не произнес. Побелевшие руки обессиленно упали на дочитанную до середины «Уолл-стрит журнал». Глаза за блестящими стеклами очков были похожи на оливки в паре бокалов.

Наконец он вздохнул.

— И какую роль,— печально поинтересовался дядя Лиман,— мне предстоит сыграть в твоём расследовании?

— Мы должны начать с того анекдота, который ты рассказывал сегодня после обеда в летнем домике. От кого ты его услышал?

— От Карцера,— сказал дядюшка. Эндрю Карцер был один из многочисленной армии юристов, трудившихся на предприятиях Бинов.

— Отлично! — одобрил Тальберт.— Позвони ему и спроси, где услышал этот анекдот он.

Дядя Лиман вынул из кармана серебряные часы.

— Уже почти полночь, Тальберт,— сообщил он.

Тальберт отмахнулся от этой информации.

— Сейчас же,— сказал он.— Это очень важно.

Дядюшка Лиман еще секунду рассматривал племянника. Затем, вздохом признав поражение, он потянулся к одному из тридцати пяти телефонов поместья Бинов.

Тальберт стоял, шевеля пальцами ног, на ковре из медвежьей шкуры, пока дядя Лиман набирал номер, ждал ответа и разговаривал.

— Карцер? — спросил дядя Тальберт.— Это Лиман Бин. Прошу прощения, что поднял вас с постели, однако Тальберт непременно хочет узнать, где вы услышали анекдот про актрису, которой показалось, что режиссер сказал «сарсапарель».

Дядя Лиман выслушал реплику на другом конце провода.

— Я сказал...— начал он снова.

Через минуту он тяжело опустил трубку на рычаг.

— Даунлох,— сказал он.

— Позвони ему,— велел Тальберт.

— Тальберт,— взмолился дядюшка.

— Сейчас же,— сказал Тальберт.

Дядюшка Лиман испустил долгий выдох. Он аккуратно сложил «Уолл-стрит джорнал». Потянулся к столу красного дерева и взял одну из сигар длиной в четверть метра. Пошарив усталой рукой под бортом смокинга, он выудил записную книжку в кожаном переплете.

Даунлох слышал анекдот от Джорджа Махинатцера. Дипломированный бухгалтер Махинатцер услышал его от Плуту Крафта. Банкир Плуту Крафт услышал его от Билла Бакклуши. Доктор психологии Билл Бакклуши услышал его от Джека Блэка, менеджера казино «Кипр». Блэк услышал анекдот от О. Уинтерботтома. Уинтерботтом услышал его от Х. Альбертса. Альбертс услышал его от Б. Сильвера, Сильвер — от Д. Фрина, Фрин — от Э. Кеннелли.

Здесь их ждал нелепый поворот сюжета, поскольку Кеннелли сказал, что слышал анекдот от дядюшки Лимана.

— В этом и состоит сложность,— сказал Тальберт.— Эти

анекдоты ведь не сами собой зарождаются.

Было уже четыре утра. Дядя Лиман съежился, вялый и с неподвижным взглядом, в своем кресле.

— Должен же у них быть источник,— говорил Тальберт.

Дядя Лиман оставался недвижим.

— Тебе неинтересно,— заподозрил Тальберт.

Дядя Лиман издал какой-то звук.

— Я не понимаю,— сказал Тальберт.— Сложилась ситуация, обещающая множество удивительных открытий. Разве на свете существует хоть один мужчина или женщина, которые ни разу не слышали неприличного анекдота? Я бы сказал, что нет. И в то же время знает ли кто-нибудь из этих мужчин и женщин, откуда берутся такие анекдоты? И снова я скажу, что нет.

Тальберт стремительно зашагал к своему любимому месту для размышлений, к трехметровому камину. Он замер перед ним, глядя в жерло.

— Пусть я миллионер,— сказал он,— но я не утратил способность чувствовать.— Он развернулся.— И этот феномен меня тревожит.

Дядя Лиман пытался спать, сохраняя выражение лица бодрствующего человека.

— У меня всегда было больше денег, чем мне нужно,— сказал Тальберт.— В крупных тратах не было необходимости. Мне стоит вложить деньги в другое имущество, оставленное мне отцом,— в мой разум.

Дядя Лиман пошевелился, его посетила какая-то мысль.

— А что же случилось,— спросил он,— с этим твоим обществом, как бишь его, ОПЖОПЖЖ?

— Общество по предотвращению жестокостей к обществу по предотвращению жестокостей к животным? Оно в прошлом.

— А как же те социологические трактаты, которые ты писал...

— «Трущобы: позитивный взгляд»? — Тальберт отмахнулся.— Остались без последствий.

— А сохранилась ли твоя политическая партия, проантиэстеблишментарианцы?

— Исчезла без следа. Развалена реакцией изнутри.

— А что насчет внедрения биметаллической системы?

Тальберт печально улыбнулся.

— В прошлом, дражайший дядюшка. Я тогда прочитал слишком много викторианских романов.

— Кстати, о романах, как поживает твоя литературная критика? «Точка с запятой в творчестве Джейн Остин»? «Горацио Элджер^[9]: непонятый сатирик»? Не говоря уже о «Была ли королева Елизавета Шекспиром»?

— «Был ли Шекспир королевой Елизаветой»,— поправил его Тальберт.— Нет, дядя, все это ерунда. Мимолетные увлечения и не более того...

— Полагаю, то же самое справедливо сказать и про труд «Обувной рожок: pro et contra»?^[10] И еще о тех твоих научных статьях: «Теория относительности на переэкзаменовке» и «Достаточно ли нам эволюции?»

— Мертвы и преданы забвению,— терпеливо пояснил Тальберт.— Те проекты нуждались только в моем кратковременном участии. А теперь я приступаю к более важным исследованиям.

— К выяснению того, кто сочиняет непристойные анекдоты,— уточнил дядя Лиман.

Тальберт кивнул.

— Именно так,— подтвердил он.

Когда дворецкий поставил поднос с завтраком на постель Тальберта, тот спросил:

— Рэдфилд, вы знаете какие-нибудь анекдоты?

Рэдфилд поглядел бесстрастно — небрежная природа позабыла придать живости его лицу.

— Анекдоты, сэр? — переспросил он.

— Ну, вы понимаете,— сказал Альберт.— Шутки.

Рэдфилд замер у постели, словно покойник, гроб которого поставили на попа, а потом унесли.

— Да, сэр,— сказал он добрых тридцать секунд спустя,— однажды в детстве я слышал одну...

— Так-так,— оживился Тальберт.

— Кажется, звучала эта шутка следующим образом,— сказал Рэдфилд.— Когда... э... Когда ваши руки становятся местоимениями?..

— Нет-нет,— перебил Тальберт, качая головой.— Я имею в виду соленые анекдоты.

Брови Рэдфилда удивленно взлетели. Слова бились в горле, словно рыбины, пытаясь вырваться наружу.

— Так вы не знаете ни одного? — разочарованно уточнил Тальберт.

— Прошу прощения, сэр,— сказал Рэдфилд.— Могу ли я высказать предложение? Насколько мне известно, наш шофер гораздо больше осведомлен по части...

— Вы знаете соленые анекдоты, Харрисон? — спросил Тальберт через переговорное устройство, пока его «роллсройс» катил по Бин-роуд к шоссе номер двадцать семь.

Харрисон на секунду лишился дара речи. Он обернулся на Тальберта. Затем ухмылка тронула его порочный рот.

— Да, сэр,— начал он,— слышали анекдот о парне, который ел луковицу на стриптизе?

Тальберт щелкнул ручкой с четырьмя разноцветными стержнями.

Тальберт стоял в лифте, который поднимался на десятый этаж «Голт-билдинг».

Часовая поездка до Нью-Йорка оказалась в высшей степени плодотворной. И не только потому, что ему удалось записать семь самых непристойных шуток, какие он когдалибо слышал за всю свою жизнь, но он также взял с Харрисона обещание, что тот сводит его в заведения, где можно услышать подобные анекдоты.

Охота началась. МАКС АКС^[11] ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

Так было написано на непрозрачном стекле двери. Тальберт повернул ручку и вошел.

После того как прелестная секретарша сообщила о его визите, она провела его в скудно обставленный кабинет.

На стенах висели лицензия, автомат и фотографии в рамках: фабрика «Сигрэм»^[12], бойня в День святого Валентина^[13] во всех красках и некий Герберт Дж. Филбрик, который вел тройную жизнь.

Мистер Акс пожал Тальберту руку.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Прежде всего, — отвечал Тальберт, — знаете ли вы непристойные анекдоты?

Придя в себя, мистер Акс рассказал Тальберту анекдот про обезьянку и слона.

Тальберт записал его. После чего нанял агента, чтобы тот проследил за людьми, которым звонил дядюшка Лиман, и выяснил какие-нибудь важные подробности.

Покинув агентство, Тальберт принялся ездить с Харрисоном по значным местам. Анекдот он услышал в первом же заведении, куда они заглянули.

— Заходит как-то карлик в кишке от сосиски... — начинался он.

Это был день жизнерадостных открытий. Тальберт услышал шутку о косоглазом водопроводчике в гареме, анекдот о проповеднике, который выиграл в лотерею угря, о подбитом летчике, горящем в катапульте, и еще о двух девочкахскаутах, которые забыли свое печенье в автоматической прачечной.

Это не считая прочего.

— Мне нужен, — сказал Тальберт, — билет на самолет в один конец до Сан-Франциско и еще забронированный номер в гостинице «Миллард Филлмор»^[14].

— Могу я узнать, — спросил дядя Лиман, — зачем?

— Разъезжая сегодня с Харрисоном по городу, — пояснил

Тальберт,— я выяснил у одного торговца женским бельем, который был настоящим рогом изобилия по части непристойных анекдотов, что в отеле «Миллард Филлмор» служит некий коридорный, Гарри Шулер. Торговец бельем сказал, что, остановившись в этой гостинице на три дня, он услышал от Шулера больше анекдотов, чем слышал за тридцать девять лет своей жизни.

— И ты летишь туда, чтобы...— начал дядя Лиман.

— Именно. Нужно направляться туда, где след горячее всего.

— Тальберт, зачем ты все это делаешь?

— Я провожу исследование,— ответил Тальберт просто.

— Но чего ради, черт побери! — закричал дядя Лиман.

— Чтобы докопаться до сути,— сказал Тальберт.

Дядя Лиман прикрыл глаза.

— Ты просто копия своей матери,— заявил он.

— Ничего о ней не говори,— предупредил Тальберт.— Она была самой прекрасной женщиной, когда-либо ступавшей по Земле.

— Тогда как вышло, что ее затоптала толпа на похоронах Рудольфо Валентино?^[15] — возмущенно спросил дядя.

— Это всего лишь газетная утка,— сказал Тальберт,— и ты прекрасно это знаешь. Мама просто проходила мимо церкви, направляясь в приют детей беспутных матросов, чтобы отнести сиротам гостинцы — одно из многих ее благотворительных начинаний,— когда по несчастной случайности ее сбила с ног толпа истеричных женщин и в результате она встретила свой кошмарный конец.

Напряженное молчание распирало просторную комнату. Тальберт стоял у окна, глядя на холм рядом с озером Бин, которое его отец вырыл в тысяча девятьсот двадцать третьем году.

— Подумай сам,— произнес он после минутного размышления.— Нация живет на непристойных анекдотах, целый мир на них живет! Причем это одни и те же анекдоты, одни и те же, дядя. Как такое возможно? Как? Каким непостижимым способом анекдоты преодолевают океаны, расходятся по целым континентам? Каким чудом эти анекдоты пересекают горы и долины?

Он развернулся и встретился с остекленевшим взглядом дядюшки.

— Я должен узнать! — сказал Тальберт.

За десять минут до полуночи он погрузился на самолет до Сан-Франциско и сел в кресло у иллюминатора. Спустя пятнадцать минут самолет заревел, покатился по взлетной полосе и устремился в черное небо.

Тальберт повернулся к сидевшему рядом человеку.

— Вы знаете какие-нибудь неприличные анекдоты, сэр? — спросил он, держа наготове ручку.

Сосед уставился на него. Тальберт ойкнул.

— Прошу прощения,— сказал он,— святой отец.

Когда они дошли до номера, Тальберт дал коридорному хрустящую пятидолларовую бумажку и попросил рассказать анекдот.

Шулер рассказал ему анекдот о человеке, который ел луковицу на стриптизе. Тальберт выслушал, раздумчиво шевеля пальцами ног в ботинках. Когда анекдот подошел к концу, он спросил Шулера, откуда он мог слышать этот и похожие анекдоты. Шулер сказал, что в верфях имеется заведение под названием «Сундук мертвеца».

Ранним вечером, пропустив стаканчик с одним из представителей «Бин-энтерпрайзис» на Западном побережье, Тальберт взял такси и поехал в «Сундук мертвеца». Войдя в сумрачное, заполненное клубами табачного дыма помещение, он сел у стойки бара, заказал себе «отвертку» и принялся слушать.

Примерно через час он записал анекдот о старой деве, которая сунула нос в водопроводный кран, анекдот о трех моряках и двуличной дочери фермера, о няньке, которая решила, что это испанские оливки, и еще один о карлике, одетом в кишку от сосиски. Тальберт записал последний анекдот под первоначальным вариантом, подчеркнув расхождения с первым текстом, вызванные особенностями местного колорита.

В двадцать два часа шестнадцать минут человек, который только что рассказал Тальберту о неграмотных близнецах и их двухголовой сестре, сообщил, что Тони, бармен, просто кладезь непристойных шуточек, стишков, анекдотов и присказок.

Тальберт придвинулся к стойке бара и спросил Тони об основном источнике его познаний. Рассказав анекдот о сексе у клопов с астероида, бармен направил Тальберта к мистеру Фрэнку Брюну, торговцу из Окленда, которого этим вечером не было в баре.

Тальберт сейчас же направился к телефонной будке, и нашел в справочнике пять Фрэнков Брюнов, проживавших в Окленде. Вернувшись к будке с полным карманом намятой мелочи, Тальберт принялся обзванивать их всех.

Двое из пяти Фрэнков Брюнов оказались торговцами. Но один из них в данный момент находился в «Алькатрасе»^[16]. Тальберт проследил путь второго Фрэнка Брюна до переулка Хогана в Окленде, где, по словам его жены, торговец, как обычно по четвергам, играл в кегли в команде матрасной компании «Лунный свет».

Выйдя из бара, Тальберт нанял такси и направился вдоль побережья в Окленд, пальцы его ног шевелились все быстрее.

Veni, vidi, vici?^[17]

Брюн не был похож на иголку в стоге сена.

Стоило Тальберту войти в «Переулок Хогана», как его внимание сейчас же привлекла похожая на команду футболистов толпа, окружившая тучного человека с розовой лысиной, который что-то рассказывал. Тальберт подошел как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу, за которой последовал взрыв многоголосого смеха. Однако его внимание привлекла сама последняя фраза.

— «Боже мой,— закричала актриса,— так рассказывал мистер Брюн,— а я-то подумала, что вы сказали “банановый сплит”»!

Этот вариант сильно разволновал Тальберта, который счел его подтверждением недавней догадки о существовании некоего легко заменяемого элемента.

Когда группа распалась и народ разошелся, Тальберт подошел к мистеру Брюну и, представившись, спросил, где мистер Брюн слышал этот анекдот.

— А в чем дело, приятель? — спросил мистер Брюн.

— Да ничего особенного,— заверил его осторожный Тальберт.

— Я не помню, где слышал его, парень,— сказал наконец мистер

Брюн.— Ты уж извини.

Тальберт проследил за ним, но совершенно безрезультатно, если не считать того, что он сделал окончательный вывод: этот Брюн что-то скрывает.

Позже, возвращаясь обратно в «Миллард Филлмор», Тальберт решил поручить какому-нибудь детективному агентству в Окленде разузнать все, что можно разузнать.

Когда Тальберт приехал в гостиницу, его дожидалась телеграмма.

МИСТЕР ДЖЕК БЛЭК ГОВОРИЛ МЕЖГОРОДУ МИСТЕРОМ
ДЖОРДЖЕМ БУЛЛОКОМ ГОСТИНИЦА КАРФАГЕН ЧИКАГО
ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗАЛ АНЕКДОТ КАРЛИКЕ КИШКЕ
САЛЯМИ ВАЖНО ЛИ ЭТО АКС

Глаза Тальберта загорелись.

— Сходится,— пробормотал он,— ага!

Спустя час он выписался из гостиницы, взял такси до аэропорта и сел на самолет до Чикаго.

Через двадцать минут после его отбытия к стойке администратора подошел человек в темном костюме в тонкую полоску и спросил, в каком номере остановился Тальберт Бин Третий. Когда ему сообщили, что Тальберт уехал, глаза человека сделались свинцовыми и он немедленно кинулся к телефонной будке. Откуда вышел, совершенно спав с лица.

— Сожалею,— произнес дежурный портье,— но мистер Буллок уехал этим утром.

— О.

Плечи Тальберта опустились. Всю ночь в самолете он пересматривал свои записи, надеясь отыскать в анекдотах некую закономерность, стараясь классифицировать их по типам, по источнику происхождения и периодичности появления. Он устал от тщетных усилий. А теперь еще это.

— И он, конечно, не оставил нового адреса? — спросил Тальберт.

— Только сказал, что будет в Чикаго, сэр,— ответил портье.

— Ясно.

После ванны и обеда в номере несколько прибодрившийся Тальберт устроился у телефона вместе со справочником. В Чикаго имелось сорок семь Джорджей Буллоков. Тальберт звонил и вычеркивал Буллоков одного за другим.

В три часа дня он в оцепенении уронил трубку на рычаг. В шестнадцать двадцать одну он снова пришел в себя и совершил оставшиеся одиннадцать звонков. Мистера Буллока нет дома, так сообщила об одном из них домоправительница, однако его возвращения ожидают сегодня вечером.

— Большое вам спасибо,— произнес Тальберт с затуманившимся взглядом, после чего повесил трубку и рухнул на кровать, но только для того, чтобы в пять минут восьмого вскочить и спешно одеться. Спускаясь вниз, он проглотил сэндвич и стакан молока, потом кликнул такси и целый час добирался до дома Джорджа Буллока.

На звонок открыл сам хозяин.

— Чем могу? — произнес он.

Тальберт представился и сообщил, что приходил сегодня днем в гостиницу «Карфаген», чтобы поговорить с ним.

— Но о чем? — воскликнул мистер Буллок.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне, где слышали анекдот о карлике в кишке от салями,— сказал Тальберт.

— Сэр?..

— Я сказал...

— Я слышал, что' вы сказали, сэр,— заверил мистер Буллок,— хотя и не могу сказать, что ваш вопрос кажется мне хоть сколько-нибудь осмысленным.

— А я уверен, сэр,— с вызовом заявил Тальберт,— что вы просто прикрываетесь напыщенными словами.

— Я прикрываюсь? — возмутился Буллок.— Боюсь, я...

— Игра окончена, сударь! — возвестил Тальберт звенящим голосом.— Почему бы вам не признаться и не рассказать мне, где вы слышали этот анекдот?

— Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы толкуете, сэр! — отрезал Буллок, но то, как он побледнел, утверждало об обратном.

Тальберт улыбнулся улыбкой Моны Лизы.

— Неужели? — произнес он.

И, легко развернувшись на каблуках, он оставил дрожащего Буллока стоять на пороге. Когда он усаживался обратно в ждущее рядом такси, он увидел, что Буллок все еще стоит и смотрит на него. Постояв, Буллок вновь исчез за закрытой дверью.

— Гостиница «Карфаген»,— сказал Тальберт, довольный своим блефом.

По дороге назад он вспоминал, как разволновался Буллок, и тонкая улыбка играла на его губах. Никаких сомнений. Он выследил свою добычу. Теперь, если его догадка верна, скорее всего, будет...

Когда Тальберт вошел в свой номер, у него на кровати сидел худой человек в дождевике и котелке. Усы незнакомца, похожие на мазок кистью, подергивались.

— Тальберт Бин? — спросил он.

— Он самый,— кивнул Тальберт.

Человек, полковник Пископ, посмотрел на Тальберта стальным взглядом.

— Какую игру вы ведете, сэр? — спросил он колко.

— Не понимаю вас,— солгал Тальберт.

— Прекрасно понимаете,— возразил полковник,— и сейчас вы отправитесь со мной.

— Неужели? — произнес Тальберт.

Он обнаружил, что на него смотрит дуло «Уэбли-Фосбери»^[18] сорок пятого калибра.

— Так как? — поинтересовался полковник.

— Ну разумеется,— холодно ответил Тальберт.— Я не для того проделал такой путь, чтобы сейчас отказаться.

Перелет на частном самолете занял много времени. Иллюминаторы были покрашены, и Тальберт не имел ни малейшего понятия, в каком направлении они летят. Ни пилот, ни полковник не произносили ни слова, и все попытки Тальберта завязать беседу наталкивались на ледяное молчание. Револьвер полковника, все еще нацеленный в грудь Тальберта, ни разу не дрогнул, что, впрочем, его нисколько не беспокоило. Тальберт был в восторге. Все, о чем он мог думать,— это что его поиски подошли к концу и он наконец-то приближается к источнику непристойных анекдотов. Спустя какое-то время его голова упала на грудь, он задремал, и ему снились карлики, одетые в кишку от сосиски, актрисы, одержимые сарсапарелью, или банановым сплитом, или и тем и другим. Сколько он проспал и сколько границ они пересекли, Тальберт так и не узнал. Его разбудило ощущение быстрой потери высоты и стальной голос полковника Пископа.

— Мы приземляемся, мистер Бин.— Полковник крепче вцепился в револьвер.

Тальберт не стал сопротивляться, когда ему завязали глаза. Чувствуя, как в спину упирается дуло «Уэбли-Фосбери», он выбрался из самолета и ощутил под ногами прекрасно ухоженную взлетную полосу. Было прохладно, и у него слегка закружилась голова. Тальберт решил, что они приземлились где-то в горах, но в каких горах, на каком континенте, он не мог даже предположить. Уши и нос тоже ничем не могли помочь взбужденной голове.

Его запихнули — не особенно вежливо — в автомобиль, а потом повезли, как показалось, по проселочной дороге. Под покрышками хрустели булыжники и сучья.

Внезапно повязку с глаз сняли. Тальберт заморгал и посмотрел в окно. Стояла темная и к тому же туманная ночь, он не видел ничего, кроме того клочка дороги, который выхватывали из темноты фары.

— А вы здорово отгородились от мира,— заметил он одобрительно. Полковник Пископ так и сидел, начеку и с поджатыми губами.

Еще пятнадцать минут езды по темной дороге — и машина

остановилась у высокого темного дома. Когда мотор заглох, Тальберт услышал ритмичное стрекотание кузнечиков.

— Что дальше? — произнес он.

— Выходите, — предложил полковник Пископ.

— Ну разумеется.

Тальберт выбрался из автомобиля, и полковник повел его по широкой лестнице на крыльцо. Машина, оставшаяся у них за спиной, укатила в ночь.

Полковник нажал кнопку, и в доме раскатисто зазвонил колокольчик. Они ждали в темноте, и спустя несколько мгновений внутри послышались приближающиеся шаги.

В тяжелой двери приоткрылась крошечная щелка, в ней показалась половинка очков и глаз. Глаз разок моргнул, а затем человек зашептал с легким акцентом, который Тальберт не смог опознать:

— Зачем вдова надевает черные подвязки?

— Чтобы помнить, — отозвался совершенно серьезно полковник, — обо всех, кто ушел.

Дверь открылась.

Обладатель глаза оказался высоким худощавым человеком неопределенного возраста и национальности, копна черных волос была кое-где тронута сединой. Лицо представляло собой сплошные бугры и рытвины, из-за очков в роговой оправе смотрели пронизательные глаза. На нем были фланелевые брюки и клетчатый пиджак.

— Это наш Пресвитер, — представил полковник Пископ.

— Как поживаете? — отозвался Тальберт.

— Входите, входите же, — пригласил Пресвитер, протягивая Тальберту длинную руку. — Добро пожаловать, мистер Бин. — Он бросил оскорбленный взгляд на пистолет полковника. — Полковник, — произнес он, — вы снова прибегаете к мелодраматическим эффектам? Уберите это, старина, уберите с глаз долой.

— Лишняя осторожность не помешает, — проворчал полковник.

Тальберт стоял в громадном холле у входной двери и озирался. Затем его взгляд остановился на таинственно улыбавшемся Пресвитере, который произнес:

— Итак. Вы отыскиали нас, сэр.

Пальцы ног Тальберта встрепелулись, словно флажки на ветру.

Он замаскировал свой изумленный возглас словом:

— Неужели?

— Именно,— подтвердил Пресвитер.— Отыскиали. И это был образчик удивительного сыскного чутья.

Тальберт огляделся по сторонам.

— Значит,— произнес он сдержанно,— это здесь.

— Да,— сказал Пресвитер.— Хотите посмотреть?

— Больше всего на свете,— с жаром отвечал Тальберт.

— Тогда идемте,— предложил Пресвитер.

— А это разумно? — осторожно спросил полковник.

— Идемте,— повторил Пресвитер.

Все трое двинулись через холл. На мгновение какое-то нехорошее предчувствие бросило тень на чело Тальберта. Все получилось слишком просто. Не ловушка ли это? Но через секунду мысль ускользнула от него, смытая приливом возбужденного любопытства.

Они пошли вверх по мраморной винтовой лестнице.

— А как у вас зародились подозрения? — спросил Пресвитер.— Скажем так, что подтолкнуло вас к проведению подобного исследования?

— Я просто подумал,— многозначительно произнес Тальберт.— Кругом столько анекдотов, но, кажется, никто понятия не имеет, откуда они берутся. И всем наплевать.

— Совершенно верно,— заметил Пресвитер,— мы полагаемся именно на подобную незаинтересованность. Едва ли один из миллиона задаст вопрос: «А где вы слышали эту шутку?» Поглощенный тем, чтобы запомнить анекдот, желая потом пересказывать его другим, человек не задумывается о его

происхождении. И первоисточник предается забвению.

Пресвитер улыбнулся Тальберту.

— Но только,— исправился он,— не такой человек, как вы.

Румянец Тальберта остался незамеченным.

Они добрались до лестничной площадки и пошли по широкому коридору, освещенному по обеим сторонам настенными светильниками. Больше никто ничего не говорил. В конце коридора они повернули направо и остановились перед массивными дверьми, окованными по краям железом.

— А это разумно? — снова спросил полковник.

— Теперь уже слишком поздно останавливаться,— сказал Пресвитер, и Тальберт ощутил, как по спине прошла дрожь. Что, если это все-таки ловушка? Он сглотнул застрявший в горле комок, затем расправил плечи. Как сказал Пресвитер, теперь уже слишком поздно останавливаться.

Огромные двери открылись.

— Et voila^[19]...— произнес Пресвитер.

Коридор был настоящим проспектом. Широкий, от стенки до стенки, ковер пружинил под ногами Тальберта, идущего между полковником и Пресвитером. Через равные промежутки с потолка свисали динамики, Тальберт узнал льющийся из них «Gaot Parisienne»^[20]. Его взгляд переместился на вышитый гобелен, где под сценой с веселящимся Дионисом красовался девиз: «Счастлив тот, кто занят делом».

— Невероятно,— пробормотал он.— Здесь, в этом доме.

— Именно,— произнес Пресвитер.

Тальберт в изумлении помотал головой.

— Подумать только,— произнес он.

Пресвитер остановился перед стеклянной стеной, и, притормозив, Тальберт заглянул в контору. По богато обставленному кабинету вышагивал молодой человек в полосатом шелковом жилете с медными пуговицами, он живо жестикулировал длинной сигарой, а в кожаном кресле, скрестив ноги, сидела млеющая от восторга блондинка с пышными формами.

Молодой человек на мгновение остановился, махнул рукой Пресвитеру, улыбнулся, после чего вернулся к вдохновенной диктовке.

— Один из наших лучших работников,— сообщил Пресвитер.

— Однако,— пробормотал, запинаясь, Тальберт,— мне казалось, этот молодой человек работает...

— Совершенно верно,— подтвердил Пресвитер.— А в свободное время он также работает у нас.

Тальберт двинулся дальше на онемевших от волнения ногах.

— Но я не понимаю,— сказал он.— Мне казалось, что организация должна быть укомплектована людьми вроде Брюна или Буллока.

— Они служат всего лишь средством распространения,— пояснил Пресвитер.— Наши рупоры, можно сказать.— Творцы же происходят из более высоких слоев: руководители компаний, государственные деятели, самые лучшие комики, редакторы, романисты...

Пресвитер прервался, когда дверь одного из кабинетов открылась и оттуда выскочил упитанный бородатый человек в охотничьем костюме. Оттеснив их плечом, он промчался мимо, бормоча себе под нос проклятия.

— Обратно на волю? — любезно поинтересовался Пресвитер.

Дородный охотник застонал. Это был стон из глубины души. Он неуклюже затопал прочь, весь в тоске по вельду.

— Невероятно,— проговорил Тальберт.— И такие люди тоже?

— Именно,— сказал Пресвитер.

Они шли вдоль рядов рабочих кабинетов, Тальберт смотрел на все глазами экскурсанта, Пресвитер изображал улыбку китайского мандарина, полковник кривил рот, как будто его заставляли поцеловать жабу.

— Но с чего же все началось? — спросил озадаченный Тальберт.

— Это тайна, канувшая в вечность,— сказал Пресвитер,— затянута пеленой эпох. Хотя наше предприятие имеет весьма достойное прошлое. Великие люди внесли в наше дело свою лепту:

Бен Франклин, Марк Твен, Диккенс, Суинберн, Рабле, Бальзак, о, список почетных участников велик. Шекспир, конечно же, и его друг Бен Джонсон. Если продвинуться еще назад, то Чосер, Боккаччо. Еще дальше — Гораций и Сенека, Демосфен и Платон. Аристофан, Апулей. Даже при дворе Тутанхамона делалось наше дело, в темном храме Аримана, под куполом дворца Кубла-хана. С чего все началось? Кто знает? Во многих первобытных пещерах находят нацарапанные на скале рисунки определенного толка. И среди нас есть те, кто верит, что они были сделаны кемто из самых первых членов братства. Хотя, конечно, это всего лишь легенда...

Они теперь дошли до конца коридора и двинулись вниз по пологому пандусу.

— Должно быть, все это требует невероятных капиталовложений,— заметил Тальберт.

— Господи сохрани,— провозгласил Пресвитер, внезапно останавливаясь.— Не путайте нашу работу с уличной торговлей. Наши работники делают все добровольно, в удобное для них время, сообразно своим талантам, не думая ни о чем, кроме дела.

— Прошу прощения,— сказал Тальберт. Затем, собравшись с духом, спросил: — А какого дела?

Пресвитер задумался, затем медленно вынырнул из своих размышлений и заложил руки за спину.

— Дела любви,— сказал он,— что является противоположностью ненависти. Естества, что является противоположностью искусственного. Гуманности, что является противоположностью бесчеловечности. Свободы, что является противоположностью насилия. Здоровья, что является противоположностью болезни. Именно, мистер Бин, болезни. Болезни, называемой фанатизмом, пугающе прилипчивой болезни, которая марает все, к чему прикасается, обращает тепло в озноб, радость — в чувство вины, добро — в зло. Какое дело? — Он выдержал драматическую паузу.— Дело жизни, мистер Бин, что является противоположностью смерти!

Пресвитер многозначительно воздел указательный палец.

— Мы сами видим,— произнес он,— как армия беззаветно преданных воинов движется на оплоты ханжества. Рыцари братства со справедливой и радостной миссией.

— Аминь,— с трепетом произнес Тальберт.

Они вошли в большую, разделенную на ячейки комнату. Тальберт увидел людей: некоторые печатали, некоторые писали, кто-то просто смотрел перед собой, некоторые говорили по телефону на множестве разных языков. Выражение всех без исключения лиц было возвышенно-сосредоточенным. В дальнем конце помещения человек втыкал штыри на моргающем многочисленными глазками коммуникаторе.

— Комната для подмастерьев,— пояснил Пресвитер, где мы растим наше будущее...

Он быстро умолк, когда из одной ячейки вышел молодой человек и направился к ним, сжимая в руке бумаги, улыбка играла у него на губах.

— Оливер,— произнес Пресвитер, кивнув.

— Я придумал шутку, сэр,— сказал Оливер.— Можно мне?..

— Ну разумеется,— сказал Пресвитер.

Оливер прочистил склеившееся от волнения горло, после чего рассказал анекдот о маленьком мальчике и девочке, которые следят за парной игрой на теннисном корте нудистов. Пресвитер улыбнулся, кивнул. Оливер поднял расстроенные глаза.

— Нет? — уточнил он.

— Это не лишено веселости,— подбодрил Пресвитер,— однако в том виде, в каком оно сейчас, слишком уж отдает историями на тему «герцогиня — дворецкий» из категории «женщина в ванной». Не говоря уже о том, что здесь очевидно разыгрывается популярный двойной гамбит «священник — барменша».

— О сэр,— горестно произнес Оливер,— у меня никогда не получится.

— Глупости,— возразил Пресвитер, прибавив ласково: — Сынок. Эти коротенькие побасенки, как ни странно, придумывать сложнее всего остального. Они должны обладать убедительностью, ювелирной точностью, сообщать нечто важное и своевременное.

— Да, сэр,— забормотал Оливер.

— Справься у Войцеховски и Сфорцини,— предложил

Пресвитер.— И еще у Ахмеда Эль-Хакима. Они помогут тебе разобраться в базовой схеме. Хорошо? — Он похлопал Оливера по плечу.

— Да, сэр.— Оливер сумел выдавить улыбку и возвратился в свой отсек.

Пресвитер вздохнул.

— Печально,— сообщил он.— Он никогда не достигнет класса «А». На самом деле его вообще не должно было быть среди сочинителей...— он неопределенно развел руки,— причиной всему сентиментальность.

— В каком смысле? — спросил Тальберт.

— Да вот,— ответил Пресвитер.— Именно его прадед двадцать третьего июня тысяча восемьсот сорок восьмого года сочинил историю о коммивояжере, первый чисто американский анекдот.

Пресвитер и Пископ на минуту склонили головы в почтительном молчании. Тальберт сделал то же самое.

— Вот так обстоит дело,— произнес Пресвитер. Они спустились по лестнице обратно и сидели в гостиной, потягивая шерри.

— Может быть, вы хотите узнать что-нибудь еще,— спросил Пресвитер.

— Только одно,— сказал Тальберт.

— И что же, сэр?

— Зачем вы показали мне все это?

— Да,— вставил полковник, протягивая руку к кобуре,— в самом деле, зачем?

Пресвитер внимательно посмотрел на Тальберта, подбирая слова для ответа.

— Вы еще не догадались? — спросил он наконец.— Нет. Вижу, что не догадались. Мистер Бин... вы для нас человек небезызвестный. Кто же не слышал о ваших работах, о вашей беззаветной преданности пусть иногда и непонятным, но всегда великим делам? Разве можно не восхищаться вашей самоотверженностью, вашей целеустремленностью, вашим гордым пренебрежением устоями и

условностями?

Пресвитер сделал паузу и подался вперед.

— Мистер Бин,— произнес он мягко,— Тальберт,— могу я вас так называть? — мы хотим, чтобы вы были в нашей команде.

Тальберт ахнул. Руки у него задрожали. Полковник облегченно выдохнул и опустил на спинку стула.

Ошарашенный Тальберт не издал ни звука, поэтому Пресвитер продолжил:

— Подумайте над моим предложением. Оцените все выгоды, какие сулит наша работа. Со всей полагающейся скромностью, кажется, я могу утверждать, что для вас сейчас открывается возможность принять участие в самом грандиозном деле вашей жизни.

— У меня просто нет слов,— проговорил Тальберт.— Я едва ли могу... вот... как же я могу...

Но жажда причащения к тайному братству уже горела в его глазах.

На краю

Было уже почти два часа, когда наконец-то появилась возможность пообедать. Всю первую половину дня его стол был завален снежной лавиной требующих что-то сделать бумаг, телефон не смолкал, и целая армия настырных посетителей приступом брала дверь кабинета. К двенадцати нервы были как натянутые до предела скрипичные струны. К часу дня струны уже нельзя было тронуть, а полвторого они начали лопаться. Ему нужно было выбраться отсюда, сейчас же, немедленно. Сбежать куда-нибудь в полутьму ресторана, выпить коктейль и как следует подкрепиться. Послушать успокаивающую музыку. Просто необходимо.

Дональд спустился вниз и шел некоторое время, пока не миновал весь этот район знакомых ему кафе и закусочных. Совсем не хотелось, чтобы кто-то его узнал. Подвальный ресторанчик «У Франка» находился где-то в четверти мили от офиса. Зайдя внутрь, он попросил хозяйку провести его в дальнюю кабину и заказал мартини. После того как женщина приняла заказ, он вытянул ноги под столом и закрыл глаза. Благодарный вздох облегчения вырвался откуда-то изнутри. То, что надо. Мягкий полусвет, дрожащая на грани слышимости мелодия, исцеляющий глоток. Он снова вздохнул. Еще несколько таких дней, подумал он, и все.

— Привет, Дон!

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда мужчина уже опускался напротив него.

— Ну, как жизнь? — спросил тот.

— Что-что? — уставился на него Дональд Маршалл.

— Да ничего,— сказал мужчина.— Ну и денек! Черт знает что! — Он устало улыбнулся.— И ты тоже?

— Просто не верится...— начал было Маршалл.

— А-а,— сказал мужчина, удовлетворенно кивая, когда официантка принесла мартини.— Это по мне. Еще пожалуйста. Сухое-пресухое.

— Одну минуту,— сказала официантка и ушла.

— Ну вот,— сказал мужчина, потягиваясь,— если хочешь уйти от всего этого, то самое лучшее посидеть «У Франка», точно?

— Послушайте,— сказал Маршалл, неловко улыбаясь в ответ.

— Да? — Мужчина нагнулся вперед, улыбаясь в ответ.

— Я боюсь, что вы ошиблись.

— Я? — переспросил мужчина.— Может, я что-нибудь не так сделал, забыл побриться? Это со мной бывает. Или еще что? А может быть, галстук не тот?

— Вы не поняли меня,— сказал Маршалл, нахмурившись.

— Что?

Маршалл слегка кашлянул и продолжил:

— Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— А? — Мужчина снова наклонился вперед и прищурился. Потом он выпрямился, засмеялся и сказал: — Ну что еще за дела, Дон?

Маршалл провел пальцем по основанию своего стакана.

— Действительно, что за дела? — сказал он уже менее вежливо.

— Я что-то не понимаю,— сказал мужчина.

— Как вы думаете, кто я такой?

Голос у Маршалла повысился. Мужчина начал что-то говорить, открыл рот и замолчал, потом снова заговорил:

— Что ты имеешь в виду...

Он прервался, потому что официантка принесла мартини. Пока она не ушла, оба сидели тихо.

— Послушайте.— Мужчина начал нервничать.

— Не надо. Я не собираюсь ни в чем вас обвинять,— прервал его Маршалл,— но вы меня не знаете. Вы со мной никогда в жизни не встречались.

— Я просто не могу...— Мужчина не закончил, вид у него был просто весьма озадаченный.— Я тебя не знаю?

Маршалл искусственно засмеялся.

— Это уже просто смешно,— сказал он.

Мужчина понимающе улыбнулся.

— Я знал, что ты меня дурачишь.— Он покачал головой.— Знаешь, я уже почти начал сомневаться.

Маршалл поставил стакан. Лицо его напряглось.

— Мне кажется, это уже слишком,— сказал он.— У меня сегодня совершенно нет настроения...

— Дон,— перебил его мужчина,— что случилось?

Маршалл сделал глубокий вдох, затем медленно выдохнул.

— Ну что ж,— сказал он,— предположим, что это случайная ошибка,— он через силу улыбнулся,— и кто же, вы думаете, я такой?

Мужчина не отвечал. Он в упор смотрел на Маршалла.

— Ну давай, говори.— Маршалл начал терять терпение.

— Так это не шутка? — спросил мужчина.

— Нет, я еще раз хочу...

— Подожди, подожди,— сказал мужчина, поднимая руку.— Предположим, что два человека могут до такой степени походить друг на друга, и они...

Он резко замолчал и посмотрел на Маршалла.

— Дон, ты ведь шутишь со мной?

— Но послушайте же меня...

— О'кей, тогда я прошу прощения,— сказал мужчина. Он все еще сидел, уставившись на Маршалла. Потом он пожал плечами и изобразил улыбку.— Я мог бы поклясться, что передо мной Дон Маршалл,— сказал он.

Маршалл почувствовал, как что-то у него холодеет внутри.

— Он самый,— произнес он, слыша себя как бы со стороны. Ничего не нарушало тишину ресторана, кроме музыки и негромкой возни на кухне.

— И что это значит? — спросил мужчина.

— Да я бы сам хотел знать.— Голос у Маршалла стал совсем

тихий.

— Так ты...— Мужчина внимательно смотрел на него.— Так это не шутка.

— Ну я прошу, послушайте!

— Ладно, ладно,— мужчина поднял руку в примиряющем жесте, — это не шутка. Ты утверждаешь, что это я тебя не знаю. Хорошо. Тогда мы имеем следующее: один человек не только похож на моего друга как две капли воды, но он и носит то же самое имя. Это реально?

— Получается, что да,— сказал Маршалл, поднял стакан и на какое-то мгновение забылся с мартини. Мужчина сделал то же самое. Официантка подошла принять следующий заказ, но Маршалл попросил подойти позднее.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Артур Нолан,— ответил мужчина.

Маршалл сделал движение руками, обозначающее: «Ну вот видите, я вас не знаю».

Под ложечкой у него засосало.

Мужчина откинулся назад и уставился на Маршалла.

— Потрясающе,— сказал он и покачал головой,— просто потрясающе.

Маршалл улыбнулся и опустил взгляд на стакан.

— Где ты работаешь? — спросил мужчина.

— Пароходство «Америкэн Пасифик»,— ответил Маршалл, поднимая глаза.

Он почувствовал, что его начинает разбирать любопытство. По крайней мере, весь этот сумасшедший день уже не казался ему таким скучным.

Мужчина испытывающе смотрел на него. Маршалл почувствовал, как любопытство исчезает. Внезапно мужчина засмеялся.

— Да, приятель. Утро у тебя, должно быть, было не позавидуешь.

— Какое утро?

— Да никакое,— сказал мужчина.

— Но я повторяю...

— Я сдаюсь,— ухмылялся Нолан,— у меня просто волосы дыбом.

— Но послушайте же, черт вас возьми! — взорвался Маршалл.

Мужчина больше не ухмылялся. Он открыл рот и опрокинул туда содержимое стакана.

— Дон, ты что? — спросил он уже на полном серьезе.

— Вы меня не знаете,— сказал Маршалл, четко произнося каждое слово,— и я вас не знаю. Будьте добры с этим согласиться.

Мужчина посмотрел вокруг, как бы ища помощи. Затем он наклонился поближе к Маршаллу и спокойным твердым голосом произнес:

— Слушай, Дон, давай честно. Ты меня не знаешь?

Маршалл набрал побольше воздуха и, сдерживая нарастающую ярость, сжал зубы. Мужчина отпрянул от него. Выражение его лица испугало Маршалла.

— Один из нас спятил,— сказал Маршалл. Но получилось это совсем не с той легкостью, какую он хотел.

Нолан судорожно сглотнул. Он не поднимал глаз от стакана, словно боясь взглянуть на собеседника.

Внезапно Маршалл расхохотался.

— Бог ты мой! — сказал он.— Ну и сцена! Вы, наверное, на самом деле думаете, что знаете меня?

Губы мужчины слегка искривились.

— Тот Дон Маршалл, которого я знаю,— сказал он,— тоже работает в «Америкэн Пасифик».

Маршалла передернуло.

— Но это невозможно,— сказал он.

— Нет,— без всякого выражения добавил мужчина.

В следующую секунду Маршаллу показалось, что он стал жертвой какого-то коварного замысла. Но полная растерянность на лице собеседника сразу же заглушила это подозрение. Он пригубил martini, поставил стакан и осторожно положил ладони на стол, как бы надеясь, что это придаст ему силы.

— Пароходство «Америкэн Пасифик»? — спросил он.

Мужчина утвердительно кивнул.

— Да.

Маршалл упрямо покачал головой.

— Нет,— сказал он,— другого Маршалла у нас в конторе не числится.— И тут же быстро добавил: — Если, конечно, это не кто-нибудь из клерков там внизу.

— Но ты...— мужчина явно нервничал,— ты работаешь администратором,— сказал он.

Маршалл убрал руки со стола и зажал их между ног.

— Тогда я не понимаю,— сказал он. И тут же пожалел, что произнес это.

— И этот... э-э... человек сказал, что он именно там и работает? — В голосе Маршалла звучал вызов, голос дрожал.— И вы можете доказать, что его действительно зовут Дон Маршалл?

— Но, Дон, я...

— Так вы можете доказать или нет?

— Ты женат? — спросил мужчина.

Маршалл медлил с ответом. Наконец, кашлянув, он ответил:

— Да, женат.

Нолан наклонился вперед.

— На Рут Фостер? — спросил он.

Скрыть непроизвольное удивление Маршаллу не удалось.

— Ты живешь на Острове? — настойчиво продолжал Нолан.

— Да,— слабо сказал Маршалл,— но...

— В Хантингтоне?

Маршалл не мог уже даже кивать.

— Учился ли ты в Колумбийском университете?

— Да, но...— Губы у него слегка дрожали.

— А закончил ли ты в июне сорокового?

— Нет.— У Маршалла появилась какая-то надежда.— Я закончил в январе сорок первого. Сорок первого.

— Ты был лейтенантом в армии?

Маршалл почувствовал, что куда-то провалился.

— Да,— пробормотал он,— но вы сказали...

— В Восемьдесят Седьмой дивизии?

— Подождите минутку.— Маршалл отодвинул в сторону почти уже пустой стакан, как бы освобождая место для опровержения.— Я могу дать вам очень хорошее объяснение этого... того дурацкого совпадения. Во-первых: кто-то, кто очень похож на меня и знает обо мне довольно много, притворяется, что он — это я и есть. Бог знает зачем. Вовторых: вы все это знаете и пытаетесь заманить меня в какую-то ловушку. Ну нет! Вы можете приводить какие угодно доказательства.

Мужчина хотел что-то возразить, но Маршалл, будучи уже почти в отчаянии, не дал ему сказать ни слова:

— Вы можете задавать мне любой вопрос; но я знаю, кто я такой, и я знаю, кого я знаю.

— А так ли это? — спросил мужчина. Он был явно озадачен.

Маршалл резко поджал ноги.

— Ну вот что. Я не с-собираюсь здесь с-сидеть спорить с вами,— сказал он,— это совершенно бессмысленно. Я пришел сюда немного отдохнуть... Туда, где никогда раньше не был, и вдруг...

— Дон, мы всегда здесь обедаем в это время.— Видно было, что Нолану трудно говорить.

— Чепуха какая-то.

Нолан потер рукой подбородок.

— Ты... ты правда думаешь, что это игра, что тебя хотят надуть?

— спросил он.

Маршалл смотрел на него как замороженный. Он чувствовал, как тяжело бьется пульс.

— Ты думаешь, что... О, мама родная... ты думаешь, что есть человек, который притворяется, что он — это ты? Но, Дон...— Мужчина посмотрел вниз.— Мне кажется, если бы я был на твоём месте, то я бы,— тихо закончил он,— пошел к доктору, я бы пошел к...

— Может быть, закончим об этом? — холодно прервал его Маршалл.— Я думаю, один из нас должен уйти.— Он окинул взглядом ресторан.— Да, здесь же полно места.— Он быстро отвел глаза от окаменевшего лица собеседника и поднял martini.— Итак? — сказал он.

Мужчина покачал головой.

— Боже правый,— пробормотал он.

— Я сказал: закончим об этом,— сквозь сжатые зубы произнес Маршалл.

— Закончим? — Нолан не мог поверить.— И ты хочешь вот так это оставить?

Маршалл уже почти поднялся.

— Нет-нет, подожди,— сказал Нолан.— Я уйду.— Он тупо смотрел на Маршалла.— Я уйду,— повторил он.

С большим усилием он выпрямился и встал, как будто на плечах у него была тяжелая ноша.

— Не знаю, что и сказать,— произнес он,— но ради всего святого, Дон, сходи к доктору.

Он постоял еще чуть-чуть рядом с кабиной, посмотрел на Маршалла. Потом очень быстро повернулся и пошел к выходу. Маршалл проводил его взглядом.

Когда мужчина вышел, Маршалл откинулся на стенку кабинки и уставился в стакан. Он взял зубочистку и механически помешивал ею остатки коктейля. Затем подошла официантка, и он заказал первое, что увидел в меню.

Пока ел, он думал о том, что все это похоже на сумасшествие.

Если, конечно, этот Нолан не... Но тогда он непревзойденный актер. Он был искренне расстроен тем, что случилось. А что случилось? Если это какой-то экстраординарный случай, когда одного человека принимают за другого, то это одно дело, ну а если этот другой и ты сам, в общем-то, одно и то же, то это совсем другое. Знает о Рут, о Хантингтоне, об «Америкэн Пасифик» и даже о лейтенантстве в 87-й дивизии? Откуда? Внезапно его осенило.

Много-много лет назад он здорово увлекался фантастикой. Различными рассказами о полетах на Луну, о путешествиях во времени и тому подобное. И везде там постоянно повторялась мысль о некой второй Вселенной. Это такая теория для лунатиков, предполагавшая, что существуют две различные Вселенные. Исходя из этой теории, где-то вполне могла быть другая Вселенная, в которой он знал этого Нолана, регулярно обедал с ним в ресторанчике «У Франка» и где он закончил Колумбийский университет семестром раньше.

Это, конечно, абсурд, но никуда от этого не денешься. Что, если, войдя в ресторан, он по какой-то случайности попал во Вселенную, немного сдвинутую относительно той, в которой он пребывал в офисе? А что, если (мысль его работала дальше) многие люди, сами того не осознавая, постоянно перемещались в этих двух Вселенных? А что, если и са он так вот перемещался до сих пор, но узнал об этом лишь сегодня — пока случайно не сделал какой-то лишний шаг?

Он закрыл глаза и содрогнулся.

«О Боже,— подумал он.— О всемогущий великий Боже, я действительно переработал». Он почувствовал себя стоящим на краю скалы в ожидании толчка в спину. Из всех сил он постарался не думать о разговоре с Ноланом. Если бы он продолжал думать об этом, то ему бы пришлось найти этому какое-то место в своей новой схеме. К такому он еще не был готов.

Посидев еще немного, он заплатил и вышел из ресторана. Все съеденное лежало в желудке холодным комком. До Пенсильвания-стэйшен он доехал на такси, там несколько минут подождал и сел на северобережный поезд. В вагоне всю дорогу до Хантингтона он следил за мелькающей в окне сельской местностью, сигарета в пальцах так и осталась незажженной. Тяжелый комок в желудке не исчезал.

По прибытии в Хантингтон Маршалл прошел через станцию, напрямую к стоянке такси, и специально сел в одну из знакомых машин.

— Пожалуйста, отвезите меня домой.— Он внимательно посмотрел на водителя.

— С превеликим удовольствием, мистер Маршалл,— ответил водитель.

Маршалл с облегчением расслабился на сиденье и закрыл глаза. Кончики его пальцев зачесались.

— Вы сегодня рано,— заметил водитель.— Плохо себя чувствуете?

Маршалл поежился.

— Да голова что-то болит,— сказал он.

— Извините, пожалуйста.

По пути домой Маршалл внимательно рассматривал город. Вопреки своей воле он искал несоответствия, различия. И ничего не находил. Все было то же самое. Дискомфорт в желудке проходил.

Рут сидела в гостиной. Она шила.

— Дон,— она встала и поспешила ему навстречу,— чтонибуть случилось?

— Нет-нет,— ответил он, снимая шляпу,— просто голова болит.

— Ну ничего.— Она взяла его руку и проводила до кресла. Помогла ему снять пиджак и обувь.— Сейчас я тебе чтонибуть принесу,— сказала она.

— Спасибо.

Когда она ушла наверх, Маршалл осмотрелся в знакомой комнате и улыбнулся. Все было в полном порядке.

Рут спускалась по лестнице, и в это время зазвонил телефон. Он вздрогнул, хотел встать, но она сказала:

— Сиди, дорогой, я возьму.

— Да-да, конечно,— сказал он.

Он смотрел, как она пересекла холл, взяла трубку и ответила.

Она слушала.

— Да, милый,— сказала она почти автоматически,— значит, ты...— И вдруг она остановилась. Держа телефонную трубку перед собой, она смотрела на нее, как будто это было что-то необыкновенное. Потом она вновь поднесла ее к уху: — Значит, ты придешь... домой очень поздно? — Голос у нее был какой-то слабый.

Маршалл уставился на нее, открыв рот. Сердце его готово было выпрыгнуть. И даже когда она обернулась к нему, все еще держа в опущенной руке телефонную трубку, он не мог отвести взгляд.

«Ну пожалуйста,— подумал он.— Пожалуйста, не говори этого!»

Ну пожалуйста!

— Кто вы такой? — спросила она.

Визит к Санта-Клаусу

Всю дорогу, пока они шли через темную стоянку, Ричард не переставал обиженно хныкать.

— Ну ладно, хватит,— сказала ему Элен, когда они подошли к машине.— Мы сходим к нему во вторник. Сколько раз тебе еще повторять?

— Хочу увидеть его сейча-а-ас,— проревел Ричард.

Кен полез за ключами, стараясь не рассыпать зажатые в руках свертки.

— Ладно,— произнес он раздраженно,— я его свожу.

— Ты это о чем? — спросила она, поудобнее перехватывая свои свертки и дрожа на ледяном ветру, который гулял по стоянке.

— Я хочу сказать, что свожу его прямо сейчас,— сказал он, нащупывая замок в дверце.

— Сейчас? — переспросила она.— Сейчас уже поздно. Почему ты не сводил его, пока мы были в магазине? Тогда у нас было полно времени.

— Ну так свожу его сейчас. Какая разница?

— Я хочу увидеть Санта-Клауса! — вмешался Ричард, умоляюще глядя на Элен.— Мам, хочу пойти к Санте прямо сейчас!

— Только не сейчас, Ричард,— сказала Элен, отрицательно качая головой. Она бросила свои свертки на переднее сиденье. © Перевод Е. Королевой. денье и со стоном потянулась.— Ну, хватит уже, я сказала,— предостерегающе произнесла она, потому что Ричард снова принялся канючить.— Мамочка слишком устала, чтобы идти обратно в магазин.

— А тебе и не надо идти,— сказал Кен, бросая свои свертки рядом с ее свертками.— Я сам его свожу.

Он включил в машине свет.

— Мама, можно, мамочка? Пожалуйста!

Она расчистила для себя местечко на сиденье и опустилась на

него с усталым стоном. Он заметил, что прядь растрепанных каштановых волос прилипла ко лбу, заметил комочки помады в уголках рта.

— И с чего ты вдруг передумал? — спросила она измученно. — Я сто раз просила тебя сводить его к Санте, пока мы были в магазине.

— Ради бога, какая разница? — возмутился он. — Неужели ты хочешь ехать сюда во вторник только ради того, чтобы сходить к Санта-Клаусу?

— Нет.

— Ну, в таком случае...

Он заметил, что у нее сбились чулки. Она выглядела старой и недовольной в тусклом свете. Отчего у него внутри зародилось какое-то странное ощущение.

— Пожалуйста, можно, мама? — умолял Ричард, словно Элен была самым главным человеком на свете, подумал Кен, словно бы он, отец, вообще не в счет. Что ж, возможно, именно так и есть.

Элен угрюмо посмотрела в лобовое стекло, затем откинулась назад и выключила свет. Два часа в толпе взбесившихся рождественских покупателей, издерганных продавцов, с Ричардом, непрерывно требующим идти к Санте, и с Кеном, который будто нарочно выводит ее из себя, доконали ее.

— А мне что тут делать, пока вы ходите? — спросила она.

— Ради бога, это займет всего несколько минут, — ответил Кен.

Он весь вечер был как на иголках, то делался отстраненным и необщительным, то нервно дергал по пустякам ее и Ричарда.

— Ну идите тогда, — сказала она, прикрывая ноги полый пальто, — и, пожалуйста, побыстрее.

— Санта-Клаус, Санта-Клаус! — закричал Ричард, радостно дергая отца за пальто.

— Ладно-ладно! — вспыхнул Кен. — Ради бога, перестань меня дергать!

— «Радость в мире. Господь родился», — произнесла Элен, но в ее вздохе угадывалось раздражение.

— Ну да, конечно,— ожесточенно произнес Кен, хватая Ричарда за руку.— Пойдем.

Элен прикрыла дверцу машины, и Кен отметил, что она не нажала на кнопку, блокирующую замок. Хотя, конечно, она может сделать это, когда они уйдут. «Ключи!» — внезапно вспыхнула мысль, и он сунул руку в карман пальто, дрожащие пальцы сомкнулись на холодном металле. В горле пересохло, он прерывисто втягивал в себя прохладный воздух, а сердце било изнутри кулаком. «Полегче,— велел он себе,— просто... успокойся».

Он знал, что нельзя оглядываться. Это все равно что бросить прощальный взгляд на похоронах. Кен поднял глаза вверх, нарочно стараясь смотреть на сверкающую неоновую гирлянду на крыше универмага. Рука едва чувствовала ладошку Ричарда. Другая рука сжимала в кармане ключи от машины. Он не станет оглядываться назад, не станет...

— Кен!

Его тело дернулось в судороге, когда ее голос слабо прозвучал над большой стоянкой. Он рефлекторно обернулся и увидел, что она стоит у «форда», глядя им вслед.

— Оставь ключи! — крикнула она.— Я подгоню машину к главному выходу, чтобы вам не пришлось возвращаться через стоянку!

Он непонимающе уставился на нее, чувствуя, как вдруг окаменели мышцы живота.

— Тут...— Он откашлялся, почти с яростью.— Тут не так уж и далеко! — выкрикнул он в ответ.

Он отвернулся раньше, чем она успела ответить, и заметил, как Ричард посмотрел на него. Сердце колотило дубинкой по стенкам грудной клетки.

— Мама зовет,— сказал Ричард.

— Ты хочешь увидеть Санта-Клауса или нет? — резко спросил Кен.

— Д-да.

— Тогда помолчи.

Он снова с трудом сглотнул и ускорил шаг. Ну почему это должно произойти? Дрожь прошла по спине. Он еще раз поглядел на неоновые огоньки, но у него перед глазами все еще стояла Элен, рядом с машиной, в своем зеленом вельветовом пальто, одна рука чуть вскинута вверх, глаза устремлены на него. Он все еще слышал ее голос — «...чтобы вам не пришлось возвращаться через стоянку...» — слабый и жалобный, пробивающийся сквозь порывистый ночной ветер.

Он чувствовал теперь, как этот ветер холодит ему щеки, пока их с Ричардом ботинки хрустели вразнобой по посыпанному гравию асфальту. Шестьдесят метров. До магазина, наверное, шестьдесят метров. Это что, захлопнулась дверца их машины? Элен, скорее всего, рассердилась. Если она нажмет на кнопку, то будет гораздо сложнее...

Человек в темной шляпе с опущенными полями стоял в конце прохода. Кен сделал вид, будто не замечает его, но ему вдруг показалось, что ветер затих, он будто бы очутился вне атмосферы, вышагивая в ледяной тьме, где царил едва ли не вакуум. Что-то сжимало сердце, заставляя ощущать себя именно так, лишая его легкие возможности удерживать в себе воздух.

— А Санта-Клаус любит меня? — спросил Ричард.

Грудь Кена вздымалась, борясь за вдох.

— Да, да, — сказал он, — любит.

Человек просто стоял на месте, глядя в небо, обе руки глубоко погружены в карманы клетчатого пальто, можно подумать, он ждет, пока жена выйдет из магазина. Но это не так. Пальцы Кена онемели, сжимая ключи. Ноги походили на тяжелые бревна, несущие его к этому человеку.

«Я не стану этого делать», — подумал он внезапно. Он просто пройдет мимо человека, отведет Ричарда посмотреть на Санта-Клауса, вернется к машине, поедет домой и обо всем забудет. Его словно покинули последние силы. Элен одна в «форде», сидит рядом с рождественскими подарками, дожидаясь возвращения мужа и сына. От этой мысли во всем его теле возникло странное электрическое покалыванье. «Я просто не стану этого делать». Он услышал эти слова, как будто кто-то произнес их у него в голове. «Я просто не стану...»

Рука, сжимавшая ключи, теряла чувствительность и делалась все холоднее по мере того, как он, не сознавая, что делает, все сильнее перекрывал поток крови, идущий к пальцам.

Он должен это сделать, это единственный выход. Он не станет возвращаться в то доводящее до исступления отчаяние, которое было его настоящим, в бескрайний мрак, который был его будущим. Накопившаяся внутри ярость отравляла его. Это необходимо сделать ради собственного здоровья, ради того, что еще осталось от его жизни.

Они достигли конца прохода и прошли мимо человека.

— Папа,— закричал Ричард,— ты уронил ключи!

— Идем! — Он потянул Ричарда за руку, не позволяя ему оглянуться через плечо.

— Но ты же уронил, папа!

— Я сказал...

Кен внезапно умолк, когда Ричард вырвался и побежал к тому месту, где на асфальте лежали ключи. Он беспомощно посмотрел на человека, который сдвинулся со своего прежнего места. Человек вроде бы слегка пожал плечами, но Кен не мог различить выражения лица под полями шляпы.

Ричард подбежал к нему с ключами.

— Вот, папа!

Кен дрожащими пальцами опустил их в карман пальто, болезненная судорога сжала его внутренности. «Ничего не выйдет», — подумал он, ощущая одновременно боль разочарования и угрызения совести.

— Скажи «спасибо»,— сказал Ричард, опять хватая отца за руку.

Кен молча застыл в нерешительности, вновь держась за ключи в кармане. Все его мышцы напрягались, увлекая его к человеку в шляпе, но он знал, что не может к нему подойти. Ричард увидит.

— Пойдем, папа,— торопил Ричард.

Кен быстро развернулся, лицо стало похоже на неподвижную маску, когда он двинулся к магазину. У него кружилась голова, больше он не чувствовал ничего. «Все кончено! — думал он в

горестном гневе.— Кончено!»

— Скажи «спасибо», папа.

— Да когда же ты...

Звук собственного голоса заставил его вздрогнуть, он сжал трясущиеся губы, перекрывая дорогу истерическому потоку слов. Ричард молчал. Он с опаской поглядывал на угрюмого родителя.

Они были уже недалеко от входа в магазин, когда человек в клетчатом пальто обогнал их, задев Кена.

— Пршу прщения,— пробормотал человек на ходу, и как будто совершенно случайно его рука грубо проехала по карману Кена, тому, где лежали ключи, давая понять, что он все еще готов их забрать.

И человек подпрыгивающей походкой направился дальше к магазину. Кен смотрел, как он движется, и ощущал себя так, словно его голову сжали обеими руками, обхватив ладонями щеки. «Нет, еще не кончено»,— подумал он. Он даже не знал, рад он или нет. Кен увидел, как человек встал и развернулся перед одним из двух входов по бокам от центральной вращающейся двери. Вот сейчас, сказал он себе, это должно произойти сейчас. Он снова вынул ключи.

— Я хочу пройти здесь, папа!

Ричард тянул его в сторону вращающейся двери, которая одних увлекала в гудящую толпу, а других выплевывала в морозный вечер.

— Здесь слишком много народу,— услышал он собственный голос, но так, как будто говорил кто-то другой. «Это мое будущее,— продолжал думать он,— мое будущее».

— Здесь мало народу, папа!

Он не стал спорить. Кен дернул Ричарда к боковой двери. И когда он толкал дверь рукой с зажатыми в ней ключами, он ощутил, как их вынули у него из пальцев.

Через секунду они с Ричардом оказались в шумном, залитом ярким светом магазине, а дело было сделано.

Кен не оглядывался через плечо, однако знал, что человек уже возвращается обратно на темную стоянку, идет по проходу туда, где стоит их «форд».

В один жуткий миг ему показалось, что он сейчас закричит на весь магазин. Тяжелая слабость навалилась на него, он едва не завыл и не кинулся в ночь вслед за человеком в шляпе. Нет, я передумал, я не хочу этого! В этот миг все, что он ненавидел в Элен и в своей жизни с ней, как будто растворилось, и все, что он помнил,— это то, как она хотела подогнать машину к главному входу, чтобы они с Ричардом не возвращались обратно через холодную, продуваемую ветром стоянку.

Но затем Ричард потянул его в тепло, в шум, в толчею, и Кен, борясь с дурнотой, следовал за ним, все дальше углубляясь в недра магазина. На балконе второго этажа звенели колокольчики: «Радость в мире. Господь родился». Так она сказала. Он ощущал головокружение и боль, со лба потекли струйки пота. Теперь пути назад не было.

Он остановился посреди зала и привалился к колонне, ноги сделались ватными. «Слишком поздно,— думал он,— слишком поздно». Теперь он уже ничего не может сделать.

— Я хочу посмотреть на Санта-Клауса, папа.

Струя воздуха вырывалась из раскрытого рта Кена.

— Да,— сказал он, слабо кивая.— Конечно.

Он старался двигаться дальше, ни о чем не думая, но оказалось, что это невозможно. Перед его мысленным взором то и дело мелькали картинки. Тот человек идет по широкому проходу к «форду». Вот он сверяет номер с номером на брелоке с ключами, убеждается, что это нужная машина. Лицо человека выглядит так, как и накануне вечером в баре на Мейн-стрит: худощавое, бледное, циничное. Рыданье зародилось в горле Кена, но он подавил его. «Санта-Клаус, Санта-Клаус». «Элен»,— мысленно воскликнул он с тоской.

«К ВОЛШЕБНОМУ ДОМИКУ САНТА-КЛАУСА!» Ничего не чувствуя, он направился к уходящему вниз эскалатору, Ричард бежал и подскакивал рядом, радостным шепотом повторяя себе под нос:

— Санта-Клаус, Санта-Клаус.

Что переживет Ричард, когда его мама вдруг...

«Хватит!» Он насильно заставил себя взбодриться — если уж он не может не думать, он будет думать о будущем, а не об этом. Он

запланировал такое дело не для того, чтобы оно бессмысленно провалилось, когда все уже на мази. У него же были причины для такого поступка, это ведь не просто проявление слепой жестокости.

Они ступили на эскалатор. Ричард изо всех сил вцепился ему в руку, но Кен это едва чувствовал. Южная Америка и Рита, вот о чем нужно думать. Двадцать пять тысяч по страховке, девушка, которую он хотел еще в колледже и никогда не переставал хотеть, будущее без унижительной гонки, цель которой — хотя бы на шаг опережать кредиторов. Свобода, простые радости и отношения, которые не будут испорчены ежедневными ссорами по мелочам.

Кен рассматривал лица людей на встречном эскалаторе: усталые, раздраженные, счастливые, пустые. «Полночь ясная настала», — принялись вызванивать колокольчики. Он смотрел прямо перед собой, думая о Рите и Южной Америке. Когда он думал об этом, все становилось гораздо проще.

Звон колокольчиков остался позади и совершенно потерялся в безудержно веселом мужском хоре, поющем а капелла «Бубенцы звенят». Ричард принялся нетерпеливо подсказывать, как только они сошли с эскалатора, и Кен вдруг поймал себя на том, что снова думает об Элен. «Диньдинь-дон, динь-динь-дон, бубенцы звенят!»

— Вон он! — закричал Ричард, резво припустив вперед. — Вон там!

— Хорошо, хорошо! — пробормотал себе под нос Кен, когда они подходили к очереди, стоящей под «волшебным домиком Санты».

Уже все или нет? Снова свело мышцы живота. Сумел ли он забраться в машину? Лежит ли Элен без сознания на заднем сиденье? Едет ли он по стоянке на темную сторону улицы, где и...

«Не переживай». Последние слова этого человека жгли мозг. «Не переживай. Я сделаю так, что комар носу не подточит».

Комар носу, комар носу, комар носу, комар носу. Слова гулко отдавались в голове, пока они с Ричардом медленно приближались к домику Санта-Клауса. Сотня задатка, девять сотен по завершении дела — цена одной средних размеров жены.

Кен вдруг закрыл глаза и понял, что весь дрожит, словно в душном магазине на самом деле стоял невыносимый холод. Голова болела. Капли пота скатывались из подмышек, и казалось, что по

коже ползают какие-то насекомые. Слишком поздно, думал он, понимая, что отчасти напряжение, какое он испытывает с тех пор, как вошел в магазин,— это результат борьбы с желанием кинуться обратно к машине и остановить того человека.

Но — негромкий шепот в голове был прав — уже слишком поздно.

— А что мне сказать Санте, папа? — спросил Ричард.

Кен с тоской посмотрел на своего пятилетнего сына и подумал, что тому было бы лучше жить с матерью, гораздо лучше. «Я не смогу...»

— Так что, пап?

Он попытался выжать улыбку, и на мгновение ему удалось представить себя со стороны: благородный отец, который самоотверженно несет чудовищный груз, водруженный судьбой ему на плечи.

— Скажи ему... чего ты хочешь на Рождество,— предложил он. — Скажи ему, что ты был... хорошим мальчиком... и чего ты хочешь на Рождество. Вот и все.

— Но как?

Видение уже угасло, он точно знал, кто он такой и что сделал.

— Откуда мне знать? — раздраженно огрызнулся он. — Слушай, если не хочешь с ним говорить, так и не надо.

Мужчина, стоявший перед ними, обернулся, поглядел на Кена и, криво усмехнувшись, покачал головой, словно пытался сказать: «Понимаю тебя, приятель». Кен улыбнулся в ответ, но у него получилось лишь слегка, безрадостно, искривить рот. «Господи, я должен выбраться отсюда,— думал он с отчаянием.— Как я могу стоять здесь, когда...»

Легкие боролись за каждый вдох. Но именно это он и должен делать. В этом состоит план, и его надо довести до конца. Он не собирается сейчас все испортить какой-нибудь глупой выходкой.

Если бы он мог быть вместе с Ритой, в ее квартире, рядом с ней. Но это было невозможно. Хорошо бы сейчас выпить, и что-нибудь покрепче. Что-нибудь, что снимет напряжение.

Белые ворота открылись, и зазвучал записанный на пленку звучный мужской смех. Кен подскочил на месте и стал озираясь. Смех показался ему совершенно безумным. Он старался не слушать, но смех окружал его со всех сторон, звенел в ушах.

Затем ворота за ними закрылись, и смех оборвался. Зазвучал тоненький голосок, пущенный через усилитель: «Желаю веселого Рождества и счастливого Нового года!»

«Комар носу не подточит».

Кен выпустил руку Ричарда и вытер вспотевшую ладонь о пальто. Ричард пытался снова взять его за руку, но Кен отдернул ее так яростно, что Ричард посмотрел на него испуганно и озадаченно.

«Нет. Нет. Мне нельзя так себя вести,— услышал Кен наставление внутреннего голоса.— Ричарду могут задавать вопросы, вопросы вроде: “А как вел себя папа, когда вы вместе пошли в магазин?”» Он взял Ричарда за руку и сумел выдавить из себя улыбку.

— Почти у цели,— произнес он.

Спокойствие в собственном голосе поразило его. «Говорю же, я не знаю, как потерял ключи. Они были у меня в кармане, когда я входил в магазин, я уверен. Вот все, что я знаю. Или вы хотите сказать, что я...»

Нет! Все не так!!! В чем бы там ни пытались его обвинить, он не должен показать, что понимает, к чему они клонят. Потрясенный, ошеломленный, едва способный соображать — вот как он будет выглядеть. Человек, который повел сына к Санта-Клаусу, а на следующий день узнал, что его жену нашли прямо в машине.

«Комар носу не...» Ну почему ему никак не отделаться от этих слов?

Санта-Клаус сидел на стуле с высокой спинкой на крыльце волшебного домика: волшебство заключалось в том, что домик раза четыре в минуту менял цвет. Санта был толстяк средних лет, со смешливым голосом, он на несколько секунд сажал ребенка себе на колено, произносил полагающиеся слова, потом опускал ребенка на пол, сделав его богаче на пластинку мятной жвачки, хлопал по задку и говорил «до свиданья» и «веселого Рождества».

Когда Ричард взобрался на крыльцо, Санта-Клаус поднял его и

посадил на свое широкое, обтянутое красной материей колено. Кен стоял у нижней ступеньки, ощущая, как от духоты кружится голова, и глядел безжизненными глазами на румяную физиономию Санты, на жуткую фальшивую бороду.

— Ну, сынок,— произнес Санта-Клаус,— ты в этом году был хорошим мальчиком?

Ричард пытался ответить, но слова застряли в горле. Кен увидел, как он кивнул, вспыхнув от волнения румянцем. «Ему будет лучше жить с Элен. Я не смогу его воспитать как надо. Я просто...»

Его взгляд сосредоточился на красной бородатой физиономии.

— Что?

— Я спрашиваю, этот мальчик хорошо себя вел в этом году?

— О, да. Да. Очень хорошо.

— Прекрасно,— сказал Санта-Клаус,— старый Санта рад это слышать. Очень рад. А чего бы тебе хотелось на Рождество, сынок?

Кен стоял неподвижно, пот насквозь пропитал рубашку, а слабый голосок его сына перечислял и перечислял бесконечные игрушки, которые ему хотелось бы получить. Крыльцо словно расплывалось перед глазами. «Мне плохо,— думал он.— Я должен выбраться отсюда и глотнуть свежего воздуха. Элен, прости меня. Прости. Я... просто не мог поступить по-другому, понимаешь?»

Потом Ричард спустился со ступеней с жевательной резинкой в руке, и они направились к эскалаторам.

— Санта сказал, я получу все, что попросил,— сообщил ему Ричард.

Кен нервно кивнул и сунул руку в карман пальто за носовым платком. Может, люди подумают, что он стирает со своих щек вовсе не испарину. Может, они решат, что на него нахлынули чувства, потому что сейчас Рождество, а он любит Рождество, и оттого на глаза наворачиваются слезы.

— Надо рассказать маме,— сказал Ричард.

— Хорошо.

Голос его звучал едва слышно. «Мы выйдем и пойдем к тому месту, где стоит машина. Некоторое время поищем ее. Потом

позвоним в полицию».

— Хорошо,— повторил он.

— Что, папа?

Он отрицательно покачал головой.

— Ничего.

Эскалатор повез их наверх, к главному входу. Мужские голоса снова затянули «Бубенцы звенят». Кен стоял позади Ричарда, глядя сверху вниз на белобрысую голову. «Сейчас начнется самая главная часть,— сказал он себе.— То, что было до сих пор, было просто попыткой потянуть время».

Ему надо будет изображать по телефону удивление, раздражение. Может быть, беспокойство, но не слишком сильное. Человек в подобных обстоятельствах не стал бы паниковать. Естественно, человек вряд ли решил бы, что исчезновение его жены означает... У них за спиной снова зазвучал записанный на пленку раскатистый хохот, но теперь заглушенный могучим мужским хором.

Он старался очистить свое сознание, словно классную доску, но слова все звучали и звучали. Немного озабоченный, немного раздраженный, немного...

«Мы ни на что не намекаем, мистер Бернс». Голоса внезапно зазвучали снова. «Мы просто считаем, что двадцать пять тысяч долларов — это большая сумма».

«Слушайте! — Лицо его исказилось, когда он в ответ сверкнул на них глазами.— Мы доверяли друг другу. Я и сам застрахован на двадцать пять тысяч долларов, знаете ли. Об этом вы забыли?»

Это был главный аргумент. Страховка была оформлена меньше года назад, но, по крайней мере, они оба были застрахованы на одинаковую сумму.

Кен перенес ногу с эскалатора на пол и снова оказался в магазине, он шел с сыном к дверям, которые, совершив пол-оборота, вынесут их в зимний вечер. Прохладный ветерок уже стал заползать под брюки. «Сначала поищем немного, потом я...»

На него вдруг что-то нашло. Он не знал что, но он почему-то не мог выйти из магазина. Внезапно Кен оказался перед прилавком, где принялся внимательно рассматривать носовые платки и галстуки. Он

почувствовал на себе взгляд Ричарда и предостерег себя: мне нельзя казаться расстроенным! Я планировал это дело не для того, чтобы испортить все в последнюю минуту!

Рита. Южная Америка. Деньги. Нужно думать о будущем. Он всю дорогу об этом знал, но все равно позволил себе забыть. Будущее, вот что важно, они с Ритой вместе, в Южной Америке.

Вот, так-то лучше. Он глубоко, прерывисто вдохнул теплый воздух. Руки в карманах пальто расслабились.

— Идем,— сказал он и на этот раз получил мрачное удовольствие от того, как спокойно звучит его голос.— Нам пора.

И когда звуки органа, играющего «Тихая ночь, священная ночь», перекрыл сигнал к закрытию магазина, Кен взял сына за руку. «Время выбрано отлично,— сказал он себе.— Девять вечера, понедельник. Мы идем туда, где стоял “форд”, потом я звоню в полицию».

Но стоит ли звонить в полицию? На мгновение его охватила паника. Не лучше ли ему решить, что было бы естественно, будто Элен рассердилась на него и...

Я подумал, что она рассердилась и уехала домой без нас. Нет, она никогда не делала так раньше. Тогда мы решили поехать домой на автобусе, мы с сыном, но жены дома не оказалось. И я не знаю, где она. Да, у ее матери я спрашивал. Нет, других родственников в городе у нас нет.

Они уже прошли через возвращающуюся дверь и оказались снаружи. Кен окидывал взглядом забитую машинами стоянку, пока они удалялись от магазина. Он не ощущал руки Ричарда. Он ощущал лишь собственное сердце, мечущееся в грудной клетке, словно узник в темнице. «Интересно, куда это подевалась наша мама?» Он представлял, как скажет это Ричарду, когда они подойдут к тому месту, где был припаркован «форд». «Где же мама?» — спросит Ричард в ответ. Потом они примутся ждать, а в итоге вызовут полицию. «Нет, она раньше никогда так не уезжала,— проносилось в мозгу.— Я решил, что она рассердилась и уехала домой, но когда мы с сыном добрались до дома, ее там не было».

На мгновение ему показалось, что он умер, что сердце перестало биться. Ему показалось, что он превратился в каменную статую. Холодный ветер бил в его искаженное лицо.

— Пойдем же, папа,— задергал за руку Ричард.

Он не шевельнулся. Он стоял, глядя на машину, в которой сидела Элен.

— Я замерз, папа.

Он понял, что передвигает ноги, движется неверной походкой сомнамбулы. Здравый смысл не желал к нему возвращаться. Он мог только таращиться на машину и на Элен и чувствовать резь в животе. Голова сделалась пустой и легкой, словно она была готова улететь в небо. И только толчки от шагов, отдающиеся в сознании, помогали телу не рассыпаться. Глаза были намертво прикованы к машине. На него накатила громадная теплая волна облегчения. Элен смотрела на него.

Он открыл дверцу.

— Наконец-то,— сказала она.

Он был не в состоянии говорить. Дрожа, он откинул спинку переднего сиденья, и Ричард забрался назад.

— Давай, давай. Поехали отсюда,— сказала Элен.

Кен сунул руку в карман пальто и теперь вспомнил.

— Ну, что ты? — спросила она.

— Я... не могу найти ключи.— Он слабо похлопал себя по карманам.— Они же были у меня, когда я...

— О нет.— В ее голосе звучали усталость и раздражение.

Кен проглотил застрявший в горле комок.

— Ну и где же они? — спросила Элен.— Наверно, если бы твоя голова не была пришита к плечам, ты бы...

— Я... я не знаю,— сказал он.— Я... должно быть, где-то их обронил.

— Ну так сходи и подними их,— отрезала она.

— Хорошо,— отозвался он,— ладно.

Он едва ли не с отчаянием толкнул дверцу и выбрался на холодный ветер.

— Я скоро вернусь,— пообещал он.

Элен ничего не ответила, но было видно, как она злится.

Он захлопнул дверцу и пошел прочь от машины, лицо его напряглось. Какой негодяй, он взял деньги и...

И вдруг он представил, как пытается объяснить отсутствие ста долларов при сверке счетов. Она ни за что не поверит, будто они просто так испарились. Она начнет разнюхивать, выяснит, что это он их снял, потребует объяснений. «О боже,— подумал он,— со мной покончено, покончено!»

Он смотрел невидящим взглядом на огромную неоновую гирлянду на крыше универмага. Внутри ее вспыхивали и гасли большие белые буквы. Он вдруг сосредоточился на них.

ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота. ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота. ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА — темнота.

Немой

Мужчина в темном макинтоше прибыл в Даймон Корнерс ровно в два тридцать после полудня, в пятницу. Прямо с автобусной остановки он вошел в бар, где не было никого, кроме полной седой женщины за прилавком. Она перетирала посуду.

— Пожалуйста,— произнес он с акцентом,— скажите, где я могу найти суд?

Она взглянула на него сквозь ободок стеклянного бокала и увидела перед собой рослого и красивого мужчину лет тридцати с небольшим.

— Суд? — с интересом переспросила она.

— Ах да, как вы это говорите? Констебль? Как это будет по-английски?

— Шериф?

— О, ну конечно,— улыбнулся мужчина,— шериф. Где я могу найти его?

После подробных разъяснений, полученных от барменши, он неторопливо вышел на улицу, в сырой и серый день. Потoki дождя были нескончаемы с самого раннего утра, с той минуты, когда он проснулся в автобусе и увидел, что машина пересекает долину Каска. Мужчина поднял воротник, спрятал обе руки в карманы своего макинтоша и быстро пошел вниз в поисках главной улицы городка.

Он чувствовал себя виноватым оттого, что не приехал сюда раньше. Но у него было столько дел, столько хлопот с его собственными двумя детьми! Он точно знал, что с Фанни и с Холгером произошло что-то ужасное, но до сих пор был просто не в состоянии выехать из Германии. А ведь в последний раз он говорил с Нильсенами около полугода назад! Очень странно, что Холгер выбрал для себя такое отдаленное и труднодоступное место.

Профессор Вернер пошел еще быстрее, он отчего-то очень разволновался. Нужно поскорее выяснить, что случилось с Нильсенами и с их сыном, думал он. Их успехи были просто феноменальными — пример их сына вдохновлял всех остальных

участников четырехстороннего эксперимента. Вернер чувствовал, что с Нильсенами случилось что-то страшное, и одновременно пытался убедить себя, что у них, может быть, все в порядке. Но тогда оставалось непонятным их долгое молчание.

Вернер в раздумье склонил голову. Может быть, все дело в этом городке? Вот у Элкенберга же случилась остановка в его работе, а все из-за бесконечных подсматриваний и советов — иногда вполне невинных, иногда навязчивых. Что-нибудь в этом роде могло случиться и с Нильсенами. Когда живешь в таком захолустье, это невольно меняет направление мыслей, это очень мешает в работе.

Офис шерифа помещался в строении посередине следующего квартала. Вернер быстро прошагал по дорожке, ведущей к дому, затем раскрыл дверь и оказался в большой, хорошо протопленной комнате.

— Да? — спросил шериф, поднимая голову от каких-то бумаг, лежащих перед ним на столе.

— Я хочу узнать у вас об одной семье,— сказал Вернер.— О семье Нильсенов.

Шериф Гарри Уилер взглянул прямо в глаза высокому незнакомцу.

Кора гладила брючки Пола, когда зазвенел телефон. Она поставила утюг на гладильную доску, вышла из кухни и сняла трубку с настенного аппарата.

— Да? — спросила она.

— Кора, это я.

Ее лицо побледнело.

— Гарри, случилось что-нибудь?

Он молчал.

— Гарри?!

— Здесь у меня один человек из Германии.

Кора стояла, не двигаясь, уставясь в настенный календарь, в какое-то число перед ее глазами.

— Кора, ты слышишь меня?

— Да,— медленно проговорила женщина.

— Я... Я привезу его к нам домой,— сказал Гарри.

Она прикрыла глаза.

— Я понимаю,— сказала она и повесила трубку.

Повернувшись, женщина тихо подошла к окну. Идет дождь, подумалось ей. Что же, погода очень подходит к предстоящей сцене.

«Нет! — Это было в самом ее дыхании.— Нет!»

Через какое-то время она раскрыла полные слез синие глаза и стала смотреть на дорогу перед домом. Так и замерла она, припоминая тот день, когда к ней пришел мальчик.

Если бы пожар случился не ночью, а днем, был бы еще какой-то шанс спасти дом. От Даймон Корнерс до них было двадцать две мили, пятнадцать миль по шоссе, а дальше — по плохой земляной дороге, петлявшей среди холмов с перелесками.

К тому же пожар заметили, когда пламя уже вовсю бушевало, да и это произошло случайно.

Бернард Клаус и его семья жили неподалеку от них, в пяти милях, на холме, который назывался Скайточ. Клаус поднялся с постели посреди ночи и пошел на кухню выпить воды. Окошко кухни выходило на север, вот почему он увидел языки пламени и яркие отсветы в темноте.

— Мой бог! — вскричал он и пулей вылетел из кухни. На ощупь, спотыкаясь, он добрался до телефона в гостиной и стал остервенело крутить диск.

— Горит дом Нильсенов! — крикнул он после того, как ему удалось разбудить дежурного в городской управе.

Ночной час, полная неожиданность происшествия и еще несколько случайностей погубили дом Нильсенов. В Даймон Корнерс не было профессиональной пожарной команды. Для тушения пожаров и вообще в случаях общественных потрясений поднимали добровольцев. В самом городке этого было вполне достаточно, но с далекими усадьбами дело обстояло иначе.

Шериф Уилер собрал несколько человек и повез их тушить пожар в старом грузовичке по тряской лесной дороге, но, когда они

добрались до места, спасти было уже нечего. Пока четверо из шести мужчин пытались сбить пламя из брандспойтов, шериф Уилер и его помощник Макс Эдерман обошли дом вокруг.

Пути внутрь дома не было. Они стояли перед стеной огня, пытаясь рассмотреть в пламени хоть что-нибудь, морщась от яркого света и дыма.

— Они могли, могли уйти,— кричал Макс сорванным на ветру голосом.

Шериф Уилер был в ужасе.

— Мальчик,— шептал он, но Макс его не слышал.

Только очень сильный ливень мог бы потушить этот полыхающий старый дом. Все шестеро долго еще ходили вокруг дома с брандспойтами, стараясь тушить хотя бы загоравшиеся ветки деревьев. Их мрачные фигуры бродили по краю сплошной полосы огня, мужчины поливали водой случайные языки пламени.

Мальчик нашелся, когда вершины холмов на востоке осветились северным рассветом.

Шериф Уилер подошел поближе к горящему дому, стараясь заглянуть в одно из окон, как вдруг в стороне послышался крик. Повернувшись, он побежал вперед, не разбирая дороги, среди стволов высоких деревьев, дальше в чащу леса. Прежде чем он успел всмотреться во что-нибудь, перед ним выросла фигура Тома Полтера. Почтальон, согнувшись, пошатывался от веса Паала Нильсена.

— Где ты нашел его? — спросил Уилер, разглядев ребенка на спине старика.

— Внизу под холмом,— ответил Полтер.— Он лежал на земле.

— Он обгорел?

— Не похоже на то. Его пижама цела.

— Давай его мне.

Шериф протянул к ребенку свои крепкие руки и увидел два огромных зеленых детских глаза, беспомощно и удивленно глядящих на него.

— Да ты очнулся,— изумился Гарри.

Мальчик продолжал безмолвно смотреть на него своими блестящими, переливающимися глазами.

— Сынок, что с тобой? — спросил Уилер.

Ему казалось, что он держит на руках статую. Тело мальчика было неподвижным, его чувства точно застыли.

— Нужно завернуть его в одеяло,— бросил старику шериф и побежал с ребенком на руках вниз, к машине. Когда он бежал мимо горящего дома, то обратил внимание, как мальчик смотрел на огонь — его лицо оставалось бесстрастным, только то же изумление в широко раскрытых детских глазах.

— Шок,— прошептал старый Полтер, и шериф мрачно кивнул.

Они уложили мальчика на сиденье в машине, завернув в одеяло. Он поднялся и сел. Он молчал. Кофе, которым пытался напоить ребенка Уилер, стекал с детских губ и подбородка. Двое мужчин стояли по сторонам грузовика, а Паал безмолвно смотрел на горящий дом.

— Плох он совсем,— сказал Полтер,— говорить не может и даже не плачет.

— Он не обгорел,— задумчиво сказал Уилер.— Как он мог вообще выйти из дому, совершенно не обжегшись?

— Может, его родители тоже спаслись,— сказал Полтер.

— Тогда где же они теперь?

Старик покачал головой:

— Плохо дело, Гарри.

— Лучше уж я отвезу его домой, к моей Корс.— Шериф задумался о чем-то.— Нечего ему сидеть тут и смотреть на все это.

— Мне тоже лучше всего поехать в город,— отозвался Полтер, — ты уж освободи меня, отпусти домой.

— Хорошо.

Уилер сказал всем остальным, что он приедет через час с продуктами и со сменой. Потом Полтер и шериф сели в кабину по сторонам от мальчика. Полтер нажал на газ, грузовик немного покряхтел, потом двинулся с места. Шериф любил эту машину за то,

что в ней было тепло, а не за хороший ход.

Дорога медленно петляла среди холмов и наконец вышла к шоссе.

Пока горящий дом не скрылся из виду, Паал, обернувшись, смотрел в заднее окошечко на огонь. Затем он медленно повернулся, и одеяло соскользнуло с его худых детских плеч. Том Полтер заботливо закутал ребенка и ласково спросил его:

— Тепло тебе так?

Молчаливый мальчик окинул Полтера таким взглядом, точно ему никогда раньше не доводилось слышать человеческого голоса.

Как только на улице послышался шум мотора, Кора Уилер правой рукой включила плиту, а левой схватила сковородку, и прежде чем шаги ее мужа раздались в прихожей, бекон и оладьи из взбитого теста были уже поджарены, а кофе — готов.

— Гарри!

Она задохнулась от удивления и жалости, когда увидела ребенка на руках у мужа. Она невольно подалась вперед.

— Я думаю, что его нужно срочно уложить в постель,— сказал Гарри своей жене,— я думаю, что у него шок.

Хрупкая женщина, покачнувшись отчего-то, побежала к спальне, в которой раньше спал Дэвид, и распахнула настежь ее дверь. Когда Уилер появился на пороге, она уже расправляла теплые одеяльца, взбивала подушки и даже принесла откуда-то в постель электрическую грелку.

— Он ранен? — спросила Кора.

— Нет.— Гарри уложил ребенка в кровать.

— Мой бедненький,— прошептала она, поправляя одеяло вокруг мальчика и стараясь уложить его поудобнее.— Мой бедный малыш!

Она откинула с его лба двумя пальцами нежные белокурые кудри и склонилась к ребенку, улыбаясь:

— Теперь, мой хороший, нужно спать. Все в порядке, и тебе нужно спать.

Уилер стоял рядом с ней и видел семилетнего мальчика, того же

самого, которого он недавно нашел в лесу, с тем же удивленным выражением лица. Это выражение несколько не изменилось с тех пор, как мальчика вынесли из леса.

Шериф повернулся и вышел на кухню. С кухни он позвонил и договорился насчет подмоги, а после этого взялся за оладьи и бекон. Он сам налил кофе себе в чашку и уже пил его, когда Кора вошла в кухню и остановилась напротив него.

— Его родители?..— начала она.

— Я ничего не знаю,— ответил Уилер.— Нам не удалось войти в дом.

— Но мальчик...

— Том Полтер нашел его в стороне.

— В стороне...— как эхо повторила Кора.

— Мы не знаем, как он выбрался из дома,— сказал шериф.— Единственное, что о нем известно,— это то, что он теперь здесь.

Кора молчала. Она выложила ему на тарелку еще горячих оладий и поставила тарелку перед ним. Затем погладила мужа по плечу.

— Ты неважно выглядишь,— заметила она.— Не хочешь ли прилечь?

— Потом,— отозвался Уилер.

Она удивилась, пожала плечами и пошла из кухни.

— Там, на сковородке, еще есть горячий бекон,— сказала она.

Он немного помолчал, поводил вилкой по оладье и сказал:

— Я думаю, что они мертвы, Кора. Пламя было просто адское, пожар все еще продолжался, когда я уезжал оттуда. Мы совсем ничего не смогли для них сделать.

— Ох, бедный мальчик,— вздохнула Кора.

Она стояла на пороге, глядя, как ее муж ест.

— Я попыталась поговорить с ним,— сказала она вдруг, подняв голову,— но он не сказал мне в ответ ни слова.

— И нам он тоже не сказал ни слова,— ответил ей Уилер,— только таращился своими глазищами.

Он уставился в пол, прожевывая кусок.

— Сдается мне, Кора, что он вообще не умеет говорить.

После десяти часов утра начался ливень, и горящий дом залило потоками воды. Остались только почерневшие, коегде дымящиеся руины.

Сонный шериф Уилер с красными глазами неподвижно сидел в кабине грузовика, ожидая, пока потоп не схлынет. Потом он глубоко зевнул, открыл дверцу машины и спрыгнул на землю. Он поднял воротник плаща и надвинул свою широкополую шляпу на самые скулы. Шериф прошелся вокруг грузовика и крикнул:

— За мной!

Голос его прозвучал хрипло. Люди повыпрыгивали из кузова и потащились к дому сквозь слякоть и грязь.

Парадная дверь еще стояла на месте. Уилер и его люди обошли ее и вскарабкались на полуразрушенную стену бывшей гостиной дома Нильсенов. Они вошли внутрь через этот пролом, и шериф почувствовал вокруг себя тепло от еще тлеющих потолочных балок и вонючий пар от курящихся бревен, который забивал ему легкие. Кобура на поясе неудобно врезалась ему в живот.

Он перешагнул через несколько полуобгоревших книг, лежащих на ковре, и переплеты хрустнули у него под ногами. Он продолжал идти внутрь холла, стараясь дышать ртом сквозь плотно стиснутые зубы. Дождь лил по его плечам и спине. «Я верю, что они ушли отсюда,— подумал он,— я верю, что Бог помог им уйти отсюда!»

Но нет, они не ушли. Они все еще лежали в своей кровати — больше не люди, обгоревшие дочерна, скрученные вместе, хрупкие. Лицо шерифа Уилера побледнело и передернулось, когда он взглянул на них — на то, что от них осталось.

Один из его людей ткнул мокрой веточкой во что-то на матрасах.

— Глядите, трубка,— расслышал Уилер его слова сквозь шум дождя,— должно быть, мужчина уснул, а трубка тлела.

— Принесите сюда какое-нибудь одеяло,— сказал Уилер,— отнесите их в кузов грузовика.

Двое из его людей пошли наружу, и он услышал, как они шагают по битому щебню и головешкам.

Он был не в состоянии поднять глаза на то, что осталось от профессора Нильсена и его жены Фанни. Это нечто было дьявольской, гротескной усмешкой над прекрасной парой, которую так хорошо запомнил Уилер: высокий, мощный Холгер, спокойный и властный; хрупкая Фанни, с пышной копной каштановых кудрей, нежная, розовощекая...

Шериф резко отвернулся и пошел, спотыкаясь, из комнаты. Солнце почти не проникало сюда, и он то и дело натывался на рухнувшие балки.

Мальчик — что теперь будет с ним? Вчера Паал впервые покинул свой родной дом, остался без родителей, которые были для него опорой,— Уилер знал об этом очень хорошо. Что же странного, если шок и удивление не сходили с лица мальчика? Но как тогда он узнал о том, что его мать и отец мертвы?

Когда шериф шел через бывшую гостиную, он увидел, что один из его помощников разглядывает полуобгоревшую книжку.

— Взгляните сюда,— сказал мужчина, протягивая книгу Уилеру.

Уилер взглянул на обложку, прочитал заглавие: «Неизвестное сознание».

Он напряженно отвернулся.

— Брось ее! — скомандовал он человеку, выходя из дома длинными, быстрыми шагами. Память о том, как раньше выглядели Нильсены, мучила его, и еще одно не оставляло его в покое.

Как Паал выбрался из горящего дома?

Паал проснулся.

Он долго всматривался в неясные тени, танцующие на потолке. Снаружи шел дождь. Наверное, ветер качал верхушки деревьев за окном, и от этого тени наполняли своими таинственными танцами эту незнакомую комнату. Паал тихо лежал под одеялами в кровати, и холодный воздух входил в его легкие — холодный, если сравнить его с распаленными со сна щеками.

Где же они все-таки? Паал закрыл глаза и постарался ощутить их присутствие. Их точно не было в этом доме. Тогда где же они? Где его отец и мать?

Руки моей матери. Паал очистил мысли от всего остального и

сосредоточился на этом пусковом символе. Руки появились из тьмы, точно покоясь на черном бархате его сосредоточенности,— светлые, прекрасные руки, такие нежные и теплые, когда они касались его. Эта простая уловка очищала его сознание за считанные секунды.

В его родном доме не было никакой нужды в этом. Его родной дом слышал его и помогал ему: любой предмет в нем, сам воздух этого дома имел власть приносить ясность его мыслям. Вместе с ощущениями Паала менялся его прежний дом, помогая ему сохранить сосредоточенное внимание.

Но здесь все обстояло иначе. Он нуждался в особенных усилиях воли, чтобы заставить себя отрешиться и сосредоточиться.

«Итак, я думаю, что каждый ребенок имеет от рождения эту инстинктивную способность». Слова отца вспомнились ему и представились чем-то вроде росистой паутины на пальцах рук матери. Он мысленно снял эту паутину, и руки стали снова свободными. Они медленно разводили тьму его ментального фокуса. Глаза мальчика были прикрыты. Лоб избороздился упрямыми линиями, свидетельствующими о крайней степени сосредоточенности. Сжатые губы были бескровны. Уровень сознания, точно уровень воды, быстро поднимался.

Он почувствовал себя в полном порядке, неподвластным ничему извне.

Звуки снаружи сплетались в прихотливую путаницу. Он слышал шорох, журчание и стук дождя, пение ветра в воздухе, шум и скрип веток, гудение воздуха на чердаке дома: каждый звук свидетельствовал о каком-то явлении, появлялся и пропадал.

Чувство обоняния приносило ему множество резких запахов — дерева и шерсти, сырости и пыли, сладкий запах крахмального белья. Его напряженные пальцы ощущали тепло и холод, вес одеяла, нежное, ласкающее прикосновение простыни. Он ощущал во рту вкус холодного воздуха, запах жилья. Все это он чувствовал, не открывая глаз.

Молчание, никакого ответа. До этого ему ни разу еще не приходилось ждать отклика так долго. Обычно они с легкостью и сразу же отвечали ему. Руки его матери были так чисты и близки! В них пульсировала се жизнь.

Не получив никакого ответа, он стал подниматься еще выше.

«Этот основной уровень сознания представляет собой величайший феномен». Слова отца. Паал никогда раньше не пытался пробиться сквозь этот основной уровень сознания.

Еще, еще — точно прохладные руки поднимали его в тонкую и разреженную высоту. Он пытался пробиться еще выше, к самым вершинам, сквозь какую-то пелену. Руки разогнали эту пелену. Пелена исчезла.

Ему показалось, что он несется вперед, к черному остову своего родного дома, и дождь блестящими струйками мелькает у его глаз. Он увидел перед собой парадную дверь, все еще стоящую на месте, точно в ожидании его руки. Дом придвинулся. На миг все точно заволжлось какой-то мглой. Ближе, ближе...

— Паал, нет!

Его тело содрогнулось в кровати. Мозг обдало холодом. Дом внезапно исчез, унося с собой две ужасные черные фигуры, лежащие на...

Паал содрогнулся еще раз, неподвижно глядя перед собой, с застывшим, точно маска, лицом. Его сознание вихреобразно вернулось в прежнее состояние. Он запомнил из всего увиденного только одно. Он знал, точно знал, что они как-то вышли из горящего дома, что их там нет. Что они вывели оттуда его, спящего.

Все равно. Даже если они и сгорели.

Вечером стало ясно, что мальчик не умеет разговаривать.

Это было необъяснимо, для этого не существовало никаких видимых причин. Его язык был в порядке, горло выглядело абсолютно здоровым. Уилер сам осмотрел мальчика и убедился в этом. Но Паал молчал.

— Ничего не поделаешь, так уж оно случилось,— сказал шериф.

Он устало склонил голову вниз. Мальчик уже спал.

— О чем ты говоришь, Гарри? — спросила Кора, причесывая свои темно-русые волосы перед настольным зеркалом.

— Немного раньше мы с мисс Франк пытались уговорить Нильсенов отправить мальчика в школу.— Он перебросил свои брюки через спинку кресла.— Но ничего не добились. А теперь мне ясно почему.

Она взглянула на его отражение в зеркале и сказала:

— Может быть, ему сейчас очень плохо, Гарри.

— Можно попросить доктора Стейгера осмотреть мальчика, но я думаю, что это бесполезно.

— Но они же были образованные люди,— возразила Кора.— Ты думаешь, они что, не смогли бы научить его говорить? Скорее у них были причины, по которым они не хотели делать этого.

Уилер покачал головой.

— Они были странными людьми, Кора,— сказал он,— из них самих слова было не вытянуть. Кто знает, могли они сами толком разговаривать? — Он недовольно хмыкнул.— Чего же удивляться, что они не хотели отдавать мальчика в школу.

Он уселся на кровать, потянулся и стал стягивать с ног длинные носки.

— Что за день такой,— пробормотал он.

— Вы ничего не нашли в доме?

— Ничего, совсем ничего. Никаких бумаг не уцелело. Дом сгорел почти до основания. Ничего, кроме вязанки полуобгоревших книжек, да и те ничего не объяснили.

— А еще что-нибудь? Неужели же нельзя ничего предпринять?

— Нильсены не были связаны ни с кем в городе и даже не считаются нашими горожанами, потому что не зарегистрированы в городских списках.

— Ох, господи!

Кора взглянула на свое отражение в овальном зеркале. Потом ее взгляд остановился на фотографии, стоящей на туалетном столике: Дэвид, ее сын, в возрасте девяти лет. Сын Нильсенов был так похож на Дэвида, подумалось ей. Почти тот же вес и рост. Может быть, у Дэвида волосы были чуть потемнее.

— Что же теперь будет с ним, с мальчиком? — спросила она.

— Трудно сказать, Кора,— ответил Уилер,— я думаю, что нам придется подождать до конца этого месяца. Том Полтер сказал, что в конце каждого месяца Нильсены получали по три письма — вроде бы

из Европы. Нам придется дожидаться этих писем и потом отправить их назад, адресатам. А мальчишка пусть побудет тут, пока не отдохнет и не поправится.

— Европа,— повторила Кора,— как же это далеко отсюда!

Ее муж хмыкнул, затем поднял одеяло и тяжело плюхнулся в кровать.

— Устал я,— пробормотал он и уставился в потолок.

— Ступай-ка спать,— сказал он жене, помолчав.

— Немного погода, хорошо?

Она сидела у зеркала и расчесывала свои длинные тяжелые волосы, пока дыхание мужа не превратилось в сонное похрапывание. Подождав еще немного, она поднялась и тихо прошла через холл.

Река лунного света текла по детской кровати. Нежные голубовато-розовые блики омывали маленькие неподвижные руки спящего Паала. Кора стояла в тени у порога, глядя на эти беспомощные детские руки, не в силах шевельнуться. На миг ей показалось, что Дэвид снова спит в своей кровати.

Это были звуки.

Частыми ударами они разрывали яркие потоки его мыслей, они врывались в мальчика оглушающим гулом и грохотом. Он уже понял, что это какое-то неизвестное ему средство связи, но оно лишь забивало ему уши, а поток сознания непрерывно нарушался и обрывался, словно наталкиваясь на упрямую стену.

Иногда, в редкие минуты тишины и молчания, он ощущал проломы в этой стене и, ловя момент, устремлял свои мысли вперед — словно зверек, чующий запах добычи, перед тем, как железные замки его ловушки с лязгом сомкнутся.

Но затем звуки начинали снова падать на него ритмичными ударами, раздражающие и скрипучие звуки, трущиеся о ясную поверхность его мышления, пока мышление не становилось сухим, болезненным и спутанным.

— Паал,— говорила она.

Прошла неделя, прошла еще одна неделя, пока наконец не

пришли письма из Европы.

— Паал, неужели они даже не разговаривали с тобой? Паал?

Точно грубыми кулаками ударили в уши. Точно его вытягивали из себя самого сильными руками.

С ним не было ничего плохого в физическом смысле, доктор Стейгер сказал, что совершенно уверен в этом, и мальчик должен был научиться говорить.

— Мы научим тебя, Паал, все будет хорошо, мой дорогой. Мы научим тебя.

Ему казалось, что волны его сознания режут ножом: Паал, Паал, Паал.

Паал. Это был он сам. Он сразу понял это. Но сам звук, унылый и мертвый, тусклый и ни с чем не связанный, был совершенно чужд ему. В этом звуке не было никаких ассоциаций и напоминаний, ничего от него самого. Но настоящее его имя было более чем просто словом — это имя было им самим. Это имя воплощало его личность, его представления о себе самом, о своих родителях, обо всей его жизни. Когда мать и отец звали его или мысленно говорили с ним, его имя было гораздо важнее и интереснее, чем короткий неуклюжий звук, который постоянно звучал рядом с ним. Все было тесно сплетено в его настоящем имени, не выразимом в звуках.

— Паал, разве ты не понимаешь меня? Это твое имя, Паал Нильсен. Паал Нильсен. Разве ты не понимаешь меня?

Беспокойная, назойливая толкотня одного и того же звука, непереносимая для чувств. Паал. Звук снова и снова ударялся в него. Паал. Паал. Звук старался овладеть его вниманием, вовлечь его в унылый и бессмысленный хоровод других звуков.

— Паал, ну, постарайся же! Паал. Повторяй за мной. Паал. Паал.

Вырвавшись прочь от нее, он убежал в ужасе, и она отыскивала его в кровати своего сына, с перепугу укрывшегося одеялом с головой.

Потом, спустя некоторое время, восстановился мир. Она крепко обняла его. Ей уже стало ясно, что говорить не надо, и она молчала. Теперь упрямая толкотня звуков не нарушала течения его мысли, жизни его сознания. Она ласково перебирала рукой его волосы и целовала его в залитые слезами щеки. Он согрелся ее теплом, его

мысли, точно испуганные рыбки, вернулись в свое обычное русло, и теперь он почувствовал, что понимает обнимающую его женщину. Чувства не нуждались в звуках.

Он ощущал только ее любовь — бессловесную, нежную и прекрасную!

Шериф Уилер как раз собирался выходить из дома, когда раздался телефонный звонок. Он стоял на пороге, а Кора бросилась к телефонной трубке.

— Гарри,— услышал он ее голос,— ты еще не ушел?

Он вернулся на кухню и взял у нее трубку:

— Уилер слушает.

— Это Том Полтер, Гарри,— отозвался почтальон,— письма из Европы уже пришли.

— Я сейчас буду,— сказал он и бросил трубку.

— Письма? — спросила его жена.

Уилер кивнул.

— О боже,— прошептала она, точно он тяжело обидел ее.

Когда Уилер вошел на почту, Полтер протянул ему изза стойки три письма. Шериф взял их в руки.

— Швейцария,— осмотрел он почтовые марки,— Швеция, Германия.

— Вот и все,— сказал Полтер,— столько же, сколько и всегда. Три письма в конце месяца.

— Думаю, их нельзя распечатывать,— сказал Уилер.

— Ты же знаешь, что я не отказал бы тебе, Гарри,— ответил ему на это Полтер.— Но закон есть закон. Я должен отправить их назад нераспечатанными. Это закон.

— Хорошо.— Уилер достал свою ручку и переписал адреса с трех конвертов к себе в записную книжку. Затем он протянул письма старому почтальону: — Спасибо тебе.

Когда часа в четыре он вернулся домой, Кора сидела в гостиной с Паалом. На лице ребенка отражались смешанные чувства: желание угодить и понравиться вместе с боязливой решимостью бежать от

смущающих звуков. Он сидел рядом с ней на диване и выглядел так, точно готов был вотвот разрыдаться.

— Ох, Паал,— говорила она, когда Уилер входил в комнату. Она обнимала испуганного мальчика.— Тебе нечего бояться, мой милый.

Тут Кора увидела своего мужа.

— Что они с ним сделали? — с мукой в голосе спросила она.

Шериф покачал головой.

— Не знаю,— ответил он,— его нужно отдать в школу.

— Нет, не нужно отдавать его в школу! Взгляни на него,— возразила Кора.

— Мы никуда его не отдадим, пока не узнаем, что к чему,— ответил Уилер,— а вечером я сяду и напишу письма по тем адресам в Европу.

В молчании Паал почувствовал сильную вспышку чувств женщины и быстро взглянул в ее лицо.

Боль. Он почувствовал, что боль льется из нее, как кровь из открытой раны.

Пока они все трое молчали, он ощущал, как женщину переполняет печаль. Казалось, что он слышит далекие рыдания. Поскольку молчание продолжалось, ему удалось поймать всплески воспоминаний в ее сочащихся болью мыслях. Она видела лицо другого мальчика. Только это лицо исчезло, став неясным, в ее мыслях появилось его собственное лицо. Два лица, призрачно двоясь и сливаясь, сменялись в ее мыслях, точно боролись одно с другим.

Внезапно все исчезло, точно провалилось в черную дыру, потому что женщина проговорила:

— Да, ты должен написать им, Гарри,— так мне кажется.

— Я знаю, что должен, Кора,— ответил шериф.

Молчание. Снова поток боли. И когда она отвела его в спальню, мальчик посмотрел на нее с такой нежностью и жалостью, что она поспешно отвернулась от кровати. Он чувствовал волны ее печали до тех пор, пока шаги ее не затихли где-то в глубине дома. И даже когда она ушла от него, он не переставал слышать ее жалобное отчаяние, бродящее по сонному дому,— так же отчетливо, как он слышал полет

ночной птицы за окном, шум далеких ее крыльев.

— О чем ты им напишешь? — спросила Кора.

Уилер глянул на нее поверх стола, и полночь проиграла свою мелодию на часах в гостиной. Кора пересекла комнату и подошла к нему. Она поставила перед ним чашку, и свежий запах кофе ударил в ноздри Уилера.

— Просто сообщаю им о том, что случилось, — ответил Гарри, — о пожаре, о смерти Нильсенов. Спрашиваю у них, не знают ли они чего о родственниках ребенка, не родня ли ему они сами.

— А что, если эти его родственнички еще хуже его родителей?

— Ну же, Кора, — сказал он, чуть не разлив кофе, — я-то думал, что мы с тобой уже все обсудили. Это не наше дело.

Она упрямо сжала губы.

— Испуганный до полусмерти ребенок — это мое дело! — со злостью сказала она. — А что, если...

Она оборвала свои слова, потому что Уилер терпеливо взглянул на нее, ничем не обнаружив своих чувств.

— Ну хорошо, — сказала она, отворачиваясь от него, — ты прав.

— Это не наше дело. — Он не стал смотреть на ее дрожащие губы.

— Он до сих пор не может говорить, а мог бы скоро научиться! Он боится призраков, теней, я не знаю чего!

Она резко отвернулась.

— Но это же преступление! — крикнула она, любовь и ненависть смешались в ней вместе.

— Успокойся, Кора, это пройдет у тебя, — негромко сказал Гарри, — и мы не должны забывать о своем долге.

— О своем долге, — повторила она слова мужа безжизненным голосом.

Она долго не могла уснуть. Их разговор с Гарри не занимал уже ее, и она лежала молча и глядела в потолок. По потолку бежали тени, и ей вспомнилась давняя сцена.

Летний день, время к вечеру, звонок дверного колокольчика. На

пороге стоят мужчины, и среди них — Джон Карпентер, а в его руках — что-то завернутое в одеяло. Лицо у Джона совсем бледное. Все молчат, только капли воды падают из этого одеяла на дощатый пол — медленно, точно удары сердца, стучат и стучат по полу в прихожей.

— Они плавали в озере, ваш маленький Уилер и...

Она содрогнулась от рыданий на своей кровати и долго еще дрожала, не в силах совладать с собой и с охватившим ее горем. Руки ее безвольно лежали вдоль тела, подрагивая от нестерпимых воспоминаний. Столько лет, столько лет ждать ребенка, который снова принес бы радость в их опустевший дом!

Во время завтрака Кора выглядела очень сонной, глаза ее потемнели и впали. Она двигалась по кухне, разогревая еду, готовя яичницу и разливая кофе, в полном молчании.

Потом Гарри поцеловал ее на прощание, и она встала у окна в гостиной, глядя, как он выходит из дому и садится в машину. Потом он уехал со двора, оставив у скобы почтового ящика три конверта.

Когда Паал спустился вниз, он улыбнулся ей. Она поцеловала его в щеку, потом стояла напротив него, молча наблюдая за тем, как он пьет апельсиновый сок. Он сидел на своем стуле и держал свой стакан точно так же...

Пока мальчик завтракал, она спустилась вниз к почтовому ящику и забрала три письма, оставленные Уилером, заменив их на три своих собственных. Если даже ее муж спросит почтальона, тот ответит, что он забирал сегодня утром три письма из этого дома.

Паал ел яичницу, а она спустилась в подвал и сунула письма в печку. Сначала сгорело письмо в Швейцарию, потом — письмо в Швецию, потом — письмо в Германию.

Кора перемешала пепел кочергой, чтобы мельчайшие клочки обгоревшей бумаги рассыпались навеки, как легкие черные конфетти.

Недели шли за неделями, и каждый день его сознание слушалось его все меньше и меньше.

— Паал, дорогой мой, как же ты не понимаешь?

Ее терпеливый и любящий голос. Он нуждался в этом голосе и

боялся его.

— Хочешь сказать что-нибудь мне? Просто для меня? Паал?

Он знал, что в ней нет ничего, кроме любви к нему, но звуки ее голоса разрушали его. А сковать его ум было все равно, что связать веревками ветер.

— Ты хочешь пойти в школу? Паал? В школу?

Ее лицо было грустным и тревожно беспокойным.

— Постарайся заговорить со мной, Паал, только заговорить!

Он с тоской отгонял прочь звуки ее речи. Лишь когда она замолкала, он мог проникнуть в ее мысли. Звуки только облекали ее чувства в плоть слов. Мысли и чувства соединялись со звуками. Это соединение смысла и слова происходило пугающе быстро. Он изо всех сил сопротивлялся этому. Ему казалось, что утонченные, ясные значения точно заворачиваются в неуклюжее тесто звуков, а потом запекаются в короткие уродливые слова.

Боясь этой женщины и ощущая постоянную потребность в ее живом тепле, в ласке ее рук, он как маятник метался от страха к необходимости и снова возвращался к страху.

Звуки поневоле укорачивали и огрубляли его мысли.

— Мы больше не можем ждать, когда он заговорит,— заявил Гарри,— мы должны отправить его в школу.

— Нет,— ответила Кора.

Он опустил вниз газету и посмотрел на нее. Она вязала в кресле на другом конце гостиной и следила глазами за своими движущимися спицами.

— Почему ты так говоришь? — спросил он раздраженно.— Как только я завожу речь о школе, ты говоришь мне «нет». Почему это он не может пойти в школу?

Спицы остановились и упали к ней на колени. Кора молча смотрела на свои руки.

— Я не знаю,— ответила она после паузы.— Но только это действительно так. Это правда так, ему не надо идти в школу.

— Он пойдет в школу в понедельник,— сказал Гарри.

— Но он испугается,— возразила она.

— Конечно испугается. Ты бы тоже чувствовала себя неважно, если бы все вокруг тебя говорили, а ты не могла бы ответить ни слова. Но он нуждается в обучении, и это все.

— Но он вовсе не невежда, Гарри. Я... Я знаю, что он иногда понимает меня без всяких слов.

— Как это — без слов?

— Я не могу тебе ничего объяснить. А Нильсены не были глупыми людьми. Они не просто так отказались отдавать его в школу.

— Ну, если они и учили его чему-нибудь, по нему этого не скажешь,— сказал Гарри, снова разворачивая свою газету.

Когда они договорились с мисс Эдной Франк о встрече, она уже была настроена враждебно и пристрастно.

Этот Паал Нильсен был воспитан скверным образом, ей это было ясно, но старая дева решила ничем не выдавать своей позиции. Мальчик нуждался в помощи. Все равно его жестокие родители погибли, и мисс Франк решительно направилась в офис.

Энергично спускаясь по главной улице Даймон Корнерс, она вспоминала давнюю сцену в доме Нильсенов, когда она вместе с шерифом Уилером пыталась уговорить их отдать ребенка в школу.

Какое самодовольное выражение было на их лицах, со злорадством припомнила она. Какое уничтожающее презрение. «Мы не будем отдавать нашего сына в школу»,— слышала она снова слова профессора Нильсена. Именно так он и выразился, прошептала про себя мисс Франк. Дерзко и нагло. «Мы не будем!» — отвратительное позерство!

Ну, в конце концов мальчик избавился от них. Этот пожар, может быть, был благословением всей его жизни, думала она.

— Мы написали письма в Европу четыре или пять недель тому назад,— объяснял шериф,— и все еще не получили никакого ответа. Мы не можем оставлять мальчика в его теперешнем состоянии на произвол судьбы. Он нуждается в обучении.

— Конечно, это так и есть,— заявила мисс Франк.

Ее сухие и некрасивые черты выражали обыкновенную для нее непреклонную уверенность в том, что она говорила. Острый подбородок, пучок волос из бородавки над верхней губой. Когда дети в Даймон Корнерс проходили мимо ее дома, то старались смотреть или в небо, или в стороны и ускоряли шаги.

— Он очень робкий,— сказала Кора, чувствуя, что старая дева жестока.— Он очень сильно испугался. Он нуждается в большом терпении и понимании.

— Он получит все это,— объявила мисс Франк,— но позвольте мне взглянуть на мальчика.

Кора вывела Паала вперед, нежно его уговаривая:

— Не бойся ничего, мой милый, тебе нечего здесь бояться.

Паал вышел на середину комнаты и взглянул в глаза мисс Эдны Франк.

Только Кора почувствовала, как вздрогнул мальчик — точно перед ним вместо пожилой старой девы стояла Медуза горгона со змеями вместо волос на голове. Мисс Франк и шериф не заметили, как сверкнули радужные оболочки ярко-зеленых глаз ребенка, как вздрогнули уголки его рта. Никто из собравшихся не смог понять и страшной паники, охватившей его мысли.

Мисс Франк сидела улыбаясь, протягивая руку вперед, к мальчику.

— Иди сюда, дитя мое,— сказала она, и в одно мгновение ворота его сверхвосприятия захлопнулись, оставив в нем только дрожь и боль.

— Иди, мой милый,— сказала Кора.— Мисс Франк здесь, чтобы помочь тебе.

Она легонько подтолкнула мальчика вперед, чувствуя, как он дрожит под ее руками.

Снова повисло молчание. Паал чувствовал себя так, точно попал в старый, много веков тому назад запечатанный склеп. Мертвый ужас кружился вокруг него, призраки крушений надежды скользили в его сердце, вихри ненависти и зависти обступали его со всех сторон. Все эти кошмарные чувства были созданиями оскорбленной памяти. Это

было очень похоже на чистилище, ад, который однажды показал ему отец, когда рассказывал ему мифы и легенды древности. Но все это не было легендой!

Ее прикосновение было сухим и холодным. Темный скрученный ужас пробежал по его венам, перелился в него из этой сухой и твердой, как деревяшка, руки. Неожиданно он чуть не застонал. Их глаза снова встретились, и Паалу снова показалось, что он видит насквозь ее мозг.

Затем она заговорила, отпустив его на свободу,— снова безвольного и беспомощного.

— Я думаю, что мы с ним поладим,— сказала она.

СМЕРТЬ!

Он покачнулся на ногах и снова вцепился в жену шерифа.

Всю дорогу через школьный двор это возрастало, возрастало так, точно прямо на него двигался смерч, пульсируя и кружась. Ближе, еще ближе — тонкие перегородки слуха напряглись, готовые лопнуть от близости неведомой разрушительной силы. Несмотря на то что его слух постоянно подвергался нападениям звуков и шумов последние несколько месяцев, этот шум был громче и сильнее, чем все, что ему доводилось слышать раньше. Этот шум, казалось ему, пронизывал его насквозь.

Это шумели мальчишки.

Затем дверь класса отворилась, голоса смолкли, и водоворот детских мыслей закружился вокруг него дикими и необузданными волнами. Он прижался к Коре, пальцами держась за рукав ее блузки, его блестящие глаза расширились, он судорожно задышал. Затем он вгляделся в ряды детских лиц перед ним и отбросил прочь беспокойные, буйные вихри чужих мыслей, отгородился от них.

Мисс Франк отодвинула свое учительское кресло, шагнула вниз со своего шестидюймового возвышения и встала в проходе между партами.

— Доброе утро, дети,— бодро сказала она,— сейчас мы начнем наши сегодняшние занятия.

— Я надеюсь, что все будет хорошо,— заметила Кора.

Она оглядела класс. Паал смотрел на школьников сквозь

навернувшиеся на его глаза слезы.

— Ох, Паал! — Кора наклонилась к нему и погладила его по светлым кудрям. Ее лицо стало беспокойным.— Паал, не бойся ничего, милый,— ласково проговорила она.

Он пусто и холодно взглянул на нее.

— Мой милый, ничего страшного...

— Теперь оставьте его здесь,— перебила Кору мисс Франк, положив свою руку на плечо Паала. Она не обратила никакого внимания на внезапную дрожь в детском теле.— Ему больше нечего делать дома, миссис Уилер, и вы должны оставить его здесь.

— О, но...— начала было Кора.

— Нет, поверьте мне, это единственный способ,— не стала слушать ее мисс Франк.— Пока вы будете держать его при себе, все останется по-прежнему. Поверьте мне. Я и раньше сталкивалась с такими явлениями.

Сначала он не хотел отпускать от себя Кору. Он вцепился в нее изо всех сил, потому что она была единственным знакомым ему существом во всем этом новом и шумном мире. Только когда крепкая и сухая рука мисс Франк завладела им, Кора медленно и неохотно ушла, прикрыла за собой дверь и унесла от Паала свою нежную жалость.

Он стоял совсем один, дрожа от ужаса, не в силах произнести ни слова, чтобы попросить о помощи. Смешавшись, его мысли могли бы снова быстро прийти в равновесие, но в бесконечных хаотических потоках мыслей целого класса его умение охранять свое сознание было утеряно. Он развернулся и попытался выбежать в дверь, чтобы хоть как-то спасти себя. В его силах было оставить этот водоворот, терзающий его, пока последняя волна этого водоворота не лишила его рассудка.

— Ну, Паал,— услышал он голос мисс Франк. Ее рука грубо схватила его за плечо и силком отволокла от двери.— Иди сюда!

Он не понял ее слов, но смысл ее речей был ему понятен, а заряд раздражения и враждебности, исходящий от нее, не вызывал никаких сомнений. Он споткнулся, стоя рядом с ней, пробираясь тонкой

тропинкой своего сознания сквозь беспорядочный поток живых ребяческих мыслей — они представляли собой странную смесь тупых формальных клише и убогих, скудных чувств.

Мисс Франк вывела его перед классом. Он чувствовал себя так, точно чувства детей вокруг него были руками, толкающими и хватающими со всех сторон его тело.

— Это Паал Нильсен, дети,— объявила мисс Франк, и звук резко перекрыл беспокойные потоки чужих мыслей.— Мы должны быть очень терпеливыми с этим мальчиком. Вы видите, что его отец и мать не научили его говорить.

Она взглянула на ребенка сверху вниз так, точно была общественным обвинителем в суде, обнаружившим при всех вину некоего преступника.

— Он не понимает слов английского языка,— сказала она.

Молчание на секунду, брезгливая гримаса мисс Франк. Она всей своей костлявой кистью сжала плечо ребенка.

— Хорошо, мы поможем ему научиться говорить, так, класс?

По рядам парт пробежал ропот и шепот. Кто-то тонким голосом пропищал:

— Да, мисс Франк.

— Ну, Паал,— сказала она повелительно. Он не повернулся к ней. Тогда она еще сильнее сжала его плечо.— Паал!

Мальчик взглянул на нее.

— Можешь ты сказать нам свое имя? — спросила мисс Франк.— Паал? Паал Нильсен? Подними голову. Скажи нам, как тебя зовут.

Ее пальцы впились в него, точно железные крючья.

— Говори: Паал. Паал.

Он всхлипнул. Мисс Франк немного ослабила свою хватку.

— Ты еще научишься,— с притворной ласковостью сказала она. Ее ничто не могло обескуражить.

Он сидел посередине класса, точно червяк на крючке среди течения, бурлящего раскрытыми ртами, ртами, ртами, которые непрерывно издавали бессмысленные звуки.

— Это корабль. Корабль плывет по морю. Люди, которые живут на корабле, называются матросами.

Эти слова были напечатаны в букваре рядом с картинкой.

Паал вспомнил картины, которые показывал ему отец. Это тоже были картины с кораблями, но его отец не произносил безобразных коротких слов. Его отец давал ему мысленный образ, сопровождаемый звуком и цветом.

Огромные синие валы прилива. Зеленые, с белоснежными шапками пены, водяные горы. Штормовой ветер, гоняющий по гребням волн накренившийся парусник, вспышки молний, низкие тучи, грохочущие каскады воды. Волшебно прекрасный рассвет в океане, переливающееся всеми красками небо, тюлени, сияющие волны, яркое солнце.

— Это ферма. Люди, которые производят продукты питания, называются фермерами.

Слова — пустые обрубленные слова, не имеющие ничего общего с теплым запахом земли! Шум пшеничного поля на ветру, колыхание золотого моря. Вот солнце садится за красной крышей деревенского амбара, а в душистом нежном ветре издалика слышится тонкий звон колокольцев на шеях у коров.

— Это лес. Лес состоит из деревьев.

Разве в этих звуках или в символах на бумаге есть хоть немного чувства! Нет в них ни гула ветра, вечной рекой текущего сквозь столетние могучие кроны. Нет в них запаха ели, дуба, сосны и новых листиков березы. Нет в словах ощущения, когда под твоими ногами пружинит мягкий ковер опавших лесных листьев.

Слова. Косный бездарный язык людей с обрубленными мыслями! Полная невозможность выражения мысли и чувства! Черные значки на белом фоне. Это кошка. Это собака. Кошка. Собака. Это мужчина. Это женщина. Мужчина, женщина. Машина. Лошадь. Дерево. Стол. Дети. Каждое слово ударялось в него и обрубало его собственные мысли. Ловушка со скрежетом захлопывалась и запирала его необыкновенное сознание на замок.

Каждый день она ставила его на платформу перед рядами парт.

— Паал,— говорила она снова и снова.— Скажи: Паал!

Он не мог. Он смотрел на нее, слишком мягкий, чтобы обрывать всякую связь с ней, слишком испуганный, чтобы идти к ней навстречу.

— Паал.— Костлявый палец снова и снова упирался ему в грудь.

— Паал. Паал. Паал.

Он боялся ее. Он не мог не бояться ее. В конце концов его взгляд становился пустым, он переставал замечать классную комнату и всех, кто в ней находился, и концентрировался на спасительном образе — на руках своей матери. Он знал, что это был настоящий бой. Застывший от горя, он чувствовал всем своим существом каждую новую попытку вторжения в его мысли.

— Ты не слушаешь меня, Паал Нильсен! — Мисс Франк выпалила это и изо всех сил толкнула ребенка.— Ты — тупой, невоспитанный мальчик. Ты не желаешь быть таким, как другие дети?

Ребенок смотрел на нее широко раскрытыми зелеными глазами. Никогда не целованные тонкие губы старой девы покривились от злости и сжались.

— Садись на место,— злобно процедила она.

Ребенок не шелохнулся. Она столкнула его с платформы своими жесткими пальцами.

— Садись! — крикнула она таким голосом, точно командовала упрямым глупым щенком.

Каждый день.

Она внезапно проснулась отчего-то посреди ночи. Поднялась с постели и в темноте вышла из комнаты. Гарр❖ спал, похрапывая. Она, стараясь не разбудить его, прикрыла за собой дверь спальни и, повинувшись безотчетному предчувствию, пошла в гостиную.

— Мой милый!

Он стоял у окна и глядел на улицу. Когда Кора заговорила, он вздрогнул. Огни ночных реклам осветили его лицо. На этом лице был страх.

— Мой милый, ступай спать.— Она повела мальчика в спальню, уложила в кровать и взяла в свои ладони его тонкие, холодные руки.

— Что с тобой, мой дорогой?

Он молча смотрел на нее из тьмы своими огромными, милыми, полными слез глазами.

— Ох, господи,— прошептала Кора. Она схватила его и прижала к себе — щекой к щеке.— Чего ты боишься?

В глубоком молчании ей представилась классная комната и мисс Франк, стоящая посреди нее. Этот образ явственно нарисовался в ее воображении и исчез.

— Это школа? — спросила она, но тоже не словами, а мысленно, используя тот образ, который только что мелькнул в ее сознании.

Ответ был написан на его лице.

— Но в школе тебе нечего бояться, мой милый,— сказала она,— ты...

В глазах у него снова появились слезы, и Кора порывисто обняла его. Затем она отстранила немного мальчика и, прямо глядя ему в глаза, заговорила мысленно:

«Не бойся ничего, мой милый, пожалуйста, не бойся. Я здесь, я с тобой, и я люблю тебя так сильно, что больше любить нельзя! Я люблю тебя даже больше...»

Паал откинулся на спину. Он смотрел на нее так, точно ничего не понял.

Когда автомобиль подъехал к дому, Вернер увидел, что от кухонного окна отошла какая-то женщина.

— Может быть, от вас мы что-то и узнаем о нем,— сказал шериф Уилер.— Нам он пока не сказал ни единого слова.

Они молча сидели в автомобиле. Вернер смотрел на ветровое стекло, а шериф Уилер разглядывал свои руки.

— Но вам не в чем нас упрекнуть — мы сделали для ребенка все, что посчитали наилучшим.

Вернер кивнул. Коротким и быстрым кивком.

— Я вас понимаю,— сказал он в ответ,— но до сих пор мы не получали никаких писем отсюда.

Холгер и Фанни мертвы, думал Вернер. Их смерть нелепа и ужасна. Мальчик попал в полную зависимость от людей, которые ничего в нем не могут понять. Это было даже еще ужаснее, чем смерть родителей Паала.

Уилер думал о тех письмах и о Коре. Ведь после он писал в Европу еще раз, и письма не дошли! Возможно ли, чтобы шесть писем потерялись на почте!

— Ну,— сказал, поразмыслив, Уилер.— Вы, наверное, хотите увидеть мальчика.

— Да,— ответил Вернер.

Мужчины распахнули дверцы автомобиля и вышли наружу. Они медленно шли по двору к дверям дома.

«Учили ли вы его говорить?» — хотел было спросить Вернер, но так и не осмелился. Мысль о том, что такого ребенка, как Паал, учат говорить, была настолько неприятной, что профессор боялся обдумывать ее вообще.

— Я позову сюда жену,— сказал Уилер,— а гостиная здесь.

Шериф оставил его в одиночестве, и Вернер медленно прошел из передней в гостиную. Перед этим, когда он снимал с себя мокрый плащ и вешал на вешалку, ему слышались приглушенные голоса — мужской и женский. Женский голос звучал подавленно.

Когда слышались шаги в передней, Вернер отвернулся лицом к окну.

Жена шерифа вошла в комнату под руку со своим мужем. Она вежливо улыбнулась гостю, но он уже знал, что ему здесь не рады.

— Садитесь, пожалуйста,— предложила ему женщина.

Он подождал, пока она расположится в кресле, затем сам присел на диван.

— Что вам угодно? — спросила миссис Уилер.

— Ваш муж еще ничего не сказал вам?

— Он сказал мне, кто вы такой, но он не говорил мне, для чего вы хотите увидеть Пола.

— Пола? — удивленно переспросил Вернер.

— Мы.— Ее руки нервно сцепились.— Мы поменяли его имя на «Пол». Это имя кажется мне более подходящим к фамилии Уилер.

— Да, я понимаю вас,— вежливо согласился Вернер.

Воцарилось молчание.

— Ну,— решил Вернер.— Вы желаете знать, для чего я хочу увидеть мальчика. Я постараюсь объяснить вам покороче. Десять лет тому назад в Гейдельберге,— продолжал Вернер,— четыре супружеские пары: Элкенберги, Нильсены, Калдеры и мы с женой,— решили поставить эксперимент на наших детях, которых тогда еще не было на свете. Этот эксперимент касался некоторых особенностей сознания человека. Мы предположили, что в древности все люди не пользовались сомнительными преимуществами речи, а обладали врожденной способностью к телепатии.

Кора приподнялась в своем кресле.

— Далее,— продолжал, не останавливаясь, Вернер,— что эта врожденная способность все еще дремлет в нас, но просто не используется больше нами. Но ведь если миндалины или аппендикс тоже не используются организмом, это не означает, что они вовсе бесполезны. Мы принялись за нашу работу, мы использовали в ней множество методик и обменивались ими. Мы переписывались каждый месяц, сообщая друг другу об успехах наших детей. Обучение продвигалось очень медленно. А в будущем мы планировали организовать колонию для наших подростков детей, где они могли бы жить вместе и укреплять свои телепатические способности, пока эти способности не стали бы второй природой членов этой колонии. А Паал Нильсен — один из таких детей.

Уилер выглядел совершенно удивленным.

— Это факт? — спросил он.

— Факт,— ответил ему Вернер.

Кора неподвижно сидела в кресле, глядя на высокого немца. Теперь ей было ясно, почему ей постоянно казалось, будто Паал понимает ее без слов. Она думала о его страхе перед школой и мисс Франк. Думала о том, сколько раз она поднималась с постели и приходила к нему, когда он в ней нуждался, хотя он не мог произнести ни звука.

— Что? — спросила она, увидев, что Вернер, кажется, говорит

ей что-то.

— Я спросил — можно ли мне теперь увидеть мальчика?

— Он в школе,— ответила Кора,— он будет дома в...

Она не могла договорить, потому что увидела, как страшно изменилось лицо Вернера.

— В шко-ле?! — спросил он.

— Паал Нильсен, встать.

Мальчик поднялся со своего сиденья и вышел к доске. Мисс Франк взглянула на него и заметила, что он больше похож на старика, чем на ребенка. Он поднялся на платформу и стал рядом с ней, как всегда.

— Выпрямиться,— скомандовала мисс Франк,— плечи назад!

Плечи его слабо шевельнулись, спина вздрогнула.

— Как тебя зовут? — спросила мисс Франк.

Ребенок плотно сжал губы вместе. Его мучительница снова начала кричать ему прямо в ухо несносным, пронзительным голосом:

— Как тебя зовут?

В классе стояла полная тишина, никто из детей не возился и не шептался. Но беспорядочные вихри детских мыслей кружились вокруг Паала, не оставляя его в покое.

— Твое имя,— прикрикнула мисс Франк.

Старая дева взглянула на него и вспомнила о своем собственном детстве. Ее мрачная, полусумасшедшая мать держала ее в темной и холодной передней, заставляя девочку часами сидеть за огромным круглым столом. Ее пальцы изгибались над гладкой поверхностью дерева — мать требовала, чтобы девочка помогала ей вызывать дух умершего отца.

Память об этих жутких годах все еще была с Эдной Франк. Эта память всегда была с ней. Ее мрачная и озлобленная мысль годами сплеталась и скручивалась в узлы, и в конце концов Эдна Франк стала ненавидеть все, что было связано с непонятным и необычайным, всякое нетрадиционное познание было в ее представлении злом, полным страдания и боли.

Мальчика нужно освободить от всего этого.

— Дети,— сказала она,— я хочу, чтобы вы все вместе стали думать об имени Паала.— (Она назвала нарочно не то имя, которое выбрал для ребенка шериф Уилер.) Просто думайте про себя это имя, но не произносите его вслух. Думайте про себя: Паал, Паал, Паал! Начинайте на счет «три». Поняли?

Дети уставились на нее в удивлении, кто-то кивнул.

— Да, мисс Франк,— пропищал единственный преданный ей ученик.

— Хорошо,— сказала она.— Раз, два, три!

Что-то ударило в его мысли, точно огромный таран, убивая и разбивая его сознание. Он пошатнулся на месте и открыл рот, задыхаясь.

Порыв усилился, вся детская жестокость и сила вливались в него одним кошмарным словом. Паал, Паал, Паал! Его мозг раскалился до предела, ему казалось, что сейчас он умрет.

Но на самом пике этого шквала, когда голова его уже готова была лопнуть, ужасающий напор пронзил резкий голос мисс Франк, врезавшийся в его мысли, точно скальпель:

— Скажи это! Паал!

— Он уже пришел,— сказала Кора. Она отвернулась от окна.— Пока он еще не вошел в комнату, я хочу попросить у вас прощения за свою грубость.

— Вы не были грубы со мной,— в отчаянии проговорил Вернер, — ведь я все понимаю. Конечно, вы думаете, что я приехал сюда, чтобы забрать ребенка с собой. Но до сих пор я не имею над ним никакой законной власти. Я просто хочу взглянуть на него — ведь это сын двух моих друзей, о чьей ужасной смерти я только что узнал.

Он заметил, как вздрогнуло горло у Кору. Она была расстроена и в сильнейшей панике. Конечно, это она уничтожила письма, которые писал в Европу ее муж. Вернер точно знал это, но не сказал об этом ни слова. Он понял, что шериф тоже обо всем догадался. Он был очень взволнован именно этим, шериф Уилер.

Они слышали шаги Паала в передней.

— Он больше никогда не пойдет в школу,— сказала Кора.

— Может быть, в этом даже не будет никакой необходимости,— ответил ей Вернер, глядя вперед, на входную дверь.

Он почувствовал, что сердце у него забилося быстрее, и пальцы его нервно забарабанили по колену. Вернер послал мальчику мысленный сигнал. Этот сигнал знали все четыре пары, и он был чем-то вроде пароля.

«Телепатия — это способ связи для передачи всех видов мыслей другому, независимо от общепринятых каналов сознания».

Вернер дважды повторил пароль, прежде чем входная дверь отворилась.

Паал неподвижно стоял на пороге комнаты.

Вернер поискал ответа в глазах мальчика, но в них таилось только неопределенное смущение и страх. Затуманенное лицо Вернера пронеслось в мыслях ребенка. В его сознании все эти люди, безусловно, существовали — Вернер, Элкенберг, Калдер, их дети и жены. Но теперь все эти образы были точно под замком, который не желал отпираться. Лицо Вернера исчезло.

— Паал, это мистер Вернер,— сказала Кора.

Вернер молчал. Он снова послал мальчику пароль — так прямо и четко, что Паал не смог бы его пропустить. Вернеру стало ясно, что ребенок не понимает его и ничего не может ему сообщить. Паал будто бы подозревал, что нечто происходит, но не мог разобраться, что же именно.

Лицо мальчика стало еще более смущенным и испуганным. Кора глядела то на мальчика, то на Вернера. Почему Вернер молчит? Она хотела сказать что-нибудь, но тут же вспомнила, о чем только что рассказывал немец, и промолчала.

— Скажите, что же...— начал было Уилер, но Кора сделала ему предостерегающий жест рукой, и он оборвал себя на полуслове.

— Паал, думать! — мысленно приказал Вернер.— Где твои мысли, малыш?

Неожиданно ребенок горько и громко зарыдал. Вернер вздрогнул.

— Меня зовут Паал,— сказал мальчик.

Этот голос просто оледенил Вернера. Это был голос тонкий и скрипучий, точно у заводной куклы, без всякого выражения и интонации.

— Меня зовут Паал.

Он уже не мог остановиться. Казалось, что он боится остановки, а не то произойдет что-то ужасное, что-то такое, что причинит ему страшную боль.

— Меня зовут Паал. Меня зовут Паал.

Бесконечное, монотонное, страшное бормотание. Было похоже на то, что отчаявшегося и запуганного ребенка крутит какая-то неведомая сила.

— Меня зовут Паал.— Даже на руках у Кору, сквозь рыдания и всхлипывания, он твердил эти слова.

— Меня зовут Паал.— Злобно, жалобно, бесконечно.

— Меня зовут Паал. Меня зовут Паал.

Вернер в изнеможении закрыл глаза. Потерян.

Уилер предложил подвезти его к автобусной станции на машине, но Вернер отказался и сказал, что хочет пройтись. Он простился с шерифом и попросил передать свои извинения миссис Уилер, которая ушла с плачущим мальчиком в его комнату.

Бесконечный дождь, который лил без остановки последние несколько дней, неожиданно перестал, и Вернер ушел из дома шерифа, оставив там Паала Нильсена.

Все это не так уж легко рассудить, думал Вернер. Похоже, что в этой истории не было ни правых, ни виноватых. Нет, это не было тем случаем, когда зло держит верх над добром. Миссис Уилер, шериф, учительница мальчика, люди Даймон Корнерс — каждый из них был по-своему прав. Они ни о чем не подозревали, они были обескуражены тем, что родители не научили семилетнего мальчугана разговаривать. Если принять во внимание неосведомленность всех этих людей, то они поступали правильно.

Просто иногда так бывает, что зло приходит через добро, вот и все.

Нет, лучше уж было оставить все как есть. Взять Паала в Европу, к остальным детям, было бы непростительной ошибкой. Если бы Вернер захотел поступить так, не было бы ничего проще. Пары обменялись документами, по которым любой их ребенок мог быть усыновлен любой парой в случае смерти родителей ребенка. Но дальше с Паалом начались бы одни неприятности. Он был обучен сверхсознанию, а не просто рожден с этой способностью. Как выяснилось в ходе многолетней работы, все дети рождаются с неразвитой способностью к телепатии, но эту способность очень трудно развить и очень легко потерять навсегда.

Вернер опустил голову. Очень жалко. Мальчик потерял своих родителей, свой талант и даже свое имя.

На самом деле он потерял все.

Но может быть, не совсем все. Пока он шел по улице, Вернер послал свои мысли назад, к дому шерифа. Он увидел, что комнату Паала заливают яркие лучи солнца, исчезающего за крышами Даймон Корнерс. Паал прижался щекой к жене шерифа. Последний ужас потери сверхсознания еще не оставил его, но что-то смогло смягчить и облегчить все его горести. Что-то, что могла дать этому ребенку Кора Уилер, и только она.

Родители Паала не любили его. Вернер отлично знал это. Захваченные своей работой, зачарованные первыми успехами, они просто не успевали любить в Паале ребенка, маленького мальчика семи лет от роду. Доброта — да; внимание — неизменное. Но все-таки они относились к Паалу как к своему эксперименту во плоти, а не как к сыну.

Поэтому любовь Кору Уилер была для ребенка таким же откровением, как и уничтожающий страх перед звуками речи. Поэтому, когда его чудесный дар исчез, оставив на месте уникального сверхсознания сплошную рану, Кора оказалась рядом с ребенком и ее любовь залечивала его боль.

И так теперь будет всегда, пока они будут живы.

— Вы нашли того, кого искали? — спросила Вернера седая женщина за стойкой, когда он зашел в бар и спросил для себя чашечку кофе.

— Да, спасибо вам, — сказал он.

— И где же он был? — поинтересовалась женщина. Вернер улыбнулся ей.

— У себя дома,— ответил он.

Дело в шляпе

Я вышел на террасу, подальше от шумного сбора.

Сел в самый темный угол, вытянул ноги и вздохнул. Ну и скущища!

Распахнулась дверь, и на террасу вышел человек. Он едва держался на ногах. Шатаясь, подошел к перилам, облокотился о них и уставился на огни раскинувшегося перед ним города.

— О господи,— пробормотал он и провел дрожащей рукой по редким волосам. Потряс головой и вперил взор в горящий на крыше Эмпайр-стейт-билдинг фонарь. Глухо застонал, повернулся и заплетающейся походкой побрел ко мне. Споткнувшись о мои ботинки, чуть не упал.

— О-ох,— пробормотал он, плюхаясь в соседний шезлонг.— Прошу прощения, сэр.

— Ничего,— отозвался я.

— Вы позволите отнять у вас немного времени? — спросил он.

И, не дожидаясь ответа, приступил к делу.

— Послушайте,— сказал он,— я вам расскажу совершенно невероятную историю.

Он наклонился вперед и уставился на меня мутными глазами. Затем засопел, как паровоз, и рухнул обратно в шезлонг.

— Слушайте,— начал он.— Это точно... как это там: «Есть многое на свете, друг Горацио...» и так далее. Вы думаете, я пьян? Так оно и есть. А почему? В жизни не догадаетесь. Все дело в моем брате.

Началось это пару месяцев назад. Он работает начальником отдела в рекламном агентстве Дженкинса. Они ему там все в подметки не годятся... То есть... я хочу сказать... работал...

Он всхлипнул и задумчиво повторил:

— В подметки не годятся...

Вытащил из нагрудного кармана носовой платок и высморкался

так, что я даже вздрогнул. Затем снова ударился в воспоминания:

— Они все приходили к нему за советом, все. Сидит он, бывало, у себя в кабинете: на голове шляпа, ноги на столе, ботинки блестят... А они вопят: «Чарли, подсказки что-нибудь!»... А он повернет шляпу (он называл ее «думательная шляпа») и говорит: «Ребята, это надо делать так». И идеи у него всегда были — закачаешься. Какой человек!

Тут он уставился на луну и снова высморкался.

— И что?

— Какой человек,— повторил он.— Ему не было равных. Обратишься к нему — и дело в шляпе. Шутка. Как мы думали.

Я вздохнул.

— Станный был тип,— продолжал мой собеседник.— Станный.

— Ха! — сказал я.

— Как картинка из журнала мод. Точь-в-точь. Костюмы всегда сидели как влитые. Шляпы — то, что надо. Ботинки, носки — все делалось на заказ. Помню, поехали мы как-то за город: Чарли с Мирандой и мы с моей старушкой. Жаркий денек. Я снял пиджак. А он — ни в какую. Говорит, мол, мужчина без пиджака — это не мужчина.

Нашли отличное местечко: ручей, полянка, травка, есть где посидеть. Пекло невозможное. Миранда и моя жена разулись и бродили босиком по воде. Я и то к ним присоединился. Но он! Ха!

— Ха!

— Ни в какую. Представляете, я там шлепаю по воде босиком, как мальчишка, брюки подвернуты, рукава засучены. А Чарли сидит себе на лужайке, одет, как на свидание, смотрит на нас и улыбается. Мы ему кричим: «Давай к нам, Чарли, скидывай ботинки!»

«Нет,— говорит,— мужчина без ботинок — это не мужчина. Я без них и ходить-то не смогу». Тут Миранду допекло: «Никак не могу понять,— говорит,— за кого я вышла замуж: за мужчину или за платяной шкаф».

Вот таким человеком был мой брат. Вот таким.

— Конец рассказа,— намекнул я.

— Еще нет,— возразил он. Голос у него дрожал. Наверное, от ужаса.— Теперь начинается самое страшное. Помните, что я говорил насчет его одежды? Даже нижнее белье шилось на заказ.

— Угу,— сказал я.

— Однажды кто-то в конторе решил подшутить и спрятал его шляпу. Чарли, похоже, не притворялся, что без нее не может думать. Не говорил почти ничего. Так, бормотал что-то. Смотрел все время в окно и повторял: «Шляпа, шляпа». Я отвез его домой. Мы с Мирандой уложили его в постель и пошли в гостиную. Сидим, разговариваем, вдруг слышим — грохот. Мы бегом в спальню. Смотрим — Чарли лежит на полу. Помогли ему встать, а он снова падает — ноги подкашиваются. Что такое? А он повторяет: «Ботинки, ботинки». Мы посадили его на кровать. Он взял с пола ботинки, а они выпали у него из рук. Он говорит: «Перчатки, перчатки». Мы стоим и смотрим на него, ничего понять не можем. А он как закричит: «Перчатки!» Миранда перепугалась. Принесла перчатки и бросила ему на колени. Он их натянул медленно, с трудом. Потом наклонился и надел ботинки. Встал и прошелся по комнате, осторожно, словно сомневался, что ноги его выдержат. Потом говорит: «Шляпа»,— и пошел в чулан. Напялил на голову шляпу. А потом — можете себе представить? — говорит: «Какого черта ты притащил меня домой? У меня работы полно. Я сейчас поеду и уволю ту скотину, которая спрятала мою шляпу». И поехал обратно в контору. Вы мне верите?

— Почему бы и нет? — устало ответил я.

— Ну что ж,— сказал он,— я думаю, об остальном вы и сами можете догадаться. Миранда в тот день сказала: «Так вот почему этот придурок такой мямля в постели! Теперь что, каждую ночь на него шляпу напяливать?» Мне даже как-то неловко стало.— Он замолчал и вздохнул.— После того случая дела пошли совсем плохо. Без шляпы Чарли не мог думать. Без ботинок — не мог ходить, без перчаток — шевелить пальцами. Он даже летом ходил в перчатках. Врачи только руками разводили, а один психиатр вообще уехал из города после того, как Чарли побывал у него на приеме.

— Закругляйтесь,— сказал я.— Мне скоро уходить.

— Да, я уже почти закончил,— заторопился он.— Чарли становилось все хуже и хуже. Чтобы его одевать, пришлось

специально нанять человека. Миранде он совсем опротивел, и она перешла спать в другую комнату. Мой брат терял все. А потом настало то утро...

Он содрогнулся.

— Я зашел его проведать. Дверь в квартиру была распахнута настежь. А внутри — словно в склепе. Я позвал слугу Чарли. Ни звука. Прошел в спальню. Гляжу — Чарли лежит на кровати и что-то бормочет. Я, ни слова не говоря, беру шляпу и надеваю ему на голову. «Где твой слуга? — спрашиваю.— Где Миранда?» А он на меня уставился и молчит, только губы дрожат.

Я его спрашиваю: «Чарли, что случилось?»

Он отвечает: «Костюм».

Я спрашиваю: «Какой костюм? О чем ты говоришь?»

А он со слезами в голосе: «Мой костюм сегодня утром пошел вместо меня на работу».

Я подумал было, что он свихнулся.

А он объясняет: «Серый, в полоску. Я вчера его надевал. Мой слуга закричал, и я проснулся. Он смотрел в сторону гардероба. Я тоже посмотрел. О господи! Там перед зеркалом мое белье само по себе собиралось. Белая рубашка прилетела и наделась на майку, сверху — пиджак, снизу — брюки, галстук сам собой завязался. Носки и ботинки подползли под брюки. Потом рукав пиджака поднялся, взял с полки шляпу и надел ее туда, где должна быть голова. Потом шляпа сама по себе снялась. Костюм ушел. Мой слуга сбежал. Миранды нет». Чарли замолчал, и я снял с него шляпу, чтобы он мог спокойно потерять сознание. Потом вызвал «скорую».

Это случилось на прошлой неделе. Меня до сих пор трясет.

— Все? — спросил я.

— Почти,— ответил он.— Чарли в больнице, и ему становится все хуже. Сидит в серой шляпе на кровати и бормочет что-то себе под нос, а разговаривать не может даже в шляпе.

Он вытер пот со лба.

— И это еще не самое худшее. Говорят, Миранда... Говорят, у нее с этим костюмом роман. Она всем своим подружкам

рассказывает, какой он замечательный, и что Чарли как мужчина ему и в подметки не годится.

— Не может быть,— сказал я.

— Может,— сказал он.— Она сейчас там.— И он кивнул головой в сторону двери.— Недавно пришла.

Он откинулся на спинку шезлонга и замолчал. Я встал и потянулся. Мы посмотрели друг другу в глаза, и он тут же потерял сознание. А я разыскал Миранду, и мы поехали домой.

Добыча

Амелия пришла домой в четырнадцать минут седьмого. Убрав пальто в стенной шкаф, она внесла в гостиную небольшой сверток и уселась на диван. Скинула туфли, пока развязывала лежащий на коленях сверток. Извлеченная деревянная коробка напоминала гроб. Амелия подняла крышку и улыбнулась. Внутри лежала самая безобразная кукла, какую она когда-либо видела. Ростом сантиметров двадцать, вырезанная из дерева, со скелетоподобным тельцем и несоразмерно большой головой. На лице куклы застыло выражение неистовой злобы, острые зубы оскалены, глаза навывкате. В правой руке кукла сжимала копье высотой с нее. Все тело от плеч до коленей обвивала изящная золотая цепочка. Под куклой к задней стенке коробки был приколот крошечный свиток. Амелия отколола его и развернула. Бумага была исписана от руки. «Он Тот, Который Убивает,— начиналась записка.— Безжалостный охотник». Амелия улыбнулась, читая последние слова. Артур будет счастлив.

Мысль об Артуре заставила ее взглянуть на телефон, стоявший на столе рядом. Спустя некоторое время она вздохнула и положила деревянную коробку на диван. Поставив на колени телефон, она подняла трубку и набрала номер.

— Привет, мам,— сказала Амелия.

— Как, ты еще не вышла? — спросила мать.

Амелия собралась с духом.

— Мам, я знаю, что сегодня пятница...— начала она.

Закончить она не смогла. На другом конце провода повисло молчание. Амелия закрыла глаза. «Мама, умоляю»,— мысленно просила она. Она сглотнула.

— Есть один человек,— произнесла она.— Его зовут Артур Бреслоу. Он преподает в школе.

— Значит, ты не придешь,— сказала мать.

Амелия задрожала.

— У него сегодня день рождения,— сказала она. Открыла глаза и посмотрела на куклу.— Я, в общем-то, обещала ему, что мы...

проведем этот вечер вместе.

Мать молчала. «Все равно сегодня в кино нет ничего интересного»,— продолжал внутренний голос Амелии.

— Мы с тобой сходим куда-нибудь завтра вечером,— сказала она.

Мать продолжала молчать.

— Мама?

— Теперь даже ве'чера пятницы для тебя слишком много.

— Мама, мы с тобой видимся два-три раза в неделю.

— Приходишь в гости,— сказала мать.— Хотя у тебя здесь есть своя комната.

— Мама, не начинай все сначала,— сказала Амелия. «Я не ребенок,— подумала она.— Прекрати обращаться со мной так, словно я ребенок!»

— Сколько ты с ним уже встречаешься? — спросила мать.

— Примерно месяц.

— И ничего мне не сказала,— произнесла мать.

— Я как раз собиралась тебе рассказать.— У Амелии начала гудеть голова. «Нет, голова у меня не заболит!» — сказала она себе. Она взглянула на куклу. Та как будто пристально рассматривала ее.— Он очень милый человек, мама,— сказала Амелия.

Мать ничего не ответила. Амелия почувствовала, как каменеют мышцы живота. «Сегодня вечером есть я уже не смогу»,— подумала она.

Она внезапно поняла, что вся съежилась над телефоном. Амелия заставила себя сесть прямо. «Мне тридцать три года»,— подумала она. Протянув руку, она вынула куклу из коробки.

— Видела бы ты, что я купила ему в подарок,— сказала Амелия. — Нашла в сувенирном магазине на Третьей авеню. Настоящая кукла-фетиш племени зуни^[21], ужасно редкая. Артур просто помешан на антропологии. Поэтому я ее и купила.

В трубке царило молчание. «Ну и ладно, ну и не разговаривай»,— подумала Амелия.

— Это охотничий фетиш,— продолжала она, изо всех сил стараясь говорить непринужденно.— Предполагается, что внутри куклы заточен дух охотника зуні. Все тело обмотано золотой цепочкой, чтобы не позволить духу...— она не смогла подобрать слово, провела дрожащим пальцем по цепочке,— вырваться на свободу, кажется так,— завершила она.— Его зовут Тот, Который Убивает. Видела бы ты его лицо.— Она чувствовала, как теплые слезы катятся по щекам.

— Счастливо повеселиться,— сказала ее мать, вешая трубку.

Амелия смотрела на трубку, слушая гудки. «Ну почему вечно все вот так?» — думала она. Она уронила трубку на рычаг и отставила телефон. Темнеющая комната расплывалась перед глазами. Она поставила куклу на край кофейного столика и поднялась. «Сейчас я приму ванну,— сказала она себе.— Я встречу с ним, и мы прекрасно проведем время». Она прошла через комнату. «Прекрасно проведем время»,— гулко повторил разум. Она знала, что ничего не получится. «Ну, мама!» — подумала она. Сжала в бессильной ярости кулаки и вошла в ванную.

А в гостиной кукла упала с края кофейного столика. Наконечник копья вонзился в ковер, и кукла замерла вверх тормашками.

Изящная золотая цепочка стала сползать вниз.

За окном почти стемнело, когда Амелия вернулась в гостиную. Она сняла одежду и надела махровый халат. В ванной набиралась вода.

Она присела на диван и поставила телефон на колени. Смотрела на него несколько минут. Наконец, тяжело вздохнув, она подняла трубку и набрала номер.

— Артур? — произнесла она, когда он поднял трубку.

— Да?

Амелии был знаком этот тон, любезный, но слегка подозрительный. Она не могла говорить.

— Твоя мать,— произнес наконец Артур.

Какая тяжесть и холод в животе.

— Мы должны были сегодня встретиться,— пояснила она.— Каждую пятницу...— Она замолчала и подождала. Артур молчал.— Я

уже как-то говорила об этом.

— Я помню, что ты говорила,— сказал он.

Амелия потерла висок.

— Похоже, она по-прежнему управляет твоей жизнью? — сказал он.

Она напряглась.

— Просто я не хочу еще больше расстраивать ее,— сказала Амелия.— Мой переезд и так был для нее тяжелым ударом.

— Я тоже не хочу ее расстраивать,— заверил Артур.— Но сколько у меня дней рождения в году? Мы же договорились.

— Я знаю.— Она ощутила, как мышцы живота снова начали каменеть.

— Ты действительно позволишь ей так с тобой поступить? — спросил Артур.— В одну-единственную пятницу в году?

Амелия закрыла глаза. Ее губы беззвучно шевелились. «Я просто не могу еще больше ее расстраивать»,— подумала Амелия. Она сглотнула комок в горле.

— Она моя мать,— произнесла она.

— Очень хорошо,— сказал он.— Прошу прощения. Я так ждал этого дня, но...— Он помолчал.— Извини,— сказал он. И быстро повесил трубку.

Амелия долго сидела в тишине, прислушиваясь к гудкам. Она вздрогнула, когда раздался записанный на пленку голос:

— Повесьте, пожалуйста, трубку.

Положив трубку, она поставила телефон на стол. «А я так старалась с подарком»,— подумала она. Теперь уже нет смысла вручать его Артуру. Протянув руку, она включила лампу на столе. Завтра же она отнесет куклу обратно.

Куклы на кофейном столике не было. Опустив глаза, она увидела на ковре золотую цепочку. Амелия соскользнула с дивана и встала на колени, подняла цепочку и положила ее в деревянную коробку. Под столиком куклы тоже не оказалось. Наклонившись, Амелия пошарила под диваном.

Вскрикнув, отдернула руку. Она выпрямилась, развернулась к лампе и посмотрела на указательный палец. Изпод ногтя что-то торчало. Она вздрогнула, вынимая это что-то. Наконечник кукольного копья. Она бросила его в коробку и пососала палец. Снова наклонившись, она осторожно провела рукой под диваном.

Куклы она не нашла. Поднявшись с усталым стоном, она начала отодвигать диван от стены. Диван был ужасно тяжелый. Она вспомнила тот вечер, когда они с матерью отправились в мебельный магазин. Ей хотелось обставить комнату современной датской мебелью. Мать же настояла на этом тяжелом кленовом диване — он продавался со скидкой. Амелия стонала, оттаскивая его. Тут до нее донесся шум текущей в ванной воды. Надо бы уже выключить.

Она осмотрела открывшуюся взгляду часть ковра, заметила древко копья. Куклы рядом не было. Амелия подняла копье и положила на кофейный столик. Кукла застряла под диваном, решила она, и когда она перетаскивала диван, она перетащила вместе с ним и куклу.

Ей показалось, она услышала за спиной какой-то звук — легкий, быстрый топот ног. Амелия обернулась. Звук пропал. Она ощутила, как холодок поднимается по ногам.

— Это Тот, Который Убивает,— сказала она, улыбнувшись.— Он снял с себя золотую цепь и убежал...

Она вдруг замолчала. Из кухни явственно доносился какой-то шум. Металлический скрежет. Амелия нервно сглотнула. «Что же происходит?» — подумала она. Она прошла через гостиную, приблизилась к двери в кухню, включила свет. Заглянула внутрь. С виду все как обычно. Взгляд робко прошелся по плите с кастрюлей, по столу и стульям, по ящикам и дверцам, по электрическим часам, маленькому холодильнику с лежащей на нем кулинарной книгой, по картине на стене, по держателю для ножей, привинченному к боку шкафчика...

...маленького ножика не хватало.

Амелия смотрела на держатель. «Не глупи»,— велела она себе. Она просто положила нож в стол, вот и все. Она вошла в кухню и выдвинула ящик со столовыми приборами. Ножа там не было.

Новый звук заставил ее немедленно перевести взгляд на пол. Она вскрикнула от изумления. Несколько мгновений Амелия стояла,

замерев на месте, затем, шагнув к двери, она заглянула в комнату, сердце у нее тяжело колотилось. Неужели это игра воображения? Она была уверена, что уловила какое-то движение.

— Ну, хватит уже,— сказала она себе. После чего презрительно фыркнула. Ничего она не видела.

У дальней стены комнаты погасла лампа.

Амелия так вздрогнула от неожиданности, что ударилась правым локтем о ручку двери. Вскрикнув, она схватилась за локоть левой рукой, глаза на мгновение закрылись, лицо превратилось в гримасу боли.

Она открыла глаза и заглянула в темную гостиную.

— Ну, хватит уже,— повторила она себе с раздражением. Какого-то шороха и перегоревшей лампочки явно недостаточно для такой глупости, как...

Она прогнала от себя мысль. Надо пойти выключить воду. Выйдя из кухни, она пошла по коридору. На ходу она, морщась, потирала локоть.

Снова какой-то шум. Амелия замерла. Что-то двигалось к ней по ковру. Она уставилась на пол. «Нет»,— подумала она.

А потом она увидела — стремительное движение на уровне ковра. Сверкнул металл, и сейчас же правую голень пронзила боль. Амелия ахнула. Не глядя, ударила ногой. Снова боль. Она чувствовала, как по коже струится горячая кровь. Амелия развернулась и кинулась в прихожую. Ковер под ногами дернулся, ее отбросило к стене, жгучая боль затопила правую щиколотку. Она схватилась за стену, чтобы не упасть, привалилась к ней боком. Она озиралась, рыдая от страха.

Новое движение, темная тень на темном фоне. Боль в левой лодыжке, потом снова в правой. Амелия закричала. Что-то задело ее по бедру. Она отшатнулась назад, взмахнула рукой, снова чуть не упала. Она силилась сохранить равновесие, судорожно взмахивая руками. Пятка левой ноги уперлась в стену, позволив устоять. Она развернулась и кинулась в темную спальню. Захлопнув дверь, она привалилась к ней, тяжело дыша. Что-то колотилось в дверь с другой стороны, что-то маленькое, на уровне пола.

Амелия прислушалась, стараясь не дышать слишком шумно. Она

осторожно потянула за ручку, чтобы проверить, что замок успел защелкнуться. Когда за дверью все затихло, она попятилась к кровати. Вздогнула, упершись в край матраса. Опустившись на постель, она схватила телефон, который был здесь, и поставила на колени. Кому звонить? В полицию? Там решат, что она сумасшедшая. Матери? Она слишком далеко.

Она набирала номер Артура в свете от ванной, когда ручка двери начала поворачиваться. Ее пальцы онемели. Она посмотрела на другой конец темной комнаты. Замок на двери щелкнул. Телефон соскользнул с колен. Она услышала стук удара о ковер, когда дверь начала открываться. Что-то отцепилось от дверной ручки.

Амелия отпрянула назад, подтянув ноги наверх. Какая-то тень суетливо пробежала по ковро к кровати. Она смотрела, разинув рот. «Этого не может быть»,— подумала она. Амелия обмерла, почувствовав, как что-то дергает за покрывало. Оно лезет на кровать, чтобы добраться до нее. «Нет,— подумала Амелия,— этого не может быть!» Она не могла пошевелиться. Она смотрела на край матраса.

Показалось нечто, похожее на маленькую головку. Амелия дернулась с испуганным криком, спешно переползла к другому концу кровати и спрыгнула на пол. Влетев в ванную, она развернулась и захлопнула дверь, стеноя от боли в лодыжке. Она едва успела нажать большим пальцем кнопку на ручке, как что-то ударилось в нижнюю часть двери. Амелия услышала звук, похожий на скребущуюся крысу. А потом все затихло.

Она склонилась над ванной. Та была уже почти полной. Когда Амелия потянулась, чтобы закрыть краны, она увидела в воде расплывающиеся капли крови. Она повернулась к зеркальному шкафчику над раковиной.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела порез на шее. Амелия зажала рану трясущейся рукой. Вдруг она осознала и боль в ногах и опустила глаза. Обе ноги были порезаны на уровне щиколотки. Кровь стекала по пяткам на пол. Амелия заплакала. Кровь из шеи бежала между пальцами. Стекала струйками по запястью. Она взглянула на свое отражение сквозь пелену слез.

Что-то в собственном отражении ее возмутило: перепуганный взгляд затравленной жертвы. «Нет»,— подумала она. Амелия протянула руку к дверце аптечки. Открыв ее, она достала йод, бинт,

пластырь. Опустила крышку унитаза и осторожно села на край. Ей пришлось потрудиться, чтобы открыть бутылочку с йодом. Она трижды стукнула ее о раковину, прежде чем пробка поддалась.

Она зашипела от боли, когда йод начал жечь ноги. Стиснув зубы, Амелия стала обматывать бинтом правую лодыжку.

Какой-то звук заставил ее обернуться к двери. Она увидела, как в промежуток между дверью и полом просунулось лезвие ножа. «Он пытается проткнуть мне ноги,— подумала она,— он думает, что я стою прямо за дверью». Подобные рассуждения показались ей совершенно нереальными. «Он Тот, Который Убивает,— всплыли внезапно слова из свитка.— Беспощадный охотник». Амелия смотрела на мелькающее лезвие. «Боже»,— думала она.

Она торопливо забинтовала обе ноги, затем встала и, глядя в зеркало, полотенцем смыла кровь с шеи. Прижгла йодом порез, шипя от пронзительной боли.

Она обернулась на новый звук, ощущая, как прыгает в груди сердце. Амелия шагнула к двери и прижалась к ней, напряженно прислушиваясь. На высоте ручки раздавалось металлическое позвякивание.

«Кукла пытается отжать кнопку».

Амелия медленно попятилась, не сводя глаз с дверной ручки. Она попыталась представить себе куклу. Наверное, та висит на ручке, зацепившись одной рукой, а ножом, зажатым в другой руке, ковыряет замок? Совершенно безумный образ. Она ощутила, как волосы на затылке становятся дыбом. «Нельзя его впускать»,— подумала она.

Она оскалилась, испустив сиплый крик, когда кнопка в дверной ручке выскочила наружу. Поддавшись импульсу, Амелия схватила с вешалки банное полотенце. Ручка на двери повернулась, запор щелкнул. Дверь начала открываться.

И внезапно в ванную ринулась кукла. Она двигалась так быстро, что ее фигура расплывалась перед глазами. Амелия с силой ударила полотенцем, словно на нее напал огромный жук. Охотник отлетел к стене. Амелия бросила в него полотенце и кинулась к двери, постанывая от боли в лодыжках. Распахнув дверь, она выскочила в спальню.

Она была почти у двери в коридор, когда лодыжка подвела.

Амелия с испуганным криком растянулась на ковре. За спиной послышался шум. Развернувшись на спину, она увидела, что кукла, подпрыгивая, словно паук-скакун, выбегает из двери ванной. В свете лампочки блеснуло лезвие ножа. Затем кукла скрылась в тени, стремительно приближаясь к ней. Амелия поползла спиной вперед. Она обернулась через плечо, увидела чулан, заползла в его темноту и потянулась к ручке дверцы.

Снова боль, обжигающий порез в ноге. Амелия закричала и отпрянула назад. Вскинув руку, она сдернула с вешалки пальто. Пальто упало на куклу. Амелия принялась швырять в нее все, что попадалось под руку. Кукла была погребена под ворохом блузок, юбок и платьев. Амелия перевалилась через шевелящуюся гору тряпок. Она заставила себя встать на ноги и изо всех сил броситься в прихожую. Звук рвущейся на полу ткани затих. Амелия кинулась к входной двери. Отперев ее, она повернула ручку.

Дверь не открывалась. Амелия быстро протянула руки к засову. Он был задвинут. Она попыталась отодвинуть его. Засов не поддавался. Она вцепилась в него, охваченная паникой. Руки соскальзывали.

— Нет,— пробормотала Амелия. Она в ловушке.— О господи! — Она принялась колотить в дверь.— Помогите! Помогите!

Шум в спальне. Амелия развернулась и метнулась в гостиную. Упала на колени перед диваном, схватила за телефон, но пальцы так дрожали, что она не смогла набрать номер. Она начала рыдать, затем обернулась со сдавленным криком. Кукла неслась на нее из коридора.

Амелия схватила с кофейного столика пепельницу и запустила ею в охотника. Она швырнула вазу, деревянную коробку, статуэтку. Она не могла попасть в куклу. Та добралась до нее и принялась колоть ножом ноги. Амелия, не разбирая дороги, попятилась назад и упала на кофейный столик. Встав на колени, она снова поднялась. Она бросилась в сторону коридора, роняя на ходу мебель, чтобы задержать куклу. Перевернула стул, стол. Схватила лампу, разбила об пол. Выскочила в коридор, развернулась, кинулась в стенной шкаф, захлопнула за собой дверь.

Вцепилась онемевшими пальцами в ручку. Волны жара омывали лицо изнутри. Она закричала, когда нож просунулся под дверь, и

острый кончик впился в палец ноги. Она отшатнулась назад, цепляясь за ручку двери. Халат распахнулся. Она ощутила, как между грудей струится кровь. От боли ноги потеряли чувствительность. Она закрыла глаза. «Умоляю, кто-нибудь, помогите»,— подумала она.

Она похолодела, когда ручка дверцы начала поворачиваться у нее под пальцами. Не может кукла быть сильнее ее, просто не может! Амелия усилила хватку. «Умоляю»,— думала она. Виском она ударилась о край чемодана, лежащего на полке.

Ее осенило. Удерживая ручку правой рукой, она неловко вскинула левую. Замки чемодана были открыты. Внезапным рывком она повернула ручку и со всей силы распахнула дверь. Послышался удар о стену и об пол.

Амелия быстро стянула с полки чемодан и, откинув крышку, упала на колени, держа чемодан, словно раскрытую книгу корешком к себе. Она собралась с духом, глаза широко раскрыты, зубы стиснуты. Она ощутила удар — кукла наткнулась на бегу на дно чемодана. В тот же миг Амелия захлопнула крышку и швырнула чемодан на пол. Навалившись всем телом, она нажимала на крышку, пока трясущиеся руки не застегнули замки. Когда защелкнулся последний, она зарыдала от облегчения. Амелия оттолкнула чемодан. Он проехал по полу и ударился о стену. Амелия с трудом встала на ноги, стараясь не слушать безумные удары и скрежет внутри чемодана.

Она включила в прихожей свет и снова попыталась отодвинуть засов. Тот безнадежно заклинило. Она развернулась и пробежала через гостиную, глядя себе под ноги. Повязки на лодыжках сползли. Обе ноги были в запекшейся крови, некоторые порезы еще кровоточили. Она провела рукой по шее. Рана все еще сочилась кровью. Амелия сжала трясущиеся губы. Надо как можно скорее попасть к врачу.

Вынув из ящика кухонного стола нож для колки льда, она вернулась в прихожую. Пилящий скрежет заставил ее взглянуть на чемодан. У нее перехватило дыхание. Из бока чемодана высовывалось лезвие ножа, которое двигалось вверх-вниз, пропиливая дыру. Амелия смотрела на него. Ей казалось, что все ее тело превратилось в камень.

Она бросилась к чемодану и упала рядом с ним на колени, глядя

в оцепенении на мелькающее лезвие. Оно было испачкано кровью. Амелия попыталась схватить его левой рукой, выдернуть его. Лезвие вырвалось, ушло вниз, и она вскрикнула, отдергивая руку. На большом пальце остался глубокий порез. Кровь потекла по ладони. Амелия прижала палец к халату. Ей казалось, что из ее разума начисто вытерли все мысли.

Рывком встав на ноги, она поковыляла к двери и принялась дергать засов. Но он так и не поддавался. Большой палец саднил. Она вставила нож для колки льда под засов и попыталась отжать его. Кончик ножа сломался. Амелия пошатнулась и едва не упала. Она отскочила, заливаясь слезами. Нет времени, совсем нет времени. Она в отчаянии озиралась по сторонам.

Окно! Можно ведь выбросить чемодан наружу! Она представила, как он падает в темноте. Амелия поспешно отбросила нож, повернулась к чемодану.

И застыла. Из дыры в чемодане показались голова и плечи. Амелия наблюдала, как охотник силится выскочить наружу. Она не могла пошевелиться. Дергающаяся кукла уставилась на нее. «Нет,— думала она,— это неправда». Кукла высвободила ноги и спрыгнула на пол.

Амелия отскочила в сторону и вбежала в гостиную. Правой ногой она наступила на осколок статуэтки. Она почувствовала, как он глубоко впивается в ногу, и лишилась равновесия. Упав на бок, она огляделась. Кукла прыжками неслась к ней. Она видела, как сверкает лезвие ножа. Амелия бешено дернула ногой, отшвырнув куклу назад. Задышавшись, вскочила на ноги, забежала в кухню, развернулась и начала закрывать дверь.

Что-то мешало ее закрыть. Амелии показалось, она услышала у себя в голове крик. Посмотрев вниз, она увидела нож и крошечную деревянную руку. Это рука куклы вклинилась между дверью и косяком! Амелия навалилась на дверь всем весом, поражаясь той силе, с какой на дверь нажимали с другой стороны. Раздался треск. Крик в голове сделался громче, он перекрывал треск ломающегося дерева.

Зазвенел упавший нож. Амелия опустилась на колени и потянула его к себе. Она взяла нож, отломанная деревянная кисть с запястьем соскользнули с рукояти. Борясь с дурнотой, она с трудом поднялась

на ноги и кинула нож в раковину. Дверь больно ударила ее в бок, охотник ворвался в кухню.

Амелия отпрянула от него. Схватив стул, она запустила им в куклу. Та отпрыгнула в сторону, затем обогнула упавший стул. Амелия схватила с плиты кастрюлю и швырнула ее на пол. Кастрюля с грохотом приземлилась, заливая куклу водой.

Амелия посмотрела на куклу. Та больше не наступала на нее. Охотник хотел забраться в раковину, подпрыгивая и пытаясь схватиться за край стола одной рукой. «Он хочет получить обратно нож,— поняла она.— Он хочет добраться до своего оружия».

И вдруг она придумала, что делать. Шагнув к плите, она откинула дверцу духовки и до упора повернула газовый кран. Она услышала, как шумно вспыхнул огонь, когда поворачивалась, чтобы схватить куклу.

Она закричала, когда кукла начала выворачиваться и брыкаться, от бешеных рывков охотника Амелию мотало по всей кухне. Крик снова заполнил ее разум, и она внезапно поняла, что это кричит дух, заточенный в кукле. Она поскользнулась и ударилась о стол, обогнула его, упала на колени рядом с духовкой, зашвырнула куклу внутрь. Захлопнула дверцу и навалилась на нее.

Дверцу едва не вынесло. Амелия нажимала плечом, затем спиной, уперлась ногами в стену. Она старалась не обращать внимания на то, как кукла бьется в духовке. Она смотрела, как алая кровь толчками вырывается из стопы. Амелия почувствовала запах горящего дерева и закрыла глаза. Дверца духовки становилась все горячее. Она осторожно пошевелилась. Грохот и толчки отдавались в ушах. Крик заполнял сознание. Она понимала, что на спине будет ожог, но не могла ослабить нажим. Запах горелого дерева сделался сильнее. Ноги ужасно болели.

Амелия взглянула на настенные часы. Без четырех минут семь. Она наблюдала, как красная секундная стрелка медленно передвигается по кругу. Прошла минута. Крик в голове постепенно затихал. Она неловко заерзала, стискивая зубы от жжения в спине.

Прошла еще минута. Грохот и толчки прекратились. Крик становился все слабее. Запах гари наполнял кухню. По воздуху расползлся серый дым. «Вот теперь они появятся,— подумала Амелия.— Теперь, когда все кончено, кто-нибудь придет на помощь.

Так всегда бывает».

Она начала понемногу отодвигаться от дверцы духовки, готовая, если что, снова навалиться на нее. Она развернулась и встала на колени. От вони горелого дерева ее мутило. Но она все равно должна была проверить. Протянув руку, она открыла дверцу духовки.

Что-то черное и удушливое метнулось к ней, она снова услышала в голове крик, когда жар охватил ее снаружи и изнутри. Только на этот раз это был победный крик.

Амелия встала и выключила духовку. Взяла из ящика щипцы для льда и вынула почерневшую искореженную деревяшку. Кинула ее в раковину и пустила воду, дожидаясь, пока перестанет валить пар. Затем она прошла в спальню, подняла телефон и прижала рычажки. Через минуту отпустила их и набрала номер матери.

— Это Амелия, мама,— сказала она.— Прости, что я так себя вела. Я хочу встретиться с тобой сегодня. Правда, уже несколько поздно. Может, ты приедешь ко мне и мы пойдем прямо отсюда? — Она выслушала ответ.— Прекрасно,— сказала она.— Жду тебя.

Повесив трубку, она вернулась на кухню, где вынула из держателя для ножей самый длинный из них. Подошла к входной двери и отодвинула засов, который теперь двигался совершенно свободно. Она пошла с ножом в гостиную, скинула халат и протанцевала танец охотника, танец радости охоты, радости предстоящего убийства.

Затем она села в углу, скрестив ноги. Тот, Который Убивает сел в углу, скрестив ноги, дожидаясь в темноте, когда появится добыча.

Зов смерти

Предлагаю вашему вниманию рукопись, присланную к нам в канцелярию около месяца назад. Никаких данных, подтверждающих описанные в ней события, не имеется. Судить о ее правдивости предстоит самому читателю.

*Сэмюэль Д. Мэчилдон, секретарь
Общества психических исследований*

Произошло это много лет тому назад. Мы с братом еще в детстве пленились пустующим домом Слотера. Сколько мы себя помнили, в одном из пыльных окон его первого этажа висело пожелтевшее от времени объявление: «Продается». И с мальчишеским пылом мы поклялись однажды, что обязательно сорвем его, когда вырастем. Мы выросли, а желание не прошло. Обоих привлекала Викторианская эпоха. Живопись моего брата Сола вполне отвечала духу того светлого и жизнерадостного копирования природы, которым так любили заниматься художники XIX века. И мои писательские труды, хотя и далекие от совершенства, страдавшие многословием, отличались тем кропотливым вниманием к мелочам и той витиеватостью сло© Перевод И. Шаргородской. га, что модернистами были заклеены как скучные и ремесленные.

Могло ли в таком случае найтись для творческой работы пристанище лучше, чем дом Слотера — строение, от фундамента до венца отвечавшее всем нашим сокровенным пристрастиям? Нет, решили мы, и незамедлительно приступили к делу.

Скромных средств, получаемых нами ежегодно по завещанию покойных родителей, на покупку дома должно было хватить, потому что он требовал ремонта, да к тому же туда не было проведено электричество.

А еще ходили слухи, которым мы, конечно, не верили, о водившихся в нем привидениях. Соседские ребяташки наперебой делились душераздирающими историями о встречах с великим множеством призраков. Мы же лишь посмеивались над их неумной фантазией, уверенные, что затеяли дело выгодное и полезное.

В агентстве по торговле недвижимостью нас встретили с восторгом. Дом Слотера успели уже вычеркнуть из реестров, утратив надежду его продать. Поэтому мы быстро достигли взаимовыгодного соглашения и тем же вечером перевезли свои пожитки из тесноватой квартиры в новое, относительно просторное жилье.

Следующие несколько дней пришлось посвятить самой неотложной работе — уборке. Задача оказалась куда трудней, чем выглядела поначалу. Повсюду в доме толстым слоем лежала пыль. И при попытке ее стереть вздымалась густыми клубами, похожими на

восставшие духи самого запустения. Мы с братом решили даже, что таким образом можно объяснить многие видения призраков.

Вдобавок к вездесущей пыли все стеклянные поверхности, начиная с окон первого этажа и заканчивая зеркалами в серебряных рамах, висевшими в ванной комнате на втором, покрывала грязь. Требовалось укрепить расшатанные лестничные перила, привести в порядок дверные замки, выколотить вековую пыль из ковров и много чего сделать еще, чтобы дом наконец стал пригодным для жилья.

Но даже при всей его ветхости и запущенности покупка наша казалась несомненной удачей. Дом был полностью обставлен, более того, обставлен в прелестных традициях начала 1900-х годов. Проветренный, отмытый и выскобленный сверху донизу, выглядел он великолепно и очаровал нас с братом окончательно. Роскошные темные портьеры, узорчатые ковры, элегантная мебель, спинет с пожелтевшими клавишами — все здесь было совершенством, вплоть до последней детали, каковой являлся портрет красивой молодой женщины, висевший в гостиной над камином.

Увидев этот портрет впервые, мы с братом онемели, пораженные мастерством художника. Затем, расхвалив его технику, Сол увлеченно принялся строить вместе со мной догадки относительно позировавшей ему женщины.

Остановились мы на предположении, что это была дочь или жена последнего владельца дома, носившего фамилию Слотер,— больше мы о нем ничего не знали.

Прошла неделя, за ней другая. Первоначальные восторги улеглись, вытесненные повседневными заботами и напряженными творческими трудами.

Вставали мы в девять, завтракали в столовой и принимались за работу, я — в собственной спальне, брат — в солярии, оборудованном нами под мастерскую. Так и проводили утро, занимаясь каждый своим делом, мирно и не без пользы. В два часа встречались за вторым завтраком, скромным, но подкреплявшим наши силы, и вновь возвращались к работе.

Заканчивали около четырех, после чего сходились выпить чаю и побеседовать о том о сем в элегантной гостиной. Работать к тому времени становилось уже невозможно, поскольку на город опускался

покров вечерних сумерек. А электричество в дом мы решили не проводить — как из соображений экономии, так и по более возвышенным причинам, эстетическим.

Ни за что на свете не желали мы разрушить хрупкое обаяние нашего дома слишком ярким и резким электрическим освещением. И поэтому отдали предпочтение свечам, при свете которых и играли обычно по вечерам в шахматы. Мы слушали тишину, не оскверненную назойливым бормотанием радио, ели хлеб, не подсушенный в тостере, пили вино, охлажденное в старинном леднике. Сол наслаждался, как и я, иллюзией жизни в прошлом. И большего нам не требовалось.

Но через некоторое время начались... странности. Нечто мимолетное, беспричинное, непонятное.

На лестнице, в прихожей, в комнатах и меня, и брата — будь мы вместе при этом или поодиночке — настигало вдруг загадочное ощущение, которое тут же и проходило. Но было при этом совершенно явственным.

Трудно передать его в точности. Мы словно что-то слышали, хотя не раздавалось ни звука, или видели, хотя ничто не мелькало перед глазами. То было впечатление трепетного движения, легкого и пугливого, недоступного для восприятия физическими органами чувств и тем не менее какимто образом воспринимаемого.

Объяснения ему не имелось. На самом деле мы и не говорили о таких случаях друг с другом. Слишком уж невнятным было ощущение, чтобы его обсуждать или хотя бы пытаться облечь в слова. Как ни тревожило оно нас, сравнения ему с любым другим чувством не находилось, да и не могло найтись. Даже самые абстрактные из всех мысленных построений ни в малой мере не отвечали тому, что мы в такие мгновения испытывали.

Иногда я видел, как Сол украдкой оглядывается или поводит перед собою рукой в пустом пространстве, словно надеясь коснуться какого-то невидимого существа. Иногда он заставлял за тем же самым меня. И мы, без слов догадываясь, в чем дело, смущенно улыбались друг другу.

Но вскоре перестали улыбаться. Как будто опасались, что насмешка над неизвестным вынудит его доказать нам свое существование на деле. Нет, суеверными мы не были. И ни

малейшего интереса к мистике не питали, иначе никогда не купили бы дом, над которым, по слухам, тяготело проклятие. Тем не менее он казался наделенным какой-то загадочной силой.

По ночам я часто просыпался и лежал без сна, зная неведомо откуда, что Сол у себя в спальне тоже проснулся и оба мы прислушиваемся в ожидании, прекрасно понимая, чего именно ждем — явления неизвестного, которое вскоре должно произойти.

И оно произошло.

II

Минуло, пожалуй, месяца полтора с тех пор, как мы перебрались в дом Слотера, когда впервые дали о себе знать его таинственные невидимые обитатели.

Я был в тесной кухоньке, готовил на газовой плите ужин, а брат тем временем накрывал на стол. Он постелил скатерть, поставил две тарелки, разложил серебряные приборы. Зажег шесть свечей в канделябре, и на белоснежной скатерти заиграли отбрасываемые ими тени.

Потом он начал выставлять на стол чашки с блюдами, а я отвернулся к плите. Убавив под отбивными огонь, открыл ледник, чтобы достать вино, и тут услышал, как Сол негромко ахнул и как упало что-то с глухим стуком на ковер. Я торопливо выскочил из кухни.

На полу лежала чашка с отбившейся при падении ручкой. Подняв ее, я взглянул на брата.

Сол стоял спиной к арке, ведущей в гостиную, и держался правой рукой за щеку. Красивое лицо его было искажено изумлением.

— Что случилось? — спросил я, поставив чашку на стол.

Он молча посмотрел на меня, и я увидел, что его рука, прижатая к побледневшей щеке, дрожит.

— Сол, что случилось?

— Кто-то... — сказал он наконец, — кто-то ко мне прикоснулся.

Я даже рот открыл от удивления.

В глубине души я ожидал чего-то подобного. Как и мой брат. Но сейчас, когда это и впрямь произошло, нас обоих словно придавила навалившаяся на плечи тяжесть.

Мы застыли в молчании. Возможно ли передать наши ощущения? Казалось, нечто почти осязаемое обвивает нас, как змея, и медленно сдавливает, стремясь задушить. Грудь Сола судорожно поднималась и опускалась, и сам я силился поймать хотя бы глоток воздуха.

Через мгновение жуткий вакуум исчез, страх отступил. Я заставил себя заговорить, чтобы окончательно прогнать наваждение.

— Может, тебе показалось? — спросил я.

Брат сглотнул вставший в горле ком. Попытался улыбнуться, но улыбка вышла скорее испуганной, чем веселой.

— Надеюсь,— ответил он.

И с заметным усилием улыбнулся шире.

— Неужели это правда? — сказал он с наигранной шутливостью.
— Неужели мы и впрямь сваяли такого дурака, что купили дом с привидениями?

Я тоже постарался сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Но не слишком удачно, да и самого меня деланное хладнокровие брата обмануть не могло. Мы оба были излишне чувствительны от рождения, каковое выпало мне на долю двадцать семь лет тому назад, а Солу — двадцать пять. И обоих нас случившееся глубоко потрясло.

Больше мы об этом не говорили. Из-за дурных предчувствий или простого нежелания — сказать трудно. После ужина, который доставил мало удовольствия, остаток вечера мы провели за не клеившейся игрой в карты. И, под влиянием пережитого страха, я заметил, что иметь на всякий случай электричество в доме нам, пожалуй, не помешает.

Однако Сол высмеял мою готовность сдаться и заступился за тусклый свет свечей с большим жаром, чем можно было бы ожидать после случившегося. Впрочем, настаивать на своем я не стал.

По спальням мы разошлись, как всегда, рано. Но, перед тем как пожелать мне спокойной ночи, Сол сказал нечто странное. Я уже открывал дверь своей комнаты, когда он, остановившись возле лестницы, бросил взгляд вниз, в гостиную, и спросил:

— Тебе не кажется все это давно знакомым?

Я обернулся, озадаченный.

— Знакомым?

— В том смысле,— попытался объяснить он,— как будто мы здесь когда-то уже были. Нет, не просто были. А жили тут.

Слова его меня отчего-то встревожили. Он же, нервно усмехнувшись, быстро отвел взгляд, словно понял вдруг, что сказал то, чего говорить не следовало. И, холодно попрощавшись, скрылся у себя в спальне.

А я ушел к себе, гадая о причинах его необычного беспокойства, которое трудно было не заметить в тот вечер. За игрой в карты Сол был нетерпелив и раздражителен, ерзал в кресле, барабанил пальцами по столу и то и дело окидывал взглядом гостиную. Как будто чего-то ждал.

Я разделся, умылся и вскоре уже был в постели. И пролежал около часа, когда почувствовал вдруг, как весь дом содрогнулся и воздух в комнате, казалось, завибрировал с жутким, сверхъестественным гулом, болезненно отозвавшимся у меня в ушах.

Я зажал их руками и... словно бы проснулся. В доме стояла тишина.

Уверенности, что до той минуты я и впрямь не спал, у меня не было. Потревожить мой сон мог проехавший мимо грузовик, рев которого и породил странное ощущение. Но проверить это возможности не имелось.

Я сел в постели, прислушался. И просидел так, не шевелясь, довольно долго, пытаясь уловить хоть какие-то звуки в доме. Вдруг к нам забрался вор или брат, проголодавшись, спустился в кухню?.. Однако все было тихо. Поворачиваясь к окну, я краем глаза заметил — или мне показалось, что заметил, — мелькнувший под дверью спальни синеватый свет. Я быстро глянул в ту сторону, не увидел ничего, кроме темноты, и, опустившись наконец на подушки, забылся беспокойным сном.

III

На следующий день было воскресенье. Спал я плохо, то и дело просыпался, поэтому за ночь не отдохнул. И встал только в половине десятого, хотя обычно поднимался в девять, как привык с детских лет.

Торопливо одевшись и выйдя в коридор, я заглянул к брату, но в спальне его не оказалось. Он не зашел поздороваться со мной с утра, и это меня слегка раздосадовало. Мог бы и предупредить, что пора вставать.

Сол был в гостиной, завтракал за маленьким столиком, стоявшим возле камина. Он сидел в кресле лицом к портрету и, когда я вошел, коротко на меня оглянулся. Мне показалось, что он чем-то взволнован.

— Доброе утро,— сказал он.

— Почему ты меня не разбудил? — спросил я.— Знаешь ведь, я так поздно не встаю.

— Хотел дать тебе выспаться,— ответил он.— Да и какая разница?

Раздосадованный еще больше, я сел в кресло напротив, вынул из-под салфетки подогретый бисквит, разломил его. И спросил:

— Ты ночью не заметил, как дом дрожал?

— Нет. А он дрожал?

Легкомысленный тон, каким был задан вопрос, мне не понравился. Не ответив, я принялся за бисквит.

— Кофе? — поинтересовался Сол.

Я кивнул, и он налил мне чашку, словно не замечая моего раздражения.

— Где сахар? — спросил я, оглядев стол.

— Я пью без сахара,— ответил он.— Ты же знаешь.

— Зато я с сахаром,— сказал я.

Он усмехнулся:

— Ты еще спал, Джон.

Я резко встал и прошел в кухню. Распахнул дверцу буфета, достал сахарницу. И, уже собираясь выйти, попытался на ходу открыть другую дверцу.

Та не поддавалась. Ее заклинило когда-то давно, до нашего переезда, и мы с братом, помня ходившие о доме слухи, шутили даже, что именно за нею, должно быть, и скрываются призраки.

В тот момент мне, правда, было не до шуток. Дернув без толку за ручку, я разозлился. Видимо, требовало выхода раздражение, вызванное невнимательностью брата, иначе не объяснить, зачем мне вдруг понадобилось во что бы то ни стало эту дверцу открыть. Я отставил сахарницу и взялся за ручку обеими руками.

— Что ты делаешь? — донесся из комнаты удивленный голос Сола.

Не ответив, я что было силы рванул дверцу. Но она не открылась даже на миллиметр, словно срослась со шкафом намертво.

— Чем ты там занимался? — спросил Сол, когда я вернулся в гостиную.

— Ничем, — ответил я, на том разговор и кончился.

Завтракал я без аппетита. Злость мешалась во мне с обидой. Я был задет не на шутку — брат, который всегда так чутко откликался на малейшие перемены в моем настроении, в тот день как будто ничего не замечал. И это равнодушие, ему совсем несвойственное, совершенно выбило меня из колеи.

Раз, посмотрев на Сола во время завтрака, я увидел, что его глаза неотрывно прикованы к чему-то позади меня. Я невольно передернул плечами и спросил:

— Что ты там разглядываешь?

Сол перевел взгляд на меня, и легкая улыбка, игравшая на его губах, исчезла.

— Ничего, — ответил он.

Я все же повернулся и посмотрел сам. Но увидел только портрет над камином.

— Портрет? — спросил я.

Он промолчал, отпил с нарочитым спокойствием кофе.

Я сказал:

— Сол, я, кажется, с тобой разговариваю.

В его темных глазах мелькнула холодная насмешка. Означавшая: «Разговариваешь, ну и что?»

Вслух он ничего не сказал. Непонятная натянутость между нами росла. Желая сгладить ее, я отставил чашку и поинтересовался:

— Ты хорошо спал сегодня?

И увидел — не заметить этого было просто невозможно, — как насмешка в его взгляде мгновенно сменилась подозрительностью.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я задал странный вопрос?

Он снова не ответил. Вытер губы салфеткой, отодвинул кресло, собираясь встать.

— Извини, — пробормотал себе под нос, скорее по привычке, чем из вежливости, как я понял.

— Что с тобой творится сегодня? — спросил я с искренним беспокойством.

Сол с невозмутимым видом поднялся на ноги.

— Ничего, — ответил он. — Тебе кажется.

Я был совершенно озадачен этой внезапной переменой в нем, не видя никаких причин, которые могли бы ее вызвать. И, когда он суетливо зашагал к выходу, с недоумением уставился ему вслед.

Свернув налево, он скрылся в арке. Я услышал его быстрые шаги на лестнице, ведущей вверх. Но долго еще сидел, не шевелясь, глядя на арку, за которой он исчез.

Потом я повернулся к портрету.

В изображенной на нем женщине ничего необычного как будто не было. Я тщательно изучил стройные плечи, тонкую белую шею, круглый подбородок, пухлые губы, слегка вздернутый нос, зеленые глаза. И покачал головой. Портрет как портрет. Никакого особенного впечатления на разумного человека он произвести не мог. Что же так привлекло в нем Сола?

Кофе я не допил. Отодвинул кресло, встал и тоже поднялся наверх. Подошел к комнате брата, толкнул дверь и на мгновение оцепенел. Сол от меня заперся. Поняв это, я утратил самообладание окончательно. И, развернувшись, поспешил к себе.

В спальне я просидел почти весь день, пытаюсь время от времени отвлечься чтением и прислушиваясь, не раздадутся ли в коридоре шаги брата. Я силился понять, что произошло, чем объяснить эту странную перемену в его отношении ко мне.

Но все, что я был в состоянии предположить — у него разболелась голова, он не выспался,— убедительным не казалось. Не объясняло его беспокойства, насмешливых взглядов, которые он на меня бросал, и явного нежелания разговаривать со мной хотя бы вежливо.

Потом — должен подчеркнуть, что произошло это вопреки моему желанию,— мне вдруг подумалось, что объяснением могут служить иные, не обычные причины. На миг я даже поддался искушению поверить в ходившие о доме слухи. Мы с братом не стали обсуждать загадочное прикосновение, которое он ощутил накануне. Но почему? Потому что сочли его игрой воображения? Или, наоборот, знали точно, что оно таковой не было?

Я вышел в коридор, постоял там немного с закрытыми глазами, прислушиваясь, словно надеялся уловить некий потусторонний звук и определить его источник. Но ничего, кроме звенящей тишины, не услышал.

Так прошел день, показавшийся мне в моем одиночестве бесконечным. С братом мы встретились только за ужином. Сол по-прежнему был неразговорчив и от всех предложений сыграть в карты или в шахматы отказался наотрез.

Поевши, он сразу вернулся к себе. Я вымыл посуду и вскоре тоже отправился спать.

И то, что произошло прошлой ночью, повторилось.

Наутро, лежа в постели, я вновь гадал, сон это был или не сон. Наяву для того, чтобы с такой силой сотрясти дом, потребовалась бы целая сотня грузовиков. Свет под моей дверью казался слишком ярким для свечи, к тому же был голубым. Еще я отчетливо слышал в коридоре чьи-то шаги. Должно быть, все-таки сон...

Уверенности в этом, однако, у меня не было.

IV

Я опять проснулся в половине десятого. Торопливо оделся, немало раздраженный тем, что все эти загадки заставили меня нарушить рабочий распорядок, умылся и вышел в коридор, горя желанием поскорее заняться делом.

По привычке глянув в сторону второй спальни, я заметил, что дверь в нее приоткрыта. Сол, видимо, поднялся раньше и уже работал в солярии. Заходить к нему в комнату я не стал, а поспешил в кухню, готовить себе завтрак. И, когда вошел туда, обнаружил все в том же порядке, в каком оставил накануне.

Наскоро поев, я отправился наверх и все-таки заглянул к Солу.

И несколько удивился, увидев его в постели. Вернее, на голом матрасе, потому что простыни и одеяло, сбитые словно в приступе ярости на сторону, свисали с края кровати на пол.

Сол, в одних пижамных штанах, еще крепко спал, весь мокрый от пота.

Я нагнулся, тряхнул его за плечо, но он только сонно пробормотал что-то в забытьи. Я тряхнул еще раз, сильнее. Он рывком повернулся на бок.

— Оставь меня в покое,— проворчал сердито.— Я так...

И умолк на полуслове, как будто опять сообразил, что едва не проговорился.

— Что ты — так? — спросил я, начиная злиться.

Он не ответил, лег на живот и уткнулся лицом в подушку.

Я снова принялся его трясти. Он резко приподнялся и крикнул:

— Выйди отсюда!

— Ты рисовать не собираешься? — невольно отшатнувшись, спросил я.

Вместо ответа он свернулся клубком, давая понять, что собирается спать дальше. Я оскорбленно выпрямился и пошел к двери.

— Завтрак себе приготовишь сам,— сказал я, злясь еще больше

оттого, что произношу эти ничего не значащие слова. И, захлопывая дверь, услышал, как Сол рассмеялся.

Уйдя к себе, я взялся было за начатую мною драму, но дело не пошло. Я не мог сосредоточиться. И думал только о том, каким странным, непостижимым образом изменилась вдруг моя привычная, милая сердцу жизнь.

Ближе друг друга у нас с братом не было никого. Мы никогда не расставались, планы строили только общие, заботились в первую очередь не о себе, а о другом. Нас еще в школе шутливо дразнили «близнецами», иногда даже «сиамскими». Я обгонял Сола на два класса, но это не мешало нам всегда быть вместе, и друзей мы себе выбирали лишь таких, которые без оговорок нравились обоим. Иначе говоря, мы жили друг другом. И друг для друга.

Теперь же... одним внезапным, болезненным ударом нашей близости нанесен конец. Сердечная связь разорвана, понимание обернулось равнодушием.

Думать об этой перемене было так тяжело, что я невольно начал искать самые серьезные для нее причины. И хотя та из них, которая пришла на ум первой, казалась совершенно невероятной, мне ничего не оставалось, кроме как ее обдумать. И, раз приняв, я уже не мог от этой мысли избавиться.

Привидения.

А вдруг они и вправду водятся в доме? Я лихорадочно начал перебирать в памяти все, что могло служить подтверждением.

Я чувствовал, как трясся дом, слышал пронзительный, жуткий гул — если, конечно, не спал в это время. Видел — то ли во сне, то ли наяву — неестественный голубой свет под дверью. А Сол сказал — и это было, пожалуй, самым убедительным, — что ощутил чье-то прикосновение. Холодное и влажное...

Признать реальность существования призраков на самом деле нелегко. Этому инстинктивно противится все естество человеческое, поскольку в принятии такой возможности уже таится угроза сумасшествия. Один лишь шаг за грань неведомого — и обратного пути нет, как нет и знаний о тех местах, куда ведет единственная оставшаяся дорога, местах таинственных и пугающих.

Мне стало вдруг настолько не по себе, что я бросил ручку и

тетрадь, в которой не написал ни слова, и бросился к брату с такой поспешностью, словно ему немедленно требовалась помощь.

Услышав еще из-за двери его храп, я успокоился и даже улыбнулся. Но, войдя, заметил на столике возле кровати наполовину опустошенную бутылку с ликером и перестал улыбаться.

Меня внезапно пробил озноб. И посетила мысль — он утратил свою чистоту. Почему я так подумал, не знаю.

Сол, разметавшийся на кровати, застонал, повернулся на спину. Пижама на нем была измята и перекручена. Сам небрит, лицо осунулось. Открыв налитые кровью глаза, он посмотрел на меня как на докучливого незнакомца, неведь зачем явившегося к нему в спальню.

— Что тебе надо? — спросил он хриплым, срывающимся голосом.

— Ты в своем уме? — удивился я. — Какого черта...

— Убирайся, — сказал он мне. Своему брату.

Я смерил его пристальным взглядом. Подобные следы на лице могло оставить, конечно, только пьянство. Но почему-то я заподозрил, что причина была другая, более непристойная, и меня невольно передернуло.

Я хотел забрать бутылку, но Сол меня едва не ударил, промахнувшись лишь потому, что был пьян и не владел своим телом.

— Убирайся, я сказал! — крикнул он, побагровев от злости.

Я попятился, развернулся и выскочил, весь дрожа, в коридор. Невозможное поведение брата потрясло меня до глубины души. И, не в силах опомниться, я долго стоял у него под дверью, слыша, как он мечется на кровати и стонет. Мне хотелось плакать.

Потом, без единой мысли в голове, я спустился по лестнице, миновал гостиную, столовую, добрался до кухни. Там, в темноте и тишине, светя себе спичкой, отыскал свечу, зажег ее и установил на полке над плитой.

Собственные шаги слышались мне странно приглушенными, словно в ушах были затычки. Нелепо, но в какой-то миг стало казаться даже, что это не мои шаги, а самой тишины.

Когда я подошел к буфету, меня неожиданно шатнуло. Впечатление было такое, будто шевельнулся воздух, до тех пор неподвижный, и с силой меня толкнул. Тишина сменилась ревом в ушах, я взмахнул рукой в поисках опоры и сбил со стола тарелку.

По спине тут же поползли мурашки — о плитки пола она ударилась с таким глухим, почти неслышным звоном, словно упала на самом деле где-то вдалеке. Если бы не осколки на полу, я поклялся бы, что она и вовсе не разбилась.

Забеспокоившись, я попытался прочистить уши пальцами. Потом, в надежде услышать наконец нормальные звуки, изо всех сил ударил несколько раз кулаком по буфетной дверце. Но как я ни старался, стук по-прежнему долетал, казалось, откуда-то издалека.

Тогда я поспешил к леднику. Единственное, чего мне хотелось, это уйти отсюда поскорее, с бутербродами и кофе, к себе в комнату.

Приготовив поднос, я перелил кофе в чашку, отставил ковшик на плиту. И, с самым неприятным чувством, задул перед выходом свечу.

В столовой и гостиной царила непроглядная темнота. Пока я пробирался сквозь нее, прислушиваясь к своим шагам, звучащим все так же глухо, сердце у меня колотилось все сильнее. Поднос едва не выскальзывал из непослушных пальцев. Дыхание перехватывало. Страх нарастал, и мне пришлось сжать губы, чтобы не дрожали.

Тьма и тишина казались вставшими вокруг непробиваемыми стенами. Я был напряжен до предела, боясь, что, если чуть-чуть расслаблюсь, меня начнет трясти.

И посреди гостиной я вдруг услышал... смех.

Тихий, журчащий смех — в полной тишине.

Меня с ног до головы обдало холодом, ноги одеревенели. Я застыл на месте, не в силах сделать ни шагу.

Смех зазвучал снова. И двинулся по кругу, как будто невидимый источник его начал обходить меня, приглядываясь, неслышной поступью.

Я задрожал так, что задребезжала чашка на подносе.

А потом... моего лица коснулось что-то влажное и холодное!

Вскрикнув от ужаса, я выронил поднос, метнулся к арке,

добрался до лестницы и побежал вверх, с трудом переставляя ослабевшие ноги. И все это время мне вслед неся тихий, леденящий душу смех.

Ворвавшись в спальню, я запер дверь, упал на кровать, трясущимися руками натянул на голову покрывало, зажмурился. Сердце выпрыгивало из груди, которую ножом пронзало жуткое сознание того, что мои страхи подтвердились.

Все — правда.

Это влажное, холодное прикосновение было таким же явственным, как если бы до меня дотронулся живой человек. Но откуда бы там взялся человек?

Возможно, брат так глупо и жестоко подшутил надо мной? Я воспрянул было духом, но тут же понял, что это не мог быть Сол. Я слышал бы его шаги. А тот, кто прикоснулся ко мне, передвигался бесшумно.

Пробило десять, когда я наконец нашел в себе силы откинуть покрывало, нашарить спички на ночном столике и зажечь свечу.

Ее неверный свет меня сначала успокоил. Но следом я увидел, как мал этот огонек в сравнении с окружающей меня тьмой, в которой даже стен не разглядеть, и содрогнулся. И принялся проклинать старый дом за то, что в нем нет электричества. Яркое освещение разогнало бы все страхи. Не то что крошечное, зыбкое пламя свечи.

Мне хотелось проверить, все ли в порядке с братом. Но я боялся открыть дверь, которая вела во мрак, где таились призраки и звучал ужасный, нечеловеческий смех. Оставалось надеяться, что пьяного Сола способно потревожить только землетрясение.

Я жаждал оказаться рядом с ним, даже если бы это его совсем не обрадовало. Однако храбрости перейти коридор не хватало. И я разделся, лег и снова укрылся с головой одеялом.

Среди ночи я вдруг проснулся, все в той же мрачной тьме и тишине, и задрожал от страха. Одежда на мне не было.

Я принялся шарить по сторонам и понял, что оно свалилось на пол. Потянувшись за ним, коснулся холодных досок пола, испуганно отдернул руку. Когда же нащупал его наконец, заметил под дверью свет.

Он тут же и погас, но теперь я не сомневался в том, что видел. Сразу после этого дом содрогнулся, послышался знакомый гул. Кровать подо мной подпрыгнула, и, вновь похолодев с головы до пят, я застучал зубами.

Потом опять увидел свет, услышал шлепанье босых ног по полу и подумал, что это Сол зачем-то вышел из спальни.

Подняться меня заставил не столько приступ храбрости, сколько страх за брата. Я сполз с кровати и медленно, неохотно поплелся к двери.

Так же медленно отворил ее, весь напрягшись, не зная, что откроется моим глазам в коридоре.

Открылась лишь темнота. Я шагнул в нее и настороженно замер, надеясь услышать храп Сола и убедиться в том, что он спокойно спит. И тут нижний коридор внезапно озарился нездешним голубым светом, и я метнулся к лестнице, где вцепился в перила и вновь застыл, пораженный увиденным.

По коридору в сторону гостиной плыло сияющее голубое облако!

Сердце у меня остановилось. За облаком следовал Сол, похожий в этот миг на лунатика, какими их обычно изображают — руки вытянуты вперед, в глазах, устремленных в одну точку, пылает отраженный голубой свет.

Я попытался его окликнуть, но голос мне отказал. Попытался сбежать с лестницы, чтобы вырвать брата из пут кошмарного наваждения, но путь мне преградила стена глубокого мрака, не дававшая ни пройти, ни вздохнуть. Как ни бился я в нее, все было бесполезно. Ужасающая неведомая сила стократ превосходила мои

собственные.

А потом меня окатило волной такого мерзкого, едкого запаха, что закружилась голова. Запершило в горле, скрутило желудок. Мрак сделался еще непрогляднее. Он облепил меня подобно жгучей черной грязи и сдавил, окончательно лишив возможности сопротивляться и дышать. Я чувствовал себя горящим заживо и только трясся, всхлипывая, беспомощный как дитя.

И вдруг все кончилось. Мрак рассеялся, я остался стоять у лестницы, мокрый от пота, обессиленный от бесполезной борьбы. Попытался сдвинуться с места, но не смог, вспомнил было о брате, но тут же и забыл. Повернулся к своей комнате, но едва сделал шаг, как ноги подкосились, и я упал. Вздогнул, ощутив под собой холод пола, и потерял сознание.

Очнулся я в том же коридоре, по-прежнему лежа на полу.

Кое-как приподнялся, сел. Меня колотил озноб, перед глазами все плыло, грудь словно сдавливали тиски. Но я заставил себя встать и побрел, шатаясь, в спальню Сола. В горле мучительно першило, я с трудом сдерживал кашель.

Брат спал, и вид у него был измученный. Хотя, возможно, лицо казалось осунувшимся из-за отросшей темной щетины, поскольку он так и не побрился. Дышал он с трудом, во сне постанывал.

Я тронул его за плечо, но он не шелохнулся. Тогда я позвал его и вздогнул, услышав собственный голос — слабый и хриплый. Позвал еще раз. Брат недовольно заворчал, открыл один глаз и посмотрел на меня.

— Мне плохо, Сол,— сказал я.— Очень плохо.

Он повернулся ко мне спиной. Я всхлипнул:

— Сол!

И вдруг он резко вскинулся, сжал кулаки. И закричал:

— Убирайся! Оставь меня в покое, не то убью!

Ошеломленный этой внезапной яростью, я отшатнулся. Попятился и встал посреди комнаты, не в силах вымолвить ни слова, глядя в оцепенении, как он неистово мечется в кровати. И слыша, как он с тоской бормочет себе под нос:

— Почему, почему день тянется так долго?..

Тут на меня накатил сильнейший приступ кашля, от которого заломило в груди, и я медленно, согнувшись, как старик, поплелся к себе. Добрел до постели, рухнул на подушки, укрылся одеялом. И затих, чувствуя себя покинутым и беспомощным.

Так, то засыпая, то просыпаясь от острой боли в груди, я пролежал весь день. Сил встать, чтобы поесть или хотя бы попить, не было. Я мог только лежать и плакать. Мысль о жестокости Сола терзала меня не меньше, чем физические страдания. А боль была такова, что во время приступов кашля я рыдал, как ребенок, молотя по кровати кулаками.

И даже тогда я плакал не только от боли. Меня больше не любил мой единственный брат.

Ночь, казалось, наступила скорее, чем когда бы то ни было прежде. Лежа в темноте, в одиночестве, я помолился про себя о том, чтобы с братом не случилось беды.

Потом на какое-то время заснул. И, проснувшись, увидел свет под дверью и услышал пронзительный гул. В тот момент я неожиданно понял, что Сол любит меня по-прежнему. Но его любовь извратил проклятый дом.

Я понял также, что должен сделать. И отчаяние мое сменилось необыкновенной отвагой.

С трудом поднявшись на ноги, я подождал, пока не утихло головокружение и не рассеялся туман перед глазами. Потом надел халат, обулся и вышел из спальни.

Не знаю, как мне это удалось. Стена мрака отступила, должно быть, под напором моей безудержной смелости. Пока я спускался по лестнице, гул и толчки, сотрясавшие дом, как будто сделались слабее. Голубой свет, сиявший внизу, внезапно погас, что-то яростно прогрохотало и смолкло.

Когда я вошел в гостиную, там все выглядело как обычно. На камине горела свеча. Но мое внимание сразу приковал к себе Сол.

Он стоял посреди комнаты, полуголый, в такой позе, словно вел кого-то в танце, и смотрел не отрываясь на портрет.

Я окликнул его. Он заморгал, медленно повернул голову в мою

сторону. Но меня, похоже, не увидел, потому что, обведя взглядом комнату, вдруг отчаянно закричал:

— Вернись! Вернись!

Я опять его окликнул, и тогда он перестал озиаться и уставился на меня. При свете свечи его лицо казалось перекошенным и страшным. Лицом безумца. Сол заскрипел зубами и шагнул ко мне.

— Убью,— прошипел он.— Убью.

Я попятился.

— Ты сошел с ума, Сол. Не...

Больше я ничего не успел сказать. Он бросился на меня, норовя вцепиться в горло. Я метнулся было в сторону, но он поймал меня за рукав и подтащил к себе.

Напрасно, пока мы боролись, я просил его отринуть наваждение и опомниться — он лишь скрежетал в ответ зубами.

Так же напрасно я пытался оторвать его руки от своего горла. Меня душил не он. Я всегда был сильнее брата, но сейчас его хватка казалась стальной. Я начал задыхаться, перед глазами все поплыло. Потерял равновесие, мы оба упали. Он сдавил мне горло еще крепче, и тут моя рука наткнулась на что-то твердое и холодное, лежавшее на ковре.

Поднос, который я уронил прошлым вечером. Я схватил его и, понимая, что брат мой не в себе и действительно собирается меня убить, ударил Сола по голове со всей силой, какая еще оставалась.

Поднос был металлический, тяжелый. Сол разом обмяк, выпустил меня, повалился на пол. Кое-как отдышавшись, я сел и посмотрел на него.

Краем подноса я рассек ему лоб. Рана сильно кровоточила.

— Сол! — испуганно вскрикнул я.

Вскочил на ноги, побежал к входной двери, распахнул ее. Увидел какого-то прохожего и закричал ему с крыльца:

— Помогите! Вызовите врача!

Прохожий отшатнулся, посмотрел в мою сторону с испугом.

— Пожалуйста! — взмолился я.— Мой брат упал, ударился

головой. Ради бога, вызовите врача!

Некоторое время он глазел на меня, открыв рот, потом бегом двинулся дальше. Я снова его окликнул, но он не остановился. Похоже было, что просьбу он не исполнит.

Вернувшись в дом, я увидел в зеркале свое белое лицо и только тут понял, что, должно быть, напугал прохожего до смерти. Силы, невесть откуда взявшиеся, меня покинули, я снова ощутил слабость, и боль в горле, и дурноту. Ноги не слушались, и до гостиной я едва добрел.

Попытался переложить брата с пола на кушетку, но в тот миг он был слишком тяжел для меня, и я опустился с ним рядом на колени. Прильнул к нему, погладил по голове и тихо заплакал.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем дом опять начали сотрясать толчки, словно его невидимые обитатели решили показать мне, что никуда не делись.

Я находился в полузабытьи, был неподвижен как мертвец. Стук сердца в моей груди казался мне стуком маятника, безжизненным, монотонным. В одном ритме с ним и так же глухо тикали часы на камине и пульсировал гул, сопровождавший толчки; все эти звуки сливались в один, обволакивающий, который становился частью меня, становился мной самим. Мне чудилось, что я все глубже погружаюсь в неведомую бездну, скольжу беспомощным утопленником ко дну.

Потом слышались шаги, шелест юбок. Донесся откуда-то издалека женский смех.

Я вмиг похолодел, вскинул голову.

На пороге стоял кто-то в белом.

Он шагнул ко мне. И я, задохнувшись от ужаса, вскочил — лишь для того, чтобы рухнуть снова, во тьму беспамятства.

VI

Напугавшее меня видение оказалось не призраком, а врачом. Прохожий, к которому я взывал, все же сделал, о чем его просили. Легко представить, в каком состоянии я тогда находился, если не слышал ни звонка, ни стука в дверь. К счастью, она была открыта и врач все же смог войти, иначе я наверняка умер бы в ту ночь.

Сола увезли в больницу. А меня оставили дома, сказав, что ничего страшного нет, небольшое нервное истощение. Я хотел поехать с братом, но в больнице, по словам врача, не хватало мест и самым лучшим для меня было отлежаться в собственной постели.

На следующее утро я проснулся еще позже, в одиннадцать. Спустился в кухню, плотно позавтракал, потом вернулся в спальню и проспал еще два часа. После этого перекусил снова. Я собирался до темноты уйти из дома, чтобы со мной уж точно больше ничего не случилось. Думал снять номер в гостинице. С домом все было ясно — его придется бросить, и неважно, сумеем ли мы его потом продать. Может, Сол и будет возражать, но что до меня — мое решение непоколебимо.

Около пяти я оделся, взял сумку с кое-какими нужными вещами и вышел из спальни. День близился к концу, поэтому я быстро сбежал вниз, не желая задерживаться здесь ни одной лишней минуты. Добрался до прихожей, взялся за ручку двери. Потянул.

Дверь не открылась.

Понять, что это означает, я позволил себе не сразу. Дернул за ручку еще раз и еще, постепенно холодея. Потом бросил сумку, стал дергать двумя руками, но с тем же успехом. Входную дверь заклинило намертво — как буфетную дверцу.

Я ринулся в гостиную, к окнам. Но не сумел открыть ни одного. И, готовый расплакаться, беспомощно огляделся по сторонам, проклиная себя за то, что не удрал из ловушки вовремя. Выругался вслух, и вдруг порыв ветра, взявшийся неведомо откуда, сорвал с меня шляпу и швырнул ее на пол.

Я в ужасе закрыл лицо руками, не желая видеть того, что будет дальше. Меня вновь затрясло, сердце отчаянно заколотилось. В комнате заметно похолодало, и опять раздался гул, исходящий из

иного, потустороннего мира. На этот раз мне слышалась в нем насмешка над глупым смертным и его жалкими попытками ускользнуть.

И тут я вспомнил о брате, вспомнил, что ему нужна моя помощь. Опустил руки и крикнул:

— Ничто здесь не может причинить мне зло!

Гул сразу стих, и это меня подбодрило. Если моя воля способна противостоять ужасным силам, владеющим домом, возможно, она способна и победить их? Нужно провести ночь в спальне Сола, в его постели, и я узнаю, что ему пришлось пережить. Узнав же, смогу помочь.

Я так уверовал в могущество своей воли, что не задумался ни на секунду — а мои ли это мысли?..

Перепрыгивая через ступеньки, я поспешил наверх, в спальню брата. Там быстро скинул пальто, пиджак, развязал галстук. Уселся на кровать. Посидел немного, лег и стал смотреть в потолок. Я не хотел закрывать глаза, но был еще слишком слаб на самом деле и вскоре незаметно заснул.

Всего на миг, казалось, и тут же проснулся — охваченный томлением, которое нельзя было назвать неприятным. И несколько меня не удивившим. Темнота как будто ожила. Она мерцала под моим взглядом, обволакивала теплом, сулившим плотские радости, хотя рядом не было никого, кто мог бы их доставить.

Явилась мысль о брате, но сразу исчезла, словно ее выдернули из сознания невидимой рукой.

Я помню свои метания в постели, бессмысленный смех — для меня, человека сдержанного, дело невозможное, почти непристойное. Думать я был не в состоянии. Подушка под щекой казалась шелковой, темнота сладостно обвивала меня, ласкала плоть, дурманила разум, вытягивала силы. Я что-то бормотал, сам не знаю что, изнемогая от наслаждения, едва не теряя сознание.

Но, почти уже ускользнув в забытие, вдруг почувствовал, что в комнате кто-то появился. Кто-то, кого я знал на самом деле и совсем не боялся. Напротив, ждал все это время, томясь нетерпением.

И ко мне подошла она — девушка с портрета.

Ее окружало голубое сияние, которое, впрочем, тут же померкло. В моих объятиях очутилось теплое, трепещущее тело. И больше я ничего не видел и не помнил, кроме все затмившего чувства — чувства, сотканного разом из влечения к ней и отвращения; низменного, но неодолимого вожделения. Раздираемый надвое, я всецело предался тем не менее противоестественной страсти. Повторяя снова и снова, про себя и вслух, одно имя.

Кларисса.

Сколько времени я утолял эту страсть, не знаю. Я утратил всякое представление о нем. Мне все стало безразлично, и бороться с собой было бесполезно. Мной полностью завладело, как и моим братом, омерзительное создание, порожденное мраком ночи.

Но каким-то непостижимым образом мы вдруг оказались уже не в постели, а внизу, в гостиной, и закружились в неистовом танце. Вместо музыки звучал тот пронзительный, пульсирующий гул, пугавший меня прежде. И казавшийся музыкой сейчас, когда я сжимал в объятиях призрак мертвой женщины, не в силах оторвать глаз от ее прекрасного лица и не в силах перестать ее желать.

Раз, прикрыв на мгновение глаза, я ощутил внутри себя жуткий холод. Но стоило открыть их — и все прошло, я снова был счастлив. Счастлив? Нет, сейчас я выбрал бы другое слово — околдован. Во власти наваждения, лишившего меня способности думать.

Мы танцевали. Рядом кружились другие пары. Я видел их, но не могу описать, как они выглядели, во что были одеты. Помню лишь лица — белые, сияющие, с мертвыми неподвижными глазами и темными провалами ртов.

Круг, еще круг и еще. У входа появился мужчина с большим подносом в руках. И — внезапная темнота. Пустота и тишина.

VII

Проснувшись, я не чувствовал в себе сил подняться.

Я был в одном нижнем белье, весь мокрый от пота. Одежда, явно сорванная второпях, валялась на полу. Скомканные простыни и одеяло лежали там же. Видимо, ночью я сошел с ума.

Свет, лившийся из окна, был мне почему-то неприятен. Я закрыл глаза, не желая видеть утра. Повернулся на живот, спрятал голову под подушку. Вспомнил манящий запах ее волос и содрогнулся от охватившего меня вожделения.

Но спину стал припекать добравшийся до нее солнечный луч, и встать все-таки пришлось. Недовольно ворча, я подошел к окну, задернул шторы.

Стало лучше, но не намного. Вернувшись в постель, я зажмурился и накрыл лицо подушкой.

Я чувствовал свет.

Трудно поверить, но я его действительно чувствовал, даже не видя, как чувствуют его ростки, пробивающиеся из-под земли. И мне все больше хотелось темноты. словно ночному зверьку, не терпящему света, но случайно оказавшемуся среди дня без укрытия.

Я со стоном сел, огляделся, кусая губы, по сторонам. Что делать, чем занять себя в мучительном ожидании? Стал дуть на свечу, которая и без того не горела, прекрасно понимая всю бессмысленность своих действий, но все же дуя, пытаюсь погасить невидимое пламя, ускорить возвращение ночи. Возвращение Клариссы.

Кларисса.

Сам звук этого имени заставил меня снова содрогнуться. Не от муки и не от счастья — обоих сразу. Я встал, надел халат брата и вышел из спальни. Ни голода, ни жажды, ни других физических нужд я не испытывал. Ходячий труп, безгласный пленник, закованный в кандалы и не желающий из них вырваться.

У лестницы я остановился, прислушался. Попытался представить — она идет мне навстречу, теплая, трепещущая, окруженная голубым

сиянием. Кларисса. Закрыв глаза, стиснул зубы.

И похолодел от страха. На краткое мгновение я опомнился.

Но тут же снова превратился в пленника. Я вдруг ощутил себя частью дома, такой же неотъемлемой принадлежностью его, как балки и окна. Его беззвучное сердцебиение слилось с моим, и я стал одним целым с ним, постиг его прошлое. Почувствовал, как руки людей, когда-то живших здесь, касаются перил, подлокотников кресел, дверных ручек, как ступают по полу невидимые ноги. Услышал смех над давным-давно отзвучавшими шутками.

Видимо, тогда-то моей душой и завладели пустота и безмолвие, которые меня окружали и которых я не замечал, околдованный, замороженный видением теней прошлого. Я перестал быть живым человеком. Я умер, и только тело еще дышало и двигалось, последнее препятствие на пути к блаженству.

Мысль о самоубийстве явилась сама собой, не взволновала меня и не испугала. Пришла и сразу исчезла, но я принял ее с полнейшим хладнокровием. Жизнь после жизни — вот цель. А нынешнее существование — ничтожная помеха, для устранения которой достаточно касания бритвы. Капли яда. Отныне я — господин жизни, потому что мне решительно все равно, жить дальше или умереть.

Ночь. Ночь... Когда же она наступит наконец? Я услышал собственный голос, жалобный, хриплый, стонущий:

— Почему день тянется так долго?..

И на мгновение опять пришел в себя. Ведь то же самое говорил Сол!

Я заморгал, растерянно огляделся по сторонам, не понимая, что со мной. Что за наваждение на меня нашло? Я должен вырваться... но, не успев подумать об этом, я снова оказался во власти жутких чар.

Застыл в мучительном оцепенении, на тонкой грани между жизнью и смертью. Повис на тонкой нити над бездной, которая раньше была недоступной для моего понимания. Теперь я все понимал, видел и слышал. И обладал силой обрезать эту нить. Выбор принадлежал мне. Я мог висеть и дальше, покуда нить не растянется постепенно и не опустит меня медленно в чудесную, зовущую тьму. А мог, не продлевая мук ожидания, покончить с нитью одним ударом, упасть и оказаться рядом с Клариссой. Навсегда. Вновь

ощутить ее тепло. Ее холод. Ее сводящую с ума близость. И смеяться вечность вместе с ней над миром живых.

Я подумал даже, не напиться ли до потери сознания, чтобы легче было дотянуть до ночи.

Спустился в гостиную, не чувствуя под собой ног, сел в кресло перед камином и долго смотрел на нее. Который час, я не знал и знать не хотел. Забыл о времени — что мне до него было? С портрета улыбалась она. Ее глаза сияли. Я чуял ее запах... неприятный, но возбуждающий, терпкий, мускусный.

И что мне до Сола? — подумал я вдруг. Кто он такой? Совершенно чужой человек — из другого мира, другой жизни. Мне нет до него никакого дела.

«Ты его ненавидишь», — сказал кто-то у меня в голове.

И все рухнуло, как шаткий карточный домик.

Слова эти настолько возмутили сокровенные глубины моей души, что в глазах мгновенно прояснилось, словно с них спала пелена. Я с изумлением огляделся по сторонам. Боже милостивый, что я делаю до сих пор в этом доме?

Содрогнувшись, я вскочил и ринулся наверх, одеваться. На часах, как я успел заметить, было уже три пополудни.

Пока я натягивал на себя одежду, ко мне одно за другим возвращались нормальные ощущения. Я почувствовал холод пола под босыми ногами, желание есть и пить, услышал мертвую тишину, царившую в доме.

Мысли кипели. Я понял все — почему Солу хотелось умереть, почему так долго тянулся для него день, почему с таким нетерпением он ждал ночи. Теперь я все мог объяснить, и он должен был мне поверить, потому что я прошел через это сам.

Сбегая по лестнице, я думал, как расскажу ему о мертвецах дома Слотера, которые, злобствуя из-за постигшего их неведомо по какой причине проклятия, пытаются заманить живущих в свой вековечный ад.

Все кончено! — возликовал я, заперев входную дверь. И поспешил, не обращая внимания на дождь, в больницу.

Тень, притаившуюся у крыльца, я не заметил.

VIII

Когда женщина за стойкой сказала мне, что Сол выписался за два часа до моего прихода, я остолбенел. Вцепился в стойку, лепеча севшим голосом, что она, наверное, ошибается, этого не может быть. Но она лишь покачала головой.

Силы меня разом оставили. Вернулись слабость и страх. Я готов был заплакать, но сдержался. Вокруг были люди, и все они глазели мне вслед, пока я шел к выходу, едва держась на ногах. Голова закружилась, я пошатнулся, чуть не упал. Кто-то схватил меня за рукав, спросил, хорошо ли я себя чувствую. Я что-то пробормотал в ответ, не заметив даже, мужчина это был или женщина.

Вышел на пасмурную улицу. Дождь к тому времени усилился, я поднял воротник плаща. Меня терзал один вопрос: где Сол? И сомневаться в ответе не приходилось. Дома. Куда еще он мог пойти?

Я побежал к трамвайной остановке. Путь до нее казался бесконечным. Все, что я помню,— дождь бил в лицо, мелькали по сторонам серые дома. На улице не было ни души, все проезжавшие мимо такси оказывались занятыми. Сумерки сгущались.

Споткнувшись, я налетел на фонарный столб и едва успел схватиться за него, чтобы не упасть в лужу.

Услышал лязг и звон, увидел трамвай, кинулся к нему. Дал доллар кондуктору и тут же забыл об этом. Вспомнил, когда меня окликнули, чтобы вручить сдачу. Вися на поручне, раскачиваясь вместе с трамваем, я думал лишь о брате, который оставался сейчас один на один с ужасами проклятого дома.

От духоты в вагоне, запаха мокрой одежды, сумок, зонтов меня мутило. Закрыв глаза и стиснув зубы, я стал молиться, чтобы мне позволено было успеть домой, к брату, пока не произошло самое страшное.

Наконец я доехал, выпрыгнул из трамвая и бегом помчался к дому. Дождь лил все сильнее, слепил глаза. Поскользнувшись, я все-таки упал, ободрал колени и локти, промочил одежду. Поднялся со стоном и побежал дальше, почти не видя сквозь плотную завесу дождя, куда бегу, ведомый одним инстинктом.

Дом темной тенью замаячил впереди. И словно притянул меня к себе — я не заметил, как очутился на крыльце.

Кашляя, трясаясь в ознобе, торопливо толкнул дверь и не сразу поверил в свое счастье — она оказалась заперта. Конечно, ведь у Сола не было ключа!

Едва не заплавав от облегчения, я спустился с крыльца. Где же он? Надо поискать...

Я двинулся было по дорожке вокруг дома. И тут меня словно хлопнули по плечу. Я резко обернулся и увидел, при свете сверкнувшей в этот миг молнии, разбитое окно рядом с крыльцом. Дух во мне занялся, сердце заколотилось.

Он — в доме. А она... уже явилась к нему? Или он еще лежит один в постели, улыбается бессмысленно темноте, дожидаясь сияющих объятий?

Я должен спасти его.

Преисполнившись решимости, я поднялся на крыльцо, отпер дверь и оставил ее открытой настежь, чтобы нам ничто не помешало убежать. Вошел и двинулся к лестнице.

В доме стояла тишина. Такая, словно гроза бушевала на самом деле вдалеке. Шум дождя был еле слышен. Но на очередном шагу я вздрогнул и застыл на месте — дверь за мной внезапно захлопнулась.

Ловушка. Похолодев от страха, я чуть не кинулся обратно, готовый сбежать, если удастся открыть дверь. Но вспомнил о брате и усилием воли воскресил в себе решимость. Один раз я победил этот дом и должен победить снова. Ради Сола.

Я дошел до лестницы. Путь озаряли синеватым мертвенным светом вспышки молний за окнами. Поднимаясь, я крепко держался за перила, шепотом веля себе не бояться, не поддаваться вновь чарам дома.

Возле спальни брата я остановился. Припал к стене и закрыл глаза. Вдруг он уже мертв? Такого удара мне не снести. Отчаяние лишит меня сил, и дом, воспользовавшись мгновением слабости, возьмет надо мной верх, окончательно завладеет моей душой.

Нет, нельзя об этом думать. Нельзя представлять себе жизнь без Сола, пустую, лишенную смысла. Он — жив.

Цепенея от страха, я непослушными руками открыл дверь. В комнате было темно, как в аду. Я сделал глубокий вдох, сжал кулаки. И тихо позвал:

— Сол!

Меня заглушил раскат грома. Сверкнула молния, на миг осветив комнату, я быстро огляделся, но увидеть ничего не успел. Вновь стало темно и тихо, лишь дождь стучал по окнам и крыше. Я осторожно шагнул вперед, что есть силы напрягая слух, вздрагивая от каждого шороха. Может, его здесь нет? Но если он в доме, ему больше негде находиться, кроме этой комнаты.

— Сол! — позвал я громче.— Сол, отзовись.

И шагнул к кровати. Тут дверь в комнату закрылась, чтото скрипнуло в темноте у меня за спиной. И, только я развернулся, меня схватили за руку.

— Сол! — вскрикнул я.

Сверкнула молния, ярко озарив комнату, и я увидел прямо перед собой белое, искаженное злобой лицо брата. Держа меня одной рукой, другой он заносил над моей головой подсвечник.

Удар был так силен, что я не устоял на ногах, упал на колени. Голову пронзила невыносимая боль. Рука, державшая меня, разжалась, я рухнул на пол. И последним, что я услышал, перед тем как провалиться в беспамятство, был смех. Его смех.

IX

Я пришел в себя там же, на полу спальни. Дождь лил еще сильнее, ревел за окнами, как водопад. По небу перекатывался гром, ночную тьму то и дело разрывали молнии.

Дождавшись очередной вспышки, я взглянул на кровать. И при виде одеял и простыней, разбросанных в неистовстве, пришел в ужас. Сол — с ней, внизу!

Я поднялся было на ноги, но из-за боли, вступившей в голову, не удержался и снова рухнул на колени. Провел трясущимися руками по лицу, нащупал рану на лбу, запекшуюся на виске кровь. И со стоном начал раскачиваться взад и вперед, чувствуя себя так, словно меня вернули в ту пустоту, откуда я еле вырвался, отстаивая свое право на жизнь. Сила дома возобладала над моей. Та сила, что была ее силой. Бездушная, тлетворная, старающаяся высосать из меня жизнь и затащить в ад.

Но я опять вспомнил о брате. И воспоминание это опять вернуло мне решимость и мужество.

— Нет! — крикнул я, словно бы в ответ дому, твердившему, что я — его беспомощный пленник. Встал, вопреки головокружению и боли, сделал шаг, задыхаясь от омерзительного запаха, заполонившего комнату. Дом трясло, гул то затихал, то усиливался.

Я думал, что иду к двери, но налетел на кровать. Ушиб ногу, зарычал от боли, развернулся и пошел обратно. Потом побежал. Не сообразил выставить перед собой руки и с разбегу налетел на закрытую дверь.

Боль была такая, что я закричал. Из разбитого носа тут же хлынула кровь. Рывком открыв дверь, чувствуя, что схожу с ума, я выскочил в коридор. Кровь, сколько я ни стирал ее на бегу, затекала в рот, капала на плащ — я не разделся, вернувшись в дом, только потерял где-то шляпу.

Пыталось ли что-нибудь задержать меня наверху лестницы, я не заметил. Сбежал с нее, оскальзываясь на ступеньках, навстречу неумолчному гулу, доносившемуся снизу, звучащему одновременно музыкой и насмешкой. Каждый шаг отзывался в голове такой болью, словно в нее загоняли гвоздь.

— Сол! — крикнул я, ворвавшись в гостиную. И в растерянности умолк.

Там было темно, спирало дух от тошнотворного запаха. Мне стало дурно, и я поспешил дальше. Вбежал в кухню, но здесь запах был еще сильнее. Не в силах им дышать, я привалился к стене. Перед глазами заплясали разноцветные пятна.

Сверкнула молния, осветив кухню, и я увидел, что левая дверца шкафа открыта. За ней оказалась чаша с каким-то порошком, похожим на муку. Я только взглянул на нее — и во рту у меня пересохло, из глаз брызнули слезы.

Я попятился, задыхаясь, чувствуя, что силы мои вновь иссякают. Вернулся в поисках брата в гостиную.

Сверкнула еще одна молния и высветила из мрака портрет Клариссы. Я увидел его и оцепенел — лицо у нее изменилось. Утратило всю красоту. И выражало теперь только злобную радость. Глаза сверкали, улыбка казалась оскалом. Вправду ли портрет стал другим или то была игра теней, но даже пальцы рук ее казались сейчас когтями, готовыми рвать и душить.

И, попятившись от нее в испуге, я споткнулся о тело своего брата.

Я упал на колени, отчаянно вглядываясь в темноту. Увидел, при свете молний, сверкавших одна за другой, его белое, мертвое лицо. Застывшую на губах ужасную усмешку. Безумие в широко распахнутых глазах. И сердце у меня остановилось. Казалось, я сам сейчас умру. Не в силах поверить в страшную правду, я рванул себя за волосы и громко застонал, надеясь, что это только сон, и мать сейчас разбудит меня, и я взгляну на кроватку спящего Сола, увижу его невинную улыбку, темные кудри, разметавшиеся по подушке, и, успокоенный, снова засну.

Но кошмар не кончался. Дождь неистово стучал в окна, землю сотрясали громы и молнии.

Я взглянул на портрет, чувствуя себя таким же мертвым, как мой брат. Встал без колебаний, спокойно подошел к камину. Взял в руки лежавший там коробок спичек.

Она угадала мои намерения в тот же миг — коробок вырвали у меня и швырнули в стену. Я нагнулся за ним, и меня попыталась

удержать какая-то невидимая сила. Горло стиснули холодные руки. Страха я не почувствовал, лишь зарычал, оттолкнул их и снова потянулся за спичками. В рот затекла кровь, я сплюнул. И поднял коробок.

Его опять выхватили у меня, разорвали на этот раз и разбросали спички по полу. Когда я наклонился, чтобы подобрать их, весь дом неистово сотрясло, гул перерос в страдальческий вой. В меня вцепились. Я вырвался. Встал на колени, начал шарить по ковру. Меня схватили за руки, и вокруг всего тела обвилось что-то влажное и холодное.

С упорством маньяка я при свете очередной молнии поднял одну из спичек зубами, чиркнул ею по ковру. Она вспыхнула и погасла. Дом трясся уже не переставая, отовсюду доносились шорохи, словно Кларисса, спасая свое проклятое, призрачное существование, созвала на битву со мной всех мертвецов.

Я поднял другую спичку. С ковра на меня уставилось белое лицо. Я сплюнул на него сквозь сжатые зубы кровью. Лицо пропало. Мне удалось высвободить одну руку, я выхватил спичку из зубов и чиркнул ею по стенке камина. Загорелся крохотный огонек, и меня отпустили.

Гул и тряска усилились. Против огня мертвецы были бессильны, но я все же прикрыл спичку рукой, боясь, что дунет неведомо откуда холодный ветер и погасит ее. Поднял журнал, завалявшийся в кресле, встряхнул, поднес к нему спичку. Страницы тут же занялись пламенем, и я бросил журнал на ковер.

Потом стал обходить комнату, зажигая одну спичку за другой. На Сола я старался не смотреть. Она убила его, и сейчас мне предстояло покончить с ней навсегда.

Ковер задымился. Шторы запылали, начала разгораться мебель. По дому пронесся, подобно порыву ветра, свистящий, горестный вздох и затих.

Когда запылала вся гостиная, я взглянул на портрет. И медленно двинулся к нему. Она поняла, что я собираюсь сделать. Дом затрясся еще сильнее, раздался визг, такой, словно возопили сами стены. Сомнений не осталось — домом управляла она, и сила ее заключалась в этом портрете.

Я сорвал его со стены. Он задергался в руках, как живой.

Содрогнувшись от омерзения, я швырнул его в огонь.

И чуть не упал — дом тряхнуло так, словно началось настоящее землетрясение. Но это был конец. Портрет запылал, и больше она ничего не могла сделать. Я остался в горящем доме один.

Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что случилось с моим братом. Чтобы кто-нибудь увидел такое его лицо.

Поэтому я поднял Сола и уложил на кушетку. До сих пор не понимаю, откуда у меня взялись на это силы. Словно кто-то помог.

Я сидел рядом, держа его за руку, пока огонь, пожиривший комнату, не начал подбираться ко мне. Тогда я встал. Склонился над братом, поцеловал в губы, прощаясь навсегда. И вышел из дома в дождь.

И больше туда не возвращался. Поскольку возвращаться было незачем.

На этом рукопись заканчивается. Нет оснований считать изложенное в ней правдой. Хотя в архивах городской полиции нашлись кое-какие сведения, представляющие интерес.

В 1901 году жители города были потрясены самым, пожалуй, массовым убийством из всех, когда-либо совершавшихся в его истории.

На званом вечере в доме мистера и миссис Мэрлин Слотер и их дочери Клариссы некто, оставшийся неизвестным, подмешал в чашу с пуншем мышьяк. Умерли все — и гости, и хозяева. Кто и зачем их убил, выяснить так и не удалось, сколько догадок по этому поводу ни строили. По одной из версий, отравителем был кто-то из умерших.

Предполагали также, что это не отравитель, а отравительница. Прямых намеков не имеется, но, по некоторым свидетельствам, касающимся «этого бедного ребенка, Клариссы», девушка на протяжении нескольких лет страдала тяжелым психическим расстройством. Родители тщательно скрывали ее болезнь от соседей и городских властей. И вечер, возможно, устроили с целью отпраздновать улучшение ее состояния, принятое ими за выздоровление.

Ни о пожаре, случившемся позже, ни о теле, которое было бы найдено в доме, никаких сведений отыскать не удалось. Возможно, эта история — всего лишь вымысел, попытка одного брата объяснить

смерть другого, имевшую, скорее всего, не естественные причины. Зная трагическую историю дома, он мог воспользоваться ею, чтобы оправдать себя таким фантастическим образом.

Так было дело или нет, но о старшем брате никто и никогда не слышал — ни в самом городе, ни в его окрестностях.

И это все. С. Д. М.

Дорогой дневник

10 июня 1954 года

Дорогой дневник!

Честное слово, меня по временам настолько мутит от этой чертовой мебелишки, что вот-вот вырвет по-настоящему!

Окно такое грязное — в субботу и воскресенье до середины дня кажется, будто идет дождь, даже если на улице вовсю светит солнце.

А вид из него! Нижнее белье, сохнувшее на веревках. Женские пояса и халаты. Одного этого достаточно, чтобы молодой девушке захотелось умереть. И еще эта вонь!

И жлоб, который живет напротив. Из-за него жизнь становится вовсе невыносимой. Откуда он только берет деньги на выпивку? Может, грабит старушек. Пьяный, все время орет песни, пытается облапать меня в коридоре, который похож на коридор темницы из какого-нибудь ужасика. За два цента — нет, меньше — я могла бы заказать по почте пистолет тридцать второго калибра. А потом пристрелила бы эту дрянь. Меня бы посадили, и не о чем больше беспокоиться. А-а-а, только дело того не стоит!

Да, еще и завтра вечером будет веселье. Гарри Хартли ведет меня в «Парамаунт», и он хочет, чтобы за какое-то вшивое шоу и дешевое китайское рагу я всю ночь играла с ним в мужа и жену. Нет, подумать только!

Господи, здесь такая жара и вонища!

Надо бы постирать кое-что на завтра. Сама мысль об этом мне ненавистна. Эй, заткнитесь там! Через дорогу сходят с ума эти тупицы — шум, гам! Нью-йоркские «Гиганты», бруклинские «Доджеры»^[22], чтоб они все передохли!

А как подумаю о том, что завтра лезть в паршивое метро — дважды! Тела, прижатые друг к другу, как сардины в банке, рожи алые, как маки. Вот радость-то!

Господи, что бы я отдала, лишь бы выбраться из этой дыры. Я бы даже вышла замуж за Гарри Хартли, только знаю, что тогда станет еще хуже.

Эх, поехать бы в Голливуд и стать звездой, как Эва Гарднер^[23]

или вроде того. Чтобы все мужики падали на колени, лишь бы ручку поцеловать. «Убирайся, Кларк, с тобой скучно!» Да, мне было бы с ним скучно. Я бы заставила его попресмыкаться.

Черт, что за вонючее, паршивое место! У девушки здесь нет никакого будущего. Чего мне ждать впереди? Меня никто не любит, кроме этого жирного недоумка. Гарри Китайское Рагу — вот как я буду его называть.

Через две недели отпуск. Две недели безделья. Поеду с Глэдис на Кони-Айленд. Буду сидеть на проклятом пляже, смотреть, как в воде плавает мусор, и сходить с ума при виде не замечающих никого вокруг целующихся парочек. А потом я обгорю, может быть, даже поднимется температура. И еще посмотрю миллион фильмов. Ну и жизнь!

Вот бы перенестись на пару тысяч лет вперед, это было бы здорово. Никакой работы. Я жила бы в чудном местечке, повсюду космические корабли, на обед — таблетки, занимайся любовью, сколько влезет. Как бы мне хотелось попробовать! Таблетки, естественно. Так было бы весело!

А в этом времени совершенно нечего делать. Сплошные войны, люди только и делают, что собачатся, и чего девушке ждать от жизни?

Черт, пора идти стирать паршивое белье.

10 июня 3954 года

Дорогой факторегистратор!

По временам — и это правда! — меня так достает это проклятое пластоидное жилище, что так и тянет на акт регургитации.

Что за убогий вид!

На другой стороне скоростного шоссе — космический порт. И всю ночь напролет вжик-вжик, вжик-вжик! — и еще красные вспышки выхлопов из вентилях. Даже таблетки и натирание нарколошьном глаз и ушей нисколько не помогает. От всего этого можно просто заболеть. И еще эта вонища!

И кретин сосед со своей лучевой машиной. Меня доводит до иступления то, что он может видеть сквозь пластоид. Даже когда я поднимаю у себя волокнистый экран, я чувствую, что он таращится на меня. Откуда, интересно, он достает покупательские билеты на конструктивные материалы? За работу в космопорте ему платят не так много. Может быть даже, он крадет использованные билеты из конторы.

За два мини-билета я бы запросто могла приобрести в оружейной космопорта атомный пистолет и размазать проклятого развратника по панели! Меня бы отправили в тюрьму на Венере, и больше никаких хлопот.

Нет, дело того не стоит. Я не переносу жару и ненавижу песчаные бури.

Да, а завтра вечером вот еще будет веселье — Хендрик Халли ведет меня в Космический театр, и за одно паршивое представление и тухлое фрикасе из лунной мыши он ждет, что я пойду на риск оплодотворения. Подумать только!

Ох, как удручающе жарко. А мою дурную электростиралку переклинило как раз тогда, когда она нужна. Придется лететь стирать одежду в Космомат, а я так устаю от ночных перелетов.

О, снова они принялись за свое, эти придурки через дорогу. Ну почему они не отключат громкоговорители? Вот, опять началось! Марсианские «Иглз», «Рэд Сокс» с Луны^[24] — да чтоб их всех засосало в вакуум!

А как подумаю о том, что завтра лезть в проклятую ракету — дважды! — гроыхающее чудовище. Представьте только — больше часа до Марса! Жуть!

Нет, это уж слишком. Все бы отдала, лишь бы выбраться из этой дыры. Я бы даже согласилась на создание ячейки общества с Хендриком Халли. Великие галактики, надеюсь, до этого не дойдет!

Вот уехать бы в театральную столицу и стать известной, как Джилл Финг или вроде того. Чтобы все мужики падали в обморок и умоляли лететь с ними на их родную планету. Я по-настоящему ненавижу этот сверкающий стерильный город.

Ну что за гнусное место! Какое будущее ждет здесь молодую девушку? Никакого. У меня нет ни одного поклонника, который имел бы на меня притязания,— если не считать эту Лунную Мышь Халли, с его паршивенькой маленькой ракетой, у которой даже швы проржавели. Я не отважилась бы смотреть на этой развалине хотя бы и в Европу.

Через две недели отпуск. Делать будет нечего. Тухлая поездка на Лунный курорт. Сидеть там у кошмарного бассейна и смотреть, как милуются парочки. А потом я наглотаюсь красной пыли, и у меня подскочит температура. И еще я миллион раз схожу в Космический театр. О, какая тоска!

Хотелось бы мне попасть в старинные времена, на много тысяч лет назад. Вот тогда человек понимал что почем. Тогда было столько дел. Люди были людьми, а не какимито лысыми, беззубыми идиотами, какими стали теперь.

Можно было бы делать все, что заблагорассудится, без всякого правительства, которое следит за каждым твоим шагом.

В нашем времени нет смысла поддерживать существование. Чего молодой девушке вроде меня ждать от такой эпохи?

О проклятье. Пора лететь в Космомат стирать белье.

XXXX

Дорогая каменная плита!

По временам меня так мутит от этой проклятой пещеры, что...

Дети Ноя

Было чуть больше трех часов утра, когда мистер Кетчум проехал мимо указателя с надписью «ЗАХРИЙ: нас. 67». Он тяжело вздохнул. Еще один приморский поселок в бесконечной череде селений, растянувшихся вдоль побережья штата Мэн. Он на секунду плотно закрыл глаза и, открыв их, нажал на акселератор. «Форд» быстро устремился вперед. Может быть, если повезет, он скоро доберется до приличного мотеля. Конечно, вряд ли такой имеется в Захрии: нас. 67.

Мистер Кетчум сдвинул на сиденье свое грузное тело и распрямил ноги. Отпуск проходил отвратительно. Он планировал проехать по великолепным, овеянным историей местам Новой Англии, пообщаться с природой и предаться ностальгии. Но вместо этого его ожидали скука, усталость и лишние расходы.

Мистер Кетчум бел недоволен.

Он ехал по главной улице — Мэйн-стрит. Похоже, весь поселок крепко спал. Шум его мотора был единственным звуком. Увидеть можно было только рассекающий темноту свет фар. Они высветили еще один знак: «Ограничение скорости — 15 миль/час».

— Ну да, конечно,— пробормотал он с презрением, выжимая газ. Три утра, а отцы этого поселка хотят, чтобы он пробирался по их вшивой деревне ползком. Мистер Кетчум смотрел, как за окном быстро проносятся темные дома. «До свидания, Захрий! — подумал он.— Прощай, “нас. 67”!»

Но тут в зеркале заднего вида появился другой автомобиль. В полуквартале от него, «седан» с включенной красной мигалкой на крыше. Он прекрасно знал, что это за машина. Нога отпустила акселератор, и он почувствовал, как участилось сердцебиение. Возможно ли, чтобы они не заметили его скорость.

Ответ последовал с нагнавшей его темной машины от высунувшегося из ее переднего окна мужчины в широкополой шляпе.

— Примите вправо и остановитесь! — рявкнул он.

Сглотнув пересохшим вдруг горлом, мистер Кетчум направил машину к обочине. Он вытянул рычаг ручного тормоза, повернул

ключ в замке зажигания — и машина замерла. Полицейский автомобиль вырулил носом к обочине и остановился. Открылась правая передняя дверца.

В свете фар машины мистера Кетчума появилась приближающаяся к нему темная фигура. Он быстро нащупал левой ногой кнопку и переключил свет на ближний. Снова сглотнул. Какая досада! Три часа утра, полнейшая глушь — и захолустный полицейский ловит его на превышении скорости. Мистер Кетчум стиснул зубы и стал ждать.

Человек в темной форме и широкополой шляпе наклонился к окну.

— Права.

Мистер Кетчум трясущейся рукой вытащил из внутреннего кармана бумажник и нащупал в нем права. Вручил их, заметив при этом, что в глазах полицейского не было ни малейшего выражения. Он спокойно сидел, пока полицейский светил фонариком на его права.

— Из Нью-Джерси?

— Да, от... оттуда,— произнес мистер Кетчум.

Полицейский не переставал разглядывать права. Мистер Кетчум нетерпеливо подвинулся на сиденье и сжал губы.

— Они не просрочены,— наконец выдавил он.

Он увидел, как полицейский поднимает голову. Узкий круг света от фонарика ослепил его. Перехватило дыхание. Он отвернул голову. Свет исчез, и мистер Кетчум заморгал слезящимися глазами.

— В Нью-Джерси разве не смотрят на дорожные знаки? — вопрошал полицейский.

— Почему же, я просто... Вы имеете в виду указатель, который говорит, что население — шестьдесят семь человек?

— Нет, я не об этом указателе.

— А-а,— мистер Кетчум кашлянул,— да, но это единственный знак, который я видел.

— Значит, вы плохой водитель.

— Да, но я...

— Знак устанавливает ограничение скорости в пятнадцать миль в час. У вас было пятьдесят.

— О! Я... Боюсь, я его не заметил.

— Скорость ограничена пятнадцатью милями в час независимо от того, заметили вы его или нет.

— Хорошо, но в... в этот утренний час?

— Вы видели под знаком расписание? — поинтересовался полицейский.

— Нет, конечно же нет. То есть я вообще не видел знака.

— Не видели?

У мистера Кетчума поднялись волосы на загривке.

— Вот-вот,— начал он чуть слышно, но замолк и уставился на полицейского.— Можно взять права? — спросил он наконец неразговорчивого полицейского.

Тот не проронил ни слова, лишь стоял неподвижно посреди улицы.

— Можно?..— начал мистер Кетчум.

— Следуйте за нашей машиной,— резко приказал полицейский и зашагал прочь.

Мистер Кетчум ошеломленно уставился на него.

— Эй, подождите! — чуть ли не взвыл он.

Полицейский даже не вернул ему права. Мистер Кетчум ощутил неожиданный холодок в животе.

— Что это такое? — пробормотал он, наблюдая, как полицейский садится в свою машину.

Полицейский автомобиль отъехал от обочины, на крыше снова заработала мигалка. Мистер Кетчум поехал следом.

— Это возмутительно! — сказал он вслух.— Они не имеют права. Это что — Средние века? — Его тонкие губы сжались в бледную полосу, но он продолжал следовать за полицейской машиной по Мэйн-стрит.

Через два квартала полицейский автомобиль свернул. В свете фар мистер Кетчум увидел стеклянную витрину магазина. Облупившиеся от дождя и ветра буквы образовывали надпись: «Бакалейная лавка Хэнда».

На улице не было фонарей, и поездка напоминала продвижение по покрашенному тушью коридору. Впереди светились лишь три красных глаза полицейской машины: задние габаритные огни и мигалка; позади — непроницаемая чернота. Конец распрекрасного дня, подумал мистер Кетчум, пойманный за превышение скорости в Захрии, штат Мэн. Он покачал головой и тяжело вздохнул. Почему он не остался проводить отпуск в Ньюарке: спал бы все утро, ходил на концерты, ел, смотрел телевизор?

На следующем перекрестке полицейский автомобиль повернул направо, затем, через квартал, налево — и остановился. Мистер Кетчум подъехал к нему, и в это время огни выключились. Смысла в этом не было. Была лишь дешевая мелодрама. Они запросто могли бы оштрафовать его на Мэйн-стрит. Деревенская психология. Они возвышают себя в собственных глазах, унижая человека из большого города, мстят за свою незначительность.

Мистер Кетчум ждал. Нет, он не намерен торговаться. Без слов уплатит штраф и уедет. Он потянул вверх рычаг ручного тормоза — и вдруг нахмурился, осознав, что они могут содрать с него столько, сколько захотят. Могут взять и 500 долларов, если посчитают нужным. Этот толстяк был наслышан о нравах полиции в небольших городках, о том, что она обладает абсолютной властью. Он глухо прокашлялся. «Да ну, это же абсурд,— решил он.— Какая дурацкая фантазия».

Полицейский открыл дверцу.

— Выходите,— приказал он.

Ни на улице, ни в одном из домов не было света. Мистер Кетчум сглотнул. Все, что он мог видеть,— это лишь темная фигура полицейского.

— Это что — участок? — спросил он.

— Выключите огни и пройдемте,— ответил полицейский.

Мистер Кетчум утопил хромированную кнопку выключателя и выбрался из машины. Полицейский захлопнул дверь. При этом звук

был громким, он отозвался эхом — как будто они находились не на улице, а где-нибудь в темном складе. Мистер Кетчум посмотрел вверх. Иллюзия была полной: ни звезд, ни луны, небо и земля слились в черноте.

Полицейский тронул его за плечо своими жесткими пальцами. Мистер Кетчум на какое-то мгновение потерял равновесие, выпрямился и тут же быстрыми шагами последовал за высокой фигурой полицейского.

— Темно здесь.— Голос его был чужим.

Полицейский ничего не сказал. По другую сторону от него зашагал второй полицейский. Мистер Кетчум подумал: эти чертовы деревенские нацисты изо всех сил пытаются запугать его. Ну нет, ничего у них не получится.

Мистер Кетчум всосал в себя глоток влажного, пахнущего морем воздуха и судорожно выдохнул его. Вшивый поселочек из шестидесяти семи жителей — и двое полицейских патрулируют его улицы в три утра. Нелепо.

Он чуть не запнулся о ступеньку, когда они добрались до крыльца. Но шедший слева полицейский подхватил его под руку.

— Спасибо,— автоматически выскочило у мистера Кетчума. Полицейский не ответил. Мистер Кетчум облизнул губы. Бессердечный чурбан, подумал он и сумел даже выдавить мимолетную улыбку. Вот, так-то лучше. Совсем ни к чему раскисать.

Он заморгал, когда распахнули дверь, и ощутил вырвавшийся помимо его воли вздох облегчения. Это был настоящий полицейский участок: вот письменный стол на возвышении, доска объявлений, черная, раздувшаяся кастрюлями плита, исцарапанная скамейка у стены, вот дверь, вот грязный и растрескавшийся линолеум, который когда-то был зеленым.

— Садитесь и ждите,— распорядился полицейский.

Мистер Кетчум посмотрел на его худое, угловатое лицо, смуглую кожу. В глазах не было различия между радужной оболочкой и зрачком — одна сплошная тьма. Темная форма мешком висела на нем.

Второго полицейского рассмотреть не удалось, поскольку оба они ушли в соседнюю комнату. Несколько мгновений он простоял,

глядя на закрытую дверь. Что, если выйти и уехать? Нет, в правах указан его адрес. И потом — может быть, они как раз и хотят, чтобы он попытался сбежать. Откуда знать, что на уме у этой деревенской полиции. Они вполне могут даже застрелить его при попытке к бегству.

Мистер Кетчум тяжело сел на скамейку. Нет, он просто позволил разгуляться воображению. Это всего лишь небольшой поселок на побережье штата Мэн, и они всего лишь собираются оштрафовать его за...

Да, но почему сразу не оштрафовали? К чему весь этот спектакль? Толстяк поджал губы. Очень хорошо, пусть они играют, как им нравится. Что бы там ни было, а это лучше, чем ехать за рулем. Он закрыл глаза. «Только дам им отдохнуть», — подумал он.

Через несколько секунд он снова открыл глаза. Было чертовски тихо. Он окинул взглядом слабо освещенную комнату. Грязные стены были голыми — за исключением часов и картины, висевшей над письменным столом. Это был живописный портрет — скорее всего, репродукция — бородатого мужчины. На голове у него — рыбацкая шляпа. Наверное, кто-то из древних моряков Захрия. Нет, возможно, даже не так. Наверное, репродукция картины Сиэрса Рубака «Бородатый моряк».

Мистер Кетчум проворчал про себя. Ему было непонятно, зачем полицейскому участку такая репродукция. Разве что из-за того, что Захрий находится на атлантическом побережье. Наверное, рыбная ловля для него — основной источник доходов. Все равно, какое это имеет значение? Мистер Кетчум отвел взгляд от картины.

В соседней комнате можно было расслышать приглушенные голоса двух полицейских. Он пытался разобрать, что они говорят, но не мог. Он взглянул на закрытую дверь и подумал: «Ну что же вы, давайте!» Снова посмотрел на часы — 3.22. Сверил с наручными часами. Почти верно. Дверь открылась, и вошли двое полицейских.

Один из них вышел, а оставшийся — тот, что забрал права мистера Кетчума, — подошел к возвышающемуся столу, включил настольную лампу, вынул из верхнего ящика огромный грессбук и начал писать в нем.

Прошла минута.

— Я... — прокашлялся мистер Кетчум. — Прошу прощения...

Голос его стих, когда полицейский оторвался от грессбуха и остановил на нем свой холодный взгляд.

— Вы... То есть я должен сейчас — заплатить штраф?

Полицейский вернулся к грессбуху.

— Подождите.

— Но уже четвертый час ут...— Мистер Кетчум остановил себя. Он старался казаться холодно-агрессивным.— Очень хорошо,— произнес он с расстановкой.— Не соизволите ли вы сказать мне, как долго это будет продолжаться?

Полицейский продолжал писать в грессбухе, а мистер Кетчум неподвижно сидел, глядя на него. Невыносимо, подумал он. Это последний раз, когда он заезжает в эту чертову Новую Англию больше чем на сто миль.

Полицейский поднял голову, спрашивая:

— Женат?

Мистер Кетчум уставился на него.

— Вы женаты?

— Нет, я... Это указано в правах,— выпалил мистер Кетчум. Он ощущал трепетное удовольствие от своего выпада и в то же время — укол необъяснимого ужаса от того, что возразил этому человеку.

— Семья в Джерси?

— Да. То есть нет. Только сестра в Висконс...

Мистер Кетчум не закончил, увидев, что полицейский записывает. Как он хотел бы избавиться от этой напасти!

— Работаете?

— Видите ли, у меня... у меня нет какой-то определенной ра...

— Безработный,— постановил полицейский.

— Совсем нет. Совсем нет,— жестко повторил мистер Кетчум.— Я — свободный коммивояжер. Закупаю ценные бумаги и партии товаров у...

Голос его угас, как только полицейский взглянул на него. Мистер Кетчум сглотнул три раза, прежде чем из горла исчез комок.

Он обнаружил, что сидит на краю скамейки, готовый прыгнуть для защиты своей жизни. Пришлось заставить себя сдвинуться назад, глубоко вдохнуть. «Расслабься»,— приказал он себе и закрыл глаза. Вот так. Немного отдохнет. Может, даже как следует.

В комнате было тихо, за исключением металлическизвонкого тикания часов. Мистер Кетчум чувствовал, как медленно, вяло бьется сердце. Он неуклюже сдвинул свою тушу — скамейка была жесткой. В мозгу вновь пронеслось: «Нелепо!»

Мистер Кетчум нахмурился, открыв глаза. Эта проклятая картина! Можно вообразить, что бородатый моряк смотрит на тебя.

— Эй!

У мистера Кетчума захлопнулся рот, а глаза широко открылись, сверкая зрачками. Сидя на скамейке, он наклонился вперед, затем откинулся назад. Оказалось, что над ним склонился смуглолицый человек, положив руку ему на плечо.

— Да? — в ужасе спросил мистер Кетчум. Сердце его готово было вырваться из груди.

Человек улыбнулся.

— Начальник полиции Шипли,— представился он.— Не желаете ли пройти в мой кабинет?

— О,— оживился мистер Кетчум.— Да! Да!

Он потянулся, морщась от боли в затекших мышцах спины. Человек отступил назад, и мистер Кетчум поднялся, издав при этом что-то похожее на хрюканье. Взгляд его автоматически упал на стенные часы: было несколько минут пятого.

— Послушайте,— начал он, еще недостаточно проснувшись, чтобы бояться.— Почему я не могу заплатить штраф и уехать?

В улыбке Шипли не было ни капли тепла.

— Здесь, в Захрии, мы все делаем немного иначе,— пояснил он.

Они вошли в маленький кабинет с затхлым запахом.

— Садитесь,— приказал начальник, обходя письменный стол, пока мистер Кетчум устраивался на скрипучем стуле с прямой спинкой.

— Я не понимаю, почему это вдруг не могу заплатить штраф и уехать.

— Всеу свое время,— уклонился Шипли.

— Но...— Мистер Кетчум не закончил.

Улыбка Шипли сильно смахивала на дипломатично завуалированное предостережение. Не разжимая сомкнутых от злости зубов, толстяк прокашлялся и стал ждать, пока начальник изучит лежащий у него на столе лист бумаги. Он заметил при этом, как плохо на Шипли сидит костюм. «Деревенщина,— подумал толстяк,— не умеет даже одеваться».

— Вижу, вы не женаты,— отметил Шипли.

Мистер Кетчум ничего не сказал. Пусть отведают своей собственной пилюли-молчанки, решил он.

— У вас есть друзья в штате Мэн? — продолжал Шипли.

— Зачем это?

— Всего лишь рутинные вопросы, мистер Кетчум,— успокоил начальник.— Единственный ваш близкий родственник — это сестра, проживающая в Висконсине?

Мистер Кетчум молча посмотрел на него. Какое отношение все это имеет к нарушению правил дорожного движения?

— Ну же, сэр? — настаивал Шипли.

— Я уже говорил вам. То есть я говорил полицейскому. Не вижу...

— Здесь по делам?

У мистера Кетчума беззвучно открылся рот.

— Зачем вы задаете мне все эти вопросы? — не выдержал он. А себе гневно приказал: «Перестань трястись!»

— Порядок такой. Вы здесь по делам?

— Я в отпуске. И совершенно не вижу в этом смысла. До сих пор я терпел, но — пропадите вы все пропадом! — сейчас требую, чтобы с меня взяли штраф и отпустили!

— Боюсь, это невозможно.

У мистера Кетчума отвисла челюсть. Это все равно что проснуться от ночного кошмара и обнаружить, что сон еще продолжается.

— Я... Я не понимаю,— пробормотал он.

— Вам придется предстать перед судьей.

— Но это же нелепо.

— Правда?

— Да. Я — гражданин Соединенных Штатов и требую соблюдения моих прав!

Улыбка начальника полиции Шипли померкла.

— Вы ограничили эти права, когда нарушили наш закон,— заявил он.— И вам придется заплатить за это по нашему иску.

Мистер Кетчум тупо уставился на этого человека. Он понял, что находится полностью в их руках. Они могут взять с него такой штраф, какой им заблагорассудится, или бросить его в тюрьму на неопределенный срок. Все эти заданные ему вопросы — он не знает, зачем его спрашивали, но знает, что ответы показали его как человека без корней, у которого некому было беспокоиться, жив он или...

Стены комнаты поплыли. На теле выступил холодный пот.

— Вы не можете этого сделать,— возразил он. Но это был не аргумент.

— Вам придется провести ночь в камере,— «успокоил» его начальник.— А утром увидите с судьей.

— Но это же нелепо! — взорвался мистер Кетчум.— Нелепо!

Он тут же взял себя в руки и произнес скороговоркой:

— Я имею право позвонить. Я могу позвонить. Это мое законное право.

— Могли бы,— заметил Шипли,— если бы в Захрии был хоть один телефон.

Когда его вели в камеру, мистер Кетчум увидел в вестибюле картину: все тот же бородатый моряк. Мистер Кетчум не обратил внимания, следили его глаза за ним или нет.

Мистер Кетчум вздрогнул, на заспанном лице отразилось

удивление: за спиной что-то лязгнуло. Приподнявшись на локте, он оглянулся. В камеру вошел полицейский и поставил рядом с ним накрытый салфеткой поднос.

— Завтрак,— провозгласил он.

Он был старше других полицейских, даже старше Шипли. Волосы у него были серебристо-седыми, чисто выбритое лицо собиралось в морщины вокруг рта и глаз. Форма сидела на нем плохо.

Когда полицейский начал запирать дверь, мистер Кетчум спросил:

— Когда я увижу судью?

Полицейский быстро взглянул на него, ответил:

— Не знаю,— и отвернулся.

— Подождите! — закричал мистер Кетчум.

Удаляющиеся шаги полицейского гулко разносились по бетонному полу. Мистер Кетчум продолжал смотреть на то место, где стоял полицейский. Сознание все еще окутывал сон.

Он сел, омертвевшими пальцами протер глаза, посмотрел на часы. Семь минут десятого. Толстяк скривил лицо. Боже, они еще узнают! Он задергал ноздрями, приносясь. Рука потянулась к подносу — но он отдернул ее, бормоча:

— Нет! — Он не будет есть их проклятую пищу.

Но желудок заворчал недружелюбно, отказываясь поддержать его.

— Ну хорошо,— пробормотал он после минутного раздумья. Глотая слюну, протянул руку и приподнял салфетку. Невозможно было удержать сорвавшийся с губ возглас удивления.

В поджаренной на сливочном масле глазунье три яркожелтых, уставившихся прямо в потолок глаза были окружены длинными, покрытыми хрустящей корочкой кусочками мясистого, рифленого бекона. Рядом стояла тарелка с четырьмя кусками поджаренного хлеба толщиной в книгу, намазанными пышными завитками масла, и прислоненным к ним бумажным стаканчиком с желе. Там были также высокий стакан с пенистым апельсиновым соком, тарелка с клубникой в белоснежных сливках и, наконец, высокий сосуд, из

которого исходил острый и безошибочно угадываемый аромат свежеприготовленного кофе.

Мистер Кетчум взял стакан апельсинового сока. Отпив несколько капель, он покатал их по языку. Кислота приятно пощипывала теплый язык. Он проглотил сок. Если в него и подмешан яд — то рукой мастера. Во рту становилось все больше слюны. Он вдруг вспомнил, что как раз перед тем, как попался, хотел притормозить у какого-нибудь кафе, чтобы поесть.

Настороженно, но решительно поглощая пищу, мистер Кетчум пытался понять причины столь замечательного завтрака. Похоже, не очень убедительно — но все-таки... Еда превосходна. Что ни говори, а готовить эти жители Новой Англии умеют здорово. Обычно завтрак у мистера Кетчума состоял из разогретой сладкой булочки и кофе. Такого завтрака он не помнил с детских лет, проведенных в отцовском доме.

Ставя на поднос уже третью чашку с хорошо сдобренным сливками кофе, он услышал шаги в вестибюле. Улыбаясь, мистер Кетчум подумал: «Хорошо рассчитали время!» — и встал.

Перед камерой возник начальник полиции Шипли.

— Позавтракали?

Мистер Кетчум кивнул. Если начальник ожидает от него благодарности, то — напрасно. Мистер Кетчум взял пиджак, но начальник даже не пошевелился.

— Ну?..— решился мистер Кетчум через несколько минут. Он старался произнести это холодно и решительно, однако получилось немного не так.

Шипли посмотрел на него безо всякого выражения, и мистер Кетчум почувствовал, что начинает дышать неровно.

— Можно спросить?..— начал было он.

— Судьи еще нет,— отрезал Шипли.

— Но...— Мистер Кетчум не знал, что сказать.

— Я пришел только, чтобы сообщить вам.— Шипли повернулся и ушел.

Мистер Кетчум был в ярости. Он посмотрел на остатки завтрака,

как будто они содержали разгадку этой ситуации. Забарабанил кулаком по бедру. Невыносимо! Что они пытаются сделать — запугать его? Ну да, боже ты мой...

...У них получается.

Подойдя к решетке, мистер Кетчум осмотрел пустой коридор. Где-то внутри он ощутил холодный комок — как будто пища в желудке превратилась в свинец. Он хлопнул правой ладонью по прутьям решетки. Боже мой! Боже мой!

В два часа дня к двери камеры подошли начальник полиции Шипли и пожилой полицейский. Ни слова не говоря, полицейский открыл ее. Выйдя в коридор, мистер Кетчум подождал, пока дверь снова запирали, натягивая при этом пиджак. Затем он пошел, семеня негнущимися ногами, с обеих сторон окруженный полицейскими, и даже не взглянув на висевшую на стене картину.

— Куда мы идем?

— Судья болеет,— пояснил Шипли.— Мы отвезем вас к нему домой, чтобы уплатить штраф.

Мистер Кетчум втянул воздух. Он не будет с ними спорить, не будет — и все тут.

— Хорошо,— сказал он вслух.— Если уж вам так надо.

— Только таким образом,— заявил начальник, оглянувшись. На лице его оставалась маска полной невыразительности.

Мистер Кетчум подавил слабенькую улыбку. Так-то лучше. Вот уже и почти закончилось. Он заплатит штраф и смотается.

На улице был туман. Мистер Кетчум нахлобучил шляпу, но все равно его пробрала дрожь. Влажный воздух, казалось, просачивался сквозь кожу и мышцы и конденсировался на костях. «Мерзкая погода»,— подумал он, спускаясь по ступенькам и разыскивая глазами свой «форд».

Пожилой полицейский открыл заднюю дверцу полицейской машины, а Шипли пригласил жестом внутрь.

— А как же МОЯ машина? — спросил мистер Кетчум.

— Вы вернетесь сюда после встречи с судьей,— успокоил его

Шипли.

— О, я...

Мистер Кетчум колебался. Затем нагнулся и, протиснувшись в машину, бухнулся на заднее сиденье. Кожа на нем была холодной — это чувствовалось даже сквозь шерстяные брюки, и мистер Кетчум поежился, уступая место подсевшему начальнику.

Полицейский захлопнул дверь. Опять этот гулкий звук — как будто в склепе закрывают крышку гроба. Мистер Кетчум скривил лицо от такого сравнения.

Полицейский сел в машину, заработал, покашляв, двигатель. Пока полицейский его разогревал, мистер Кетчум сидел, медленно и глубоко дыша. Он посмотрел в окно. Туман был совсем как дым — будто они стояли в горящем гараже. Разве что эта пронизывающая до костей сырость. Кашлянув, он услышал, как подвинулся сидевший рядом начальник.

— Холодно,— автоматически вырвалось у мистера Кетчума.

Начальник ничего не сказал.

Мистер Кетчум прижался к спинке, когда машина тронулась, развернулась и медленно поехала по задернутой туманом улице. Он слушал отчетливый шелест шин по мокрому асфальту, ритмичное посвистывание «дворников», расчищавших покрытое влагой ветровое стекло.

Вскоре он взглянул на часы. Почти три. Полдня убито в этом проклятом Захрии. Он снова посмотрел в окно на пролетающий мимо, подобно привидению, поселок. Казалось, он видел кирпичные дома вдоль обочины — но не был в этом уверен. Взгляд упал на бледные руки, затем перешел на Шипли. Начальник сидел неподвижно, глядя прямо вперед. Мистер Кетчум сглотнул. Казалось, легкие не работали, в них застоялся воздух.

На Мэйн-стрит туман был реже. Наверное, из-за морских бризов. Мистер Кетчум осмотрел улицу. Похоже было, что все магазины и учреждения закрыты. Взглянул на другую сторону — то же самое.

— Где все? — поинтересовался он.

— Что?

— Я говорю где все?

— Дома,— ответил начальник.

— Но сегодня среда,— удивился мистер Кетчум.— Разве у вас... магазины не открыты?

— Плохая погода,— пояснил Шипли.— Нет смысла.

Мистер Кетчум взглянул на желтовато-бледное лицо начальника, но поспешно отвел взгляд. В желудке снова распускало щупальца холодное предчувствие. «Ради бога — что это такое?» — спросил он себя. Уже в камере ему было достаточно плохо. Здесь, в этом море тумана, было еще хуже.

— Ну да,— услышал он свой срывающийся голос.— Здесь только шестьдесят семь жителей, не так ли?

Начальник ничего не сказал.

— Сколько... с-сколько лет Захрию?

Он услышал, как в тишине сухо хрустнули суставы пальцев начальника.

— Сто пятьдесят лет,— сообщил Шипли.

— Так много,— продолжал разговор мистер Кетчум. Он с трудом сглотнул: немного болело горло. «А ну,— приказал он себе,— расслабься!»

— Почему его называли Захрий? — Слова лились неуправляемым потоком.

— Его основал Ной Захрий.

— А-а. А, понимаю. Видимо, тот портрет в участке?..

— Верно,— подтвердил Шипли.

Мистер Кетчум моргнул. Так то Ной Захрий — основатель поселка, по которому они едут...

...Квартал за кварталом. При этой мысли у мистера Кетчума что-то тяжело опустилось в желудке. В таком большом поселке — и почему только 67 жителей? Он открыл было рот, чтобы спросить, да не смог. Ответ мог быть не тот.

— Почему только?..— Слова все равно вырвались, прежде чем он сумел остановить их. Тело содрогнулось от услышанного.

— Что?

— Ничего, ничего. То есть...— Мистер Кетчум судорожно вздохнул. Делать нечего — он должен знать.— Почему только шестьдесят семь?

— Они уезжают,— ответил Шипли.

Мистер Кетчум заморгал. Ответ разрядил напряжение. Он нахмурился. Ну, что еще надо? Отдаленный, старомодный Захрий мало привлекает молодое поколение. Массовый отток в более интересные места неизбежен.

Толстяк поудобнее откинулся на спинку сиденья.

— Конечно же. Подумать только, как я хочу выбраться из этой тоски зеленой,— рассуждал он.— А ведь я даже не живу здесь.

Привлеченный чем-то, его взгляд скользнул вперед, сквозь ветровое стекло. Через улицу был протянут транспарант: «СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ — БАРБЕКЮ!^[25]» Праздник, решил он. Наверное, они каждые две недели буянят, шумно обмениваются неуклюжими комплиментами или устраивают оргии по починке сетей.

— И все же — кто такой Захрий? — Молчание снова давило на него.

— Морской капитан,— произнес начальник.

— О-о?

— Охотился на китов в южных морях.

Вдруг Мэйн-стрит кончилась. Полицейская машина свернула влево на грязную дорогу. Из окна мистер Кетчум разглядывал скользящие мимо тенистые кустарники. Слышен был лишь звук напряженно работающего двигателя да шум вылетающих из-под колес смеси гравия и грязи. Что, судья живет на вершине горы? Он сменил точку опоры, тяжело вздохнув.

Туман начал рассеиваться. Мистер Кетчум различал траву и деревья — все с сероватым оттенком. Сделав очередной поворот, машина оказалась обращенной к океану. Мистер Кетчум посмотрел на оставшийся внизу матовый ковер тумана. Машина продолжала поворачивать — и вот они снова увидели перед собой вершину холма.

Мягко покашливая, мистер Кетчум спросил:

— Дом... гм, этого судьи — там?

— Да,— подтвердил начальник.

— Высоко!

Машина продолжала ехать по узкой грязной дороге по спирали, поворачиваясь то к океану, то к Захрию, то к мрачному, оседлавшему вершину холма дому. То был сероватобелый трехэтажный особняк, на каждом крыле — по башенке. Мистер Кетчум посчитал, что вид у него столь же древний, как и у самого Захрия. Машина повернула, и он опять увидел прикрытый корочкой тумана океан.

Мистер Кетчум взглянул на свои руки. Что это — игра света или они действительно трясутся? Он попробовал сглотнуть, но горло оказалось сухим, и он предательски закашлялся. «Так глупо»,— рассудил он. Нет абсолютно никакого повода. Он сжал руки.

Машина преодолевала последний подъем на пути к дому. Мистер Кетчум почувствовал, что у него перехватывает дыхание. «Я не хочу идти»,— пронеслось в голове. Он ощутил неожиданное стремление выскочить из машины и бежать. Мышцы с готовностью напряглись.

Закрыв глаза, он завопил про себя: «Ради бога, прекрати это!» Ничего страшного здесь нет — кроме его искаженного представления. Это же нынешние времена: все поддается объяснению и люди обладают здравым смыслом. У людей в Захрии тоже есть здравый смысл: некоторое недоверие к горожанам. Это их месть, вполне приемлемая обществом. В этом есть смысл. В конце концов...

Машина остановилась. Распахнув дверцу со своей стороны, вышел начальник. Протянув руку назад, полицейский открыл дверцу для мистера Кетчума. Толстяк обнаружил, что у него онемела нога. Пришлось для опоры схватиться за верх дверцы. Он ступил на землю.

— Уснул,— пояснил он.

Никто не реагировал. Мистер Кетчум, прищурившись, посмотрел на дом. Не опустилась ли на место темно-зеленая штора? Он вздрогнул и испуганно вскрикнул, когда его тронули за руку, и начальник показал жестом на дом. Все трое направились к нему.

— У меня, гм... боюсь, у меня с собой не много наличных,— сообщил он.— Надеюсь, подойдет и туристический чек.

— Да,— подтвердил начальник.

Поднявшись по ступенькам крыльца, они остановились перед дверью. Полицейский повернул большую латунную ручку звонка, и мистер Кетчум услышал внутри звонкий голос колокольчика. Сквозь занавеску на двери он различил очертания вешалки для шляп. Скрипнули доски, когда он переступал с ноги на ногу. Полицейский позвонил еще раз.

— Может быть, он... сильно болеет,— вяло предположил мистер Кетчум.

Ни один из двоих даже не взглянул на него. Мистер Кетчум ощутил напряжение мышц. Оглянувшись через плечо: смогут ли догнать, если побежит? С отвращением повернул голову обратно. «Заплатишь штраф и уедешь,— терпеливо объяснил он себе.— Только-то и всего: заплатишь штраф и уедешь».

В доме задвигалось что-то темное. Мистер Кетчум вздрогнул: к двери приближалась высокая женщина.

Открылась дверь. Женщина оказалась худой, на ней было длинное, до пола, черное платье с белой овальной брошью на шее. Лицо — смуглое, изборождено тончайшими морщинами. Мистер Кетчум автоматически снял шляпу.

— Входите,— пригласила женщина.

Мистер Кетчум шагнул в прихожую.

— Шляпу вы можете оставить здесь.— Женщина показала на вешалку для шляп, напоминавшую обезображенное огнем дерево.

Мистер Кетчум опустил шляпу на один из темных сучков. При этом внимание его привлекло большое живописное полотно над нижней частью лестницы. Он начал было говорить, но женщина указала:

— Сюда.

Они пошли через прихожую, и, когда проходили мимо картины, мистер Кетчум уставился на нее.

— Кто та женщина,— спросил он,— что стоит рядом с Захрием?

— Его жена,— сообщил начальник.

— Но она...

Голос мистера Кетчума прервался, как только он услышал зарождающийся в горле визг. Будучи шокирован, он подавил его кашлем. Было стыдно за себя, тем не менее... жена Захрия?

Женщина открыла дверь.

— Подождите здесь.

Толстяк вошел. Он повернулся было, чтобы сказать что-то начальнику,— как раз в тот момент, когда дверь закрыли.

— Скажите, гм...— Подойдя к двери, он положил руку на ручку. Она не поворачивалась. Он нахмурился, не обращая внимания, что сердце стучит, как копер при забивке свай.— Эй, что происходит?

Грубовато-добродушный, пытающийся сохранить бодрость, голос его эхом отразился от стен. Повернувшись, мистер Кетчум посмотрел вокруг. Пустая комната. Это пустая, квадратная комната.

Он снова повернулся к двери, шевеля губами в поиске нужных слов.

— Ладно,— неожиданно сказал он.— Это очень...— Он резко повернул ручку.— Ладно, это очень веселая шутка.— Господи, он сошел с ума! — Я все понял, что мне...

Он вихрем повернулся, обнажив зубы. Ничего не произошло. Комната по-прежнему была пуста. Он одурманенно посмотрел вокруг. Что это за звук? Тупой звук — как будто прорывается вода.

— Эй! — автоматически крикнул он и повернулся к двери.— Эй! — завопил он.— Перекройте! Кем вы себя считаете?

Он повернулся на слабеющих ногах. Звук становился громче. Он провел ладонью по лбу — тот был покрыт потом. Да, здесь тепло.

— Ладно, ладно,— не терял он надежды.— Это хорошая шутка, но...

Прежде чем он смог продолжить, голос перешел в ужасное, душераздирающее рыдание. Мистер Кетчум слегка покачнулся, устался на комнату. Потом повернулся и упал к двери. Рука коснулась стены и тут же отдернулась. Стена была горячей.

— Э? — спросил он, все еще не веря.

Это невозможно. Это шутка. Это их психически ненормальное представление о небольшой шутке. Они играют в игру. Называется

она «Напугай стилиягу из города».

— Ладно! — взвыл он.— Ладно! Смешно, очень смешно! А сейчас выпустите меня отсюда — или вам несдобровать!

Он заколотил в дверь, неожиданно пнул ее. В комнате становилось все жарче. Почти такой же жар, как...

Мистер Кетчум оцепенел, у него отвисла челюсть.

Все эти вопросы, что они ему задали. То, как висела одежда на каждом, кого он повстречал. Эта обильная пища, которой они его накормили. Эти пустые улицы. Эта смуглая, как у дикарей, кожа — что у мужчин, что у женщины. То, как все они смотрели на него. И эта женщина на картине, жена Ноя Захрия — женщина-туземка с остро отточенными зубами.

Сегодня вечером — барбекю!

Мистер Кетчум взвыл. Начал пинать и колотить по двери, бросился на нее своим грузным телом. Кричал находившимся за ней людям:

— Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите... меня!

Но хуже всего было то, что он просто никак не мог поверить, будто это происходит на самом деле.

Тереза

23 апреля

Наконец-то я отыскала способ уничтожить Терезу! Господи! Я так счастлива, что готова плакать! Спустя столько лет покончить с этой гнусной тиранией! Как там говорится? Остается только дожидаться воплощения в жизнь. Именно, я уже долго этого дожидаясь. Настало время действовать. Я уничтожу Терезу и обрету душевное спокойствие. Да, обрету!

Что меня огорчает, так это то, что книга стояла в библиотеке все эти годы. Господи! Я могла бы сделать это много лет назад, избежать всей боли и жесточайших унижений! Но незачем гневить судьбу. Я должна быть признательна за то, что все-таки нашла ее. И смеяться над тем — это ведь страшно забавно! — что Тереза к тому же была со мной в библиотеке, когда я наткнулась на эту книгу.

Она, разумеется, с жадностью изучала один из множества томов с порнографией, какие оставил после себя наш отец. Я сожгу их после того, как убью Терезу! Слава богу, мать умерла до того, как он начал их коллекционировать. Каким бы мерзким он ни был, Тереза, разумеется, любила его до самого конца. На самом деле она точно такая же, как он: сладострастная, вульгарная, отталкивающая. Я бы совершенно не удивилась, если бы узнала, что она разделяла с ним не только увлечения, но и постель. О боже, я буду петь гимн радости в тот день, когда ее не станет!

Да, она сидела там, внизу, пылая темным чувственным румянцем, пока я, чтобы не видеть ее, металась по галерее, где стояли самые старые книги. И там, на одной из верхних полок, я обнаружила том, покрытый слоем серой пыли. «Вуду: достоверные исследования», автор — доктор Уильям Мориарти. Выпущено частным издательством. Одному богу ведомо, где и когда отец достал эту книгу.

Что поразительно: я полистала ее со скукой и даже задвинула обратно на место! И только когда уже удалилась от нее на много шагов и просмотрела множество других книг, меня вдруг осенило.

С помощью вуду я смогу уничтожить Терезу!

25 апреля

Руки мои дрожат, когда я пишу эти строки. Я почти закончила делать куклу Терезы. Да! Почти закончила! Я сделала ее из куска ее старого платья, которое нашла на чердаке. На место глаз вставила две пуговицы, выточенные из какого-то камня. Это, разумеется, еще не все, однако дело, слава господу, уже на мази.

Я смеюсь, представляя, что сказал бы доктор Рамси, если бы узнал о моих планах. Как бы он отреагировал? Сказал бы, что глупо верить в вуду? Или что я должна научиться жить с Терезой, пусть и не любить ее? Любить эту скотину? Ни за что! Господи, как же я ее презираю! Если бы я могла — поверьте мне, — я с радостью уступила бы свою половину отцовского наследства, лишь бы только никогда не видеть больше ее порочной физиономии, никогда не слышать пьяной ругани и рассказней о похождениях этой грязной развратницы!

Но это совершенно невозможно. Она меня не отпустит. И мне остается только одно — уничтожить ее. Что я и сделаю. Да, сделаю!

Терезе осталось жить один день.

26 апреля

Теперь у меня есть все! Все! Сегодня вечером, прежде чем отправиться на бог знает какую еще оргию, она принимала ванну. После ванны она стригла ногти. И теперь они у меня, все до единого привязаны к кукле ниткой. Еще я сделала кукле парик из волос, которые старательно вычесала из ее щетки. Вот теперь кукла по-настоящему стала Терезой. В этом и состоит прелесть вуду. Я держу жизнь Терезы в своих руках, вольная выбирать, когда именно мне угодно ее уничтожить. Я подожду, чтобы насладиться этой упоительной властью.

Что скажет доктор Рамси, когда Тереза умрет? Что он сможет сказать? Что я сошла с ума, если думаю, будто вуду могло ее убить? (Но я не стану ему рассказывать об этом.) Оно убьет! Я ее и пальцем не трону, как бы мне ни хотелось добраться до нее лично, своими руками выдавить жизнь из ее горла. Но нет, я уцелею. Вот главная радость. Сознательно убить Терезу и остаться жить! Истинный экстаз!

Завтра ночью. Пусть она насладится последними похождениями. Никогда она больше не ввалится ко мне, шатаясь и источая пары перегара, чтобы пересказать, до последней омерзительной подробности, все те непристойности, какими она занималась! Никогда больше она... Господи, я не могу ждать! Я воткну иглку в сердце куклы! Избавлюсь от нее навсегда! Будь ты проклята, Тереза! Будь проклята! Я убью тебя прямо сейчас!

Из записной книжки Джона Х. Рамси, доктора медицины

27 апреля

Несчастливая Миллисента мертва. Домработница обнаружила ее этим утром, она лежала, скорчившись, на полу у кровати, держась за сердце, на окоченевшем лице отражалось потрясение и боль. Без сомнения, сердечный приступ. На теле никаких следов насилия. Рядом с ней на полу валялась маленькая тряпичная кукла с воткнутой в нее иглой. Бедняжка Миллисента. Неужели ей пришла в голову болезненная мысль избавиться от меня с помощью вуду? Я надеялся, что она мне доверяет. Но, с другой стороны, с чего бы ей мне доверять? Я ведь так и не смог по-настоящему помочь ей. Она была безнадежна. Миллисента Тереза Марлоу страдала от самого тяжелого случая раздвоения личности, какой я когда-либо имел несчастье наблюдать...

Стальной человек

Из здания вокзала вышли двое, таща за собой покрытый брезентом предмет. Они поплелись по длинной платформе, остановились у одного из последних вагонов и, наклонившись, с трудом подняли предмет и установили его на вагонной площадке. Пот катился по их лицам, а мятые рубашки прилипли к мокрым спинам. Вдруг из-под брезента выскочило одно колесико и покатилося вниз по ступенькам. Тот, который был сзади, успел подхватить его и передал человеку в старом коричневом костюме, что был впереди.

— Спасибо,— сказал человек в коричневом костюме и положил колесико в карман пиджака.

Войдя в вагон, они покатали покрытый брезентом предмет по проходу между сиденьями. Поскольку одного из колесиков не хватало, тяжелый предмет все время кренился на одну сторону, и человеку в коричневом костюме — Келли — приходилось подпирать его плечом. Он тяжело дышал и время от времени слизывал крошечные капельки пота, которые тут же снова появлялись на верхней губе.

Добравшись до середины вагона, они втащили предмет между сиденьями; Келли просунул руку в прорезь чехла и начал искать нужную кнопку.

Предмет тяжело опустился в кресло около окна.

— О господи, как он скрипит! — вырвалось у Келли.

Его спутник, Поул, пожал плечами и с глубоким вздохом сел в кресло.

— А ты что думал? — спросил он после минутного молчания.

Келли стащил с себя пиджак, бросил его на сиденье напротив и сел рядом с предметом.

— Ну что ж, как только нам заплатят, мы сразу купим для него все, что нужно,— сказал он и с беспокойством взглянул на предмет.

— Если нам удастся найти все, что нужно,— заметил Поул. Он сидел сгорбившись, худой как щепка — ключицы выпирали из-под

рубахи,— и смотрел на Келли.

— А почему бы нет? — спросил Келли, вытирая лицо уже мокрым платком и засовывая его в карман.

— Потому что этого никто больше не производит,— ответил Поул с притворным терпением, словно ему десятки раз приходилось повторять одно и то же.

— Ну и идиоты,— прокомментировал Келли. Он стащил с головы шляпу и смахнул пот с лысины, обозначавшейся посреди его рыжей шевелюры.— Б-два — их же везде еще полным-полно.

— Так уж и полным-полно,— сказал Поул, положив ногу на предмет.

— Убери ногу! — рявкнул Келли.

Поул с трудом опустил ногу вниз и вполголоса выругался. Келли вытер платком внутреннюю сторону шляпы, хотел надеть ее, но передумал и бросил на сиденье.

— Господи, какая жарница! — сказал он.

— Будет еще похлеще,— заметил Поул.

Напротив них, по другую сторону прохода, только что пришедший пассажир кряхтя поднял свой чемодан, положил на багажную полку и, тяжело отдуваясь, снял пиджак. Келли посмотрел на него, потом отвернулся.

— Ты думаешь, в Мэйнарде будет похлеще? — спросил он с беспокойством.

Поул кивнул. Келли с трудом проглотил слюну. У него внезапно пересохло горло.

— Надо было нам хватить еще по бутылочке пива,— сказал он.

Поул, не отвечая, смотрел в окно на колышущееся марево, которое поднималось от раскаленной бетонной платформы.

— Я уже выпил три бутылки,— продолжал Келли,— но пить хочется еще больше прежнего.

— Угу,— буркнул Поул.

— Как будто после Филли во рту не было маковой росинки,— сказал Келли.

— Угу,— снова буркнул Поул.

Келли замолчал, уставившись на Поула. Лицо Поула казалось особенно белым на фоне черных волос, у него были большие руки, намного больше, чем нужно для человека его сложения. Но это были золотые руки. «Да, Поул один из лучших механиков,— подумал Келли,— один из самых лучших».

— Ты думаешь, он выдержит? — спросил Келли.

Поул хмыкнул и улыбнулся печальной улыбкой.

— Если только на него не будут сыпаться удары,— ответил он.

— Нет-нет, я не шучу,— сказал Келли.

Темные безжизненные глаза Поула скользнули по зданию станции и остановились на Келли.

— Я тоже,— подчеркнул он.

— Ну ладно, брось глупые шутки.

— Стил,— сказал Поул,— ведь ты знаешь это не хуже меня. Он ни на что не годен.

— Неправда,— буркнул Келли, ерзая на сиденье.— Ему нужен только пустяковый ремонт. Перебрать движущиеся части, смазать — и он будет совсем как новенький.

— Да-да, «пустяковый» ремонт на три-четыре тысячи долларов, — саркастически заметил Поул.— И детали, которые больше не производятся.— Он снова уставился в окно.

— Ну брось, дела не так уж плохи,— примирительно сказал Келли.— Послушать тебя, так это форменный металлолом.

— А разве не так?

— Нет,— с раздражением сказал Келли,— не так.

Поул пожал плечами, и его длинные гибкие пальцы бессильно легли на колени.

— Ведь нельзя же списывать его только потому, что он не первой молодости,— сказал Келли.

— Не первой молодости? — иронически повторил Поул.— Да это же совершенная развалина!

— Будто бы.

Келли набрал полную грудь горячего воздуха и медленно выпустил его через широкий расплющенный нос. Он отеческим взглядом окинул предмет, покрытый брезентом, словно сердился на сына за его недостатки, но еще более сердился на тех, кто осмелился на них указать.

— В нем еще есть порох,— сказал он наконец.

Поул молча посмотрел на платформу. Его взгляд механически скользнул по тележке носильщика, полной чемоданов и свертков.

— Скажи... у него все в порядке? — спросил Келли, в то же время боясь ответа.

Поул повернулся к нему.

— Не знаю, Стил,— откровенно сказал он.— Ему нужен ремонт, тебе это известно. Пружина мгновенной реакции в его левой руке рвалась столько раз, что теперь она состоит из отдельных кусочков. Слева у него нет надежной защиты. Левая сторона головы разбита, глазная линза треснула. Ножные кабели износились и ослабли, и подтянуть их невозможно. Даже гироскоп у него может каждую минуту выйти из строя.

Поул отвернулся и, скорчив гримасу, снова уставился на платформу.

— Не говоря уже о том, что у нас не осталось ни капли масла,— добавил он.

— Ну масло-то мы раздобудем! — сказал Келли с наигранной бодростью.

— Да, но после боя, после боя! — огрызнулся Поул.— А ведь смазка нужна ему до боя! Скрип его суставов будет слышен не только на ринге, а во всем зале! Он скрипит как паровой экскаватор. Если он продержится два раунда, это будет чудом! И вполне вероятно, что нас обмажут дегтем, вываляют в перьях и вынесут из города на шесте.

— Не думаю, что дойдет до этого,— с тревогой произнес Келли, проглотив комок в горле.

— Не думаю, не думаю! — передразнил его Поул.— Будет еще хуже, вот посмотришь! Стоит зрителям увидеть нашего «Боевого Максо» из Филадельфии, как они поднимут такой крик, только

держись! Если нам удастся улизнуть, получив пятьсот долларов, мы сможем считать себя счастливыми.

— Но контракт уже подписан,— твердо сказал Келли,— теперь им нельзя идти на попятную. Копия лежит у меня в кармане, вот здесь.— Келли похлопал себя по карману.

— В контракте речь идет о «Боевом Максо»,— возразил Поул,— в нем ни слова об этой... этой паровой лопате.

— Максо справится,— сказал Келли, убеждая скорее самого себя.— Он совсем не так безнадежен, как ты думаешь.

— Не так безнадежен? В борьбе против Б-семь?

— Это только экспериментальный образец,— напомнил ему Келли.— Во многом несовершенный.

Поул отвернулся и снова уставился в окно.

— Боевой Максо,— проговорил он,— Максо — на один раунд! Сенсация — боевой экскаватор на ринге!

— Заткнись! — внезапно рявкнул Келли, покраснев как рак.— Ты все время говоришь о нем как о куче металлолома, больше ни на что не годной. Не забудь, что он выступал на ринге двенадцать лет и будет еще выступать не один год! Положим, ему нужна смазка. И пустяковый ремонт. Ну и что? За пятьсот зелененьких мы ему сможем купить целую ванну машинного масла. И новую пружину для левой руки. И новые кабели для ног. И все остальное. Только бы получить эти пять сотен! Господи!

Он откинулся на спинку сиденья, еле переводя дух после длинной речи в такую жару, и начал вытирать щеки мокрым носовым платком. Внезапно он повернулся и взглянул на сидящего рядом Максо, затем нежно похлопал робота по бедру. От тяжелого прикосновения его руки сталь под брезентом загудела.

— Ты с ним справишься,— сказал Келли своему боксеру.

Поезд мчался по раскаленной от солнца прерии. Все окна в вагоне были открыты, но ветер, врываясь, только обдавал невыносимым жаром.

Келли сидел, склонившись над газетой. Мокрая рубашка облипала

его широкую грудь. Поул тоже снял пиджак и сидел, уставившись незрячим взглядом на проносящуюся мимо пустыню. Максо, по-прежнему покрытый брезентовым чехлом, сидел привалившись к стенке вагона и ритмично покачивался в такт движению поезда.

Келли сложил газету.

— Ни единого слова! — с негодованием воскликнул он.

— А ты что думал? — сказал Поул, не оборачиваясь. — Района Мэйнарда эти газеты не касаются.

— Максо — это тебе не какая-нибудь железка из Мэйнарда. Когда-то он был знаменитым боксером. — Келли пожал могучими плечами. — Я думал, что они помнят его.

— Помнят? Из-за двух схваток в «Мэдисон-сквер-гардене» три года назад? — спросил Поул.

— Нет, парень, не три года назад, — возразил Келли.

— Ну как же так? Это было в семьдесят седьмом, — сказал Поул, — а сейчас тысяча девятьсот восьмидесятый. Меня всегда учили, что восемьдесят отнять семьдесят семь будет три.

— Он выступал в «Гардене» в конце семьдесят седьмого, перед самым Рождеством. Разве ты не помнишь? Это было как раз перед тем, как Мардж...

Келли не окончил фразы. Он опустил голову и уставился на газету, будто увидел в ней фотографию Мардж, снятую в тот день, когда жена оставила его.

— Не все ли равно? — пожал плечами Поул. — Кого из двух тысяч боксеров страны помнят по сей день? В газеты попадают только чемпионы и новые модели.

Поул перевел взгляд на покрытого брезентом Максо.

— Я слышал, что «Моулинг корпорейшн» выпускает в этом году модель Б-девять, — сказал он.

— Вот как? — спросил Келли без всякого интереса, оторвавшись на мгновение от газеты.

— Пружины суперреакции в обеих руках — и в ногах тоже. Сделан целиком из сплавов алюминия и стали. Тройной гироскоп. Тройная проводка. Вот, наверно, хороша штучка!

Келли опустил газету на колени и пробормотал:

— Я думал, что его запомнят. Ведь это было совсем недавно...

Внезапно черты его лица смягчились, и он улыбнулся.

— Да, мне никогда не забыть того вечера,— сказал он, погружаясь в воспоминания.— Никто и не подозревал, что произойдет. Все ставили на Каменного Димзи, Димзи-Скалу, как его называли. Три к одному на Димзи, Каменного Димзи — четвертого в списке лучших полутяжеловесов мира. Он обещал больше всех.— Келли улыбнулся и глубоко вздохнул.— И как мы его обработали! — сказал он.— Я до сих пор помню этот левый встречный — бэнг! Прямо в челюсть! И непобедимый Димзи-Скала рухнул на пол как — как... как скала, да-да! — Снова счастливая улыбка озарила лицо Келли.— Да, парень, что это был за вечер,— прошептал он,— что за вечер!

Поул взглянул на Келли и быстро отвернулся, уставившись в окно.

Келли заметил, что их сосед-пассажир смотрит на Максо. Он перехватил взгляд незнакомца, улыбнулся и кивнул в сторону неподвижной фигуры.

— Мой боксер,— сказал он громко.

Человек вежливо улыбнулся и приложил руку к уху.

— Мой боксер,— повторил Келли громче.— Боевой Максо. Слышали о нем?

Человек несколько секунд смотрел на Келли, затем покачал головой.

— Да, мой Максо был одно время почти чемпионом в полутяжелом,— улыбнулся Келли, обращаясь к незнакомцу. Тот вежливо кивнул головой.

Неожиданно для самого себя Келли встал, пересек проход и сел напротив пассажира.

— Чертовски жарко,— сказал он.

— Да, очень жарко,— ответил человек, улыбнувшись ему.

— Здесь еще не ходят новые поезда, а?

— Нет,— ответил незнакомец,— еще не ходят.

— А у нас в Филли уже ходят,— сказал Келли.— Мы с моим другом оба оттуда. И Максо тоже.

Келли протянул руку.

— Меня зовут Келли, Стил Келли,— представился он.

Человек удивленно посмотрел на него и слабо пожал протянутую руку. Затем он незаметным движением вытер ладонь о штаны.

— Меня называли «стальной Келли»,— продолжал Келли.— Когда-то я сам занимался боксом. Еще до запрещения, конечно. Выступал в полутяжелом.

— Неужели?

— Совершенно верно. Меня называли «стальной», потому что никто не мог послать меня в нокаут. Ни разу.

— Понимаю,— вежливо ответил человек.

— Мой боксер,— Келли кивнул в сторону Максо.— Тоже в полутяжелом. Сегодня вечером выступаем в Мэйнарде. Вы не туда едете?

— Я — нет,— сказал незнакомец.— Я схожу в Хейесе.

— Ага. Очень жаль. Будет хорошая схватка.— Келли тяжело вздохнул...— Да, когда-то мой Максо был четвертым в своем весе. Но он снова вернется на ринг, обязательно вернется. Это он нокаутировал Димзи-Скалу в конце семьдесят седьмого. Вы, наверно, читали об этом?

— Вряд ли,— ответил незнакомец.

— Угу,— кивнул Келли.— Это было во всех газетах восточного побережья. Нью-Йорк, Бостон, Филли. Самая большая сенсация года.

Он почесал лысину.

— Мой Максо — модель Б-два, то есть вторая модель, выпущенная Моулингом,— пояснил Келли.— Его выпустили еще в семидесятые годы. Да-да, в семидесятые.

— Вот как,— ответил незнакомец.

Келли улыбнулся.

— Да,— продолжал он.— Я и сам когда-то выступал на ринге. Тогда еще дрались люди, а не роботы. До запрещения.— Он покачал головой, затем еще раз улыбнулся.— Ну что ж, мой Максо справится с этим Б-семь. Не знаю даже, как его зовут,— добавил Келли с бодрой улыбкой.

Внезапно его лицо потемнело, и в горле застрял комок.

— Мы ему покажем,— прошептал он чуть слышно.

Когда незнакомец сошел с поезда, Келли вернулся на свое место. Он вытянул ноги, положил их на сиденье напротив и накрыл лицо газетой.

— Вздремну малость,— сказал он.

Поул хмыкнул.

Келли сидел, откинувшись назад, глядя невидящими глазами на газету перед самым носом. Он чувствовал, как Максо время от времени ударяет стальным боком по его плечу, и слышал скрип заржавленных суставов боксера-робота.

— Все будет в порядке,— пробормотал он ободряюще.

— Что ты сказал? — спросил Поул.

— Ничего. Я ничего не говорил.

В шесть часов вечера, когда поезд замер у перрона Мэйнарда, они осторожно опустили Максо на бетон и выкатили его на привокзальную площадь. С другой стороны площади их окликнул шофер одинокого такси.

— У нас нет денег на такси,— сказал Поул.

— Но не можем же мы катить его по улицам,— возразил Келли.
— Кроме того, мы не знаем, где находится стадион Крюгера.

— А на какие деньги мы будем обедать?

— Отыграемся после боя,— сказал Келли.— Я куплю тебе бифштекс толщиной в три дюйма.

Тяжело вздохнув, Поул помог выкатить Максо на мостовую, такую раскаленную, что жар ощущался сквозь подошвы ботинок. У Келли опять проступили капельки пота на верхней губе, и он снова начал ее облизывать.

— Господи, и как они только здесь живут? — спросил он.

Когда они подняли Максо и начали втискивать его в такси, еще одно колесико отвалилось и упало на мостовую. Поул яростно пнул его ногой.

— Что ты делаешь? — озадаченно спросил Келли.

Поул молча влез в машину и прилип к горячей кожаной обшивке сиденья, а Келли по мягкой асфальтовой мостовой поспешил за катящимся колесиком и поймал его.

— Ну, куда, хозяин? — спросил шофер.

— Стадион Крюгера, — ответил Келли.

— Будет сделано. — Шофер протянул руку и нажал на кнопку стартера. Ротор загудел, и машина мягко заскользила по дороге.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Келли вполголоса. — Больше чем полгода мы бились, чтобы заключить контракт, а теперь, когда нам наконец удалось, тебе все не по нраву.

— Тоже мне контракт, — проворчал Поул. — Мэйнард, штат Канзас, — боксерская столица Соединенных Штатов!

— Ведь это только начало, правда? — спросил Келли. — После этой схватки у нас будут деньги на хлеб и масло, верно? Мы приведем Максо в порядок. И если нам повезет, мы окажемся...

Поул с отвращением огляделся вокруг.

— Я не понимаю тебя, — спокойно продолжал Келли. — Почему ты так легко списываешь со счетов нашего Максо? Ты что, не хочешь его победы?

— Стил, я механик класса А, — сказал Поул притворно терпеливым голосом. — Механик, а не мечтатель. Наш Максо — это груда металлолома против самого современного Б-семь. Это вопрос простой механики, Стил, вот и все. Если Максо удастся сойти с ринга на своих двоих, считай, что ему необыкновенно повезло.

Келл сердито отвернулся.

— Это экспериментальный Б-семь, — пробормотал он, — экспериментальный, с массой недоделок.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Поул.

Несколько минут они сидели молча, глядя на проносящиеся мимо дома. Келли сжимал кулаки, его плечо касалось стального плеча Максо.

— Вы видели в бою Мэйнардскую Молнию? — спросил Поул шофера.

— Молнию? Конечно видел! Да, ребята, это настоящий боец! Выиграл семь боев подряд! Даю голову на отсечение, он пробьется в чемпионы. Между прочим, сегодня вечером он дерется с каким-то ржавым Б-два с восточного побережья.

Келли уставился на затылок шофера, мускулы на его скулах напряглись до боли.

— Вот как? — угрюмо пробормотал он.

— Да уж будьте спокойны, наша Молния разнесет...

Внезапно шофер замолчал и посмотрел на Келли.

— Послушайте, ребята, а вы не...— начал он, затем снова повернулся к рулю.— Я не знал, мистер,— сказал он примирительно, — я просто пошутил.

— Ладно, что там,— неожиданно сказал Поул.— Ты был прав.

Келли тотчас же повернулся к Поулу.

— Заткнись! — прошипел он сквозь зубы и уставился в окно. На его лице застыло каменное выражение.

— Я куплю ему немного смазки,— сказал он после минутного молчания.

— Великолепно! — с сарказмом заметил Поул.— А мы сами будем есть инструменты.

— Иди к черту! — огрызнулся Келли.

Такси остановилось у входа в огромное кирпичное здание стадиона, и Максо вынесли на тротуар. Поул потянул робота на себя, и Келли, нагнувшись, вставил колесико. Затем Келли заплатил шоферу точно по счетчику, и они покатали Максо к входу.

— Посмотри,— сказал Келли, кивнув на огромный щит рядом с входом. Третья строка гласила: МЭЙНАРДСКАЯ МОЛНИЯ, Б-СЕМЬ, п/т, ПРОТИВ БОЕВОГО МАКСО, Б-ДВА, п/т.

— Это будет великая схватка,— сухо прокомментировал Поул.

Улыбка исчезла с лица Келли. Он повернулся к Поулу, чтобы оборвать его, но, сжав губы, промолчал.

Когда они подкатили Максо к двери и начали поднимать его по ступенькам, колесико снова выскочило и покатилося по тротуару. Ни один из них не сказал ни слова.

Внутри было еще жарче, чем на улице. Неподвижный воздух казался осязаемым.

— Захвати колесико,— бросил Келли и направился по коридору к стеклянной двери менеджера. Остановившись возле нее, он осторожно постучал.

— Войдите! — раздался голос.

Келли распахнул дверь и, сняв шляпу, вошел в комнату.

Толстый лысый человек, сидевший за огромным столом, поднял голову. На его лысине сверкали капельки пота.

— Я — хозяин Боевого Максо,— сказал Келли, улыбаясь, и протянул руку. Человек за столом, казалось, не заметил ее.

— Я уж думал, вы не доберетесь вовремя,— сказал менеджер, мистер Воду.— Ваш боксер в хорошей форме?

— В великолепной,— ответил Келли, не моргнув глазом.— Лучше быть не может! Мой механик — а у меня механик класса А — разобрал его и проверил все механизмы как раз перед самым отъездом из Филли.

На лице менеджера отразилось недоверие.

— Он в отличной форме,— еще раз повторил Келли.

— Вам чертовски повезло, что подвернулся контракт для вашего Б-два,— сказал мистер Воду.— Вот уже больше двух лет на нашем ринге не выступал ни один робот ниже класса Б-четыре. Но боксер, которого мы наметили для этой схватки, попал в автомобильную катастрофу и погиб.

Келли сочувственно кивнул.

— Сейчас вам не о чем беспокоиться. Мой боксер в отличной форме. Вы, наверно, помните, как в Мэдисоне три года назад он

нокаутировал Димзи-Скалу.

— Мне нужна хорошая схватка,— сказал толстяк.

— И вы ее получите,— ответил Келли, чувствуя тянущую боль в области желудка.— Максо великолепно подготовлен. Вы сами увидите. Он в отличной форме.

— Мне нужен хороший бой.

Несколько мгновений Келли молча смотрел на толстяка. Затем он спросил:

— У вас есть свободная раздевалка? Механик и я хотели бы сейчас поесть.

— Третья дверь по коридору направо,— ответил мистер Воду.— Ваш бой начинается в восемь тридцать.

Келли кивнул.

— О'кей.

— И чтобы без опозданий,— добавил менеджер и снова склонился над столом.

— Э... а как относительно...— начал Келли.

— Деньги после боя,— прервал его мистер Воду.

Улыбка исчезла с лица Келли.

— О'кей,— сказал он.— Увидимся после боя.

Поняв, что мистер Воду не собирается отвечать, Келли повернулся к выходу.

— Не хлопайте дверью,— сказал менеджер, не поднимая головы.

Келли осторожно прикрыл за собой дверь.

— Пошли,— бросил он Поулу.

Вместе они подкатили Максо к раздевалке и, втащив его туда, поставил в угол.

— Теперь неплохо бы проверить его,— напомнил Келли.

— Теперь неплохо бы подумать о моем брюхе,— огрызнулся механик.— Я не ел уже целый день.

Келли тяжело вздохнул.

— Ну ладно, пошли,— сказал он.

Но ему трижды пришлось хлопнуть дверью, прежде чем он услышал щелканье замка. Наконец Келли пошел к выходу, качая головой. Машинально он поднял к лицу левую руку и посмотрел на запястье; там виднелся лишь бледный след от заложённых в ломбарде часов.

— Сколько времени? — спросил он механика.

— Шесть двадцать пять,— ответил Поул.

— Придется есть побыстрее. Нужно как следует проверить его перед схваткой.

— А зачем?

— Ты слышал, что я сказал? — Келли сердито посмотрел на Поула.

— Ну ладно, ладно.

— Он должен вырвать победу у этого сукиного сына Б-семь,— процедил Келли, едва разжимая губы.

— Конечно. Зубами.

— Ну и город! — с отвращением бросил Келли, когда они после обеда отправились на стадион.

— Я же говорил тебе, что здесь нет машинного масла,— сказал Поул.— Зачем оно им? Б-два тут больше не выступают. Максо, наверно, единственный Б-два на тысячу миль в округе.

Келли быстро прошел по коридору и отомкнул дверь в раздевалку. Стоя на пороге, он повернулся к механику:

— Принимайся за работу, времени совсем в обрез.

Поул подошел к Максо, стащил с него брезентовый чехол, наклонился и начал отвертывать гайки. Аккуратно разложив их на скамье, он выбрал длинную отвертку и принялся за работу.

Келли задержал взгляд на кудрявой голове Максо. «Если бы я не видел, что у него внутри,— уже в который раз подумал Келли,— я не сумел бы отличить его от человека». Только механики знали, что боксеры-роботы модели Б — не настоящие люди. Часто и зрители принимали их за людей, и тогда в редакции газет шли гневные

письма с протестами против выступления людей на рингах страны, несмотря на запрет. Даже с кресел возле самого ринга движения боксеров-роботов, их волосы, кожа — все выглядело совершенно естественным. У Моулинга был специальный патент на все это.

При виде своего боксера Келли улыбнулся.

— Хороший парень,— пробормотал он.

Поул не слышал его слов. Он был поглощен работой, его искусные руки сновали в гуще проводов, проверяя контакты и реле.

— Ну как он, в порядке? — обеспокоенно спросил Келли.

— В полном порядке,— ответил механик. Он осторожно взял крошечную стеклянную трубочку в стальной оправе.— Если только эта штука не подкачает,— сказал он.

— Что это такое?

— Это субпара,— раздраженно объяснил Поул.— Я уже предупреждал тебя об этом восемь месяцев назад, когда Максо дрался последний раз.

Келли нахмурился.

— После этого боя мы ему купим новую,— сказал он.

— Семьдесят пять долларов,— прошептал Поул. Ему почудилось, как деньги улетают от него на зеленых крыльях.

— Не подкачает,— сказал Келли больше себе, чем Поулу.

Механик пожал плечами и вставил трубку обратно. Затем он утопил ряд кнопок на основном щитке управления. Максо шевельнулся.

— Осторожнее с левой рукой,— предупредил его Келли,— сбереги ее для боя.

— Если она не работает сейчас, она не будет работать и на ринге,— ответил Поул.

Он нажал еще одну кнопку, и левая рука Максо начала описывать небольшие концентрические круги. Затем Поул нажал кнопку, вводящую в действие защитную систему робота, и, отступив на шаг, нанес удар, целясь в правую часть подбородка Максо. Тотчас же рука робота стремительно поднялась вверх и прикрыла лицо.

Левый глаз Максо сверкнул, подобно рубину на солнце.

— Если левая глазная линза выйдет из строя...— пробормотал механик.

— Не выйдет,— сказал Келли, стиснув зубы. Он не отрываясь смотрел, как Поул имитировал удар левой в голову. Чуть замешкавшись, рука взлетела вверх и парировала удар. Суставы робота заскрипели.

— Достаточно,— сказал Келли.— Левая рука действует. Проверь все остальное.

— В бою ему придется отразить больше чем два удара,— заметил механик.

— Левая рука в порядке,— отчеканил Келли.— Проверь остальное, тебе говорят.

Поул засунул руку в грудную клетку Максо и включил ножные центры — ноги стали двигаться. Робот поднял левую ногу и вытряхнул колесико. Затем он, покачиваясь, встал на обе ступни; он напоминал калеку, который после длительной болезни поднялся на ноги.

Поул протянул руку и нажал кнопку «На полную мощность», затем быстро отскочил назад. Глаза робота остановились на механике, и Максо начал скользить вперед, прикрывая лицо руками и высоко поднимая плечи.

— Черт побери,— прошептал Поул,— скрип будет слышен даже в последних рядах зала.

Келли поморщился, прикусив губу. Он следил за тем, как Поул нанес удар справа и как Максо резким движением поднял руку для защиты. В горле у него все пересохло, ему стало трудно дышать.

Поул двигался быстро, робот неотступно шел за ним по пятам; его резкие судорожные движения контрастировали с мягкими плавными движениями человека.

— Да, он великолепен,— съязвил механик.— Действительно великий боксер!

Максо продолжал атаковать механика, поднимая руки в защитной стойке. Поул изловчился и, наклонившись вперед, нажал кнопку «Стой». Максо замер.

— Послушай, Стил, мы должны поставить его на оборону,— сказал механик.— Если он попытается перейти в наступление, Б-семь разнесет его на куски.

Келли откашлялся.

— Нет,— сказал он.

— О господи, подумай хоть немного, Стил! — взмолился Поул. — Ведь Максо лишь Б-два, ему все равно крышка, так давай спасем хотя бы часть деталей!

— Они хотят, чтобы он наступал,— сказал Келли.— Так и записано в контракте.

Поул отвернулся.

— Кому все это нужно? — прошептал он.

— Проверь-ка его еще раз.

— Зачем? От этого лучше не будет.

— Делай, как тебе говорят! — закричал Келли, давая выход ярости, накопившейся в нем за день.

Поул послушно кивнул, повернулся к роботу и нажал кнопку. Левая рука Максо взлетела вверх, затем внутри что-то треснуло, и рука упала вниз, ударившись о бок с металлическим звоном.

Келли вздрогнул, на его лице застыла маска отчаяния.

— Боже мой! Ведь я тебя просил не трогать левую руку! — вырвалось у него.

Он подбежал к механику. Тот, побледнев, изо всех сил нажимал кнопку. Левая рука не двигалась.

— Я же говорил — оставь левую руку в покое! — заорал Келли. — Неужели не понятно...— Келли оборвал фразу на полуслове: голос отказал ему.

Поул не ответил. Он схватил отвертку и начал колдовать над щитком, прикрывающим механизм левой руки.

— Если ты сломал ему руку, клянусь богом, я...— заикаясь, начал Келли.

— Если я сломал руку! — огрызнулся механик.— Послушай, ты, безмозглая дубина! Эта развалина уже три года держалась на честном

слове!

Келли сжал кулаки, его глаза налились кровью.

— Сними щиток,— приказал он.

— С-с-сукин сын,— шептал Поул дрожащим голосом, отвертывая последний болт на плечевом щитке.— Попробуй найди такого механика, который все эти годы ремонтировал бы этот экскаватор лучше меня! Найди хоть одного!

Келли не отвечал. Он стоял и смотрел, как механик снимает щиток.

Как только щиток был снят, пружина сломалась пополам, и кусок ее со звоном отлетел в другой угол комнаты.

Поул хотел что-то сказать, но не мог. Как зачарованный, он смотрел, не отрываясь, на пепельное лицо Келли.

Келли повернулся к механику.

— Почини его,— сказал он хриплым голосом.

Поул с трудом проглотил слюну.

— Стил, я не...

— Почини его!

— Я не могу, Стил! Эта пружина латалась уже столько раз, что ее больше нельзя чинить, на ней живого места нет!

— Ты ее сломал. Теперь почини! — Пальцы Келли тисками сжали руку механика.

Поул рванулся в сторону.

— Отпусти меня!

— Что с тобой, Поул? — неожиданно тихо спросил Келли.— Ты ведь знаешь, что мы должны починить эту пружину! Должны!

— Стил, нам нужна новая пружина.

— Так найди ее!

— А где? В этом городе нет таких пружин, Стил! И кроме того, у нас нет шестнадцати долларов...

— О... боже мой,— прошептал Келли.

Его рука разжалась и бессильно повисла. Он повернулся, нетвердыми шагами направился к скамье, сел и долго смотрел на высокую неподвижную фигуру Максо.

Поул тоже застыл на месте с отверткой в руках. Он не мог отвести взгляд от лица Келли, полного отчаяния.

— Может быть, он не выйдет в зал смотреть схватку,— чуть слышно прошептал Келли.

— Что?

Келли поднял голову и посмотрел на механика. Его лицо внезапно похудело и осунулось, бескровные губы сжались в узкую серую черту.

— Если он не выйдет в зал посмотреть схватку, может, и сойдет,— отчеканил он.

— О чем ты говоришь?

Келли встал и начал расстегивать рубашку.

— Что ты хо...— Поул, не договорив, замер с открытым ртом.— Ты сошел с ума! — прошептал он.

Келли расстегнул рубашку и начал ее стаскивать.

— Стил, ты сошел с ума! — закричал Поул.— Ты не имеешь права делать это!

Келли продолжал раздеваться.

— Но... Стил... послушай, Стил, ведь это убийство...

— Если мы не выставим боксера, нам не дадут ни копейки,— сказал Келли.

— Но ведь он убьет тебя!

Келли стянул майку и бросил ее на скамью. Его широкая грудь была покрыта густыми рыжими волосами.

— Придется сбрить волосы,— бросил он.

— Стил, не делай глупостей,— сказал Поул умоляющим голосом.— Ведь ты...

Широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел, как Келли сел на скамейку и начал расшнуровывать ботинки.

— Они не позволят тебе,— внезапно начал Поул.— Ты не сумеешь провести их...— Он замолчал и сделал неуверенный шаг.— Стил, ради бога...

Келли окинул механика мертвым взглядом.

— Ты поможешь мне,— сказал он.

— Но ведь они...

— Никто не знает, как выглядит Максо. И один только Воду видел меня. Если он останется у себя в конторе и не выйдет посмотреть бой, все будет в порядке.

— Но...

— Они не догадаются. Роботы тоже получают синяки, у них тоже течет кровь.

— Стил, перестань,— сказал Поул дрожащим голосом. Пытаясь овладеть собой, он сделал глубокий вдох и опустился на скамью рядом с широкоплечим ирландцем.

— Послушай, Стил,— сказал он,— в Мэриленде у меня живет сестра. Если я отобью телеграмму, она вышлет нам деньги на обратную дорогу.

Келли выпрямился и расстегнул пояс.

— Стил, я знаю парня в Филли, который по дешевке продаст Б-пять,— в отчаянии продолжал Поул.— Мы соберем деньги и... Стил, ну ради бога! Он же тебя убьет! Ведь это Б-семь! Неужели ты не понимаешь? Это Б-семь! Он изувечит тебя одним ударом!

Келли подошел к Максо и начал стаскивать с него трусы.

— Я не позволю тебе, Стил,— сказал Поул.— Сейчас я пойду и...

Он умолк, потому что Келли, внезапно повернувшись, схватил его за воротник рубашки и поднял на ноги. В глазах Келли не было и проблеска человечности, а хватка напоминала объятия бездушной машины.

— Пятьсот долларов! — прошипел Келли.— Ты мне поможешь, или я разобью твою голову о стену!

— Тебя убьют,— прошептал Поул, задыхаясь.

— Вот и хорошо,— ответил Келли.

Мистер Водуу вышел в коридор в тот момент, когда Поул вел покрытого брезентом Келли к рингу.

— Быстрее, быстрее,— сказал мистер Водуу,— вы заставляете публику ждать.

Поул судорожно кивнул и быстрее повел Келли по коридору.

— А где хозяин робота? — крикнул вдогонку мистер Водуу.

Поул проглотил внезапно набежавшую слюну.

— В зале,— торопливо ответил он.

Мистер Водуу что-то пробормотал, и Поул услышал, как захлопнулась дверь его конторы. «Надо было сказать ему»,— прошептал он.

— Я бы тебя убил на месте,— послышался сдавленный голос из-под брезента.

Когда они повернули за угол, из зала донесся рев многотысячной толпы. Келли почувствовал, как по его виску потекла струйка пота.

— Послушай, Поул,— сказал он,— тебе придется вытирать меня в перерыве между раундами.

— В перерыве между какими раундами? — спросил механик.— Ты и одного не выдержишься.

— Заткнись!

— Стил, ты думаешь, что тебе предстоит обычный бой с хорошим боксером? — спросил Поул.— Не строй иллюзий — ты будешь драться с машиной, понимаешь, с машиной! Разве ты...

— Я сказал, заткнись!

— Хорошо, болван ты этакий. Но ведь если я буду вытирать тебя в перерыве, все догадаются.

— Они не видели Б-два уже много лет,— напомнил Келли.— Если кто-нибудь спросит, отвечай, что протекает масло.

— Хорошо,— сказал Поул, нервно облизывая губы.— Стил, ты не сможешь...

Конец фразы внезапно потонул в реве тысячи глоток — они вошли в огромный зал. Теперь они спускались к рингу по наклонному проходу среди жаркого шумного моря зрителей. Келли

старался подтягивать колено к колену и шагать рывками. Со всех сторон неслись выкрики:

— Его увезут отсюда в ящике!

— Посмотрите-ка на этого Ржавого Максо!

Но чаще всего раздавалось неизбежное: «Куча металлолома!»

Келли чувствовал, что его колени стали ватными. «Господи, как хочется пить»,— подумал он. Моментально в его мозгу возникла картина бара в Канзас-Сити, тускло освещенное помещение рядом с вокзалом, свежий ветерок, холодная, покрытая изморозью бутылка пива в руке. За последний час он не выпил ни капли воды. Он знал, что чем меньше выпьет, тем меньше будет потеть.

— Внимание! — услышал он голос Поула; механик сжал его локоть.— Ступеньки ринга,— прошептал Поул.

Келли осторожно поднялся по ступенькам и протянул руку. Она коснулась канатов ринга. Очень трудно пролезать между канатами в тесном брезентовом чехле. Келли споткнулся и едва не упал. Раздался оглушительный свист. Поул подвел его к своему углу, и Келли судорожно опустился, вернее, почти упал, на табуретку.

— Эй, что делает на ринге этот подъемный кран? — закричал какой-то остряк из второго ряда. Смех и аплодисменты, затем снова свист.

В следующее мгновение Поул стянул с Келли чехол, и он увидел перед собой противника.

Келли замер, глядя на Мэйнардскую Молнию.

Б-7 стоял неподвижно, его руки, закованные в черные боксерские перчатки, висели по бокам. Волосы, лицо, мускулы на руках и ногах казались идеальными. Боксер походил на окаменевшего Адониса. На секунду Келли показалось, что он перенесся в прошлое и снова стоял на ринге, принимая вызов молодого соперника. Осторожно, стараясь не выдать себя, он проглотил слюну.

— Стил, не надо,— прошептал Поул, делая вид, что закрепляет наплечную пластинку.

Келли не ответил. Не отрываясь, он смотрел на Мэйнардскую Молнию, думая о том, сколько разнообразных, мгновенно

действующих реле и переключателей скрыто у того в широкой груди. Ноги у него были как лед. Казалось, какая-то холодная рука внутри его тянула за обрывки мускулов и нервов.

Краснолицый мужчина в белоснежном костюме вскарабкался на ринг и протянул руку к спустившемуся сверху микрофону.

— Итак, дамы и господа, первый номер нашей сегодняшней программы — схватка в десять раундов, полутяжелый вес,— объявил он хриплым голосом.— В красном углу — Б-два, Боевой Максо из Филадельфии!

Раздался свист и топот тысячи ног. Зрители из ближних рядов кидали в Келли бумажные стрелы и кричали: «Металлолом!»

— В синем углу — его соперник, наш Б-семь, Мэйнардская Молния!

Одобрительные крики и громкие аплодисменты. Механик Мэйнардской Молнии коснулся кнопки на груди робота, и тот вскочил, сделав победный жест — поднял руки над головой. Толпа загудела от восторга.

— Господи, я никогда не видывал ничего подобного! — прошептал Поул.— Это что-то новое.

— За этим боем последуют еще три схватки,— объявил краснолицый мужчина и начал спускаться с ринга. Микрофон поднялся вверх, под купол арены.

На ринге остались только боксеры. За боем роботов не наблюдает рефери — если робот падает, он уже больше не может встать на ноги.

— Стил, это твой последний шанс,— прошептал Поул.

— Отойди,— прошипел Келли, не разжимая губ.

Поул взглянул на Келли, на его застывшие глаза, и тяжело вздохнул.

— По крайней мере, старайся держать его на дистанции,— едва слышно пробормотал механик, пролезая под канатами.

В противоположном углу ринга боксер-робот стоял, ударяя перчаткой о перчатку, подобно молодому бойцу, которому не терпится вступить в схватку. Келли встал, и Поул убрал с ринга

табуретку. Глаза Мэйнардской Молнии неотрывно смотрели на Келли, и тот снова ощутил неприятный холодок внизу живота.

Ударил гонг.

Б-7 мягким шагом двинулся из своего угла навстречу Келли, подняв руки в классической защитной стойке, описывая перчатками концентрические круги. Келли тоже двинулся к центру ринга, едва волоча внезапно отяжелевшие ноги. Он почувствовал, как его руки автоматически выдвинулись вперед — левая закрыла локтем живот, а правая перчатка прикрыла челюсть. Глаза Келли были прикованы к лицу Мэйнардской Молнии.

Человек и робот сблизились. Левая перчатка Б-7 устремилась вперед, и Келли машинально парировал удар, даже через перчатку почувствовав гранитную твердость кулака противника. Робот мгновенно отступил назад и тут же выбросил вперед левую руку. Келли уклонился, и ветерок от молниеносного движения перчатки противника коснулся его щеки. В следующее мгновение Келли увидел брешь в обороне соперника, и его левая нацелилась прямо в лицо Мэйнардской Молнии. Казалось, Келли с размаху ударил по дверной ручке. Острая боль пронзила левую кисть, и Келли стиснул зубы, пытаясь удержать гримасу.

Б-7 сделал обманное движение левой, и Келли, поддавшись на обман, уклонился от удара. У него уже не было времени защититься от удара правой, которая стремительным движением рассекла воздух и, скользя по правому виску, ободрала его. Непроизвольно Келли откинул голову назад, и в ту же секунду левый кулак робота съездил ему по уху. Келли пошатнулся, но удержался на ногах и попытался атаковать прямым слева. Робот легко уклонился, сделав шаг в сторону. Келли двинулся за ним и нанес сильнейший апперкот в челюсть противника. Снова острая боль пронзила кисть руки. Робот даже не пошатнулся, продолжая свое методичное наступление. Обманное движение левой, и тяжелый удар правой обрушился на плечо Келли.

Инстинктивно Келли сделал два шага назад и услышал, как кто-то в зале завопил: «Сядь лучше на велосипед!» В следующий миг он вспомнил предупреждение мистера Водуоу насчет хорошей схватки и снова двинулся вперед.

Свинг левой попал ему прямо в сердце, и удар потряс Келли.

Боль раскаленными иглами вонзилась в сердце. Он тут же судорожно ударил левой, и кулак попал роботу прямо в нос. Ничего, кроме боли. Келли сделал шаг назад, и кулак Б-7 ударил его в грудь. Сила удара заставила его отшатнуться, и тут же последовал новый удар — в плечо. Келли потерял равновесие и сделал несколько шагов назад. Толпа загудела. Б-7 двинулся вслед за Келли, плавно и совершенно беззвучно.

Келли удалось восстановить равновесие. В следующее мгновение он сделал обманное движение левой и нанес сильнейший удар правой. Робот молниеносно уклонился, и Келли по инерции развернулся влево. Б-7, оценив представившуюся возможность, тут же ударил левой по правому плечу боксера. Келли успел почувствовать, как онемевшая рука опускается, и в следующее мгновение гранитный кулак Мэйнардской Молнии погрузился в живот боксера. Келли согнулся, как паяц, пытаясь закрыть лицо руками. Глаза робота, неотрывно следившие за боксером, сверкнули.

В тот момент, когда робот двинулся вперед, чтобы нанести решающий удар, Келли сделал шаг в сторону, и фотоэлементы глаз Б-7 потеряли его. Еще два шага, и Келли разогнулся, стараясь отдышаться. Воздух с хрипом врвался в его измученные легкие.

— Металлолом! — раздалось из зала.

В горле у Келли пересохло, он судорожно глотнул и двинулся в атаку в то самое мгновение, когда глаза Мэйнардской Молнии снова нашли его. Келли сделал быстрый шаг вперед, надеясь опередить электрический импульс, и сильно ударил правой. Левая перчатка соперника тут же взметнулась вверх, и удар Келли был отбит. Тотчас же правая Мэйнардской Молнии снова заставила Келли согнуться пополам и уйти в глухую защиту. Он отшатнулся, Б-7 последовал за ним, сохраняя дистанцию. Всхлипнув, Келли начал наносить удары наугад, но Б-7 отражал слепые удары и наносил встречные, точно поражающие цель. Голова Келли каждый раз дергалась, когда несильные, но точные удары робота попадали в цель. Келли видел, как Б-7 готовит сильнейший удар правой — видел, но уже не мог парировать его.

Удар в голову был подобен удару стального молота. Лезвия боли впились в мозг Келли. Казалось, черное облако опустилось на ринг. Его сдавленный крик утонул в реве многотысячной толпы, требовавшей, чтобы Б-7 добил его. Келли покачнулся и оперся на

канаты, которые спасли его от падения. Жесткая веревка впилась в поясницу, а из носа и рта потекла яркая кровь, очень похожая на краску, применяемую для большего правдоподобия у боксеров-роботов.

Какое-то неуловимое мгновение Келли бессильно висел на канатах, пытаясь защититься свободной левой рукой. Он зажмурился несколько раз, пытаясь сфокусировать зрение. Я — робот, беззвучно кричали его кровоточащие губы, я — робот!

Новый удар Мэйнардской Молнии попал в грудь, на несколько сантиметров выше солнечного сплетения. Чутьчуть ниже, и Келли не удержался бы на ногах. Однако и этот удар заставил его задохнуться. Тут же правая робота опустилась на голову Келли, снова отбросив его к канатам. Толпа оглушительно заревела.

Как будто в тумане, перед Келли маячил силуэт Мэйнардской Молнии. Еще один удар в грудь, будто дубиной, затем новый в плечо. Келли успел парировать правый хук робота поднятым плечом и сам ударил прямым справа. Б-7 легко отразил удар и ответил прямым в живот. Келли снова согнулся, не в силах вздохнуть. Еще удар в голову, и Келли отлетел к канатам. Он чувствовал соленый вкус крови во рту, оглушительный рев толпы поглотил его, подобно безбрежному океану. «Стой,— беззвучно кричал он,— стой! Только бы устоять, только бы не упасть... Пятьсот долларов...» Ринг покачивался перед Келли подобно черной воде.

Отчаянным усилием он выпрямился и из последних сил ударил в это красивое лицо. Что-то громко хрустнуло, и руку пронизала нестерпимая боль. Хриплый вскрик Келли остался незамеченным в оглушительном реве зрителей. Правая рука бессильно опустилась.

— Прикончи его, Молния, прикончи его!

Теперь их отделяло всего несколько дюймов. Б-7 обрушил на Келли град ударов, ни один из которых не прошел мимо цели. Келли качался взад-вперед, как тряпичная кукла, но продолжал стоять на ногах. Кровь текла по его лицу и груди алыми лентами. Руки бессильно висели по бокам, он ничего не видел. Из внешнего мира до его сознания доходил лишь рев толпы и бесконечные тяжелые удары. «Держись,— думал он.— Держись. Держись. Держись. Я должен выдержать, должен!» Он попытался втянуть голову в плечи.

Келли продолжал стоять, когда за семь секунд до конца первого

раунда правая рука Мэйнардской Молнии, подобно молоту, ударила в челюсть, и он рухнул на пол.

Келли лежал, судорожно хватая воздух широко открытым ртом. Внезапно он попытался встать и затем так же внезапно осознал, что не может. Он снова опустился на окровавленный пол ринга. Голова разрывалась на тысячу частей. Рев и свист толпы доносились откуда-то издалека.

Когда Поул сумел наконец поднять Келли и накинуть на него брезентовый чехол, толпа свистела и редела так громко, что Келли не слышал слов механика. Он чувствовал, как большая рука бережно поддерживает его, но его ноги сдали, и когда Келли пролезал под канатами, он едва не упал. «Держись,— билось в его мозгу,— держись. Мы должны показать хорошую схватку. Нам нужна хорошая схватка. Человек против робота».

В раздевалке Келли бессильно опустился на цементный пол и потерял сознание. Поул попытался поднять его и посадить на скамью, но тяжелая ноша оказалась ему не под силу. Наконец он сложил вдвое свой пиджак и подсунул его под голову Келли вместо подушки. Затем, встав на колени, механик начал вытирать ручейки крови на груди и лице боксера.

— Ах ты кретин,— бормотал он дрожащим голосом,— безмозглый ты дурень.

Через несколько минут Келли открыл глаза.

— Иди,— прошептал он едва слышно,— иди за деньгами.

— Что?

— Деньги! — прохрипел Келли из последних сил.

— Но...

— Немедленно! — рыкнул Келли.

Поул выпрямился и несколько секунд не отрываясь смотрел на изувеченного боксера. Затем повернулся и вышел.

Келли лежал, тяжело дыша. Он не мог шевельнуть правой рукой: знал, что она сломана. Из носа и рта продолжала течь кровь. Боль пульсировала в его теле, все оно было как одна сплошная рана.

Через некоторое время ему удалось приподняться на локте и

повернуть голову. Наболевшие мускулы шеи мешали ему, но Келли поворачивал голову до тех пор, пока не увидел стоящего в углу Максо. Убедившись, что с роботом ничего не случилось, Келли снова опустился на холодный пол. Губы исказились в подобии улыбки.

Когда Поул вернулся, Келли опять поднял голову. Механик подошел и, опустившись рядом с ним на колени, снова начал вытирать лицо боксера.

— Ты получил деньги? — спросил Келли хриплым шепотом.

Поул тяжело вздохнул.

— Ну?

Поул с трудом проглотил комок в горле.

— Только половину,— сказал он.

Глаза Келли уставились невидящим взглядом в лицо механика, рот приоткрылся. Казалось, он не верит своим ушам.

— Он сказал, что не будет платить пять сотен за один раунд.

— Что ты говоришь? — раздался наконец голос Келли.

Пытаясь встать, он оперся на правую руку. Смертельно побледнев, Келли с приглушенным криком рухнул на пол. Голова глухо ударилась о сложенный пиджак.

— Не может... не может... этого быть,— прохрипел Келли.

Поул нервно облизнул сухие губы.

— Стил... ничего нельзя поделать... Там с ним несколько парней... типичные гангстеры...— Он опустил голову.— А если он узнает, как было дело, он может забрать все... не дать ни цента...

Лежа на спине, Келли не отрываясь смотрел на голую электрическую лампочку под потолком. Грудь его содрогалась от рыданий.

— Нет,— шепнул он.— Нет...

Прошло несколько минут, долгих, как часы. Поул встал, принес воды, вытер лицо Келли и дал ему напиться. Затем он открыл свой чемоданчик с инструментами и пластырем заклеил раны на его лице. Правую руку Поул уложил в импровизированный лубок.

Через четверть часа Келли поднял голову.

— Мы поедем на автобусе,— сказал он.

— Что?

— Мы поедем на автобусе,— медленно повторил Келли.— Это нам встанет только в пятьдесят шесть зелененьких.— Он пошевелился и поднял голову.— Тогда у нас останется почти две сотни. Мы купим ему... новую пружину... и линзу фотоглаза... и...— Комната снова окуталась черным туманом, он мигнул и закрыл глаза.— И масляной смазки,— добавил он немного погодя.— Целую ванну масла. Он снова будет... будет как новенький...

Келли перевел взгляд на механика и продолжал:

— И он снова будет в порядке. Он будет, как и раньше, в отличной форме. И мы обеспечим его хорошими схватками.— Келли замолчал и с трудом вздохнул.— Его нужно только немного подремонтировать. Новая пружина, линза — это поставит его на ноги. Мы покажем этим мерзавцам, что может сделать Б-два, наш старый добрый Максо. Верно?

Поул посмотрел на лежащего ирландца и тяжело вздохнул.

— Конечно, Стил,— сказал он.

Призраки прошлого

Изначально он намеревался провести эту ночь в городской гостинице «Тигр». Но потом его осенило, что, может быть, свободна его бывшая комната. Сейчас было лето, и студенты, наверное, уже разъехались. Во всяком случае, стоило попытаться. Он не мог представить себе ничего более приятного, чем провести ночь в своей прежней комнате, в своей прежней кровати.

Дом несколько не изменился. Он поднялся по цементным ступеням, улыбаясь при виде их по-прежнему осыпающихся краев. «Те же старые ступеньки,— подумал он,— в том же плачевном состоянии». И той же самой была дверь с провисшей москитной сеткой, и точно таким же звонок, на кнопку которого, чтобы он сработал, надо было нажимать под определенным углом. Улыбаясь, он покачал головой и подумал, а жива ли еще мисс Смит.

Дверь открыла не мисс Смит. Сердце у него упало, когда вместо шаркающей ногами старушки к двери стремительно подошла крупная женщина средних лет.

— Да? — Ее хриплый голос прозвучал неприветливо.

— А мисс Смит здесь еще живет? — спросил он с надеждой.

— Нет, мисс Ада умерла несколько лет назад.

Ему будто дали пощечину. Он на мгновение почувствовал себя оглушенным и только кивал женщине.

— Понятно,— сказал он.— Понятно. Я, видите ли, снимал здесь комнату, когда учился в колледже, и я подумал...

Мисс Смит умерла.

— Так вы учитесь? — спросила женщина.

Он не решил, считать ли это оскорблением или похвалой.

— Нет-нет,— ответил он.— Я здесь проездом по дороге в Чикаго. Колледж я закончил много лет назад. Мне просто хотелось узнать, живет ли кто-нибудь в моей старой комнате.

— Вы имеете в виду большую комнату? — спросила женщина, рассматривая его как под микроскопом.

— Да, именно ее.

— До осени в ней никого не будет,— сказала она.

— А можно мне... взглянуть на нее?

— Ну, я...

— Я подумал, может быть, я смогу остановиться в ней на ночь,
— добавил он поспешно,— если, конечно...

— О, все в порядке.— Женщина потеплела.— Если вы хотите ее снять.

— Хотел бы,— подтвердил он.— Что-то вроде свидания с юностью, знаете ли.

Он пожалел, что произнес эти слова, и постарался вложить в свою улыбку побольше уверенности.

— И сколько вы заплатите? — спросила женщина, которую больше интересовали деньги, чем воспоминания.

— Ну, насколько я помню,— произнес он,— я платил за нее двадцать долларов в месяц. Предположим, я заплачу вам столько же.

— За одну ночь?

Он почувствовал себя глупо. Но теперь он не мог повернуть назад, хотя и понимал, что подобное предложение вызвано исключительно ностальгией. Ни одна комната не стоит двадцати долларов за ночь.

Он одернул себя. К чему отговорки? Встреча с молодостью стоила того. Двадцать долларов для него давно уже пустяк. А вот прошлое...

— С радостью заплачу,— сказал он.— Вполне справедливая цена.

Он неловкими пальцами достал банкноты из бумажника и протянул их женщине.

Когда они шли по тускло освещенному коридору, он заглянул в ванную. Знакомая картина заставила его улыбнуться. Было что-то чудесное в возвращении. Он не мог этого не ощущать — оно было.

— Да, мисс Ада умерла примерно пять лет назад,— сказала женщина.

Его улыбка померкла.

Когда открылась дверь, ему захотелось долго простоять на пороге, оглядывая комнату, прежде чем снова в нее войти. Однако женщина стояла рядом, и было бы глупо просить ее подождать, поэтому он только глубоко вздохнул и шагнул внутрь.

Путешествие во времени. Эти слова пронеслись у него в голове, когда он вошел. Потому что показалось, что он внезапно вернулся назад, первокурсник, который впервые заходит в свою комнату с чемоданом в руке, в самом начале нового приключения.

Он молча оглядывал комнату, и его вдруг охватил невыразимый испуг. Комната, казалось, вернула все. Абсолютно все. Мэри, Нормана, Спенсера, Дэвида, их занятия, концерты, вечеринки, танцы, футбольные матчи, пивные кутежи, полуночные разговоры и все остальное. Воспоминания напирала толпой, пока уже не начало чудиться, что они раздавят его.

— Здесь немного пыльно, но я все приберу, когда вы отправитесь обедать,— пообещала женщина.— Пойду принесу чистые простыни.

Он не услышал ее слов, не услышал ее шагов, удаляющихся по коридору. Он стоял посреди комнаты, весь во власти прошлого.

Он не понял, что именно заставило его содрогнуться, но внезапно обернулся.

Это был не звук и не то, что можно было бы увидеть. Но он это почувствовал, умом и телом, какая-то тень беспричинного страха.

Он, вскрикнув, подскочил на месте, когда дверь с грохотом захлопнулась.

— Это просто сквозняк,— сказала женщина, вернувшаяся с простынями.

Бродвей. Светофор переключился на красный, и он нажал на тормоз. Взгляд скользил по фасадам магазинов.

Вон аптека «Краун», несколько не изменилась. Рядом с ней обувной магазин Флоры Дейм. Взгляд метнулся через улицу. Магазин Глендейла все такой же. И «Одежда Барта» тоже на прежнем месте.

В мозгу расслабилась какая-то пружина, и он вдруг понял, что больше всего боялся увидеть, как изменился городок. Потому что когда он повернул на Бродвей и увидел, что книжный магазин мистера Слоуна и «Колледж-гриль» исчезли, он ощутил себя едва ли не преданным. Городок, который он помнил, жил в его голове нетронутым, и от этих мелких перемен ему было не по себе. Все равно что встретить старинного приятеля и обнаружить, что у него нет одной ноги.

Но многое осталось точно таким же, что вызывало на его губах торжественную улыбку.

Театр «Колледж», куда он с друзьями ходил на полуночные представления по субботам, после свидания или долгих часов учебы. Университетский кегельбан, там, наверху, были комнаты с бильярдом.

А внизу...

Поддавшись импульсу, он подогнал машину к тротуару и заглушил мотор. Он посидел минуту в машине, смотря на вход в «Золотой кампус». Затем быстро вышел из машины.

Над входом висел все тот же старый навес, некогда кричащие краски которого от времени и погоды сделались консервативно темными. Он двинулся вперед, на губах играла улыбка.

Затем, когда он стоял, глядя вниз, на крутую узкую лестницу, на него вдруг накатила непередаваемая тоска. Он взялся рукой за перила и, мгновение поколебавшись, начал медленно спускаться. В его воспоминаниях лестница не была такой узкой.

Почти в самом низу до него донеслось какое-то жужжанье. Кто-то чистил место для танцев полотером с вертящимися щетками. Он сошел с последней ступени и увидел низкорослого негра, который возил по полу медленно ползущий агрегат. Он увидел и услышал, как металлический нос полотера стукнулся об одну из колонн, которые обозначали границы танцевальной площадки.

Он снова нахмурился. Помещение такое маленькое, такое угрюмое. Не может же быть, чтобы его память так ошибалась. Нет, спешно пояснил он самому себе. Нет, это потому что сейчас здесь пусто и горят не все лампы. Это потому что музыкальный автомат не мельтешит разноцветными огоньками и нет танцующих парочек.

Не сознавая того, он сунул руки в карманы брюк — подобную позу он позволял себе всего пару раз с тех пор, как восемнадцать лет назад закончил колледж. Он подошел ближе к танцевальной площадке, кивнул при виде низкого древнего помоста для оркестра, словно увидел старого знакомого.

Он стоял перед танцевальной площадкой и думал о Мэри.

Сколько раз они кружились по этому крошечному пятаку, двигаясь в ритме, который задавал сияющий музыкальный автомат? Они танцевали медленно, тела сливались, ее теплая рука лениво поглаживала его сзади по шее. Сколько раз? Что-то сжалось внутри. Он видел ее лицо будто наяву. Поспешно отвернувшись от танцевальной площадки, он взглянул на темные деревянные кабинеты.

На губах появилась улыбка. Неужели они все еще на месте? Он обогнул колонну и двинулся в заднюю часть помещения.

— Ищете кого-нибудь? — спросил пожилой негр.

— Нет-нет, — ответил он. — Просто хотел взглянуть на кое-что.

Он двинулся вдоль кабинетов, стараясь не обращать внимания на собственное смущение. «В каком же из них?» — спрашивал он себя. Он не мог вспомнить, все они выглядели одинаково. Он остановился, уперев руки в бока, и окинул взглядом все кабинеты, медленно покачивая головой. Негр закончил натирать пол, выдернул вилку из розетки и укатил древнюю машину прочь. В помещении наступила мертвенная тишина.

Он понял, что смотрит на третий кабинет. Тонкие буквы стали почти такими же темными, как само дерево, однако, без сомнения, были на прежнем месте. Он проскользнул в кабинет и рассмотрел ближе.

«Б. Дж.». Билл Джонсон. И под инициалами год. «1939».

Он подумал обо всех ночах, которые они со Спенсером, Дейвом и Нормом провели в этом кабинете, ловко препарируя вселенную свежезаточенными скальпелями выпускников колледжа.

— Нам казалось, что весь мир у нас в кармане, — пробормотал он. — До последнего кусочка.

Он неспешно снял шляпу и присел за стол. Все, чего ему сейчас

хотелось, стаканчик прежнего пива: густого солодового напитка, который растекся бы по жилам и возвеселил сердце, как часто говаривал Спенсер.

Он, будто с кем-то соглашаясь, покивал и прошептал тост.

— За тебя, непревзойденное прошлое.

Произнеся это, он оторвал взгляд от стола и увидел молодого человека, который стоял в противоположном конце помещения, у темного подножия лестницы. Джонсон посмотрел на юношу, не в силах четко разглядеть его без очков.

Спустя миг молодой человек развернулся и ушел вверх по лестнице. Джонсон улыбнулся самому себе. «Вернусь сюда в шесть», — подумал он. Танцы начинаются не раньше шести.

При этом он снова подумал о тех вечерах, которые провел здесь внизу, в этом заплесневелом полумраке, за пивом, разговорами, танцами, прожигая юность с легкомысленностью миллионера.

Он молча сидел в полутьме, и воспоминания накатывали на него неутомимым приливом, омывали его сознание, вынуждая крепко сжимать рот, потому что он понимал, что все это ушло навсегда.

И посреди этого прилива к нему снова пришло воспоминание о ней. Мэри, думал он, что же случилось с Мэри?

Он снова вздрогнул, когда проходил под аркой, ведущей в кампус. Неприятное ощущение, будто прошлое и настоящее смешались, а он сам движется по канату, натянутому между ними, готовый упасть либо по одну сторону, либо по другую.

Это ощущение преследовало его по пятам и охлаждало восторг от возвращения назад.

Он взглянул на здание, подумал о занятиях, на какие ходил сюда, о людях, с которыми здесь встречался. И почти одновременно он увидел свою нынешнюю жизнь, тусклые, пустые обязанности коммивояжера. Месяцы и годы одинокого путешествия по стране. Завершающегося неизменным возвращением в дом, который ему не нравится, к жене, которую он не любит.

Он все время думал о Мэри. Какой он был дурак, что упустил ее. Считал, со свойственной молодым бездумной уверенностью, будто

мир полон безграничных возможностей. Он думал, что это неправильно, так рано делать выбор, хвататься за настоящий момент. Ведь он был создан для того, чтобы пастись на самых сочных пастбищах. И он все искал и искал, пока все его пастбища со временем не высохли.

И снова это ощущение. Вернее, сочетание нескольких ощущений. Угнетение, которое сгибало и душило его, и непонятное и непрекращающееся чувство погони. Непобедимое желание оглянуться через плечо и увидеть, кто же за ним гонится. Он никак не мог от него отделаться, и это беспокоило и расстраивало.

Он подумал, не остановиться ли, не посидеть ли немного в кампусе. Под деревьями расположилось несколько студентов, они смеялись и болтали.

Но он не станет больше разговаривать со студентами. Как раз перед тем, как войти в кампус, он заглянул в кафе, выпить стакан холодного чая. Он присел рядом с каким-то студентом и попытался завести разговор.

Молодой человек держался с ним крайне заносчиво. Он, конечно, ничего не сказал, но это было в высшей степени оскорбительно.

И случилось кое-что еще. Когда он подходил к кассе, какой-то молодой человек проходил мимо. Джонсону показалось, что юноша ему знаком, и он даже вскинул руку, чтобы привлечь его внимание.

Потом он понял, что никак не может знать никого из нынешних студентов, и смущенно опустил руку. Он расплатился по чеку, ощущая крайнюю подавленность.

Ощущение подавленности все не покидало его, когда он поднимался по ступенькам корпуса гуманитарных наук.

На крыльце он развернулся и окинул взглядом весь кампус. Несмотря на все, он повеселел, увидев, что кампус остался точно таким же. Хотя бы он не переменялся — значит, в мире все-таки есть что-то вечное.

Улыбка коснулась его губ, он развернулся. А потом развернулся снова. Неужели кто-то его преследует? Сейчас это чувство было особенно сильным. Обеспокоенный взгляд метался по кампусу, не находя ничего необычного. Раздраженно передернув плечами, он

вошел в здание.

Оно тоже осталось прежним. Приятно было снова пройтись по темным плиткам пола, под расписным потолком, подняться по мраморным ступеням, войти в прохладные залы, где затухал любой звук.

Он не рассмотрел лица студента, который прошел мимо, хотя их плечи едва не соприкоснулись. Ему показалось, что этот студент смотрит на него. Однако он не был уверен, а когда обернулся через плечо, студент уже зашел за угол.

День медленно тянулся к концу. Он ходил от здания к зданию, входил в каждое с благоговением, смотрел на доски объявлений, заглядывал в аудитории и улыбался всему застенчивой улыбкой.

Однако энтузиазм, похоже, стал покидать его. Было обидно, что с ним никто не заговаривает. Он подумал, не зайти ли к куратору выпускного курса и не поболтать ли с ним, однако решил этого не делать. Он не хотел показаться излишне пафосным. Он просто бывший студент, который скромненько навещает места, где прошли его студенческие года. Вот и все. Незачем устраивать из этого спектакль.

Когда после ужина он возвращался обратно в свою комнату, он уже был совершенно уверен, что кто-то его преследует.

Но каждый раз, когда он настороженно хмурился и оборачивался, никого не было. Только машины гудели, проезжая по Бродвею, да из домов доносился юношеский смех.

На крыльце дома он остановился и оглядел улицу, неприятный холодок пробежал по спине. Наверное, сегодня днем слишком много потел, решил он. И вот теперь вечерний воздух его холодит. В конце концов, он ведь уже не так молод...

Он мотнул головой, пытаясь отогнать от себя эту фразу. Человек молод настолько, насколько себя чувствует, авторитетно заявил он самому себе и коротко кивнул, чтобы лучше донести этот факт до сознания.

Хозяйка оставила парадную дверь открытой. Войдя, он услышал, как она разговаривает по телефону в комнате мисс Смит. Джонсон снова кивнул самому себе. Сколько раз он разговаривал с Мэри по

этому телефону? Какой, кстати, у него номер? Сорок четыре пятьдесят восемь. Вот какой. Он гордо улыбнулся тому, что еще помнит.

Сколько раз он сидел там, в старом черном кресле-качалке, ведя с ней беседы ни о чем? Его лицо осунулось. Где она теперь? Вышла ли замуж, нарожала детей? Или она...

Он напряженно замер, когда за спиной скрипнула половица. Он выждал секунду, ожидая услышать голос хозяйки. Затем стремительно развернулся.

В коридоре было пусто.

Переведя дух, он вошел в свою комнату и плотно закрыл дверь. Принялся нащаривать выключатель и наконец включил свет.

Снова улыбнулся. Так уже лучше. Он обошел всю старую комнату, пробежал пальцами по крышке бюро, по студенческой конторке, по кровати. Кинул на конторку пальто и шляпу, с усталым вздохом опустился на постель. Он улыбнулся, когда под ним застонали старые пружины. «Старые добрые пружины»,— подумал он.

Он подтянул ноги и упал на подушку. Господи, хорошего как! Пальцы любовно поглаживали покрывало.

В доме было очень тихо. Джонсон перевернулся на живот и посмотрел в окно. За окном был старый переулок, большой древний дуб все еще возвышался над домом. Он покачал головой, чувствуя, как от воспоминаний сдавило грудь.

Потом он вздрогнул, когда дверь чуть приоткрылась. Быстро обернулся через плечо. «Это просто сквозняк»,— вспомнил он слова женщины.

Он, без сомнения, переутомился, решил он, однако все это тревожит. Оно и неудивительно. День был полон эмоций. Целый день оживлять прошлое и сожалеть о настоящем — это выбьет из колеи кого угодно.

Его клонило в сон после плотной трапезы в кабачке «Золото на черном». Он заставил себя подняться и добрал до выключателя.

Комната погрузилась в темноту, и он осторожно двинулся обратно к постели. С довольным вздохом улегся.

Это по-прежнему была старая добрая кровать. Сколько ночей он провел на ней, пока у него в голове kloкотали слова из прочитанных книг? Он протянул руку и распустил ремень, привычно убеждая себя, будто нисколько не сожалеет о том, насколько раздалось некогда худощавое тело. Он глубоко вздохнул, когда живот перестало стягивать. Потом перекатился на бок в теплом душном воздухе и закрыл глаза.

Он полежал несколько минут, прислушиваясь к шуму машин. Потом со стоном перекатился на спину. Вытянул ноги, расслабился. Затем сел на кровати, вытянул руку, расшнуровал ботинки и уронил их на пол. Снова упал на подушку и снова со вздохом перевернулся на бок.

Ощущение подползало неспешно.

Сначала ему показалось, что его беспокоит желудок. Потом он понял, что это вовсе не мышцы живота, это каждый мускул всего тела. Он чувствовал, как десятки струн протягиваются сквозь тело и дрожат, натянутые на его каркас.

Он открыл глаза и заморгал в темноте. Что, ради всего святого, происходит? Он уставился на конторку и увидел темные силуэты пальто и шляпы. Снова закрыл глаза. Нужно расслабиться. В Чикаго предстоит встреча с крупными клиентами.

«Холодно»,— подумал он раздраженно и поерзал, чтобы вытащить из-под раздобревшего тела покрывало. По коже бегали мурашки. Он понял, что прислушивается, хотя стояла абсолютная тишина, если не считать его собственного сиплого дыхания. Он неловко повернулся, не понимая, с чего вдруг ему стало так зябко. Наверное, простуда.

Он перекатился на спину и открыл глаза.

За мгновение его тело окоченело, и все звуки намертво застряли в горле.

Склонившись прямо над ним, в воздухе висело белое лицо, дышавшее такой ненавистью, какой он не видел ни разу за всю свою жизнь.

Он лежал, глядя в оцепенелом, неприкрытом ужасе на это лицо.

— Убирайся,— произнесло лицо, и в скрипучем голосе звучала угроза.— Убирайся отсюда. Ты не можешь вернуться.

Прошло много времени после того, как лицо исчезло, а Джонсон так и лежал, едва в силах дышать, руки сжались в кулаки, глаза широко открыты и устремлены в пустоту. Он пытался размышлять, однако стоило вспомнить лицо, и все мысли замерзали в голове.

Он не стал задерживаться. Когда к нему вернулись силы, он встал и сумел выбраться из дому, не привлекая внимания хозяйки. Быстро выехал из городка, весь побелевший, способный думать только о том, что видел.

Самого себя.

Это было лицо его тогдашнего, когда он учился в колледже. Его юная ипостась возненавидела нарушителя, грубо вторгшегося туда, где ему нельзя было оказываться снова. И молодой человек в «Золотом кампусе» тоже был его юношеское «я». И студент, прошедший мимо в кафе кампуса, был он сам. И студент в коридоре, и некто, чье постоянное присутствие он ощущал, бродя по кампусу, некто, ненавидевший его за то, что он вернулся и трогает прошлое,— все это был он сам.

Он больше ни разу не возвращался и никому не рассказывал о том, что произошло. И когда, в крайне редкие моменты, он заговаривал о своих студенческих годах, то всегда делал это, пожимая плечами и цинично усмехаясь, чтобы показать, как мало эти годы значат для него.

Человек-праздник

— Ты опоздаешь,— сказала она.

Он устало откинулся на спинку стула и ответил:

— Да, я знаю.

Они сидели на кухне, завтракали. Дэвид съел очень мало. В основном он пил черный кофе и внимательно смотрел на скатерть. Вся она была покрыта тонкими линиями, казавшимися Дэвиду своеобразными автострадами.

— Ну что? — спросила она.

Он вздрогнул и оторвал глаза от скатерти.

— Да,— сказал он,— все правильно.

— Дэвид! — повторила она.

— Да-да. Я знаю,— ответил он,— я опаздываю.

Он не сердился. На это его уже не хватило бы.

— Ты определенно опоздаешь,— еще раз сказала она, намазывая хлеб маслом, а потом сверху — толстым слоем малинового джема. Она с хрустом откусила и начала жевать.

Дэвид встал, прошел через кухню к двери, повернулся и замер. Он смотрел ей прямо в затылок.

— А почему бы и нет? — опять спросил он.

— Потому что тебе нельзя,— сказала она.— Вот и все.

— Но почему?

— Потому что ты им нужен,— сказала она.— Потому что они тебе хорошо платят и что бы ты еще без них делал. Разве не ясно?

— Но они могли бы найти кого-нибудь.

— Ну хватит, прекрати,— сказала она.— Ты же знаешь, что нет.

— Но почему именно я? — спросил он.

Она не отвечала, жевала свой бутерброд.

— Но, Джин?

— Больше говорить не о чем,— сказала она, продолжая есть. Наконец она повернулась:

— Так ты еще здесь? Сегодня тебе не следовало бы опаздывать.

У Дэвида что-то сжалось внутри.

— Нет,— сказал он,— только не сегодня.

Он вышел из кухни и поднялся наверх. Там почистил зубы, надраил ботинки и надел галстук. Затем вновь спустился вниз, восьми еще не было. Заглянул на кухню.

— Ну, пока,— сказала она.

Джин слегка приподнялась и подставила ему щеку для поцелуя.

— Пока, милый,— сказала она.— Желаю...— И внезапно замолчала.

— ...хорошо поработать? — закончил он.— Спасибо.— Дэвид повернулся.— Сегодня я отлично поработаю.

Вот уже много лет, как он перестал водить машину. По утрам приходил на железнодорожную станцию пешком. Придя на станцию, Дэвид, как обычно, вышел на платформу и стал ждать поезд. Газеты у него не было. Он больше не покупал газет. Ему не нравилось их читать.

— Доброе утро, Гаррет!

Он обернулся и увидел Каултера, который тоже работал в городе. Каултер похлопал его по спине.

— Доброе утро! — ответил Дэвид.

— Как дела? — спросил Каултер.

— Спасибо, нормально.

— Рад слышать. Скорее бы Четвертое, не правда ли?^[26]

Дэвид судорожно вздохнул.

— Да знаете ли...— начал он.

— Ну а я собираюсь вывезти все семейство в лес,— продолжал Каултер.— Эти отвратительные фейерверки не для нас. Заберемся в старенький автобус и поедем туда, где их нет.

— Помчитесь,— сказал Дэвид.

— Так точно, сэр,— ответил Каултер.— Как можно дальше.

Это началось само собой. Нет, подумал он: не сейчас. С усилием он заставил это вернуться обратно, в темноту, откуда оно появилось.

— ...ламном деле,— закончил Каултер.

— Что? — переспросил он.

— Да я надеюсь, все идет нормально в вашем рекламном деле.

Дэвид прокашлялся.

— Да, конечно,— ответил он.— Все прекрасно.— Он всегда забывал об этой лжи, сказанной как-то Каултеру.

Когда поезд подошел, он сел в вагон для некурящих, так как знал, что Каултер в дороге всегда курит. Сидеть рядом с Каултером ему не хотелось. По крайней мере, сейчас. Всю дорогу до города он смотрел в окно. В основном следил за обочиной и движением на автостраде. Один раз, когда поезд с грохотом въехал на мост, он взглянул вниз на зеркальную поверхность озера, в другой раз он откинул голову назад и посмотрел на солнце.

Он остановился, когда уже почти вошел в лифт.

— Вверх? — спросил человек в коричнево-красной униформе.— Вверх? — настойчиво, глядя на Дэвида, повторил он. Потом человек закрыл скользящие двери.

Дэвид стоял не двигаясь. Вокруг него начали накапливаться люди. В считанное мгновение он повернулся и, расталкивая их плечами, выбрался обратно. Когда Дэвид вышел на улицу, страшная июльская жара сразу же окутала его. Он шел по тротуару, как во сне. Дэвид пересек дорогу и нырнул в бар.

Внутри было темно и прохладно. Никаких посетителей. Бармена и того не было видно. Дэвид опустил в полутьму кабинки и снял шляпу. Он наклонил назад голову и закрыл глаза.

Он не в силах был это сделать. Он просто не мог встать и подняться в свой офис. И не важно, что Джин сказала и что все остальные говорят. Ухватившись руками за край стола, он сжал его с такой силой, что пальцы побелели. Конечно же, он не сделает.

— Хотите чего-нибудь? — раздался голос.

Дэвид открыл глаза. Бармен стоял рядом с кабинкой и смотрел

на него сверху вниз.

— Да, пожалуйста... пиво,— ответил он.

Дэвид ненавидел пиво, но он знал, что придется что-то заказать, иначе он лишится этой привилегии спокойно посидеть в прохладной тишине. Пиво можно и не пить.

Бармен принес пиво, и Дэвид заплатил. Затем, когда бармен отошел, он стал медленно поворачивать стакан по поверхности стола. И вот в этот момент оно началось снова. Затаив дыхание, он попытался оттолкнуть его. НЕТ! — сказал он, впадая в бешенство.

Еще через минуту он встал из-за стола и вышел из бара. Уже перевалило за десять. Хотя это, конечно, не имело никакого значения. Они знают, что он всегда опаздывает. Они знают, что он всегда пытается побороть это. Безуспешно.

Офис находился в глубине помещения, небольшая загородка, снабженная самым необходимым: коврик, диван и небольшой стол с лежащими на нем карандашами и белой бумагой. Это все, что ему нужно. Одно время он держал секретаршу, но потом ему не понравилось, что кто-то за дверью может услышать его крик.

Никто не видел, как он вошел в кабинет из холла, через потайную дверь. Оказавшись внутри, он запер дверь, затем снял пиджак и расстелил его на столе. В офисе было душно. Дэвид приблизился к окну и поднял раму.

Далеко-далеко внизу жил город. Дэвид стоял и смотрел туда.

«Сколько же из них?» — промелькнула мысль.

Тяжело вздохнув, он отвернулся. И так, он пришел. Нет смысла тянуть дальше. Он связан этим. Лучше будет поскорей закончить и убираться.

Он задернул жалюзи, подошел к кушетке и лег. Устроился на подушке, вытянулся, как следует, и замер. Конечности, интересное чувство, почти сразу же онемели.

Началось.

Сейчас Дэвид это не останавливал. Оно капало в его мозг, как тающий лед. Врывалось, словно зимний ветер. Кружилось в нем подобно холодной, скользкой химере. Дэвид оцепенел и начал задыхаться. Грудь его содрогалась, сердце билось резкими толчками.

Пальцы, окостенелые, словно когти, царапали кожу кушетки. Сейчас он весь дрожал, стонал и извивался. Наконец он закричал и кричал довольно долго.

Это было сделано. Вялый, без движения, лежал Дэвид на кушетке с глазами застывшими, как стекло. Когда немного отпустило, он поднял руку и взглянул на часы. Было почти два. С трудом он поднялся. Тело было свинцовым. Елееле добрался до стола и сел. Там он что-то написал на листке бумаги и, уронив голову на стол, впал в глубокий, бесчувственный сон.

Прошло несколько часов, прежде чем он проснулся и отнес исписанный листок бумаги своему старшему. Тот просмотрел его и кивнул.

— Четыреста восемьдесят шесть, так я понял? — сказал старший.— А ты уверен?

— Я уверен,— спокойно ответил Дэвид.— Я смотрел за каждым. — Он не упомянул, что Каултер и его семейство тоже были среди них.

— О'кей,— сказал старший,— давай посмотрим. Четыреста пятьдесят два в дорожно-транспортных происшествиях, восемнадцать утонули, семь от солнечного удара, три от фейерверков, шесть — по другим причинам.

— Такая маленькая девочка и обожглась до смерти,— сказал Дэвид.— А мальчик, совсем малыш, съел муравьиный яд. И та женщина, надо же, ее ударило током. Мужчина — от змеиного укуса.

— Ну что ж,— сказал старший,— хорошо, но мы сделаем лучше. Скажем, четыреста пятьдесят. Это всегда впечатляет, когда погибает больше людей, чем мы предсказали.

— Конечно,— сказал Дэвид.

В тот вечер прогноз был на первых страницах всех газет. По пути домой Дэвид слышал, как сидящий перед ним мужчина повернулся к своему соседу и сказал:

— Что бы я действительно хотел знать, это как они угадывают?

Дэвид поднялся и отошел в противоположную часть вагона. И пока не сошел с поезда, он все стоял там, слушая стук колес, и думал о следующем празднике — Дне труда^[27].

Белое шелковое платье

Вокруг ни звука. Звуки только у меня в голове. Бабушка заперла меня на ключ в моей комнате и не хочет выпускать. Потому что это случилось, говорит она. Мне кажется, я плохо вела себя. Но это все из-за платья. Я хочу сказать, из-за мамино платья. Мама ушла от нас навсегда. Бабушка говорит, моя мама на небе. Не понимаю, как это? Как она попадет на небо, если она умерла?

А теперь я слышу бабушку. Она в маминой комнате. Она укладывает мамино платье в сундучок. Почему она всегда делает это? А потом еще она запирает сундучок на ключ. Меня очень огорчает, что она делает это. Платье такое красивое, и, потом, оно очень хорошо пахнет. И оно такое мягкое. Так приятно прижаться к нему щекой. Но я больше никогда не смогу сделать этого. Мне запрещено. Я думаю, все потому, что бабушка очень рассердилась. Но я в этом не уверена. Сегодня все было как обычно. К нам пришла Мэри Джейн. Она живет напротив. Она каждый день приходит играть со мной. Сегодня тоже.

У меня есть семь кукол и еще одна пожарная машина. Сегодня бабушка сказала, играй со своими куклами и с машиной. Она сказала, не ходи в мамину комнату. Она всегда так говорит. Наверное потому, что она боится, будто я устрою там беспорядок.

В маминой комнате все очень красиво. Я хожу туда, когда дождь. Или когда бабушка отдыхает после обеда. Я стараюсь не шуметь. Я сажусь прямо на кровать, и я трогаю белое покрывало. Как будто я снова маленькая. Оно так хорошо пахнет, как все красивые вещи.

Я играю, будто мама одевается и она разрешила мне остаться. Я чувствую запах платья из белого шелка. Это ее вечернее платье для самых торжественных случаев. Она сказала так однажды, я не помню когда.

Я слышу, как шелестит платье, когда его надевают. Я слышу, когда очень сильно прислушиваюсь.

Я притворяюсь, будто мама сидит за туалетным столиком. Я хочу сказать, будто она возле своих духов и румян. И потом я вижу ее глаза, совсем черные. Я вспоминаю это.

Так странно, если идет дождь. Будто чьи-то глаза смотрят в окно. Дождь шумит, как большой великан на дворе. Он говорит тихо-тихо, чтобы все замолчали. Мне нравится играть, будто все как было тогда, когда я была в маминой комнате.

Еще больше мне нравится, когда я сажусь за мамин туалетный столик. Он большой и совсем розовый и тоже хорошо пахнет. На сиденье вышитая подушка. Там много бутылочек с шишечками сверху и внутри духи разного цвета. И почти всю себя можно видеть в зеркале.

Когда я здесь, я притворяюсь, будто мама — это я. Тогда я говорю, мама, замолчи, я хочу выйти, и ты меня не заставишь остаться. Это я так говорю что-то, я не знаю почему. Будто я слышу это внутри себя. И потом я говорю, ах, мама, перестань плакать, они не схватят меня, у меня мое волшебное платье.

Когда я притворяюсь так, я расчесываю свои волосы долго-долго. Только я беру свою щетку, я ее приношу с собой. Я никогда не беру мамину щетку. Я не думаю, что бабушка так сердится потому, что я никогда не беру мамину щетку. Мне не хочется делать это.

Иногда я открываю сундучок. Это потому, что я очень люблю смотреть на мамино платье. Я больше всего люблю смотреть на него. Оно такое красивое, и еще шелк такой мягкий. Я могу миллион лет гладить его.

Я становлюсь на колени на ковре с розами. Я прижимаю платье к себе, и я чувствую его запах. Я прикладываю платье к щеке. Было бы чудесно унести его с собой, чтобы спать, прижав его к себе. Мне очень хочется этого. Но я не могу сделать это. Потому что так сказала бабушка.

Еще она говорит, нужно было сжечь его, но я так любила твою маму. Потом она плачет.

Я никогда не вела себя с платьем нехорошо. Я всегда укладывала его потом в сундучок, будто его никто не трогал. Бабушка никогда не знала. Мне даже смешно, что она не знала. А вот теперь она знает. Она меня накажет. Почему она так рассердилась? Разве это платье не моей мамы?

На самом деле мне больше всего нравится в маминой комнате смотреть на мамин портрет. Вокруг него все такое золотое. Это рамка, говорит бабушка. Он на стене возле письменного стола.

Мама красивая. Твоя мама была красивая, говорит бабушка. Я вижу маму возле себя, она мне улыбается, она красивая сейчас. И всегда.

У нее черные волосы. У меня тоже. И еще красивые черные глаза. И еще красные губы, такие красные. Она в белом платье. У нее совсем открытые плечи. У нее белая кожа, почти как платье. И еще руки. Она такая красивая. Я все равно ее люблю, пусть она ушла навсегда, я ее так люблю.

Я думаю, это потому, что я была нехорошая. Я хочу сказать о Мэри Джейн.

Мэри Джейн пришла после обеда, как всегда. Бабушка ушла к себе отдыхать. Она сказала, теперь не забудь, ты не должна ходить в комнату твоей мамы. Я ей сказала, хорошо, бабушка. Я тогда так думала на самом деле, но потом мы с Мэри Джейн играли с пожарной машиной. И Мэри Джейн сказала, спорим, у тебя нет мамы, ты все придумала, она сказала.

Я разозлилась на нее. У меня есть мама, я знаю. Я очень злюсь, если она говорит, я все придумала. Она говорит, я лгунья. Я хочу сказать, из-за туалетного столика, и кровати, и портрета, и платья, и потом всего-всего.

Я сказала, потому что ты вредная, подожди, я тебе покажу.

Я посмотрела в бабушкину комнату. Она спала и храпела. Я опять спустилась вниз, я сказала Мэри Джейн, туда можно, бабушка не узнает. Потом она больше не очень вредничала. Она стала ухмыляться, как она это всегда делает. А потом она испугалась и закричала, она ударилась о стол, который наверху в вестибюле. Я сказала, ты такая трусиха. Она сказала, у нас в доме не бывает так темно, как в твоём.

Мы были в маминной комнате. Было темно, ничего не было видно. Тогда я отодвинула шторы. Совсем немножко, чтобы Мэри Джейн видела. Вот комната моей мамы, я сказала, может быть, я это выдумала?

Она осталась у дверей, и она больше не хотела вредничать. Она смотрела вокруг. Она подпрыгнула, когда я взяла ее за руку. Я сказала, иди сюда.

Я села на кровать, я сказала, это кровать моей мамы, смотри,

какая мягкая. Она опять ничего не сказала. Трусиха, я ей сказала. Это неправда, она сказала.

Я сказала ей сесть на кровать, потому что нельзя узнать, какая мягкая кровать, если не сидеть. Тогда она села рядом. Потрогай, как мягко, я сказала. Понюхай, как хорошо пахнет.

Я закрыла глаза, только все было не так, как всегда, было очень странно. Потому что со мной была Мэри Джейн. Перестань трогать покрывало, я ей сказала. Это ты мне сказала трогать его, она сказала. Ну и что, я сказала, перестань.

Идем, что я покажу, я сказала, и потянула ее с кровати. Это туалетный столик. Я потащила ее показать столик. Она сказала, уйдем отсюда.

Я показала ей зеркало. Мы посмотрелись в зеркало. У нее лицо было совсем белое. Мэри Джейн трусиха, я сказала. Это неправда, это неправда, она сказала, и потом это в гостях, где совсем темно и так тихо. И потом, здесь пахнет, она сказала.

Тогда я очень разозлилась. Здесь совсем не пахнет, я сказала. Пахнет, она сказала, это ты говоришь, что нет. Я еще больше разозлилась. Здесь пахнет, как хорошие вещи, красивые вещи, я сказала. Нет, здесь пахнет, будто в комнате твоей мамы кто-то больной.

Не смей говорить, будто в маминной комнате кто-то больной, я сказала.

А потом, ты мне не показала платье, ты мне соврала, она сказала, здесь нет никакого платья. Меня будто стало жечь внутри, и я дернула ее за волосы. Я тебе покажу, я сказала, и не смей больше говорить, что я лгунья.

Она сказала, я пойду домой, я расскажу маме, что ты мне сделала. Нет, ты не пойдешь, я сказала, ты посмотришь платье моей мамы и лучше не говори, что я лгунья.

Я сказала, сиди тихо, и сняла ключ с крючка. Я встала на колени и открыла сундучок ключом.

Мэри Джейн сказала, фу, это пахнет, как помойка.

Я ее схватила ногтями. Она вырвалась, и она страшно разозлилась. Я не хочу, чтобы ты меня щипала, она сказала, у нее все

лицо было красное. Я все расскажу моей маме, она сказала. Ты совсем ненормальная, это вовсе не белое платье, оно совсем противное и грязное, она сказала.

Нет, оно не грязное, я сказала. Я совсем громко сказала, не понимаю, как бабушка не услышала. Я достала платье из сундучка. Я подняла его высоко, чтобы она видела, платье такое белое. Платье развернулось и зашумело, будто дождь на улице, и низ платья опустился на пол. Оно белое, я сказала, совсем белое, и потом чистое, и все из шелка.

Нет, она сказала, она была как бешеная, и совсем красная. Там есть дырка. Я еще больше разозлилась. Я сказала, если бы мама была здесь, она бы тебе показала. У тебя нет мамы, она сказала. Когда она говорила, она была совсем некрасивая. Я ее ненавижу.

У меня есть мама. Я совсем громко сказала. Я показала пальцем на мамин портрет. Так здесь, в твоей дурацкой комнате, совсем темно и ничего не видно, она сказала. Я ее толкнула очень сильно, и она ударилась о письменный стол. Теперь смотри, я сказала про портрет. Это моя мама, это самая красивая дама на свете.

Она противная, у нее странные руки, сказала Мэри Джейн. Это неправда, я сказала, она самая красивая дама из всех дам на свете. Нет-нет, она сказала, у нее так торчат зубы.

Потом я не помню ничего. Мне показалось, что платье само зашевелилось в моих руках. Мэри Джейн закричала, я больше ничего не помню. Было очень темно, словно окна были закрыты шторами. Все равно, я больше ничего не видела. Я больше ничего не слышала, только странные руки, зубы торчат, странные руки, зубы торчат, только возле никого не было, чтобы говорить это.

Было что-то еще, мне кажется, будто говорили, не позволяйте ей говорить это! Я могла не держать больше платье в руках. Оно было на мне. Я не помню, как это случилось. Потому что было так, будто я вдруг стала большая. Но я все равно была маленькая девочка. Я хочу сказать, снаружи.

Мне кажется, я тогда была ужасно плохая.

Я думаю, бабушка увела меня из маминой комнаты. Я не знаю. Она кричала, о Боже, сжался над нами, это случилось, это случилось. Она все время повторяла это. Я не знаю почему. Она тащила меня за руку до моей комнаты, и она заперла меня. Она

сказала, она больше не позволит мне выйти из комнаты. Ну и пусть, я не боюсь. Что случится со мной, когда она будет держать меня взаперти миллион миллионов лет? Ей даже не надо будет заботиться, чтобы кормить меня. К тому же я совсем не хочу есть. Я наелась досыта.

Тест

Вечером накануне испытания Лэс помогал отцу готовиться в столовой. Джим с Томми спали наверху, а Терри что-то шила в гостиной, лицо ее было лишено всякого выражения, игла, пронзая ткань и протягивая нить, двигалась в стремительном ритме.

Том Паркер сидел очень прямо, его худые, изборожденные венами руки, сцепленные вместе, лежали на столе, светло-голубые глаза пристально вглядывались в губы сына, словно это помогало ему понимать лучше.

Ему было восемьдесят, и предстоял уже четвертый тест.

— Хорошо,— сказал Лэс, читая вариант теста, который дал им доктор Траск.— Повторите приведенные ниже последовательности чисел.

— Последовательности чисел,— пробормотал Том, стараясь осмысливать слова по мере их произнесения. Однако слова уже не осмысливались так быстро, как раньше, они словно застревали на поверхности его разума, как насекомые, угодившие в клей плотоядного растения. Он мысленно повторил слова еще раз: последовательность... последовательность чисел, ага, получилось. Он смотрел на сына и ждал.

— Ну? — произнес Том нетерпеливо после секундного молчания.

— Пап, я же уже дал тебе первую,— сказал ему Лэс.

— О...— Отец подыскивал подходящие слова.— Будь так добр, скажи мне... окажи мне милость...

Лэс устало вздохнул.

— Одиннадцать, семь, пять, восемь,— сказал он.

Старческие губы зашевелились, древние шестеренки в голове со скрипом завращались.

— Одиннадцать... с-семь...— Светлые глаза медленно моргнули. — Пятьвосемь,— завершил Том на одном дыхании, а затем с гордостью расправил плечи.

Ага, хорошо, думал он, очень хорошо. Завтра его не одурачат, он победит этот их убийственный закон. Рот сжался, а руки крепко вцепились в белую скатерть.

— Что? — переспросил он, стараясь сосредоточить взгляд на лице Лэса.— Погромче,— произнес он раздраженно.— Говори громче.

— Я дал тебе новую последовательность,— произнес Лэс спокойно.— Слушай, читаю еще раз.

Том немного подался вперед, напрягая слух.

— Девять, два, шестнадцать, семь, три,— сказал Лэс.

Том с усилием откашлялся.

— Говори потише,— сказал он сыну. Этого ряда он не успел осознать. Неужели они считают, что человек в состоянии запомнить такую нелепо длинную цепочку цифр?

— Что? Что?! — переспросил он сердито, когда Лэс снова прочитал последовательность.

— Пап, экзаменатор будет зачитывать вопросы гораздо быстрее, чем я сейчас. Ты...

— Это я прекрасно знаю,— холодно перебил его Том.— Прекрасно знаю. Позволь мне напомнить тебе, однако... что это... это еще не тест. Это упражнение. Глупо нестись галопом. Просто глупо. Я должен изучить... изучить этот тест,— завершил он, рассердившись на сына, рассердившись на то, как нужные слова ускользают от него.

Лэс пожал плечами и снова посмотрел в бумаги.

— Девять, два, шестнадцать, семь, три,— прочитал он медленно.

— Девять, два, шесть, семь...

— Шестнадцать, семь, пап.

— Я так и сказал.

— Ты сказал «шесть», папа.

— По-твоему, я не знаю, что говорю!

Лэс на секунду закрыл глаза.

— Хорошо, папа,— произнес он.

— Ну, так ты будешь читать еще раз или нет? — отрывисто спросил Том.

Лэс еще раз прочитал последовательность чисел и, слушая, как отец спотыкается на каждом, бросил взгляд в гостиную, на Терри.

Она сидела с бесстрастным лицом и шила. Радио она выключила, а значит, он был в этом уверен, слышала, как старик путается в цифрах.

«Да, да,— услышал Лэс у себя в голове, как будто бы спорил с ней.— Все верно, я знаю, что он стар и бесполезен. И ты хочешь, чтобы я сказал ему об этом прямо в глаза, всадив нож ему в спину? Ты знаешь, и я знаю, что теста он не пройдет. Позволь мне хотя бы подыграть ему. Завтра ему вынесут приговор. Не вынуждай меня выносить его сегодня, разбив старику сердце».

— Так вроде правильно,— услышал Лэс полный достоинства голос отца и посмотрел на его худое морщинистое лицо.

— Да, так верно,— поспешно произнес он.

Он ощутил себя настоящим предателем, когда слабая улыбка задрожала в углах старческого рта. «Я же обманываю его»,— подумал он.

— Давай перейдем к чему-нибудь другому,— услышал он голос отца и быстро уставился в бумаги. «Что будет ему полегче?» — размышлял он, презирая себя за такую мысль.

— Ну же, Лэсли, давай,— напряженно произнес отец.— У нас нет времени, чтобы тратить его впустую.

Том наблюдал, как сын водит пальцем по страницам, и руки его сжимались в кулаки. Через несколько часов его жизнь повиснет на волоске, а его сын только переворачивает листы теста, как будто завтра не произойдет ничего важного.

— Ну, давай, давай же,— произнес он сварливо.

Лэс взял карандаш с привязанной к его незаточенному концу веревочкой и нарисовал на чистом листе бумаги кружок в сантиметр диаметром. Потом протянул карандаш отцу.

— Продержи карандаш за веревку над кругом три минуты,— сказал он, внезапно испугавшись, что выбрал не то задание. Он же видит, как трясутся руки отца за обедом, как он сражается с

пуговицами и молниями на одежде.

Нервно сглотнув, Лэс взялся за секундомер, запустил его и кивнул отцу.

Том прерывисто вздохнул и склонился над бумагой, стараясь держать чуть подергивающийся карандаш над кружком. Лэс видел, что он опирается на локоть, чего ему не позволят делать во время испытания, однако ничего не сказал.

Он сидел, глядя на отца. Вся краска сбежала с лица старика, и Лэс отчетливо видел на щеках крошечные алые нити лопнувших капилляров. Он смотрел на иссохшую кожу, морщинистую, темную, испещренную коричневыми пятнышками. Восемьдесят лет, думал он, как же чувствует себя человек, когда ему восемьдесят лет?

Он снова посмотрел на Терри. На мгновение она подняла глаза, и их взгляды встретились, никто из них не улыбнулся, никто не сделал никакого жеста. И Терри снова принялась за шитье.

— Мне кажется, уже прошло три минуты,— произнес Том напряженным голосом.

Лэс посмотрел на секундомер.

— Полторы минуты, папа,— сказал он, думая, не солгать ли ему снова.

— Ну так следи за часами как следует,— сказал отец возмущенно, карандаш болтался маятником далеко от границ круга. — Это же должен быть тест, а не... не вечеринка.

Лэс смотрел на раскачивающийся кончик карандаша, ощущая полную бесполезность затеи, понимая, что все это лишь притворство и ничего нельзя сделать, чтобы спасти отцу жизнь.

По крайней мере, думал он, испытания проводят те, кто не голосовал за принятие этого закона. А значит, ему лично не придется ставить черный штамп «Не соответствует» на бумаги отца, вынося тому смертный приговор.

Карандаш снова вышел за пределы круга и вернулся на место, когда Том чуть подвинул руку другой рукой; это движение автоматически означало, что задание провалено.

— У тебя часы отстают! — произнес Том с неожиданной яростью.

Лэс задержал дыхание и поглядел на часы. Две с половиной минуты.

— Три минуты,— сказал он, надавливая на кнопку.

Том в раздражении отбросил карандаш.

— Тьфу,— сказал он.— Все равно дурацкое задание.— Голос его сделался мрачен.— И ничего не доказывает. Ничегошеньки.

— Хочешь выполнить задания с деньгами, папа?

— А они следующие по списку? — спросил Том подозрительно и для вида сощурился на бумаги.

— Да,— солгал Лэс, зная о плохом зрении отца, хоть тот и отказывается признавать, что ему нужны очки.— Нет, погоди-ка, перед ними есть еще одно,— прибавил он, решив, что оно будет несложным для отца.— Здесь просят сказать, который час.

— Какой дурацкий вопрос,— пробормотал Том.— Что они себе...

Он в раздражении протянул руку, взял часы и бросил беглый взгляд на циферблат.

— Десять пятнадцать,— произнес он насмешливо.

— Но ведь сейчас одиннадцать пятнадцать, папа,— не успел остановить себя Лэс.

Том на мгновение замер, как будто бы его ударили по лицу. Потом он снова поднял часы и уставился на них, губы его кривились, и Лэс забоялся, что отец начнет сейчас настаивать на десяти пятнадцати.

— Ну да, я это и хотел сказать,— отрезал Том.— Просто оговорился. Разумеется, одиннадцать пятнадцать, дураку понятно. Одиннадцать пятнадцать. Часы плохие. Цифры слишком близко расположены. Надо их выбросить. Вот...

Том сунул руку в карман жилета и вытащил золотые часы.

— Вот это часы,— с гордостью произнес он.— Показывают точное время уже... шестьдесят лет! Вот настоящие часы. Не то что эти.

Он с презрением бросил часы Лэса на стол, они упали

циферблатом вниз, и стекло треснуло.

— Следи по этим,— быстро сказал Том, чтобы скрыть смущение.— Они всегда идут точно.

Он избегал взгляда Лэса, глядя вниз, на часы. Рот его сжался, когда он открыл заднюю крышку и взглянул на фотографию Мэри, на снимке ей было чуть за тридцать, прелестная, с золотистыми волосами.

Слава богу, ей не нужно проходить эти тесты, думал он, хотя бы от этого она избавлена. Том ни за что не поверил бы, скажи ему кто-то, что он будет считать удачей гибель Мэри в пятьдесят семь в автокатастрофе, но тогда еще не было этих тестов.

Он закрыл часы и отложил их в сторону.

— Давай я возьму твои часы,— сварливо произнес он.— Поищу тебе завтра приличное... ага, стекло.

— Все нормально, папа. Это всего лишь старые часы.

— Все нормально,— передразнил Том.— Все нормально. Просто дай их мне. Я подыщу тебе хорошее... стекло. Такое, которое не разобьется, не разобьется. Просто дай их мне.

Затем Том выполнял задания с деньгами вроде: «Сколько четвертаков в пятидолларовой купюре?» и «Если из доллара вычесть тридцать шесть центов, сколько мелочи у вас останется?»

Отвечать нужно было письменно, и Лэс сидел, засекая время. В доме было тихо, тепло. Все казалось совершенно нормальным и обыкновенным, когда они вдвоем сидели здесь, а Терри шила в гостиной.

В том-то и состоял ужас.

Жизнь текла как обычно. Никто не заговаривал о смерти. Правительство рассылало письма, и люди проходили тесты, тех, кто проваливался, просили явиться в государственный центр на инъекцию. Закон действовал, уровень смертей был стабильным, популяция поддерживалась на определенном уровне — все официально, анонимно, без криков и сожалений.

Но ведь убивали людей, которых кто-то любил.

— И нечего тебе смотреть на часы,— сказал отец.— Я вполне

могу справиться с этими вопросами без того, чтобы ты... смотрел на часы.

— Папа, экзаменаторы будут смотреть на часы.

— Экзаменаторы — это экзаменаторы,— отрезал Том.— Ты же не экзаменатор.

— Папа, я пытаюсь помочь те...

— Хорошо, так помогай же, помоги мне. Не сиди здесь, таращась на свои часы.

— Это твой тест, папа, а не мой,— начал Лэс, гневный румянец вспыхнул на лице.— Если...

— Мой тест, да, мой тест! — внезапно разъярился отец.— И похоже, все вы его ждете не дождетесь? Все ждут этого... этого...

Слова снова подвели его, сердитые мысли громоздились в мозгу.

— Не надо кричать, папа.

— Я не кричу!

— Папа, мальчики спят! — внезапно вмешалась Терри.

— Мне плевать, если!..

Том неожиданно замолчал и откинулся на спинку стула, карандаш незаметно выскользнул из пальцев и покатился по скатерти. Том дрожал, впалая грудь поднималась и опадала толчками, руки на коленях неукротимо тряслись.

— Хочешь продолжить, папа? — спросил Лэс, скрывая обиду.

— Я не прошу многого,— бормотал, обращаясь к самому себе Том.— Не прошу многого от жизни.

— Папа, будем продолжать?

Отец оцепенел.

— Если у тебя есть на это время,— произнес он размеренно, с достоинством.— Если у тебя есть время.

Лэс взглянул на бумаги с заданиями, его пальцы быстро переворачивали сшитые листы. Психологические вопросы? Нет, их он задавать не будет. Как можно спрашивать своего восьмидесятилетнего отца о взглядах на секс? Своего сурового отца,

самым безобидным замечанием которого было бы «непотребство».

— Ну так что? — повысив голос, спросил Том.

— Да вроде ничего не осталось,— сказал Лэс.— Мы уже почти четыре часа занимаемся.

— А что на тех страницах, которые ты пропустил?

— Там почти все касается... медосмотра, папа.

Он увидел, как сжался рот отца, и испугался, что Том снова будет спорить. Но все, что сказал его отец:

— Добрый друг всегда поможет. Добрый друг.

— Папа...

Голос Лэса сорвался. Нет смысла говорить. Том прекрасно знал, что доктор Траск не сможет выправить заключение о состоянии его здоровья и в этот раз, как делал это для всех предыдущих тестов.

Лэс понимал, как испуган и уязвлен старик, ведь ему придется снимать с себя одежду и стоять перед врачами, которые будут тыкать в него, выстукивать, задавать оскорбительные вопросы. Он знал, как отца страшит тот факт, что, когда он будет одеваться, за ним станут подглядывать в глазок, делая пометки в карте по поводу того, насколько хорошо ему это удастся. Он знал, как боится отец, который знает, что, когда он будет есть в государственном кафетерии в перерыве между частями экзамена, длящегося весь день, на него будут устремлены чьи-то глаза, отмечающие, не уронил ли он вилку или ложку, не опрокинул ли стакан, не закапал ли соусом рубашку.

— Они попросят тебя написать свое имя и адрес,— сказал Лэс, надеясь отвлечь мысли отца от медосмотра и зная, как тот гордится своим почерком.

Делая вид, что это не доставляет ему ни малейшего удовольствия, старик взял ручку и начал писать. Я их всех одурачу, думал он, пока ручка скользила по бумаге, оставляя сильные, уверенные линии.

«Мистер Томас Паркер,— написал он,— Нью-Йорк, Блэртаун, Брайтон-стрит, 2719».

— И еще сегодняшнюю дату,— сказал Лэс.

Старик написал: «17 января 2003 года»,— и что-то холодное

растеклось по его венам.

На завтра назначен тест.

Они лежали рядом, не спали оба. Они почти не разговаривали, пока раздевались, только когда Лэс наклонился, чтобы поцеловать ее на ночь, она пробормотала что-то, но он не расслышал.

И вот теперь он развернулся с тяжким вздохом и посмотрел ей в лицо. Она в темноте открыла глаза и тоже посмотрела на него.

— Спишь? — спросила она тихо.

— Нет.

Больше он ничего не сказал. Он ждал, чтобы начала она.

Однако она не начинала, и спустя несколько мгновений он произнес:

— Что ж, мне кажется, все... кончено,— завершил он тихо, потому что ему не нравились эти слова, они звучали нелепо и мелодраматично.

Терри ответила не сразу. Словно размышляя вслух, она произнесла:

— Тебе не кажется, что еще есть шанс...

Лэс напрягся от этих слов, потому что понимал, что она хочет сказать.

— Нет,— ответил он.— Он ни за что не пройдет.

Он услышал, как Терри проглотила комок в горле. Только не говори этого, думал он, умоляю тебя. Не говори мне, что я повторяю это на протяжении пятнадцати лет. Сам знаю. Я говорил так, потому что верил, что так и есть.

Неожиданно он вдруг пожалел, что не подписал «Заявление об устранении» еще много лет назад. Им отчаянно нужно было избавиться от Тома, ради счастья их детей и их самих. Но только как можно облечь эту необходимость в слова, не ощущая себя при этом убийцей? Не скажешь же ты: «Надеюсь, что старик провалит тест, надеюсь, его убьют». Однако что бы ты ни сказал, все будет лишь лицемерной заменой этих слов, потому что чувствуешь ты именно это.

Доклады, забитые медицинской терминологией, думал он, диаграммы, отражающие падение урожаев зерновых, снижение уровня жизни, рост числа голодающих, ухудшение здоровья — все эти аргументы, чтобы принять закон, все они были ложью, наглой, плохо прикрытой ложью. Закон был принят, потому что люди хотели, чтобы их оставили в покое, они хотели жить своим умом.

— Лэс, а что, если он пройдет? — спросила Терри.

Он почувствовал, как руки вцепляются в матрас.

— Лэс?

— Не знаю, милая,— сказал он.

— А должен знать.— Голос ее стал жестким. Это был голос человека, теряющего терпение.

Он замотал головой по подушке.

— Милая, не начинай,— попросил он.— Умоляю.

— Лэс, если он пройдет тест, это означает еще пять лет. Еще пять лет, Лэс. Ты задумывался о том, что это такое?

— Милая, он не сможет пройти тест.

— Но что, если пройдет?

— Терри, он не смог ответить на три четверти вопросов, какие я задал ему сегодня. Он почти не слышит, зрение плохое, сердце слабое, артрит.— Лэс беспомощно ударил кулаком по кровати.— Он не пройдет даже медосмотр.— Все тело окаменело от ненависти Лэса к себе за то, что пытается уверить Терри в неизбежном провале отца.

Если бы только он мог забыть прошлое, воспринимать отца таким, какой он сейчас — беспомощный, почти слабоумный старик, который мешает им жить. Но было непросто забыть, как он любил и уважал отца, непросто забыть, как они выезжали за город, ходили на рыбалку, долгие ночные разговоры и все то множество событий, которые они переживали вместе с отцом.

Вот почему он так и не собрался с духом, чтобы написать заявление. Надо было заполнить простую форму, гораздо проще, чем пять лет ждать очередного теста. Но это все равно что перечеркнуть всю жизнь отца, попросить правительство вывезти его на свалку, как какой-то старый хлам. Он никогда не пошел бы на это.

И вот теперь отцу восемьдесят, и, несмотря на все высокоморальное воспитание, несмотря на усвоенные в течение жизни христианские принципы, они с Терри ужасно боялись, что старый Том пройдет тест и проживет с ними еще пять лет, еще пять лет шарканья по дому, полубезумных нотаций, разбитой посуды, желания помогать, которое приводит только к тому, что он путается под ногами и превращает их жизнь в сплошную нервотрепку.

— Тебе бы поспать,— сказала ему Терри.

Он старался, но не мог. Он лежал, глядя в темный потолок, пытался отыскать ответ и не находил его.

Будильник прозвенел в шесть. Лэс вставал не раньше восьми, но он хотел проводить отца. Он выбрался из постели, тихо оделся, стараясь не разбудить Терри.

Но она все равно проснулась и поглядела на него, не отрывая головы от подушки. Секунду спустя она приподнялась на локте и сонно уставилась на него.

— Я встану и приготовлю тебе завтрак,— сказала она.

— Не надо. Лучше поспи еще.

— Ты не хочешь, чтобы я вставала?

— Не беспокойся, дорогая,— сказал он.— Я хочу, чтобы ты отдохнула.

Она снова легла и отвернулась, так что Лэс не видел ее лица. Она сама не знала, почему начала вдруг беззвучно плакать — из-за того ли, что он не хотел, чтобы она виделась с его отцом, из-за теста ли. Но она не могла остановиться. Все, что она могла,— держать себя в руках, пока не закрылась дверь спальни.

А потом ее плечи задрожали, рыдание вырвалось наружу из-за той плотины, которую она возвела внутри себя.

Дверь в комнату отца была открыта, когда Лэс проходил мимо. Он заглянул в проем и увидел, что Том сидит на постели и, наклонившись, зашнуровывает свои черные ботинки. Лэс увидел, как дрожат скрюченные пальцы.

— Все в порядке, папа? — спросил он.

Отец с удивлением посмотрел на него.

— Куда это ты собрался в такую рань?

— Я подумал, не позавтракать ли с тобой вместе.

Мгновение они молча смотрели друг на друга. Потом отец снова склонился к ботинкам.

— В этом нет необходимости,— услышал Лэс голос старика.

— Ну, наверное, я все равно позавтракаю,— сказал он и развернулся, чтобы отец не успел возразить.

— Да... Лэсли.

Лэс повернулся обратно.

— Надеюсь, ты не забыл захватить свои часы,— сказал отец.— Я сегодня же отнесу их к часовщику и найду приличное... приличное стекло вместо того, что разбилось.

— Папа, это просто старые часы,— сказал Лэс.— Они не стоят ни гроша.

Отец медленно покивал, выставив перед собой дрожащую руку, словно отгораживаясь от аргументов.

— Тем не менее,— проговорил он медленно,— я собирался...

— Хорошо, папа, хорошо. Я оставлю их на кухонном столе.

Отец замолк и секунду смотрел на него пустым взглядом. Затем, словно подчиняясь порыву, а вовсе не потому, что успел о них позабыть, он снова склонился над ботинками.

Лэс постоял секунду, глядя на седые волосы отца, на худые дрожащие пальцы. После чего вышел.

Часы все еще лежали в столовой. Лэс взял их и отнес на кухонный стол. Старик, должно быть, напоминал себе о часах всю ночь, подумал он. Иначе он ни за что бы о них не вспомнил.

Лэс налил свежей воды в кофеварку и нажал несколько кнопок, заказав две порции яичницы с беконом. Потом налил два стакана апельсинового сока и сел за стол.

Примерно через пятнадцать минут пришел отец, в темно-синем костюме, в тщательно начищенных ботинках, с наманикюренными ногтями, со старательно уложенными волосами. Он выглядел очень

опрятным и очень старым, когда подошел к кофеварке и заглянул внутрь.

— Сядь, папа,— сказал Лэс.— Я тебе налью.

— Я сам могу,— сказал отец.— Сиди, где сидишь.

Лэс сумел улыбнуться.

— Я готовлю нам яичницу с беконом,— сказал он.

— Я не голоден,— отозвался отец.

— Но тебе нужно позавтракать как следует, папа.

— Я никогда не завтракаю плотно,— сказал отец чопорно, все еще глядя на кофейник.— Не верю в пользу обильного завтрака. Только желудок перегружать.

Лэс на секунду закрыл глаза, и у него на лице появилось выражение безнадежного отчаяния. «Ну, какого черта я вставал? — потерянно спрашивал он себя.— Мы только и делаем, что спорим».

Нет. Он почувствовал, как весь напрягается. Нет, он должен быть бодрым во что бы то ни стало.

— Хорошо спал, папа? — спросил он.

— Конечно хорошо,— ответил отец.— Я всегда прекрасно сплю. Прекрасно. Неужели ты думал, что я не усну из-за...

Он внезапно замолк и с обвиняющим видом повернулся к Лэсу.

— А где те часы? — требовательно спросил он.

Лэс устало вздохнул и протянул ему часы. Отец подошел подпрыгивающей походкой, забрал часы, мгновение посмотрел на них, поджав старческие губы.

— Паршивая работа,— сказал он.— Паршивая.— Он осторожно убрал часы во внутренний карман пиджака.— Подыщу тебе приличное стекло,— пробормотал он.— Такое, которое не разобьется.

Лэс кивнул.

— Отлично, пап.

Кофе был готов, и Том налил им по чашке. Лэс встал и выключил электрогриль. Он тоже уже не хотел яичницы с беконом.

Он сидел за столом напротив сурово смотрящего отца и ощущал, как горячий кофе струйками вливается в горло. Вкус был чудовищный, но в это утро не нашлось бы ничего, что показалось бы ему вкусным.

— Во сколько ты должен быть там, папа? — спросил он, чтобы нарушить молчание.

— В девять часов, — ответил Том.

— Ты точно не хочешь, чтобы я тебя отвез?

— Нет-нет, не хочу, — сказал отец так, словно пытался сохранять терпение в разговоре с надоедливym ребенком. — И на метро прекрасно доеду. У меня останется еще полно времени.

— Хорошо, папа, — сказал Лэс, уткнувшись взглядом в чашку.

Должно же быть что-то такое, что он мог бы сказать, думал он, но в голову ничего не приходило. Молчание висело над ними долгие минуты, пока Том пил черный кофе медленными, размеренными глотками.

Лэс нервно облизнул губы, потом спрятался за своей чашкой, чтобы не было видно, как они дрожат. Говорить, думал он, говорить, говорить, о машинах и эскалаторах в метро, о времени экзамена, когда оба они ни на миг не забывают, что сегодня Тому могут вынести смертный приговор.

Он уже жалел, что встал. Лучше было проснуться и узнать, что отец уже ушел. Он хотел, чтобы все случилось именно так — раз и навсегда. Он хотел проснуться однажды утром и обнаружить, что комната отца пуста, оба костюма исчезли, черные ботинки исчезли, рабочая одежда исчезла, носовые платки, носки, подтяжки, бритвенный прибор — все эти безмолвные свидетели его жизни исчезли.

Но так быть не может. После того как Том провалит тест, пройдет еще несколько недель, прежде чем придет официальное письмо с назначенной датой, а потом еще неделя или чуть больше, прежде чем он отправится на прием к врачу. Начнется чудовищно медленный процесс сборов, уничтожения или раздачи пожитков, процедура трапез, трапез и трапез за общим столом, разговоров, последнего обеда, долгая поездка до государственного центра, молчаливый подъем, жужжание лифта...

Боже мой!

Он понял, что его неудержимо трясет, и на миг испугался, что сейчас расплачется.

Затем он поднял глаза, когда отец встал со стула.

— Мне пора,— сказал Том.

Взгляд Лэса метнулся к настенным часам.

— Но сейчас только без четверти семь,— произнес он натянуто.
— Дорога ведь займет не больше...

— Люблю приезжать заранее,— твердо сказал отец.— Всегда не любил опаздывать.

— Но, господи, папа, до города самое большее час езды,— сказал он, ощущая, как в животе что-то жутко ухнуло.

Отец отрицательно покачал головой, и Лэс понял, что он его не расслышал.

— Еще рано, папа,— сказал он громко, и голос его чуть дрогнул.

— Тем не менее,— произнес отец.

— Но ты даже ничего не съел.

— Никогда не завтракаю плотно,— начал он.— Только желудок пере...

Лэс не стал слушать остальное, слова о выработанной за всю жизнь привычке, о том, что это плохо для пищеварения, и все прочее, что обычно говорил отец. Он ощущал, как волны беспощадного ужаса захлестывают его, ему хотелось вскочить и обнять старика, сказать, чтобы он не думал о тесте, потому что тест ничего не значит, потому что они любят его, они всегда будут заботиться о нем.

Но он не мог. Он сидел, окаменев, и с болезненным испугом смотрел на отца. Он не смог даже ничего ответить, когда отец развернулся в дверях кухни и произнес голосом спокойным и бесстрастным, для чего старику пришлось напрячь все остававшиеся силы:

— Увидимся вечером, Лэсли.

Дверь закрылась, и сквозняк, пробежавший по щеке Лэса, заставил похолодеть сердце.

Внезапно он с болезненным стоном сорвался с места и пробежал через кухню. Выскочив из дверей кухни, он увидел, что отец уже выходит из дома.

— Папа!

Том остановился и удивленно обернулся, Лэс прошел через столовую, заметив, что невольно считает шаги: раз, два, три, четыре, пять.

Он остановился перед отцом и выдавил из себя неуверенную улыбку.

— Удачи тебе, папа,— сказал он.— Увидимся... увидимся сегодня вечером.— Он еще хотел сказать: «Я буду молиться за тебя», — но не смог.

Отец кивнул, всего раз, вежливый кивок джентльмена, выражающего признательность другому джентльмену.

— Спасибо,— сказал отец и развернулся.

Когда дверь закрылась, Лэс вдруг подумал, что она стала непроницаемой стеной, которую его отцу уже никогда не преодолеть.

Из окна Лэс видел, как старик медленно идет по дорожке, сворачивает на тротуар. Он наблюдал, как отец пошел по улице, как он распрямил спину, расправил костлявые плечи и зашагал, прямой и целеустремленный, в серое утро.

Сначала Лэсу показалось, что пошел дождь. Но потом он понял, что дрожащая влага повисла вовсе не на оконном стекле.

Он не смог пойти на работу. Он позвонил и сказал, что болен. Терри отвезла мальчиков в школу, а потом они вместе позавтракали, Лэс помог ей убрать со стола и засунул посуду в посудомоечную машину. Терри ничего не сказала по поводу того, что он остался дома. Она вела себя так, словно это обычное дело.

Он провел утро и день, провозившись в мастерской, он принимался за сотню разных дел и тут же терял к ним интерес.

Около пяти Лэс вернулся в кухню и выпил банку пива, пока Терри готовила ужин. Он ничего ей не говорил. Он все время метался по гостиной, останавливался посмотреть в окно на затянутое тучами

небо и снова срывался с места.

— Интересно, где он,— наконец произнес Лэс, снова оказавшись на кухне.

— Он вернется,— ответила Терри, и Лэс на миг застыл, решив, что уловил в ее голосе раздражение. Но быстро расслабился, поняв, что это всего лишь плод его фантазии.

Когда он принял душ и переоделся, было без двадцати шесть. Наигравшиеся мальчики вернулись домой, после чего все сели ужинать. Лэс увидел, что Терри поставила прибор для отца, и подумал, что она сделала это ради него.

Он не мог есть. Он нарезал мясо на все более мелкие кусочки и намазывал масло на печеную картофелину, не пробуя ничего.

— Что? — переспросил он, когда с ним заговорил Джим.

— Пап, если дедушка не пройдет тест, ему дадут месяц, да?

Мышцы живота напряглись, когда Лэс поднял глаза на старшего сына. «Дадут месяц, да?» — последняя часть вопроса не умолкала в голове.

— О чем это ты говоришь? — спросил он.

— В учебнике по основам гражданского права написано, что старикам дается месяц на дожитие, если они не проходят тест. Это так?

— А вот и нет,— вмешался Томми.— Бабушка Гарри Сенкера получила письмо всего через две недели.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джим девятилетнего брата.— Ты видел это письмо?

— Перестаньте,— сказал Лэс.

— А мне и не надо его видеть! — продолжал спорить Томми.— Гарри мне сказал, что...

— Перестаньте!

Оба мальчика вдруг посмотрели на его побелевшее лицо.

— Больше мы не будем об этом говорить,— сказал Лэс.

— Но что...

— Джимми,— предостерегающим тоном произнесла Терри.

Джимми посмотрел на мать и через миг вернулся к еде, и все они продолжили ужинать в молчании.

Смерть дедушки для них ничего не значит, горько думал Лэс, вообще ничего. Он проглотил комок в горле и попытался расслабить напряженные мышцы. «Ну да, а с чего бы она для них что-то значила? — сказал он себе.— Пока что им рано беспокоиться. К чему тревожить их раньше времени? Уже скоро они все поймут сами».

Когда в десять минут седьмого открылась и закрылась входная дверь, Лэс вскочил так поспешно, что опрокинул пустой стакан.

— Лэс, не надо,— сказала вдруг Терри, и он тотчас понял, что она права. Отцу не понравится, если он выскочит из кухни, засыпая его вопросами.

Он шлепнулся обратно на стул, глядя на свой почти не тронутый ужин, сердце в груди трепыхалось. Взявшись негнувшимися пальцами за вилку, он услышал, как старик проходит по ковру в столовой и начинает подниматься вверх. Он посмотрел на Терри, ее горло дернулось.

Он не мог есть. Он сидел, тяжело дыша, и ковырялся в еде вилкой. Услышал, как наверху открылась дверь отцовской спальни.

И, когда Терри ставила на стол пирог, Лэс спешно извинился и встал.

Он был у подножия лестницы, когда дверь кухни резко распахнулась.

— Лэс,— услышал он ее встревоженный голос.

Он стоял молча, дожидаясь, когда она подойдет сама.

— Не лучше ли нам оставить его в покое? — спросила она.

— Но, милая, я...

— Лэс, если бы он сдал тест, он зашел бы на кухню и сказал нам.

— Милая, он же не знает, сдал или нет...

— Он знал бы, если бы сдал. Ведь он говорил нам в последние два раза. Если бы он сдал, он бы...

Голос ее угас, и она вздрогнула от того, как он на нее посмотрел.

В наступившем тяжком молчании она услышала, как в окна вдруг забарабанил дождь.

Они долго смотрели друг на друга.

— Я иду наверх,— сказал он.

— Лэс,— пробормотала Терри.

— Я не стану говорить ничего, что может его расстроить,— сказал Лэс.— Я только...

Они еще секунду глядели друг на друга. Затем он развернулся и зашагал по ступенькам. Терри холодно смотрела ему вслед.

Лэс постоял минутку перед закрытой дверью, собираясь с духом. Я не стану расстраивать его, говорил он себе, не стану расстраивать.

Он осторожно постучал, задумавшись на миг, не совершает ли ошибку. Может, надо было оставить старика одного, думал он горестно.

Он услышал за дверью спальни шорох одеяла, затем ноги отца коснулись пола.

— Кто там? — раздался вопрос отца.

Лэс задержал дыхание.

— Это я, папа,— сказал он.

— Чего ты хочешь?

— Можно мне войти?

Внутри тишина.

— Сейчас...— ответил отец, и голос его прервался. Лэс услышал скрип кровати, шарканье ног по полу. Потом шорох бумаги, и звук осторожно задвигаемого в бюро ящика.

Наконец дверь открылась.

Том был в своем старом красном халате, наброшенном поверх костюма, он только снял ботинки и надел тапочки.

— Можно мне войти, папа? — тихонько повторил Лэс.

Отец мгновение колебался. Затем сказал:

— Заходи,— но это не было приглашением. Это означало скорее:

«Это ведь твой дом, я не могу не впустить тебя».

Лэс хотел сказать отцу, что не собирался его беспокоить, но не смог. Он вошел и остановился на середине тонкого ковра.

— Присядь,— сказал отец, и Лэс опустился на стул с прямой спинкой, на которую отец вешал перед сном одежду. Отец дождался, пока Лэс сядет, после чего с кряхтением опустился на кровать.

Они долго смотрели друг на друга, и никто ничего не говорил — словно совершенно не знакомые люди, каждый надеялся, что разговор начнет другой. Как прошел тест? Лэс слышал, как эти слова крутятся у него в голове. Как прошел тест, как прошел тест? Он не мог заставить себя выговорить их вслух. Как прошел...

— Полагаю, ты хочешь знать, как... все было? — спросил тогда отец, делая над собой заметное усилие.

— Да,— сказал Лэс.— Я...— Он осекся.— Да,— повторил он и принялся ждать ответа.

Старик секунду смотрел в пол. Затем он неожиданно вскинул голову и с вызовом посмотрел на сына.

— А я не ходил,— сказал он.

Лэсу показалось, что из него вдруг вытекли на пол все жизненные силы. Он сидел не шевелясь и неотрывно смотрел на отца.

— И не собирался идти,— спешно продолжил отец.— Не собирался участвовать во всех этих глупостях. Ф-физические тесты, тесты на интеллект, раскладывание кубиков по д-доске и... бог знает что еще! Не собирался я туда идти.

Он умолк и сердитыми глазами посмотрел на сына, будто вызывая его сказать, что поступил неверно.

Однако Лэс ничего не мог сказать.

Прошло много времени. Лэс сглотнул комок в горле и сумел подобрать слова.

— И что ты... намереваешься делать?

— Не переживай об этом, не переживай,— сказал отец так, словно был почти благодарен ему за вопрос.— Не переживай о своем отце. Твой отец сумеет о себе позаботиться.

И Лэс вдруг снова услышал звук задвигающегося ящика, шуршание бумажного пакета. Он едва не обернулся к бюро, посмотреть, не лежит ли там пакет. У него дернулась голова, когда он подавил в себе это желание.

— Н-ну,— выговорил он, не догадываясь, насколько потрясенным и жалким выглядит сейчас.

— Не думай об этом,— снова заговорил отец, спокойно, почти мягко.— Это не твоя проблема, тебе не о чем беспокоиться. Совершенно не твоя проблема.

Но это была его проблема! Лэс слышал, как слова отдаются в мозгу. Однако он не произнес их вслух. Что-то в поведении старика не позволило ему, какой-то внутренний стержень, спокойное достоинство, которое Лэс не смел задеть.

— Я теперь хочу отдохнуть,— услышал он слова отца, и ему показалось, что его изо всех сил пнули в живот. Я хочу отдохнуть, хочу отдохнуть, слова долго отдавались эхом в длинных тоннелях мозга, пока Лэс вставал. Теперь я хочу отдохнуть, хочу отдохнуть...

Он понял, что идет к двери, а дойдя до нее, встает и оборачивается к отцу. Прощай. Слово застряло во рту.

И тогда его отец улыбнулся и сказал:

— Спокойной ночи, Лэсли.

— Папа...

Он ощутил на своей руке руку старика, сильнее, чем его, увереннее, эта рука успокаивала, ободряла его. Он ощутил, как отец взял его за плечо.

— Спокойной ночи, сынок.

И в этот миг, когда они стояли рядом, Лэс увидел из-за плеча старика смятый аптечный пакет, брошенный в угол, подальше от чужих глаз.

Потом он в безмолвном ужасе стоял в коридоре, слушая, как защелкивается замок, и понимал, что, хотя отец и не запер дверь, вход в его комнату для Лэса заказан.

Он долго стоял там, глядя на закрытую дверь, и его колотила неукротимая дрожь. Потом он пошел прочь.

Терри дожидалась его внизу лестницы, лицо у нее совершенно побелело. Она задала вопрос одним взглядом, и он спустился к ней.

— Он... не ходил,— вот и все, что сказал Лэс.

У нее из горла вырвался тревожный тоненький вскрик.

— Но...

— Он был в аптеке,— продолжал Лэс.— Я... я видел в углу комнаты пакет. Он кинул его туда, чтобы я не заметил, но я... заметил.

Показалось, что она сейчас кинется вверх по лестнице, но это было всего лишь мгновенное напряжение тела.

— Должно быть, он показал аптекарю письмо с приглашением на тест,— сказал Лэс.— И... аптекарь, наверное, продал ему... таблетки. Так часто поступают.

Они молча стояли в столовой, в окна колотил дождь.

— И что нам делать? — спросила она почти неслышно.

— Ничего,— пробормотал он. Горло его конвульсивно дернулось, он прерывисто вздохнул.— Ничего.

После чего он оцепенело побрел в кухню, чувствуя, как рука жены обнимает его, словно она силилась этим жестом передать ему свою любовь, потому что не могла о ней говорить.

Весь вечер они просидели на кухне. Уложив мальчиков, она вернулась, и они снова сидели на кухне, пили кофе и разговаривали приглушенными, потерянными голосами.

Около полуночи они ушли из кухни и, прежде чем дойти до лестницы, Лэс остановился у стола в столовой и обнаружил на нем часы со сверкающим новеньким стеклом. Он даже не дотронулся до них.

Они поднялись наверх, прошли мимо двери в спальню Тома. Изнутри не доносилось ни звука. Они разделись и легли в постель, Терри завела будильник, как заводила его каждый вечер. Прошло несколько часов, и они сумели заснуть.

И всю ночь в спальне старика стояла тишина. И на следующий день тоже — тишина.

Похороны

Мортон Силклайн сидел в конторе, размышляя над цветочной аранжировкой для погребения Фентона, когда чарующая строчка из «Я пересекаю черту, чтобы слиться с невидимым хором» сообщила о том, что кто-то вошел в «Катафалки Клуни со скидкой».

Заморгав, чтобы прогнать задумчивое выражение из темных глаз, Силклайн умиротворенно переплел пальцы рук и откинулся на траурную кожаную спинку кресла. На губах заиграла приветливая улыбка гробовщика. Тишину коридора нарушил звук шагов, приглушенный толстым ковром, ноги вышагивали с ленцой, и как раз перед тем, как в дверь вошел высокий мужчина, часы на столе прожужжали, сообщив, что сейчас ровно половина восьмого.

Поднявшись так, словно был застигнут в разгар частной беседы с сияющим ангелом смерти, Мортон Силклайн беззвучно обогнул блестящую столешницу и протянул руку с отполированными ногтями.

— О, добрый вечер, сэр,— сладкозвучно проговорил он, его улыбка так и дышала сочувствием и приветливостью, а голос сочился почтительностью.

Рукопожатие визитера оказалось холодным и сокрушительным, однако Силклайн сумел подавить крик, и боль лишь на секунду отразилась в глазах цвета корицы.

— Не хотите ли присесть? — пробормотал он, указывая дрожащей смятой рукой на «кресло для скорбящего».

— Благодарю.— Баритон посетителя был безукоризненно вежлив. Он сел, расстегнув на груди пальто с бархатным воротником и положив фетровую шляпу на стеклянную столешницу.

— Меня зовут Мортон Силклайн,— сообщил Силклайн, возвращаясь к своему креслу и опускаясь на сиденье, словно застенчивая бабочка.

— Аспер,— ответил мужчина.

— Могу ли я сказать, что горд встрече с вами, мистер Аспер? — промурлыкал Силклайн.

— Благодарю,— отозвался посетитель.

— Итак,— произнес Силклайн, переходя к скорбному делу,— что может сделать бюро Клуни, дабы утишить ваше горе?

Человек скрестил ноги в темных брюках.

— Я хотел бы,— сказал он,— договорится о проведении погребального обряда.

Силклайн кивнул, надев улыбку, означавшую: «Я здесь для оказания всяческой поддержки».

— Ну разумеется,— произнес он,— вы пришли по верному адресу, сэр.— Он чуть приподнял глаза.— «Коль из любимых кто вдруг погрузится в вечный сон, доверьтесь Клуни — пусть занавес за ним задернет он».

Он снова опустил глаза, скромно потупившись.

— Это сочинила миссис Клуни,— сообщил он.— Мы часто повторяем эти слова тем, кто приходит к нам за утешением.

— Очень мило,— произнес посетитель.— В высшей степени поэтично. Однако вернемся к деталям: я хочу снять самый большой ваш зал.

— Прекрасно,— отозвался Силклайн, с трудом удерживаясь от того, чтобы не потереть руки.— В таком случае, это будет Зал вечного отдохновения.

Посетитель согласно закивал.

— Отлично. Также я хочу купить у вас самый дорогой гроб.

Силклайн едва удержался от мальчишеской ухмылки. Сердечная мышца неистово сокращалась, но он вынудил себя вернуть на лицо складки горестного сочувствия.

— Уверен,— произнес он,— это вполне осуществимо.

— С золотой обивкой? — уточнил клиент.

— Ну... конечно,— ответил директор Силклайн, и в горле у него громко щелкнуло, когда он сглотнул.— Уверен, что Клуни сможет удовлетворить все ваши потребности в минуту горестной потери. Естественно...— его голос на секунду утратил сочувственные нотки и сделался доверительным,— это повлечет за собой некоторые

дополнительные расходы по сравнению...

— Цена не имеет никакого значения,— отмахнулся клиент.— Я лишь хочу, чтобы все было сделано в самом лучшем виде.

— Так оно и будет, сэр, именно так и будет,— заявил трепещущий Мортон Силклайн.

— Прекрасно,— сказал посетитель.

— Итак,— деловито продолжал Силклайн,— хотите ли вы, чтобы наш мистер Моссмаунд прочитал свою проповедь «Пересекая великий рубеж» или же вы предпочтете провести церемонию по иному обряду?

— Полагаю, второе,— сказал клиент, задумчиво покачивая головой.— Всю церемонию проведет один мой друг.

— Ага,— произнес Силклайн, кивая.— Понимаю.

Подавшись вперед, он вынул из ониксовой подставки золотое перо, затем двумя пальчиками левой руки вытянул бланк договора из коробочки слоновой кости. Посмотрел с выражением человека, уполномоченного задавать Болезненные Вопросы.

— Так как же,— начал он,— имя усопшего, могу ли я спросить?

— Аспер,— сказал человек.

Силклайн поднял глаза, вежливо улыбаясь.

— Родственник? — поинтересовался он.

— Я сам,— сказал клиент.

Смех Силклайна был больше похож на слабый кашель.

— Прошу прощения? — переспросил он.— Мне показалось, вы сказали...

— Я,— повторил клиент.

— Но я не...

— Понимаете ли,— объяснил визитер,— у меня никогда не было приличной погребальной церемонии. Каждый раз все, если так можно выразиться, отпускалось на самотек, сплошная импровизация. Без всякого — как бы это точнее сказать? — смака.— Человек пожал широкими плечами.— И я всегда об этом сожалел. Всегда хотел как-то подготовиться.

Мортон Силклайн неверной рукой воткнул ручку обратно в подставку и вскочил на ноги, пылая от возмущения.

— В самом деле, сэр,— чуть не закричал он.— В самом деле!

Человек с удивлением посмотрел на разгневанного Мортон Силклайна.

— Я...— начал посетитель.

— Я всегда готов посмеяться доброй шутке,— перебил его Силклайн,— но только не в рабочее время. Мне кажется, вы не вполне понимаете, сэр, где сейчас находитесь. Вы у Клуни, в самом уважаемом ритуальном заведении города, это не место для нелепых розыгрышей...

Он попятился назад, широко распахнул глаза и разинул рот, когда одетый в черное человек вдруг оказался рядом с ним, глаза визитера засверкали каким-то невероятным светом.

— Это,— провозгласил он мрачно,— вовсе не шутка.

— Это не...— Больше Силклайн ничего не смог произнести.

— Я пришел сюда,— сказал посетитель,— с самыми серьезными намерениями.— Теперь глаза сверкали как раскаленные докрасна угли.— И я собираюсь добиться, чтобы мои намерения осуществились,— сказал он.— Это вам ясно?

— Я...

— В следующий вторник,— продолжал посетитель,— в полдевятого вечера, мы с друзьями придем сюда на церемонию. К тому времени вы все подготовите. Полная оплата будет произведена сразу же по окончании мероприятия. Вопросы есть?

— Я...

— Едва ли мне стоит указывать вам,— продолжал человек, беря со стола шляпу,— какой значимостью обладает для меня это дело.— Он выдержал долгую паузу, прежде чем позволить своему голосу опуститься до дарующего прощение баса-профундо.— Надеюсь, что все пройдет достойно.

Чуть поклонившись, он развернулся и в два величественных шага преодолел весь кабинет, на миг задержавшись в дверях.

— Да... еще одно условие,— сказал он.— То зеркало в фойе...

снимите его. И, полагаю, не стоит уточнять, что, кроме меня и моих друзей, в вашем заведении не должно быть ни души.

Посетитель взмахнул рукой в серой перчатке.

— А пока что... спокойной ночи.

Когда Мортон Силклайн выбрался в коридор, визитер как раз вылетал в небольшое окно. И Мортон Силклайн совершенно неожиданно для себя понял, что сидит на полу.

Они явились в половине девятого, вошли, переговариваясь, в фойе погребальной конторы Клуни, где их встречал Мортон Силклайн. Его ноги тряслись, под глазами — результат бессонных ночей — залегли круги, которые делали его лицо похожим на маску енота.

— Добрый вечер,— приветствовал его высокорослый клиент, ♦довлетворенным кивком отметив отсутствие в фойе зеркала.

— Добрый...— На этом запас слов Силклайна иссяк.

Его голосовые связки задеревенели, а глаза, затянутые дымкой, метались с одной фигуры этого избранного круга на другую: горбун с перекошенной набок головой, которого, как он услышал, зовут Игорь; карга в трауре, в остроконечной шляпе и с черной кошкой на плече; массивный человек с волосатыми руками, который стискивал желтые зубы и поглядывал на Силклайна более чем многозначительно; маленький человечек с восковым лицом, который облизывал губы и улыбался Силклайну так, словно получал от этого одному ему понятное удовольствие; и еще полдюжины мужчин и женщин в вечерних платьях, все с яркими глазами и алыми губами, и еще — передернулся Силклайн — чрезвычайно зубастые.

Силклайн прилип к стенке (рот приоткрыт, руки слабо шарят по бокам), когда все общество двинулось мимо него в сторону Зала вечного отдохновения.

— Присоединяйтесь к нам,— позвал его высокий человек.

Силклайн рывком оторвался от стены и, спотыкаясь, двинулся на неверных ногах по коридору, глаза его от ужаса округлились, словно блюда.

— Полагаю,— любезно произнес клиент,— все подготовлено как

следует.

— О,— вякнул Силклайн.— О... да, конечно.

— Великолепно,— одобрил клиент.

Когда они оба вошли в зал, все остальные восхищенным полукругом толпились у гроба.

— Чудесный,— бормотал себе под нос горбун.— Чудесный гроб.

— Ну, как тебе такой гроб, как тебе такой гроб, Дельфиния? — захихикала старая карга.

— Муррр,— отозвалась с плеча Дельфиния.

Все остальные кивали, обменивались счастливыми улыбками и восклицали: «Ах!»

Затем одна из женщин в вечернем платье произнесла:

— Пусть Людвиг посмотрит,— и полукруг распался, пропуская Аспера.

Он пробежался длинными пальцами по золотой отделке на боках и крышке, удовлетворенно покивал.

— Великолепно,— пробормотал он, и голос его звучал хрипло от волнения.— Просто великолепно. Ровно то, о чем я всегда мечтал.

— Ты выбрал лучшее, мальчик,— произнес высокий седовласый человек.

— Ну давай, примерь! — потребовала хихикающая старая карга.

По-мальчишески улыбаясь, Людвиг забрался в гроб и улегся на место.

— В самый раз,— сообщил он довольным голосом.

— Хозяин прекрасно выглядит,— забормотал Игорь, кивая скошенной набок головой.— Прекрасно выглядит в ящике.

Затем человек с волосатыми руками потребовал, чтобы начинали, потому что у него в четверть десятого назначена встреча, и все спешно расселись по стульям.

— Иди сюда, голубчик,— сказала карга, маня скрюченной клешней окаменевшего Силклайна.— Садись со мной рядом. Люблю хороших мальчиков, верно, Дельфиния?

— Муррр,— сказала Дельфиния.

— Перестань, Дженни,— обратился к ней Людвиг Аспер, на мгновение приоткрыв глаз.— Будь серьезнее. Ты же знаешь, что это значит для меня.

Карга пожала плечами.

— Хорошо, хорошо,— забормотала она, после чего стянула с головы остроконечную шляпу и взбила буйные кудри, пока Силклайн, словно зомби, опускался на стул рядом с ней, его при этом поддержал под руку маленький человечек с восковым личиком.

— Привет, очаровашка,— шепнула Силклайну карга, наклонившись и толкнув его под ребра острым локтем.

После чего поднялся высокий седой джентльмен, по виду выходец с Карпат, и служба началась.

— Дорогие друзья,— произнес джентльмен,— сегодня мы собрались в этих украшенных гирляндами стенах, чтобы отдать дань уважения нашему товарищу, Людвигу Асперу, вырванному из нынешнего существования горестной и непреклонной судьбой и на века помещенному в сей мрачный саркофаг.

— Гип-гип-ура! — пробурчал кто-то.

— Лебединая песнь,— прокомментировал кто-то еще.

Игорь плакал, а человечек с восковым лицом, сидевший по другую сторону от Мортон Силклайна, наклонился к нему, чтобы пробормотать:

— Смачно,— однако Силклайн не был уверен, что это относится к самой церемонии.

— И вот,— продолжал господин с Карпат,— мы, горько скорбя, собрались у погребальных дрог нашего собрата, вокруг этого помоста горести, возле этой раки, у этого дольмена...^[28]

— Непонятно, непонятно,— возмутилась Дженни, раздраженно топая ногой в остроконечной туфле.

— Муррр,— сказала Дельфиния, и карга подмигнула налитым кровью глазом Силклайну.

Силклайн шарахнулся вбок, только чтобы наткнуться на маленького человечка, который уставился на него глазками-

бусинками и снова пробормотал:

— Смачно.

Седовласый джентльмен выдержал долгую паузу, устремив на каргу свой величественный нос. После чего продолжил:

— ...этой мастабы, этой скорбной ступы, этого гхата, близ этой дахмы...^[29]

— Что он говорит? — спросил Игорь, прервав рыдание на середине.— Что, что?

— Это тебе не состязание в риторике, парень,— заявила карга.— Говори ясней.

Людвиг снова поднял голову, на его лице отражалось смущение.

— Дженни...— произнес он.— Прошу тебя.

— А-а-а... жабий зуб! — сердито огрызнулась карга, и Дельфиния зашипела.

— Requiescas in pace^[30], дорогой брат,— продолжал граф раздраженно.— Память о тебе не иссякнет с твоей безвременной кончиной. Ты, наш дражайший друг, не выбыл из игры, ты просто перешел играть на другое поле.

При этих словах человек с волосатыми руками поднялся и выскочил из комнаты, утробно проворчав на ходу:

— Опаздываю.

И Силклайн ощутил, как леденеет, потому что услышал вдруг топот когтистых лап по ковру в коридоре и вой, эхом отдавшийся от стен.

— Улыгат говорил, что приглашен на обед,— пояснил сбоку маленький человечек, сверкая глазками и улыбаясь. Стул под Силклайном крикнул, когда он передернулся.

Седовласый джентльмен стоял, прямой и молчаливый, закрыв красные глаза, рот превратился в узкую щель, демонстрируя уязвленную аристократическую гордость.

— Граф,— взмолился Людвиг,— прошу вас.

— Сколько я могу терпеть эти вульгарные выходки,— спросил граф.— Эти...

— Ну началось, ля-ля-ля,— проворковала Дженни своей кошке.

— Молчи, женщина! — взревел граф, и на мгновение его голова исчезла, окутанная белым клубящимся туманом, затем появилась снова, когда он немного овладел собой.

Людвиг сел в гробу, лицо его исказилось от возмущения.

— Дженни,— заявил он,— по-моему, тебе лучше уйти.

— Нет, ты думаешь, что можешь вот так запросто вышвырнуть отсюда старую Дженни из Бостона? — возмутилась карга.— Подумай лучше, чем это чревато!

И дрожащий Силклайн увидел, как карга нахлобучила свою остроконечную шляпу и, щелкнув пальцами, метнула небольшую молнию. Выгнувшись дугой Дельфиния оцетинила все свои черные шерстинки, когда граф выдвинулся вперед, вскинув руку, хлопнул каргу по плечу, а затем застыл посреди шага, заключенный в круг жаркого пламени.

— Ха-ха! — проскрежетала Дженни.

— Мой ковер! — проямлил ошалевший от ужаса Силклайн.

— Джен-ни! — закричал Людвиг, выбираясь из гроба. Карга махнула рукой, и все цветы в комнате начали взрываться, словно попкорн.

— Не-ет,— застонал Силклайн, когда занавески вспыхнули и рассыпались в пепел.

Стулья полетели по воздуху. Граф обратился в столб белого пара и кинулся на Дженни, которая, в свою очередь, взмахнула руками и исчезла в оранжевой вспышке вместе с кошкой и всем прочим. А в зале становилось все более шумно от криков и крушащих ребра ударов.

И Мортон Силклайн с вытаращенными глазами уже валился вперед, когда человечек с восковым личиком склонился над ним, зубасто ухмыляясь, стиснул онемевшую руку директора и пробормотал:

— Смачно.

После чего Силклайн распростерся на ковре.

Мортон Силклайн упал в траурное кожаное кресло. Он все еще

немного дрожал, хотя прошла уже целая неделя с того жуткого вечера. На столе лежала записка, которую Людвиг Аспер прищипил к его бесчувственной груди. В ней говорилось:

Сэр!

Примите, в дополнение к этому мешочку золотых (которые, как мне думается, покроют все ваши расходы), мои сожаления по поводу недостойного поведения некоторых гостей на церемонии моего погребения. Если не считать этого, все было в высшей степени удовлетворительно.

Силклайн отложил в сторону записку и любовно прикоснулся к горке сверкающих золотых монет на столе. На законные вопросы, откуда взялись монеты, он отвечал, что один его партнер в Мехико (ну, назовем его племянником гримера из «Катакомб Карилло со скидкой») очень удачно вложил его средства в тамошнее золото. В общем и целом, все это дело обернулось совсем не так плохо...

Мортон Силклайн поднял голову, когда кто-то вошел в контору.

Ему захотелось с криком отскочить и слиться с цветочным узором на обоях, но он лишь продолжал сидеть словно каменный. В очередной за последнее время раз открыв рот, он таращился на нечто громадное, капающее охрой, бесформенное и со щупальцами, оно все колыхалось и извивалось.

— Один мой друг,— вежливо произнесло нечто,— горячо рекомендовал вас.

Силклайн долго сидел, таращась на него, но затем его дрожащая ладонь случайно коснулась золотых монет. И он обрел силы.

— Вы пришли,— сказал он, дыша через рот,— как раз по верному адресу... хм... сэр. Услуги...— он с усилием сглотнул и взял себя в руки,— на любой вкус.

Силклайн потянулся за ручкой, отгоняя в сторону желто-зеленый дым, который начал затягивать кабинет.

— Как имя усопшего? — спросил он деловым тоном.

Рожденный от мужчины и женщины

Сегодня мама назвала меня чудовищем. Ты чудовище, она сказала. Я видел в ее глазах гнев. Хотел бы я знать, что такое чудовище.

Сегодня сверху падала вода. Она везде падала, я видел. Я видел землю в окошке. Земля пила воду, как рот, если очень хочет пить. Потом она выпила много воды и вернула назад грязную. Мне не понравилось.

Мама красивая, я знаю. Здесь, где я сплю со стенами, вокруг от которых холодно, у меня есть бумага. Она была, чтобы ее съел огонь, когда он закрыт в печке. Сверху написано: фильмы и звезды. Там есть картинки, на них другие мамы. Папа говорит, они красивые. Он один раз говорил.

Он говорит маме тоже. Она такая красивая, я тоже прилично выгляжу. Ты посмотри на себя, он сказал. Лицо его было некрасивое, будто он хочет побить. Я поймал его руку и сказал, замолчи, папа. Он выдернул руку, потом отошел далеко, где я не мог дотронуться.

Сегодня мама немного отвязала меня, я мог подойти к окошку посмотреть. Так я увидел, земля пьет воду, которая падает сверху.

Сегодня наверху было желтое. Я знаю, я смотрю, моим глазам больно. Когда я на него смотрел в подвале, стало красное.

Я подумал, это церковь. Они туда ходят, те, наверху. Они дают проглотить себя большой машине, она катится и уезжает. Сзади есть маленькая мама. Она меньше меня. Я очень большой. Я сделал, цепь вышла из стены, это секрет. Я могу смотреть в окошко, как хочу.

Сегодня, когда сверху больше нет желтого, я съел свою еду и еще ел тараканов. Я слышал, наверху смеются. Я хотел знать, почему смеются. Я сделал, цепь вышла из стены, я обернул ее вокруг себя. Я шел тихо, чтобы не шуметь, к лестнице, она идет наверх. Лестница кричит, если я иду. Я поднялся наверх, мои ноги скользили, я иначе не могу ходить по лестнице, мои ноги зацепляются за дерево.

После лестницы я открыл дверь. Это было место совсем белое, такое белое иногда падает сверху. Я вошел и остался, чтобы не было слышно, где я. Я слышал, смеются очень громко. Я пошел, где

смеялись, я открыл немного дверь, потом я посмотрел. Там были люди. Я никогда не вижу людей, это запрещено видеть их. Я хотел быть с ними, хотел тоже смеяться.

Потом мама пошла и толкнула дверь. Дверь ударила меня, мне было больно. Я упал, цепь сделала шум. Я закричал. Мама сделала ртом, будто засвистела внутрь, она положила руку себе на рот. Ее глаза сделались большими.

Потом я услышал, папа зовет. Что упало, он сказал. Мама сказала, ничего, это поднос. Иди помоги собрать, она сказала. Он пришел и сказал, это значит, такое тяжелое, тебе нужно помогать.

Тогда он увидел меня, он стал совсем некрасивый. В его глазах опять был гнев. Он побил меня. Моя жидкость вылилась из одной руки. Она сделала на полу все зеленое. Это грязно.

Папа сказал, вернись в подвал. Я сам туда хотел. Моим глазам больно, когда свет. В подвале им не больно.

Папа привязал меня к кровати. Наверху еще долго был смех. Я лежал тихо-тихо, я смотрел на паука, совсем черного, паук ползал по мне. Я думал, как папа сказал. Обожемой, он сказал. И ему только восемь лет, он сказал.

Сегодня папа снова сделал цепь в стену. Нужно попробовать снова вынуть ее. Папа сказал, я был очень плохой, когда убежал. Никогда больше не делай так, или я тебя побью до крови. После этого мне очень плохо.

Я спал весь день, и потом я положил голову на стену, она делает холодно. Я думал про белое место наверху. Мне было плохо.

Я снова сделал, цепь вышла из стены. Мама была наверху. Я слышал, она смеется очень громко. Я посмотрел в окошко. Я увидел много людей совсем маленьких, как маленькая мама и еще как маленький папа. Они красивые.

Они делали красивые звуки, они бегали везде по земле. Их ноги бегали очень быстро. Они такие, как мама и папа. Мама говорит, все нормальные люди такие.

Потом один маленький папа увидел меня. Он показал на окошко. Я отошел по стене вниз, потом свернулся клубком в темноте. Я не хотел, чтобы меня видели. Я слышал, они говорили возле окошка, я слышал, их ноги бегали там. Наверху стукнула дверь. Я слышал,

маленькая мама звала наверху. Потом я слышал большие шаги, я быстро пошел на свою кровать. Я вернул цепь в стену, потом я лег, как всегда.

Я слышал, мама пришла. Она сказала, ты был у окна. Я слышал ее гнев. Это запрещено ходить к окну, она сказала. Ты опять вытащил цепь из стены.

Она взяла палку и побила меня. Я не плакал. Я не умею так. Но моя жидкость потекла на всю кровать. Мама это увидела и сделала шум своим ртом, и ушла далеко. Она сказала, обожемой, божемой, зачем ты сделал так. Я слышал, палка упала на землю. Мама побежала, потом ушла наверх. Я спал весь день.

Сегодня опять сверху была вода. Мама была наверху, я услышал, маленькая мама спускается по лестнице очень тихо. Я спрятался в ящик с углем, я знал, мама рассердится, когда маленькая мама увидит меня.

У нее с собой был маленький живой зверь. У зверя были острые уши. Маленькая мама говорила с ним. А потом было так, живой зверь меня почувствовал. Он побежал к ящику с углем и посмотрел на меня. У него шерсть стала очень большая. Он сделал гнев своим ртом с острыми зубами. Я засвистел, я хотел, чтобы он ушел, но он прыгнул на меня.

Я не хотел делать плохо. Я испугался, когда он укусил меня сильнее крысы. Я схватил его, маленькая мама закричала. Я сжал живого зверя очень сильно. Он стал делать звуки, я такие звуки никогда не слышал. Потом я отпустил его. Он лежал весь раздавленный, совсем красный на угле.

Я еще прятался, когда мама пришла, она позвала меня. Я боялся палки. Потом мама ушла. Я вылез из ящика, я взял с собой зверя. Я спрятал его в своей постели, потом лег сверху. Я сделал цепь в стену.

Сегодня уже другой день. Папа сделал цепь совсем короткую, я больше не могу вытащить ее из стены. Он меня бил, мне было плохо. Но теперь я вырвал палку из его рук, я потом сделал мой звук. Он побежал далеко, у него лицо стало совсем белое. Он убежал из места, где я сплю, он закрыл дверь на ключ.

Мне не нравится. Весь день вокруг стены, они делают холодно. Цепь вытащить из стены совсем трудно. У меня теперь есть очень плохой гнев для папы и мамы. Я им покажу. Я сделаю опять ту вещь,

как прошлый раз.

Сначала я сделаю мой крик и мой смех. Я буду бегать по стенам. Потом я прицеплюсь к потолку всеми ногами и повисну вниз головой. Я буду смеяться и лить везде зеленое, и они будут очень несчастные, что были такие злые со мной.

А потом, если они еще попробуют меня бить, я им сделаю плохо, как я сделал живому зверю. Я им сделаю очень плохо.

notes

Стихотворение Эдгара По «Ворон» в переводе М. Зенкевича.
(Прим. перев.)

Всегда верен (лат.). (Прим. перев.)

Киприда — прозвище Афродиты. (Прим. ред.)

«Margie» — песня 1920 г., авторы: Б. Дэвис, К. Конрад и Дж. Р. Робинсон. (Прим. ред.)

Deus ex machina — развязка, происходящая благодаря неожиданному вмешательству сторонних сил; буквально: бог из машины. (Прим. ред.)

Библия, изданная и бесплатно распространяемая протестантской организацией «Гидеонс интернэшнл». (Прим. ред.)

Быт. I, 26. (Прим. ред.)

Дахау — концентрационный лагерь в фашистской Германии.
(Прим. ред.)

Горацио Элджер (1834–1899) — американский писатель, автор книг для детей, нищие герои которых благодаря упорству и трудолюбию добиваются для себя осуществления американской мечты. (Прим. ред.)

За и против (лат.). (Прим. ред.)

Вероятно, намек на Майка Хаммера, героя крутых детективов американского писателя Микки Спиллейна (1918–2006): hammer — молот, ахе — топор. К моменту написания рассказа (1956) было выпущено шесть романов и снят один фильм о Хаммере. (Прим. ред.)

«Seagram Company Ltd.» — канадская компания, производящая спиртные напитки. (Прим. ред.)

Бойня в День святого Валентина — столкновение в Чикаго 14 февраля 1929 г. между итальянскими мафиози и немецко-ирландскими гангстерами, погибли семь человек. (Прим. ред.)

Миллард Филлмор (1800–1874) — тринадцатый президент США (1850–1853). (Прим. ред.)

Рудольфо Валентино (1895–1926) — американский киноактер, звезда и секс-символ эпохи немого кино. (Прим. ред.)

Тюрьма на острове в Сан-Франциско; функционировала в данном виде до 1963 г. (Прим. ред.)

Пришел, увидел, победил (лат.). (Прим. перев.)

«Webley-Fosbery» — британский автоматический револьвер, производился в 1901–1915 гг. (Прим. ред.)

И вот (фр.). (Прим. перев.)

«Парижское веселье» (фр.) — балет Жака Оффенбаха (1819–1880). (Прим. перев.)

Зуни — индейское племя, живущее на юго-западе США. (Прим. ред.)

«New York Giants», «Brooklyn Dodgers» — команды по американскому футболу. (Прим. ред.)

Эва Гарднер — американская кинозвезда и секс-символ 1940–50-х. (Прим. ред.)

На данный момент существуют команды «Boston Red Sox» (бейсбол) и «Philadelphia Eagles» (американский футбол). (Прим. ред.)

Барбекю — пикник или прием на открытом воздухе, во время которого собравшихся угощают мясом, жареным на вертеле. (Прим. перев.)

4 июля — национальный праздник Соединенных Штатов Америки. В этот день, в 1776 году, была принята Декларация Независимости.

Национальный американский праздник — первое воскресенье сентября.

Рака — ларец для мощей; дольмен — мегалитическое погребальное сооружение. (Прим. ред.)

Мастаба — тип египетской гробницы; ступа — могильное сооружение у буддистов; гхат — сооружение для кремации у индуистов; дахма — у зороастрийцев сооружение, где оставляют трупы умерших на съедение собакам и птицам. (Прим. ред.)

Покойся с миром (лат.). (Прим. перев.)